

The background of the cover is a stack of several old, thick books. The spines of the books are visible, showing various colors like yellow, green, and brown, suggesting age and wear. A bright red ribbon is draped over the books, acting as a bookmark. The title is written in a large, stylized, yellow-green font with a black outline, positioned at the top of the cover.

Диана Сеттерфилд ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА

За год продано
более двух
миллионов
экземпляров.
Книга переведена
на 39 языков
мира.

А З Б У К А - К Л А С С И К А

Annotation

Впервые на русском – «Тринадцатая сказка» Дианы Сеттерфилд – признанный шедевр современной английской прозы, книга, открывшая для широкой публики жанр «неоготики» и заставившая англо-американских критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дюморье. Дебютный роман скромной учительницы, права на который были куплены за небывалые для начинающего автора деньги (800 тысяч фунтов за британское издание, миллион долларов – за американское), обогнал по продажам бестселлеры последних лет, был моментально переведен на несколько десятков языков и удостоился от рецензентов почетного имени «новой „Джейн Эйр“».

Маргарет Ли работает в букинистической лавке своего отца. Современности она предпочитает Диккенса и сестер Бронте. Тем больше удивление Маргарет, когда она получает от самой знаменитой писательницы наших дней Виды Винтер предложение стать ее биографом. Ведь ничуть не меньше, чем своими книгами, мисс Винтер знаменита тем, что еще не сказала ни одному интервьюеру ни слова правды. И вот перед Маргарет, оказавшейся в стенах мрачного, населенного призраками прошлого особняка, разворачивается в буквальном смысле слова готическая история сестер-близнецов, которая странным образом перекликается с ее личной историей и постепенно подводит к разгадке тайны, сводившей с ума многие поколения читателей, – тайне «Тринадцатой сказки»...

-
- [Диана Сеттерфилд](#)
 - [Завязка](#)
 - [Письмо](#)
 - [ИСТОРИЯ МАРГАРЕТ](#)
 - [ТРИНАДЦАТЬ СКАЗОК](#)
 - [ПРИБЫТИЕ](#)
 - [ЗНАКОМСТВО С МИСС ВИНТЕР](#)
 - [МЫ ПРИСТУПАЕМ...](#)
 - [САДЫ](#)
 - [МЕРРИЛИ И ДЕТСКАЯ КОЛЯСКА](#)
 - [ДОКТОР И МИССИС МОДСЛИ](#)

- [КАБИНЕТ ДИККЕНСА](#)
- [ЕЖЕГОДНИКИ](#)
- [АРХИВЫ «БАНБЕРИ ГЕРАЛЬД»](#)
- [РУИНЫ](#)
- [ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ВЕЛИКАН](#)
- [МОГИЛЫ](#)
- [Развитие сюжета](#)
 - [ПОЯВЛЯЕТСЯ ЭСТЕР](#)
 - [КОРОБКА ЖИЗНЕЙ](#)
 - [ЗА САМШИТОВЫМ КУСТОМ](#)
 - [ПЯТЬ НОТ](#)
 - [ЭКСПЕРИМЕНТ](#)
 - [ВЫ ВЕРИТЕ В ПРИВИДЕНИЯ?](#)
 - [ПОСЛЕ ЭСТЕР](#)
 - [ОН ИСЧЕЗ!](#)
 - [ПОСЛЕ ЧАРЛИ](#)
 - [СНОВА АНДЖЕЛФИЛД](#)
 - [КАК МИССИС ЛАВ РАСПУСКАЛА ВЯЗАНИЕ](#)
 - [НАСЛЕДСТВО](#)
 - [«ДЖЕН ЭЙР» И ПЛАМЯ ПЕЧИ](#)
 - [КРУШЕНИЕ](#)
 - [СЕРЕБРЯНЫЙ САД](#)
 - [ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ](#)
 - [СТРЕМЯНКА](#)
 - [ВЕЧНЫЕ СУМЕРКИ](#)
 - [ОКАМЕНЕВШИЕ СЛЕЗЫ](#)
 - [ПОДВОДНАЯ КРИПТОГРАФИЯ](#)
 - [ВОЛОСЫ](#)
 - [ДОЖДЬ И ТОРТ](#)
 - [ВОССОЕДИНЕНИЕ](#)
 - [У КАЖДОГО СВОЯ ИСТОРИЯ](#)
 - [ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ](#)
 - [СЕСТРЫ](#)
 - [ДНЕВНИК И ПОЕЗД](#)
 - [РАЗРУШАЯ ПРОШЛОЕ](#)
 - [ДНЕВНИК ЭСТЕР \(часть вторая\)](#)
- [Финал](#)
 - [ПРИЗРАК В ИСТОРИИ](#)
 - [ОСТАНКИ](#)

- [МЛАДЕНЕЦ](#)
 - [ПОЖАР](#)
 - [Завязка](#)
 - [СНЕГ](#)
 - [ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ](#)
 - [ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА](#)
 - [ПОСТСКРИПТУМ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-
-

Диана Сеттерфилд

Тринадцатая сказка

*Посвящается Айви Доре и Фреду Гарольду
Моррисам Корине Этель и Амбросу Чарльзу
Сеттерфилдам*

*С благодарностью Джо Энсону, Гайе Бэнкс,
Мартину Бедфорду, Эмили Бестлер, Пауле Кэтли, Россу
и Колину Кэтли, Джиму Крейсу, Пенни Долан, Марианне
Дауни, Мэнди Франклин, Анне и Натану Франклинам,
Вивьен Грин, Дугласу Герру, Дженни Джейкобе,
Каролине ле Марешаль, Полине и Джеффри
Сеттерфилдам, Кристине Шинглер, Дженет и Биллу
Уиттеллам, Джону Уилксу и Джейн Вуд.*

*Особо хочется поблагодарить Оуэна Стейли за его
дружескую поддержку с самого начала работы над
этой книгой, а также Питера Уиттелла, которому
«Тринадцатая сказка» обязана своим названием и
многим другим.*

*Все дети мифологизируют свое появление на свет.
Так уж мы устроены. Хотите лучше понять человека,
увидеть его истинную сущность? Попросите его
рассказать о собственном рождении. То, что вы
услышите в ответ, не будет правдой; это будет
фантастическая история. Но именно из таких историй
мы узнаем самое главное.*

Вида Винтер. Сказки о переменах и потерях

Завязка

Письмо

Был ноябрь. День только начал клониться к вечеру, но, когда я добралась до поворота в переулок, в небе уже сгущалась тьма. Отец закончил с сегодняшними делами, опустил жалюзи и погасил свет в магазине, но – зная, что я появлюсь поздно, – оставил гореть лампочку в прихожей. Из смотрового окошка в двери свет падал на мокрый асфальт белесым прямоугольным пятном альбомного формата. Наступив на это пятно, я вставила ключ в замочную скважину и в тот же миг увидела сквозь стекло еще один белый прямоугольник – письмо, лежавшее на пятой снизу ступеньке лестницы, где я не могла бы миновать его, не заметив.

Войдя, я заперла дверь и, как обычно, поместила ключ на книжную полку за томом Бейли «Геометрия для знатоков». Бедняга Бейли. За тридцать лет ни один знаток не соблазнился его толстым трудом в переплете мышинового цвета. Порой я задумываюсь о том, как он должен чувствовать себя в роли хранителя ключей от лавки букиниста. Вряд ли ему мыслилась такая судьба шедевра, созданию которого он посвятил два десятилетия своей жизни.

Письмо. Адресовано мне. Это уже нечто из ряда вон. Плотный конверт с несмятыми углами и объемистым на ощупь содержимым был надписан почерком, который наверняка доставил пару неприятных минут разбиравшему адрес почтальону.

Хотя графика была старомодной, с вычурными заглавными буквами и завитушками, я в первую минуту подумала, что это писал ребенок. Слова казались старательно выведенными неумелой рукой, нажим был неравномерен – местами линия почти исчезала, а местами перо глубоко вдавилось в бумагу. Все буквы моего имени были написаны отдельно – МАРГАРЕТ ЛИ, – что указывало на затруднение, с которым автор одолевал непривычные для него слова. Однако у меня не было знакомых детей, и посему я пришла к мысли об отправителе-инвалиде.

Ощущение, возникшее в этой связи, было не из приятных. Выходило так, что вчера или, может, позавчера, когда я спокойно занималась обыденными делами, неизвестный мне человек – некто – прилагал известные усилия к тому, чтобы пометить этот конверт моим именем. Кем мог быть этот некто, думавший обо мне в тот момент, когда я даже не подозревала о его существовании?

Не снимая пальто и шляпки, я уселась прямо на лестнице, чтобы

прочитать письмо. (Я никогда не приступаю к чтению, не заняв перед тем надежную позицию. Эту привычку я завела с семилетнего возраста, после того как однажды, сидя на каменной ограде и читая «Детей вод»^[1], слишком увлеклась картинами подводного мира и бессознательно расслабила мышцы, но вместо свободного парения в текучей стихии, которое так живо мне представлялось, совершила свободное падение вниз головой и получила нокаут от удара о землю. В память об этом у меня на лбу остался шрам, обычно прикрываемый челкой. Чтение – дело небезопасное.)

Я вскрыла конверт и извлекла оттуда с полдюжины листков, испещренных все тем же крупным неуклюжим почерком. К счастью, по роду своих занятий я имею большой опыт чтения неразборчивых рукописей. Это не так сложно, как может показаться; нужны лишь терпение и практика. Главное тут – правильно использовать свое внутреннее зрение. Расшифровывая рукописи, пострадавшие от влаги, огня, солнечного света или же просто состаренные временем, следует уделять внимание не только собственно тексту, но и сопутствующим деталям: скорости движения пера и его нажиму, заминкам на том или ином слове, долгим паузам между фразами и т. п. Прежде всего вы должны расслабиться и ни о чем не думать, пока вас не застигнет подобие сна наяву, в котором вы почувствуете себя бегущим по пергаменту пером и одновременно этим самым пергаментом, на чьей поверхности один за другим возникают свежие чернильные знаки. После этого можно приступать к чтению. Ощущая и понимая автора, его мысли, тревоги и желания, вы прочтете текст с такой легкостью, как если бы сами со свечкой в руке заглядывали через плечо пишущему.

При правильном подходе к делу расшифровка данного послания не представляла особых трудностей. Оно начиналось отрывистым обращением «Мисс Ли». Далее каракули и завитушки стали быстро складываться в буквы, а те – в слова и фразы. Вот что я прочла:

Когда-то давно я дала интервью для «Банбери геральд». В ближайшие дни собираюсь отыскать его в своем архиве. Странного типа они мне прислали в тот раз. Мальчишка. Ростом со взрослого мужчину, но нежный и пухлый, как младенец. Он явно чувствовал себя неловко в мешковатом коричневом костюме, более уместном на человеке гораздо старше его. Покрой, воротник, материя – все не годилось. Это был костюм из разряда вещей на вырост, какие мать покупает сыну, по окончании школы

вступающему во взрослую жизнь. Однако мальчишки не перестают быть мальчишками, едва избавившись от школьной формы.

Держался он очень напряженно. Я сразу это отметила, подумав: «Что ему от меня нужно?»

Я ничего не имею против правдолюбцев, хотя собеседники из них хуже некуда, особенно когда они пускаются в столь милые их сердцу рассуждения об истине и лжи. Мне претит подобная болтовня, но если эти люди оставляют меня в покое, я их тоже не трогаю.

По-настоящему меня раздражают не правдолюбцы, а правда как таковая. Почему иные с ней так носятся? Разве кто-нибудь находил в ней поддержку и утешение, какие дарует нам вымысел? Поможет ли вам правда в полночный час, в темноте, когда ветер голодным зверем завывает в дымоходе, молнии играют тенями на стенах вашей спальни, а длинные ногти дождя выбивают дробь на оконном стекле? Нет. Когда холод и страх делают из вас застывшую в постели мумию, не надейтесь, что лишенная крови и плоти правда поспешит к вам на помощь. Что вам нужно в такой момент, так это утешительный вымысел. Милая, славная, старая добрая ложь.

Некоторые писатели не любят давать интервью. «Вечно одни и те же вопросы», – жалуются они. А что они, собственно, ожидают услышать? Репортеры – это наемные работяги, у которых дело поставлено на поток, тогда как писатель производит штучный продукт. Но если они задают нам одни и те же вопросы, это еще не значит, что мы обязаны повторяться с ответами. Я говорю о вымысле – в конце концов, это и есть наш хлеб насущный. В год я даю десятки интервью, а за всю жизнь их у меня набралось несколько сотен. Я считаю, что талант не должен отгораживаться от мира, загоняя себя в тепличные условия. Во всяком случае, мой талант не настолько нежная вещь, чтобы вянуть и съезживаться от прикосновения грязных пальцев бульварных писак.

В прежние времена меня не раз пытались поймать в ловушку. Раскопавшие малую толику правды журналисты являлись ко мне с намерением выложить этот козырь в удобный момент и, застав меня врасплох, узнать еще что-нибудь из той же серии. Приходилось все время быть начеку, чтобы сбивать их со

следа. Обычно я пускала в ход свежую приманку и осторожно уводила их в сторону от изначальной цели – вожделенной правды – к очередной придуманной истории. В их глазах понемногу разгорался азартный огонь, и, увлеченные вымыслом, они ослабляли хватку, позволяя настоящей добыче, той самой толике правды, выскользнуть из жадных репортерских рук и благополучно кануть в небытие. Этот прием срабатывал безотказно. Хорошая сказка всегда берет верх над жалкими огрызками правды.

Позднее, когда я стала по-настоящему знаменитой, «интервью с Видой Винтер» превратилось для журналистов в своего рода обряд посвящения. Они уже примерно знали, чего следует ожидать, и были бы разочарованы, уйдя от меня без новой истории. Начиная интервью с пробежки по стандартным вопросам (Откуда вы черпаете вдохновение? Ваши персонажи основаны на реальных людях? Что есть в главной героине от вас самой?), они вполне удовлетворялись краткими ответами – чем короче, тем лучше (Из собственной головы. Нет. Ничего.) и переходили к тому, ради чего они здесь появились. На их лицах возникало мечтательное, предвкушающее выражение, как у маленьких детей в ожидании сказки на сон грядущий. «Расскажите что-нибудь о себе, мисс Винтер», – просили они.

И я рассказывала. Короткие незамысловатые истории, не бог весть что. Две-три переплетенных сюжетных линии, тут запоминающийся лейтмотивчик, там несколько броских деталей. Всякая всячина из моей мусорной корзины, где подобного добра в избытке. Забракованные фрагменты, романов и новелл, отвергнутые сюжетные ходы, мертворожденные персонажи, образные описания, которым не нашлось места в книгах, и прочая шелуха, отсеянная при редактировании. Достаточно взять несколько таких лоскутов, наскоро их сшить, подровнять края – и готово. Еще одна свеженькая биография.

Они уходили счастливыми и довольными, сжимая в руках свои блокноты, как детишки сжимают кулек со сладостями по завершении праздничного вечера. Потом они будут рассказывать своим внукам: «Однажды я встречался с самой Видой Винтер, и она поведала мне удивительную историю...»

Но вернемся к мальчишке из «Банбери геральд». Он с ходу попросил: «Мисс Винтер, скажите мне правду». Каково? Я

вынуждала людей идти на самые невероятные ухищрения в надежде вытянуть из меня хоть одно слово правды (таких ловкачей я чувствую за милую душу), но тут... Это было просто смешно. На что он рассчитывал?

Кстати, хороший вопрос. На что он мог рассчитывать? Испытующий, напряженно-внимательный взгляд. Ему было нужно нечто особенное, и я это поняла. Глаза его лихорадочно блестели, на лбу выступили капельки пота. Возможно, он был болен. «Скажите мне правду», – попросил он.

У меня возникло странное чувство: как будто возвращается к жизни давнее прошлое. Где-то в глубине водоворотом закружились воспоминания, создавая приливную волну, которая прокатилась вверх по жилам и обернулась холодной зыбью, стучащей в мои виски. Жутковатое ощущение. «Скажите мне правду».

Я обдумала его просьбу. Я рассмотрела ее с разных сторон и взвесила возможные последствия. Он выбил меня из колеи, этот мальчишка с бледным лицом и горящими глазами.

«Хорошо», – сказала я.

Он покинул меня спустя час. Рассеянно промычал слова прощания и, уходя, ни разу не оглянулся.

Я не сказала ему правду. Как можно? Я угостила его очередной историей. Тощей, жалкой, малокровной сказкой без ярких деталей и изящных поворотов: выцветшие лоскуты, сметанные на живую нитку, с бахромой по неровным краям. Одной из тех историй, что так похожи на реальную жизнь. Точнее, на то, что представляется людям реальной жизнью, а это совсем не одно и то же.

Человеку моего склада, наделенному живой фантазией, нелегко сочинять истории вроде этой.

Я следила за ним из окна. Он удалялся шаркающей походкой, ссутулившись и опустив голову; казалось, каждый шаг давался ему с трудом. Вся его энергия и живость, весь изначальный порыв сошли на нет. Я убила в нем это. Впрочем, я не намерена брать на себя всю вину. Он должен был знать, с кем имеет дело, и не принимать рассказанное на веру.

Больше я его никогда не видела.

То самое чувство – глубинное волнение, зыбью восходящее к вискам, – оставалось со мной еще долгое время. Оно то затихало,

то вновь усиливалось при одном лишь воспоминании о словах мальчишки-репортера. «Скажите мне правду». – «Нет», – повторяла я снова и снова. Нет. Однако чувство не исчезало. Оно не давало мне покоя. Более того, оно стало для меня реальной угрозой. И тогда я пошла на сделку. «Не сейчас». Оно насторожилось, поколебалось, но в конце концов утихло. Утихло настолько, что я через какое-то время напрочь о нем забыла.

Как давно это было? Тридцать лет назад? Сорок? Может, и больше. Время проходит быстрее, чем мы успеваем это заметить.

А на днях мне вдруг вспомнился тот мальчишка. «Скажите мне правду». Затем возвратилось и странное чувство. Нечто растет внутри меня, стремительно делясь и множась. Я чувствую его физически – где-то в районе желудка, твердое и круглое, размером с грейпфрут. Оно высасывает воздух из моих легких и разъедает мой костный мозг. Долгое пребывание в спячке сильно его изменило. Теперь я имею дело с агрессивным существом, не поддающимся убеждению, не склонным к переговорам и дискуссиям, упрямо настаивающим на своем праве. Оно не признает слова «нет». «Скажи правду», – требует оно вслед за мальчишкой, глядя в его удаляющуюся спину. Потом оно оборачивается ко мне и железной хваткой сдавливает, скручивает мои внутренности. «Не забывай, мы заключили сделку».

Это время настало.

Жду вас в понедельник. Я вышлю за вами машину к поезду, прибывающему в Харрогейт в половине пятого.

Вида Винтер

Сколько времени просидела я на ступеньках после того, как дочитала письмо? Не имею понятия. Я как будто подпала под чары. Магия слов, без сомнения, существует. А если ими манипулирует человек умелый и знающий, эти слова запросто могут взять вас в плен. Они опутают вас, как шелковистая паутина, а когда вы превратитесь в беспомощный кокон, пронзят вам кожу, проникнут в кровь, овладеют вашими мыслями. Их магическое действие продолжится уже внутри вас. Когда я наконец пришла в себя, мне оставалось только догадываться о процессах, минутами ранее происходивших в темных глубинах моего сознания. Так что же сотворило со мной это письмо?

О Виде Винтер мне было известно очень немного, если отбросить все громкие титулы, которыми, не скупясь, награждала ее пресса: любимый

автор английских читателей, современный Диккенс, величайший живой классик и так далее в том же духе. Я, конечно, знала о ее мировой популярности, и все же статистические выкладки, когда я до них добралась, произвели на меня ошеломляющее впечатление. За пятьдесят шесть лет она выпустила пятьдесят шесть книг, которые были переведены на сорок девять языков; сводные отчеты английских публичных библиотек двадцать семь раз называли мисс Винтер самым читаемым автором года; по ее романам было снято девятнадцать художественных фильмов. В этой связи оживленно дискутировался вопрос: превзошла ли она Библию по общему количеству проданных экземпляров или пока еще не превзошла? Трудность заключалась даже не столько в определении совокупных тиражей мисс Винтер (постоянно меняющиеся многомиллионные числа), сколько в получении надежных данных по Библии: при всем возможном пиетете к Слову Божьему, статистика его продаж не заслуживала никакого доверия. В этом списке меня особо заинтересовало одно число, а именно двадцать два – столько раз предпринимались попытки написать полноценную биографическую книгу о мисс Винтер, но все усилия правдоискателей разбивались о недостаток информации, категорическое нежелание писательницы сотрудничать с биографами, а то и угрозы судебных преследований с ее стороны. Обо всем этом я узнала впервые. В сущности, единственным статистическим показателем, известным мне априори, было число книг Виды Винтер, прочитанных лично мною, Маргарет Ли. Число это равнялось нулю.

Я вздрогнула, зевнула и потянулась, по-прежнему сидя на лестничной ступеньке. Возвращаясь к реальности, я обнаружила, что за период забытья мои мысли перестроились на новый лад – из груды бессвязных обрывков и обломков, каковую представляли собой мои воспоминания, на передний план неожиданно выдвинулись два эпизода.

Первой шла сценка с участием моего отца. Действие происходит у нас в магазине. Мы распаковываем коробку с книгами, приобретенными на распродаже частной библиотеки, и среди прочего находим в ней несколько романов Виды Винтер. Однако наше заведение не торгует современной литературой. «После обеда отнесу их в благотворительное общество», – говорю я и откладываю книги на край прилавка. Но еще до обеденного перерыва три книги из четырех покидают магазин. Проданы. Одна священнику, вторая картографу, а третья специалисту по военной истории. Лица наших клиентов – бледно-отрешенные, с мерцающим внутри огоньком, лица завязтых библиофилов – внезапно оживляются при виде ярких обложек бестселлеров Виды Винтер. Во второй половине дня мы

завершаем разбор книг, вносим их в каталог и расставляем на полках, а потом за отсутствием посетителей предаемся обычному в таких случаях занятию: садимся и читаем. Поздняя осень, льет дождь, окна запотели. В глубине помещения тихо шипит газовый обогреватель; мы слышим звук, его не слушая, мы рядом и в то же время далеко друг от друга, погруженные каждый в свою книгу.

«Заварить чай?» – спрашиваю я наконец, отрываясь от чтения.

Нет ответа.

Тем не менее я завариваю чай и ставлю чашку на его стол.

Проходит час. Его нетронутый чай давно остыл. Я завариваю новый и приношу отцу дымящуюся чашку. Он никак не реагирует на мои действия.

Тогда я осторожно приподнимаю книгу, в которую он уставился, чтобы взглянуть на обложку. Это четвертый, и последний оставшийся у нас роман Виды Винтер. Я возвращаю книгу в прежнее положение и заглядываю ему в лицо. Он меня не слышит. Он меня не видит. Он сейчас в другом мире, и я для него не более чем бесплотная тень.

Таким был первый эпизод.

Второй представлял собой зрительный образ. Женское лицо с поворотом в три четверти, словно вырезанное из массивных пластов света и тени, нависает над толпой маленьких и ничтожных в сравнении с ним людишек. Это всего лишь многократно увеличенный фотопортрет на рекламном щите над платформой вокзала, но мой внутренний взор угадывает в этом образе бесстрастное величие давно забытых цариц и языческих богинь, воплощенное в камне мастерами какой-то древней цивилизации. Созерцая гордый изгиб бровей, плавно очерченные высокие скулы, безупречные линии и пропорции носа, невольно удивляешься тому, что случайные вариации человеческой породы способны произвести на свет такое сверхъестественное совершенство. Если подобный череп будет найден археологами далекого будущего, они могут расценить его как артефакт, созданный не тупым резцом матери-природы, а искусной рукой неведомого гениального художника. Кожа ее лица излучает мягкий алебастровый свет; она кажется еще белее по контрасту с изящными завитками медно-красных волос, причудливо ниспадающих на виски и на крепкую стройную шею.

Поразительную эту красоту, как будто одной ее мало, эффектно дополняют глаза. Вероятно, подсвеченные стараниями фотографа до нечеловечески зеленого блеска – зелени церковных витражей, леденцов или изумрудов, – они смотрят поверх толпы отрешенным, абсолютно ничего не выражающим взглядом.

Не знаю, какие чувства вызывала эта картина у других людей, находившихся на вокзале; многие из них читали книги мисс Винтер, и это наверняка сказалось на их восприятии. Что касается меня, то я невольно вспомнила выражение «глаза – это врата души» и, вглядываясь в зеленые, холодные, невидящие глаза на портрете, подумала, что у изображенной здесь женщины никакой души быть не может.

Вот и вся информация о Виде Винтер, которой я располагала ко времени получения письма. Не слишком много. Впрочем, если подумать, вряд ли другие люди знали о ней больше. Ибо, хотя ее имя, ее лицо и ее книги были известны всем, по-настоящему Виду Винтер не знал никто. Знаменитая своими тайнами не менее, чем своим творчеством, она представляла собой идеальную загадку.

И вот теперь, если верить письму, Вида Винтер решила наконец поведать правду о себе. Одна эта новость уже могла стать сенсацией, но еще более удивительным являлся тот факт, что поделиться своими откровениями мисс Винтер захотела со мной.

ИСТОРИЯ МАРГАРЕТ

Поднявшись наконец со ступеньки, я шагнула в темноту магазина. Мне не требовалось включать свет, чтобы сориентироваться, – все здесь было знакомо мне с детства. Запах переплетной кожи и старой бумаги действовал на меня успокаивающе. Я пробежала пальцами по корешкам книг, как пианист по клавишам. У каждой книги была своя, отличная от других нота: шершавый, обтянутый холстом корешок «Истории картографии» Дэниелса; растрескавшаяся кожа отчетов Лакунина о заседаниях Санкт-Петербургской картографической академии (с приложением карт, от руки нарисованных и раскрашенных автором). Завяжите мне глаза и поместите куда угодно на любом из трех этажей магазина, и я смогу на ощупь, по книгам на полках, точно определить свое местоположение.

В нашем «Букинистическом магазине Ли» посетителей бывает немного, обычно не более десятка в день. Некоторое оживление наблюдается лишь в сентябре, когда студенты приобретают книги по программе наступающего учебного года, да еще в мае, когда те же студенты после экзаменов сбывают нам ставшую ненужной литературу. Мой отец именует это «сезонной миграцией книг». А в «межсезонье» нередки дни вообще без единого посетителя. Летом к нам иногда заглядывают любопытные туристы. Такой гость, сошедший с проторенной туристской тропы, обычно ограничивается минутным пребыванием у порога, пока его глаза привыкают к магазинному полумраку после залитой солнцем улицы. Если же к тому времени он успел пресытиться мороженым и речными видами, царящие здесь тишина и относительная прохлада могут расположить его к продлению визита на несколько лишних минут. Более солидный контингент посетителей образуют люди, которые что-то слышали об этом магазине от приятелей своих знакомых и, очутившись вблизи Кембриджа, не поленились сделать крюк специально ради нас. Эти клиенты проявляют неподдельный интерес к содержимому книжных шкафов и не забывают извиниться за причиненное нам беспокойство. Как правило, это очень милые люди – тихие и благожелательные, под стать интересующим их печатным изданиям. Но большую часть дня в помещениях магазина нет никого, кроме нас: отца, меня и книг.

«Как же они сводят концы с концами при столь вялой торговле?» – можете подумать вы. Дело в том, что эта торговля является для нас лишь побочным бизнесом. Настоящие дела ведутся вне этих стен, и наш

семейный бюджет формируется за счет всего пяти-шести удачных сделок в год. Здесь играют роль личные связи: отец знает всех крупнейших коллекционеров книг и все лучшие частные библиотеки мира. Если бы вы находились рядом с ним во время аукционов или книжных ярмарок, которые он посещает регулярно, вы бы заметили, что к нему то и дело подходят очень спокойные люди в одежде спокойных тонов и просят уделить им несколько минут для беседы в спокойной обстановке. В глазах этих людей ни тени спокойствия. «Вы случайно не в курсе...» – таково обычное начало их разговора. Далее упоминается книга. Отец отвечает неопределенно, не дает обещаний и не обнадеживает. Большинство таких бесед остается без последствий. Но если у отца есть на примете искомая книга, он делает запись в своем зеленом блокноте. После этого долгое время – месяц, два или более – ничего не происходит, но вот на очередном аукционе или ярмарке отец встречает нужного человека, заводит с ним разговор и как бы между прочим упоминает ту самую книгу. В большинстве случаев этим все и заканчивается. Но иногда за разговором следует обмен письмами. Отец много времени проводит за сочинением писем, в том числе на французском, немецком и даже латыни. В девяти случаях из десяти с ответным письмом приходит вежливый немногословный отказ. Но иногда – пять-шесть раз в год – ответ оказывается прелюдией к путешествию, в ходе которого отец приобретает редкую книгу в одном месте и сбывает ее в другом. Такая поездка обычно занимает не более двух суток. Пять-шесть сделок в год – отсюда наши средства к существованию.

Букинистический магазин как таковой приносит ничтожный доход. По сути, это всего лишь место, где пишутся письма и куда приходят ответы; место, где отец проводит время в промежутках между аукционами и книжными ярмарками. Наш банкир вообще считает магазин причудой, маленькой слабостью, которую отец как успешный бизнесмен вполне может себе позволить. Однако реально для нас (я говорю об отцовской и моей реальности, не притворяясь, будто реальность одна и та же для всех) магазин является центром мироздания. И в первую очередь это надежное убежище для многих сотен старых фолиантов, когда-то написанных с любовью и тщанием, а ныне забытых и ставших никому не нужными.

И еще это место для чтения.

Аддисон, Бронте, Вордсворт, Годвин, Диккенс – по ним я здесь учила алфавит. Отец брал меня на руки и переносил от стеллажа к стеллажу, показывая разные буквы и то, как из них складываются слова. Здесь же я научилась писать, перенося имена авторов и названия книг на карточки,

которые и сейчас, тридцать лет спустя, хранятся в нашей картотеке. Магазин был моим домом и моей работой одновременно. Он был для меня гораздо лучшей школой, нежели обычная общеобразовательная, а позднее стал моим личным университетом. Он был всей моей жизнью.

Отец никогда не навязывал и никогда не запрещал мне те или иные книги. Он позволял мне бродить между шкафами и делать выбор самостоятельно. Я поглощала описания кровавых битв – вполне приемлемое для детей чтиво, по мнению родителей девятнадцатого века, – и готические романы о призраках, которые наверняка не заслужили бы родительского одобрения; я читала о рискованных путешествиях по диким землям, предпринятых старыми девами в кринолинах, и руководства по этикету и правилам хорошего тона для девиц из благородных семейств; я читала книги с картинками и книги без картинок; я читала книги на английском, книги на французском и книги на незнакомых мне языках, выдумывая их сюжет по немногим словам, значение которых мне удавалось разгадать. Книги. Книги. И еще книги.

В школе я никому не рассказывала о своем увлечении книгами. Французские архаизмы, почерпнутые мною из старых учебников грамматики, попадали в мои сочинения, и учителя принимали их за ошибки, но им так и не удалось привести мое правописание в соответствие со своими стандартами. Иногда на уроке истории упоминались люди и события, уже знакомые мне благодаря запойному, но беспорядочному чтению. «Карл Великий? – озадаченно размышляла я. – Неужели это мой Карл Великий – тот самый, о котором я читала в магазине?» В таких ситуациях я теряла дар речи, потрясенная неожиданным соприкосновением двух миров, казалось бы не имевших между собой ничего общего.

В перерывах между поглощением книг я оказывала посильную помощь отцу. В девять лет мне доверили обертывать книги плотной бумагой и надписывать на посылках адреса наших иногородних клиентов. С десяти лет я сама доставляла эти посылки на почту, а в одиннадцать освободила маму от единственной обязанности, которую она выполняла в магазине: уборки. Защищенная головным платком и рабочим халатом от грязи, микробов и прочей заразы, бывшей, по ее мнению, неотъемлемой принадлежностью всей этой книжной рухляди, мама перемещалась вдоль полок, брезгливо помахивая метелочкой из перьев, плотно сжав губы и стараясь не втягивать воздух через нос. Время от времени ее перья поднимали облачко предположительно ядовитой пыли, и она, кашляя, в ужасе отскакивала назад. При этом движении она зачастую рвала чулки об угол соседнего шкафа или какой-нибудь коробки, которая – с характерным

для старых книг злым коварством – оказывалась стоящей как раз позади нее. Я предложила маме взять уборку на себя, и она с радостью согласилась; с той поры она была полностью избавлена от необходимости появляться в стенах магазина.

Когда мне исполнилось двенадцать, отец поручил мне поиск «заблудших книг» – так мы именовали тома, которые по данным картотеки значились в наличии, но при этом отсутствовали на своем месте среди их расставленных по алфавиту собратьев. Эти книги могли быть украдены, но чаще всего их просто засовывал не туда, куда следует, какой-нибудь рассеянный посетитель. В магазине было семь комнат, заставленных высокими, от пола до потолка, стеллажами, на которых покоились тысячи книг.

– Раз уж ты взялась за поиски, проверь заодно алфавитный порядок, – сказал мне отец.

Эта работа могла занять целую вечность; сейчас я сомневаюсь, что отец был совершенно серьезен, когда давал мне это поручение. Как бы то ни было, я взялась за дело всерьез.

Я посвящала этому каждое утро на протяжении всего лета, и к началу сентября, а вместе с ним и нового учебного года каждый «блудный» том занял свое законное место на полке. Кроме того – я считаю данное обстоятельство немаловажным, – в ходе работы мои пальцы побывали в контакте, пусть даже очень кратком, со всеми без исключения книгами в магазине.

Подрастая, я брала на себя все больше обязанностей, и теперь мы справлялись с текущими делами уже в первой половине дня. После того как вновь поступившие книги были зарегистрированы и расставлены на полках, а нужные письма написаны, мы совершали прогулку до реки, съедали на набережной свои сандвичи и, покормив уток, возвращались в магазин, чтобы предаться чтению. Со временем я стала меньше полагаться на слепой случай при выборе книг. Все чаще меня можно было найти на втором этаже магазина, отведенном под литературу девятнадцатого века, жизнеописания, автобиографии, мемуары, дневники и письма.

Отец заметил эту мою склонность и начал привозить с распродаж и ярмарок книги, которые, по его мнению, должны были меня заинтересовать. В основном это были небольшие, сильно потрепанные рукописи с пожелтевшими страницами, иногда в переплете кустарной работы. Обычные жизни обычных людей. Такие книги я не просто читала – я их проглатывала за один присест. С детства страдая отсутствием аппетита, я зато испытывала постоянный «книжный голод». Тогда-то и

начало определяться мое истинное призвание.

Меня нельзя назвать настоящим биографом. Сказать по правде, я вообще не биограф. Главным образом ради собственного удовольствия я написала несколько кратких биографических исследований, посвященных незначительным фигурантам в истории литературы. Меня всегда интересовали люди, при жизни прозябавшие в тени великих современников и преданные полному забвению тотчас после смерти. Мне нравится эксгумировать людские судьбы, погребенные в дневниковых записях, что, никем не читанные, пролежали на архивных полках сотню и более лет. Мало что доставляет мне большее удовольствие, чем возможность почувствовать живое дыхание мемуаров, казалось давным-давно канувших в Лету вслед за их авторами.

Изредка какое-нибудь из моих сочинений заинтересовывало местного академического издателя; как следствие, у меня появились печатные работы. Не книги, нет – они недостойны такого названия, – а просто отдельно изданные очерки: брошюры в бумажном переплете, скрепленные скобками. Один мой очерк – «Братская муза» (о братьях Жюле и Эдмоне Ландье, которые совместно вели дневник) – попался на глаза редактору солидного издательства и был включен в сборник эссе о литературном творчестве и семейных отношениях в девятнадцатом веке. Должно быть, именно этот очерк привлек внимание Виды Винтер, но в таком случае она заблуждалась на мой счет. Публикация его под одной обложкой с трудами профессиональных писателей и ученых явилась чистой случайностью, тогда как сама я была всего-навсего не лишенной дарования дилетанткой.

Жизни давно умерших людей – это мое хобби, а моя работа – это магазин. Я не продаю книги (этим занимается отец), я о них забочусь. Временами я беру с полки ту или иную книгу и наугад прочитываю из нее страничку-другую. В конце концов, чтение является таким же проявлением заботы, как дружеская беседа. Пусть эти книги недостаточно стары для того, чтобы цениться исключительно за свой возраст, и не настолько значительны, чтобы привлечь внимание коллекционеров, но мне нравится за ними ухаживать, даже если их содержание так же уныло и пресно, как их внешний вид. Каким бы скучным ни был прочитанный мною отрывок, он никогда не оставляет меня равнодушной, – ведь кто-то ныне покойный в свое время считал эти слова достойными того, чтобы сохранить их для потомков.

Умирая, люди исчезают. Исчезают их голос, их смех, теплота их дыхания. Исчезает их плоть, а в конечном счете и кости. Исчезает и память об этих людях. Это ужасно и в то же время естественно. Однако некоторым

людям удастся избежать бесследного исчезновения, так как они продолжают существовать в созданных ими книгах. Мы можем заново открыть этих людей – их юмор, их манеру речи, их причуды. Посредством написанного слова они могут вызвать наш гнев или доставить нам радость. Они могут нас успокоить. Они могут нас озадачить. Они могут нас изменить. И все это при том, что они мертвы. Как муха в янтаре или как тело, застывшее в вечных льдах, чудесное сочетание обыкновенных чернил и бумаги сохраняет то, что по законам природы должно исчезнуть. Это сродни волшебству.

Я ухаживала за книгами, как иные ухаживают за могилами своих близких. Я очищала их от пыли, подклеивала поврежденные листы. И каждый день я открывала какой-нибудь том и прочитывала несколько строк или страниц, позволяя голосам забытых покойников прозвучать у меня в голове. Чувствовали ли они, эти мертвые писатели, что кто-то читает их книги? Появлялся ли тоненький лучик света в окружающем их потустороннем мраке? Ощущала ли бессмертная душа соприкосновение с разумом читающего? Надеюсь, что да. Ведь это, наверное, так одиноко – быть мертвым.

Я заметила, что при описании своей жизни все время откладываю напоследок самое важное. Вообще-то я не из тех людей, кто готов излить душу первому встречному. Преодолевая свою обычную сдержанность, я упомянула здесь о многом, но до сих пор обходила стороной одну вещь, действительно достойную упоминания.

И все же я об этом напишу. «Молчание не является естественной средой для историй, – сказала мне однажды мисс Винтер. – Историям нужны слова. Без них они блекнут, болят и умирают, а потом их призраки начинают нас преследовать, не давая покоя».

Она совершенно права. Итак, вот моя история.

Мне было десять лет, когда я открыла тайну, хранимую моей мамой. Особая значимость открытия заключалась в том, что тайна должна была принадлежать не столько ей, сколько мне. Это была моя тайна.

В тот вечер мои родители отправились в гости. Подобные визиты они совершали не часто; меня же в таких случаях отсылали к соседке, миссис Робб. Мне там не нравилось – соседний дом был построен по одному проекту с нашим, но при этом являлся его зеркальной копией, и такая «перевернутая планировка» вызывала у меня что-то вроде морской болезни. Узнав о родительских планах на вечер, я в очередной раз объявила себя достаточно сознательной для того, чтобы провести дома несколько

часов без надзора. Я не очень рассчитывала на успех, но отец, выслушав меня, неожиданно согласился. Мама позволила себя уговорить, поставив условием, что миссис Робб зайдет меня проводить в половине девятого.

Они ушли из дому в семь часов, и я отметила это событие, торжественно выпив стакан молока на диване в гостиной и преисполнившись гордости: я, Маргарет Ли, достигла возраста, позволяющего оставаться дома одной. Покончив с молоком, я вдруг обнаружила, что не знаю, как распорядиться обретенной свободой. Для начала я отправилась в путешествие по дому, дабы уточнить пределы этой самой свободы: гостиная, прихожая, туалет на первом этаже. Все здесь было как всегда. Ни с того ни с сего мне вспомнился мой давний детский кошмар из серии о волке и трех поросятах: «Сейчас натужусь, дуну и домик разнесу!» Серому волку не составило бы труда сдуть с лица земли жилище моих родителей. Просторные комнаты с непрочными на вид стенами и хрупкой мебелью наверняка рассыпались бы, как построенный из спичек шалаш, даже не от дуновения, а от одного лишь сердитого взгляда волка. В любом случае легкого волчьего свиста было более чем достаточно для того, чтобы обитатели этого домика лишились своего укрытия и достались на съедение серому хищнику. Я пожалела, что нахожусь не в магазине, где мне нечего было бояться. Волк мог бы тужиться и дуть до скончания века: под защитой книжных стеллажей, удваивавших толщину стен, мы с отцом были там как в неприступной крепости.

На втором этаже я зашла в ванную и начала рассматривать себя в зеркале. Мне хотелось удостовериться в том, что я выгляжу как вполне взрослая и самостоятельная девочка. Склоняя голову то к левому, то к правому плечу, я изучала отражение под разными углами, надеясь увидеть что-то новое. Но в зеркале была всего лишь я, глядевшая оттуда на саму себя.

Моя собственная комната не обещала никаких открытий: я давно уже изучила каждый ее дюйм. Поэтому, пройдя мимо нее, я толкнула дверь в комнату для гостей. Строгий платяной шкаф и гладкий туалетный столик лицемерно намекали на возможность найти здесь одежду и привести в порядок свою внешность, но, даже не зная заранее, ты уже догадывался, что за этими дверцами и внутри этих выдвижных ящиков находится только пустота. Аккуратно заправленная постель с разглаженными складками и безжизненно-тощими подушками не вызывала желания на ней поваляться. Эта комната именовалась гостевой, но у нас никогда не бывало гостей. Здесь обычно спала моя мама.

В растерянности я вышла из комнаты и остановилась на верху лестницы.

Вот оно. Обряд посвящения. Я одна дома. Значит, я уже не «ребенок младшего возраста», и завтра на детской площадке я смогу сказать: «Прошлым вечером меня не отсылали к няне. Я была дома одна». Представляю, как вытаращат глаза другие девочки. Я долго ждала своего часа, но когда он наконец пришел, я оказалась к этому не готова. Раньше мне думалось, что перемена произойдет автоматически, и, впервые предоставленная самой себе, я смогу хотя бы одним глазком увидеть образ того взрослого человека, каким мне суждено стать. Я ожидала, что мир сразу же изменит свой привычный детский облик и продемонстрирует мне таинственную взрослую сторону жизни. Вместо всего этого, став свободной, я почувствовала себя еще более беспомощным ребенком, чем прежде. Что же со мной было не так? Неужели я никогда не найду способ повзрослеть?

Я уже начала подумывать о визите к миссис Робб, но тут мне вспомнилось местечко получше. Я легла на живот и заползла под отцовскую кровать.

Пространство между полом и низом кровати заметно уменьшилось с той поры, как я была здесь в последний раз. В плечо мне уперся «курортный» чемодан, всегда одинаково серый – как при дневном свете, так и сейчас в полумраке. В нем хранились вещи для летнего отдыха: темные очки, запасные фотопленки, мамин купальный костюм, который она ни разу не надела, но и не решалась выбросить. С другого боку находилась картонная коробка. Повозившись с ее крышкой, я засунула руку внутрь. Спутанная гирлянда лампочек для рождественской елки. Переложенные ватой елочные украшения. Когда я лазила под кровать в прошлый раз, я свято верила в Деда Мороза. Теперь я была уже не столь наивна. Значило ли это, что я повзрослела?

Выбираясь из-под кровати, я задела локтем старую жестянку из-под печенья. Еще одна знакомая вещь: сколько помню, она была здесь всегда. Картинка с шотландскими утесами на плотно пригнанной крышке, которую мне все равно не открыть. Рассеянно, скорее по старой привычке, я попробовала – и крышка с такой легкостью поддалась моим окрепшим пальцам, что я даже вздрогнула от неожиданности.

Внутри обнаружился паспорт отца и всякие официальные бумаги – одни напечатанные, другие написанные от руки. Там и сям мелькали печати и подписи с длинным росчерком.

Для меня слова «видеть» и «читать» давно уже значили одно и то же. Я

бегло просмотрела бумаги. Свидетельство о браке моих родителей. Мое свидетельство о рождении – красными буквами на толстой бумаге кремового цвета. Подпись отца внизу. Я аккуратно сложила документ, переместила его в стопку к уже просмотренным и взяла следующий. Он был точь-в-точь таким же. Это меня озадачило. Зачем мне два свидетельства о рождении?

И тут я увидела отличие. Те же имена отца и матери, та же дата рождения, то же место, но другое имя.

Что произошло со мной в тот момент? Все в голове моей мгновенно распалось на мелкие частицы, а затем восстановилось уже в совершенно ином виде – это было одно из тех калейдоскопических превращений, какие порой претерпевает наш мозг.

У меня имелась сестра-близнец.

Я все еще была в смятении, когда мои любопытные пальцы машинально развернули следующий лист.

Свидетельство о смерти.

Моя сестра умерла.

Этим объяснялось многое.

Хотя и потрясенная внезапностью открытия, я в глубине души почти не удивилась. Сколько я себя помнила, у меня всегда было такое чувство – или даже не чувство, а знание, ввиду своей привычности не нуждавшееся в словесной формулировке, – будто рядом со мной постоянно присутствует нечто. Едва уловимое изменение в структуре воздуха по правую руку от меня. Сгусток света. Какое-то присущее только мне свойство, вызывавшее колебания в пустом пространстве. Мой бледный призрак.

Прижав обе руки к правому боку, я наклонила голову вправо, почти касаясь носом плеча. Эту позу я инстинктивно принимала всякий раз, когда испытывала боль, растерянность или какое-либо затруднение. Прежде я об этом не задумывалась, но теперь поняла смысл жеста: я искала свою сестру-близнеца. Искала там, где ей полагалось быть. Рядом со мной.

Понемногу мир возвращался на круги своя, и я подумала, глядя на два листка бумаги: «Так вот оно что». Потеря. Тоска. Одиночество. Странному ощущению, всегда бывшему со мной и отдалявшему меня от прочих людей, наконец-то нашлось объяснение. Все дело в моей сестре.

Прошло много времени; внизу хлопнула дверь черного хода. Я поднялась на ноги – онемевшие икры покалывало – и вышла на лестничную площадку второго этажа как раз к тому моменту, когда миссис Робб появилась у подножья лестницы.

– Все в порядке, Маргарет?

- Да.
- У тебя есть все, что нужно?
- Да.
- Если что потребуется, загляни ко мне.
- Хорошо.
- Они уже скоро вернутся, твои мама и папа. И она ушла.

Я спрятала документы в жестянку, убрала ее на место под кроватью и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь. Перед зеркалом в ванной комнате я испытала шок, когда мои глаза встретились с глазами отраженной в нем девочки. Я чувствовала, как лицо мое горит под ее взглядом, казалось проникавшим сквозь мою кожу вплоть до костей.

Но вот на лестнице послышались шаги родителей.

Я появилась из ванной и сразу попала в отцовские объятия.

– Неплохо справилась, – одобрил он. – Следов погрома не видно.

Мама выглядела бледной и уставшей. Поход в гости обернулся для нее очередным приступом головных болей.

– Да, – сказала она, – умница.

– Тебе понравилось быть дома одной, дорогая? – спросил отец.

– Это было здорово.

– Я так и думал, – сказал он. И, не удержавшись, снова обнял меня и поцеловал в макушку. – А сейчас тебе пора в постель. И не читай много перед сном.

– Не буду.

Чуть попозже я услышала, как родители возятся перед отходом ко сну: отец ищет в аптечке таблетки для мамы и наливает воду в стакан. Далее прозвучала его всегдашняя фраза: «Тебе станет лучше после того, как ты хорошо выступишься», – и дверь гостевой комнаты затворилась. Через несколько секунд до меня донесся скрип кровати в отцовской комнате, потом – щелчок выключателя.

Я знала, что такое близнецы. Клетка, из которой должен был вырасти один человек, необъяснимым образом разделяется так, что из нее выходят два абсолютно одинаковых человека.

Я когда-то была близнецом.

Мой близнец умер.

Чем же я стала после этого?

Сунув руку под одеяло, я прикоснулась к серебристо-розовому шраму в форме полумесяца на моем боку. Это был знак, оставленный мне сестрой. Как археолог, я исследовала собственное тело в поисках свидетельств его давнего прошлого. Тело это показалось мне холодным, как труп.

Все еще держа в руке письмо, я покинула магазин и отправилась наверх в свою квартиру. Лестничный марш сужался на каждом из трех этажей, занятых книгохранилищем. По мере подъема, выключая за собой свет, я начала формулировать выражения для вежливого отказа мисс Винтер. Я могла написать ей, что никак не подхожу на роль биографа. Меня не интересует современная литература. Я не читала ни одной из книг Виды Винтер. Я привыкла работать в библиотеках и архивах и ни разу не брала интервью у живого писателя. Мне было легче иметь дело с умершими людьми, тогда как с живыми, сказать по правде, я чувствовала себя не в своей тарелке.

Хотя последнюю фразу вставлять в письмо, пожалуй, не стоило.

Я решила не утруждать себя приготовлением ужина – довольно было и чашки какао.

Ожидая, когда согреется молоко, я посмотрела в окно. На ночном стекле отражалось лицо столь призрачно-бледное, что сквозь него были видны темные небеса. Мы прижались друг к другу: щека к холодной щеке. Если бы кто-нибудь видел нас в этот момент, он не смог бы понять, кто из нас кто, не будь между нами этой стеклянной границы.

ТРИНАДЦАТЬ СКАЗОК

«Скажите мне правду». Эта фраза из письма металась в моей голове, подобно птице, попавшей в мансарду через каминную трубу и не могущей найти выход наружу. Не было ничего удивительного в том, что просьба мальчишки-репортера так на меня подействовала; мне тоже никогда не говорили правду, и я была вынуждена доискиваться ее самостоятельно, втайне от всех. «Скажите мне правду». То-то и оно.

Однако я твердо решила выбросить из головы эти слова, как и любые мысли о странном письме.

Час близился. Я начала торопиться. Заскочив в ванную, ополоснула лицо, наскоро почистила зубы и без трех минут восемь – уже в ночной рубашке и тапочках – ожидала закипания чайника. Ну же, быстрее... Восемь без одной минуты. Грелка была наготове, стакан наполнен водой из крана. Опаздывать никак нельзя. В восемь вечера окружающий мир переставал для меня существовать. Наступало время чтения.

Период между восемью часами вечера и часом или двумя ночи всегда был моим волшебным временем. На фоне голубого, вышитого «фитильками» постельного покрывала страницы раскрытой книги, охваченные кругом света от ночника, были для меня воротами в иной мир. Но в этот вечер магия не сработала. Сюжетные нити, державшие меня в напряжении накануне, теперь ослабли; очень скоро я обнаружила, что не могу уследить за тем, как они переплетаются, образуя ткань повествования. Я сделала над собой усилие, пытаясь поймать и натянуть ускользающую нить, но как только мне это удалось, вмешался внутренний голос – «Скажите мне правду», – узелок распустился, нить вновь безвольно провисла, и сюжет окончательно потерял для меня интерес.

Отложив эту книгу, я обратилась к старым проверенным любимцам: «Женщине в белом», «Грозовому перевалу», «Джен Эйр»^[2].

Но и это не помогло. «Скажите мне правду».

До той поры чтение еще ни разу не подводило меня. Книги были сама надежность. До той поры. Выключив свет, я поудобнее пристроила голову на подушке и попыталась заснуть.

Отзвуки голосов. Обрывки историй. В темноте я слышала их звучащими одновременно. «Скажите мне правду».

В два часа ночи я выбралась из постели, нащарила ногами домашние туфли и, завернувшись в халат, спустилась на первый этаж магазина.

Там есть маленькое – чуть побольше чулана – подсобное помещение, в котором мы обычно пакуем книги, предназначенные к отправке. В комнатке стоит рабочий стол, а над ним на полке разложены листы оберточной бумаги, ножницы и мотки бечевки. И еще там есть простой шкафчик с замком, где хранятся десятка полтора книг.

Содержимое шкафчика редко претерпевает изменения. Если бы вы заглянули в него сегодня, вы увидели бы то же самое, что я видела в ту ночь: с самого краю книга без обложки, рядом с ней украшенный аляповатым тиснением фолиант в кожаном переплете, далее парочка латинских книг, старинная Библия, три сочинения по ботанике, один исторический труд и обтрепанный до безобразия трактат по астрономии. Здесь же книга на японском, еще одна на польском и сборник стихов на староанглийском. Вы можете спросить, почему мы держим эти книги отдельно от других? Почему они не стоят на стеллажах среди своих собратьев? Да потому, что в этом шкафчике мы храним редкие, загадочные, по-настоящему ценные книги. Содержимое шкафчика стоит не меньше – а скорее всего, много больше – содержимого всех прочих книжных полок магазина вместе взятых.

Нужная мне книга – в твердом переплете с суперобложкой, размером четыре на шесть дюймов, изданная всего каких-то полвека назад, – находилась тут же, среди старинных редкостей. Ее появление в шкафчике двумя месяцами ранее я приписала отцовской рассеянности и все собиралась при случае напомнить ему об этом и переместить книгу на стеллажи в более подходящую ей компанию. Тем не менее, прежде чем за нее взяться, я – скорее по привычке – надела белые нитяные перчатки. Мы всегда это делаем при работе с ценными образцами; парадокс заключается в том, что хотя книги и оживают, когда мы их читаем, но в то же время при перелистывании страниц сальные выделения наших пальцев наносят им вред, постепенно разрушая бумагу. Впрочем, данный экземпляр был в хорошем состоянии: обложка без повреждений, углы страниц не затерты. Это была книга из некогда популярной, добротной сделанной серии, которую выпускало ныне уже не существующее издательство. Симпатичный томик, к тому же первое издание, но явно не из тех вещей, что вы ожидаете увидеть в свята святых букиниста. На благотворительных базарах и сельских праздниках такие книги продаются по несколько пенсов за штуку.

Суперобложка была окрашена в кремовый и зеленый цвета; фоновый узор в виде рыбьей чешуи окружал две рамки, в одной из которых помещалась нарисованная пером русалка, а во второй – имя автора и

название книги: Вида Винтер. «Тринадцать сказок о переменах и потерях».

Я заперла шкафчик, убрала ключ и карманный фонарик на их обычные места и поднялась в свою спальню, держа книгу в обтянутой белой перчаткой руке.

В мои намерения не входило прочесть ее от корки до корки. Отнюдь. Мне было нужно всего лишь несколько фраз – что-нибудь достаточно яркое и сильное, чтобы перебить тягостное впечатление от слов из письма, по-прежнему вертевшихся у меня в голове. Как говорится, клин клином. Пара предложений, максимум страница, и я наконец-то смогу заснуть.

Я сняла суперобложку и убрала ее в выдвижной ящик тумбочки, специально предназначенный для таких целей. Перчатки перчатками, а дополнительные предосторожности не помешают. Раскрыв книгу, я первым делом приблизила ее к лицу и втянула воздух носом. Характерный кисловато-сухой запах – чтобы не сказать вкус – старых книг.

Итак, пролог. Всего несколько строк.

Но, едва пробежав глазами первую фразу, я очутилась в западне.

Все дети мифологизируют свое появление на свет. Так уж мы устроены. Хотите лучше понять человека, увидеть его истинную сущность? Попросите его рассказать о собственном рождении. То, что вы услышите в ответ, не будет правдой; это будет фантастическая история. Но именно из таких историй мы узнаем самое главное.

Я будто нырнула в омут.

Крестьяне и принцессы, бейлифы и поварята, купцы и русалки – все герои были легко узнаваемы. Я встречала эти сюжеты сотни, тысячи раз прежде. Истории из числа тех, что знакомы каждому с детства. Но по мере чтения герои представляли в новом свете. Они изменялись буквально на глазах. Это были уже не раскрашенные куклы из моих детских книжек с картинками, механически выполняющие предписанные сюжетом действия. Это были люди. Кровь из пальца принцессы, который она поранила, дотронувшись до колеса прялки, была теплой и липкой, и эта кровь оставила на ее языке привкус металла, когда принцесса лизнула ранку, прежде чем погрузиться в бесконечно долгий сон. Соленые слезы прожгли извилистые ручейки на щеках старого короля, когда он увидел свою любимую дочь впавшей в бесчувствие. Все сказки были проникнуты совсем не сказочным настроением. Под конец заветные желания персонажей исполнялись – беспробудная, казалось бы, красавица, к

радости ее царственного родителя, пробуждалась от поцелуя какого-то иноземца, чудище сбрасывало опостылевшую шкуру и становилось внешне похожим на человека, русалка обретала ноги и вместе с ними способность ходить по земле, – но лишь с большим опозданием все они осознавали, какую цену им придется заплатить за попытки уйти от своей судьбы. Стандартная финальная формула «и с тех пор они жили долго и счастливо» не срабатывала. Судьба, поначалу представавшая благоразумной, склонной к уступкам и компромиссам особой, в финале безжалостно мстила героям за обретенное ими недолгое счастье.

Это были жесткие, пронзительные, душераздирающие истории. Я просто не могла от них оторваться.

Но вот, читая сказку о русалке – двенадцатую по счету, – я начала испытывать беспокойство, никак не связанное с ходом повествования. Большой и указательный пальцы правой руки настойчиво посылали мне сигнал: «Осталось мало страниц». Наконец я не выдержала и, прервав чтение, повернула книгу торцом, чтобы проверить это ощущение. Все верно. Тринадцатая сказка, вероятно, была очень короткой.

Я продолжила чтение, закончила двенадцатую сказку и перевернула страницу.

Пусто.

Я пролистала книгу назад, затем опять вперед. Ничего.

Здесь не было тринадцатой сказки.

Я ощутила внезапный прилив крови к голове, подобный тому, что испытывает водолаз, слишком быстро поднявшийся из морской глубины на поверхность.

Окружающая обстановка постепенно, предмет за предметом, возвращалась в поле моего зрения: постельное покрывало, книга в моей руке, ночник, бледно горевший в свете дня, который пробивался сквозь тонкие занавески.

Уже наступило утро.

Я провела за чтением всю ночь.

Тринадцатой сказки не было.

В магазине я застала отца, который сидел за столом, обхватив руками голову. Он услышал шаги на лестнице и повернул ко мне мертвенно-бледное лицо.

– Что случилось? – спросила я, бросаясь к нему.

Он был слишком потрясен, чтобы произнести хоть слово, и лишь поднял руки в красноречивом жесте отчаяния, а после вновь закрыл

ладонями глаза, издав глухой стон.

Моя рука потянулась было к его плечу, но вместо этого легла на отцовский джемпер, висевший на спинке его стула (я не имею привычки трогать людей без особой необходимости).

– Могу я чем-то помочь? – спросила я. Наконец он заговорил слабым и дрожащим голосом:

– Нужно позвонить в полицию. Сейчас же, скорее...

– В полицию? Но что случилось, папа?

– Ограбление. – В его устах это прозвучало как «конец света».

Я осмотрела помещение магазина, недоумевая. Все было в полном порядке: запертые ящики стола не взломаны, книги на полках не тронуты, окно не разбито.

– Шкафчик, – простонал отец.

Я начала понимать, в чем дело.

– Если ты о «Тринадцати сказках», то они наверху, в моей комнате. Я взяла эту книгу почитать.

Отец уставился на меня снизу вверх. Его лицо вместе с облегчением и радостью выражало сильнейшее изумление.

– Ты взяла ее почитать?

– Да.

– Ты ее взяла?

– Ну да.

Его тон меня озадачил. Я все время брала книги из магазина, и он прекрасно это знал.

– Но Вида Винтер?..

И тут я поняла, почему он так удивлен. Я всегда читала только старые романы. По одной простой причине: мне нравятся «правильные» развязки. Бракосочетание и смерть, благородная жертва и чудесное избавление, трагический разрыв и счастливое воссоединение, крушение всех надежд и осуществление мечты – именно такие вещи, на мой взгляд, составляют финал, которого стоило дожидаться, переворачивая страницы. Этому должны предшествовать разного рода приключения, опасности и коллизии, ставящие героев перед нелегким выбором, притом что все хитросплетения сюжета ловко распутываются автором в самом конце. Подобные развязки гораздо чаще встречаются в старых романах, и потому я предпочитала их новым.

Я мало что знала о современной литературе. Отец неоднократно поднимал эту тему во время наших ежедневных бесед о книгах. Он читает так же много, как я, но круг его интересов гораздо шире, и я очень ценю его

мнение. В точных, выверенных фразах он старался передать мне то чувство прекрасной грусти, что охватывало его по прочтении романов, показывавших беспредельность человеческих страданий, противопоставить которым человек мог лишь терпение и стойкость. Он говорил о романах с открытым финалом, чье эхо звучало в его голове много дольше, чем отзвуки громких эффектных концовок. Он объяснял, почему такая неопределенность трогает его сердце сильнее, нежели предпочитаемые мною стандартные «смертельно-свадебные» закругления сюжета.

Во время этих бесед я всякий раз выслушивала его с величайшим вниманием, согласно кивая, но затем бралась за старое. Отец меня за это не осуждал. Мы с ним были полностью согласны в одном: на свете слишком много книг, чтобы все их можно было прочесть за одну человеческую жизнь, и потому желательно где-то провести черту, заранее ограничив сферу своего чтения.

Помнится, как-то раз отец даже порекомендовал мне Виду Винтер:

– Вот современный автор, который может тебе понравиться.

Но я так и не добралась до ее сочинений. Зачем тратить время на живых, когда есть еще масса не открытых мною давно умерших писателей?

И вот теперь я вдруг среди ночи спустилась вниз, чтобы взять «Тринадцать сказок» из заветного шкафчика. Так что удивление отца по этому поводу было вполне законным.

– Мне вчера пришло письмо, – начала я. Он кивнул.

– Оно было от Виды Винтер.

Отец поднял брови, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

– Она приглашает меня к себе. Хочет, чтобы я написала ее биографию.

Отцовские брови приподнялись еще на несколько миллиметров.

– Я никак не могла заснуть и решила просмотреть эту книгу.

Я ждала ответной реплики, но ее не последовало. Отец глубоко задумался, о чем свидетельствовала рассекшая его лоб морщина. Так и не дождавшись окончания этой паузы, я перешла к вопросам:

– Почему она хранится в шкафчике? Что в ней такого ценного?

Отец отвлекся от своих мыслей и наконец-то подал голос:

– Отчасти потому, что это первое издание самой первой книги самого знаменитого из ныне живущих англоязычных авторов. Но главным образом потому, что это книга с типографским дефектом. Каждое последующее издание выходило под названием «Сказки о переменах и потерях». Без упоминания об их числе. Ты заметила, что сказок на самом деле не тринадцать, а двенадцать?

Я кивнула.

– По всей вероятности, сначала их действительно было тринадцать, однако в последний момент одна сказка была исключена из сборника, а с оформлением обложки вышла путаница. В результате книга была издана под первоначальным названием, но только с двенадцатью сказками. Пришлось изымать из продажи весь тираж.

– Но твой экземпляр...

Нашел прореху в неводе. Одна пачка книг была по ошибке отправлена в магазин в Дорсете, и некий посетитель купил эту книжку еще до того, как недоразумение обнаружилось и до магазина дошло письмо с требованием завернуть всю партию. Тридцать лет спустя этот человек узнал, что книга представляет немалую ценность, и продал ее одному букинисту. А в сентябре имущество этого букиниста было выставлено на аукцион, где я ее и приобрел. На доходы от авиньонской сделки.

– От авиньонской сделки?!

Переговоры по авиньонской сделке он вел на протяжении двух лет. Это была одна из самых выгодных коммерческих операций моего отца.

– Ты не забыла надеть перчатки? – спросил он с некоторой тревогой.

– За кого ты меня принимаешь?

Он улыбнулся, прежде чем продолжить:

– Все эти усилия были напрасными.

– Ты о чем?

– Об изъятии тиража из-за неверного названия книги. Люди до сих пор именуют ее «Тринадцать сказок», хотя она уже полвека переиздается как «Сказки о переменах и потерях».

– Но почему?

– Результат сочетания громкой славы с таинственностью. Поскольку достоверные сведения о Виде Винтер крайне скудны, любые мелкие детали, вроде случая с изъятием первого издания, становятся частью ее мифологии. Загадка тринадцатой сказки. Это дает пищу для всяческих домыслов.

Он сделал небольшую паузу, а затем, устремив взгляд в пространство между стеллажами, прошептал так тихо, что я могла по своему выбору либо счесть эти слова произнесенными, либо позволить им кануть в пустоту:

– И вдруг эта биография... Как странно...

Я вспомнила письмо и свои опасения, стоит ли доверять его автору. Я вспомнила настоятельную просьбу юного репортера: «Скажите мне правду». Я вспомнила «Тринадцать сказок» – книгу, завладевшую мною с

первых же слов и продержавшую меня в плену всю прошедшую ночь. Мне захотелось снова попасть в этот плен.

– Я не знаю, как поступить, – сказала я отцу.

– Это не то, что ты делала до сих пор. Вида Винтер – живой объект исследования. Тебе придется брать интервью, а не рыться в архивах.

Я кивнула.

– Но ты бы хотела познакомиться с автором «Тринадцати сказок»?

Я ответила новым кивком.

Отец положил руки на колени и вздохнул. Он знал, какую власть над человеком могут приобрести книги.

– Когда она просила тебя приехать?

– В понедельник.

– Я отвезу тебя на вокзал, ты не против?

– Спасибо. И еще...

– Что?

– Можно мне сделать перерыв в работе? Мне надо будет еще кое-что почитать, прежде чем отправляться на эту встречу.

– Да, – сказал он с улыбкой, которая не могла скрыть его обеспокоенность. – Да, разумеется.

За этим разговором последовал один из самых чудесных периодов в моей жизни. Впервые за все время на тумбочке у моей постели возвышалась стопа бестселлеров в глянцевых мягких обложках, приобретенных по обычной цене в самом обычном книжном магазине. «Ни то ни се» Виды Винтер, «Повторно и навеки» Виды Винтер, «Призраки» Виды Винтер, «Из-под свода» Виды Винтер, «Печальные правила» Виды Винтер, «Именинная девочка» Виды Винтер, «Кукольный спектакль» Виды Винтер. Рисунки на обложках, выполненные одним и тем же художником, излучали тепло и мощь: преобладали янтарные, алые, золотые и пурпурные тона. Заодно я купила «Сказки о переменах и потерях»; заглавие теперь казалось мне незавершенным без слова «тринадцать», которое делало столь ценным отцовский экземпляр этой книги. Его я возвратила на законное место в «сокровищнице».

Берясь за произведение нового для тебя автора, всегда ожидаешь чего-то особенного, и книги мисс Винтер подарили мне то же радостное возбуждение, какое я испытала, к примеру, обнаружив в архивах дневники братьев Ландье. Но на сей раз это было нечто большее. Я с юных лет читала запоем; сколько я себя помню, чтение всегда было для меня величайшим удовольствием. И все же следует признать, что книги, которые

я прочла, уже будучи взрослой, не могли сравниться по силе воздействия на мое сознание с теми, что я читала в детстве. Я до сих пор верю в сказки. Я по-прежнему забываю обо всем на свете, когда погружаюсь в хорошую книгу. Но это уже не то, что было раньше. Для меня нет ничего важнее книг; однако я помню время, когда книги были для меня чем-то более обыденным и в то же время более существенным, чем они являются сейчас. В детстве они были для меня всем. Отсюда моя тоска по утраченному счастью живого и непосредственного общения с книгами. Увы, подобные утраты невосполнимы, и я это прекрасно сознавала. Но неожиданно те счастливые времена, когда я дни и ночи проводила с книгами, разбросанными по моей постели, когда темные, лишенные сновидений периоды сна пролетали в одно мгновение, и я вновь пробуждалась для того, чтобы продолжить чтение, – те времена с их, казалось бы, навсегда потерянными радостями, неожиданно вернулись. Мисс Винтер вновь подарила мне ощущение новичка, впервые открывающего для себя мир книг, и я была зачарована ее историями.

Время от времени отец стучал в дверь моей комнаты под самой крышей дома, а затем, приоткрыв ее, заставлял меня самозабвенно поглощающей очередной бестселлер. «Не пора ли тебе подкрепиться?» – говорил он и оставлял мне пакет с сэндвичами или пинту молока.

Я была бы счастлива навсегда остаться в этой комнате в обществе этих книг. Но поскольку мне предстояли поездка в Йоркшир и встреча с мисс Винтер, я сочла нужным сделать еще одно дело. Прервав на день чтение, я отправилась в библиотеку, чтобы изучить разделы «Литературные новинки» в номерах центральных газет, совпадавших по времени с публикацией последних романов Виды Винтер. Сразу после выхода в свет новой книги она обычно устраивала в одном из харрогеитских отелей встречу с несколькими журналистами и, принимая их в номере поочередно, излагала каждому оригинальный вариант своей биографии. За ее жизнь подобных историй должно было накопиться много десятков, если не сотен. С полдюжины их попало мне на глаза даже при беглом просмотре газет.

После публикации «Ни то ни се» она предстала как незаконнорожденная дочь священника и школьной учительницы; год спустя на страницах той же газеты при анонсировании «Призраков» она была уже беглой дочерью парижской куртизанки. На момент выхода «Кукольного спектакля» газетчикам были предложены очередные версии ее происхождения: сирота, выросшая в приюте при женском монастыре в Швейцарии; беспризорница из трущоб Ист-Энда; несчастная забитая

девочка – единственная дочь в семье, где у нее было десять буйных неуправляемых братьев. Мне особенно понравилась история о том, как она, стечением обстоятельств разлученная со своими родителями, шотландскими миссионерами в Индии, зарабатывала на пропитание рассказами о далекой и прекрасной Шотландии. Она рассказывала индийцам на улицах Бомбея о сосновых лесах, где воздух пропитан эфиром, напоминающим по запаху молодые побеги кориандра; о белоснежных вершинах гор, красотой не уступающих Тадж-Махалу; об изысканнейшей еде под названием хаггис^[3], с которой не идет ни в какое сравнение даже самая лучшая пакора^[4]; и о волынках. Ах, этот сладостный звук волынок, всю прелесть которого бессильны описать слова! Когда много лет спустя она наконец-то вернулась в родную Шотландию, покинутую ею еще во младенческом возрасте, разочарование было ужасным. Местные сосны пахли чем угодно, только не кориандром. Снег оказался холодным. Хаггис был так же противен на вкус, как и на вид. Ну а что касается волынок...

Такие разные истории – сентиментальные или сухо-информативные, проникнутые трагическим пафосом или мрачноватой иронией, забавные или язвительные, – но каждая из них являлась маленьким шедевром. Для иного писателя они могли бы стать вершиной его творчества; для Виды Винтер это были отходы литературного производства. При всем том вряд ли кто-нибудь рассчитывал найти в ее рассказах хоть крупичку правды.

В воскресенье – день накануне моего отъезда – я навестила родительский дом. С годами он ничуть не меняется; одного дуновения серого волка по-прежнему достаточно, чтобы смести его с лица земли.

Мама вымучивала улыбку и оживленно болтала за чаем, перепрыгивая с темы на тему: соседский сад, дорожные работы в городе, ее новые духи и так далее. Легкая пустая болтовня как средство спасения от тишины – той тишины, в которой таились мучившие ее демоны. Она хорошо справлялась со своей ролью: ни единого намека на то, что она терпеть не может выходить за пределы дома, что даже самое незначительное изменение в установившемся порядке вещей вызывает у нее мигрень, что она никогда не читает книги из боязни найти в них слишком сильные проявления чувств.

Лишь когда мама отправилась на кухню заваривать новую порцию чая, мы с отцом смогли поговорить о мисс Винтер.

– Это не настоящее имя, – сказала я. – Будь оно настоящим, ее

биографию можно было бы проследить по каким-нибудь официальным документам. Но до сих пор никому не удалось это сделать. Никто не знает о ней ни единого достоверного факта.

– Это очень странно.

– Выглядит так, будто она появилась ниоткуда. Как будто она вообще не существовала в природе до того, как стать писательницей. Как будто она выдумала сама себя одновременно с сочинением своей первой книги.

– Кое-какие предположения мы можем сделать хотя бы по выбранному ею псевдониму, – сказал отец.

– Vida. От латинского *vita*, что значит «жизнь», – предположила я. – Но если взять за основу французский...

Vide по-французски значит «пустота». Пустое место. Ничто. Поскольку мы избегаем употреблять такие слова в родительском доме, я ограничилась намеком, предоставляя отцу домысливать остальное.

– Подходяще, – кивнул он. – А как насчет Винтер? Winter^[5]. В поисках вдохновения я обернулась к окну. Там, за лицом моего призрачного двойника, тянулись к темнеющему небу голые ветви деревьев и чернели пустые цветочные клумбы. Стекло не спасало от ощущения пронзительного холода, как не могло пламя газового обогревателя рассеять заполнявшую комнату атмосферу унылой безысходности. Что для меня означала зима? Только одно: смерть.

Мы молчали, пока я не почувствовала необходимость хоть что-нибудь сказать, дабы избавиться от тяжелого и опасно нарастающего груза мыслей, порожденных последним сравнением.

– У нее острое и колющее имя, – сказала я. – Буквы «V» и «W» напоминают вилы или частокол. Вида Винтер. Звучит зло и резко.

С кухни возвратилась мама. Разливая чай по чашкам, она возобновила свою болтовню, и звуки ее голоса блуждали в пределах тщательно контролируемого ею жизненного пространства так легко и свободно, словно это пространство не ограничивалось стенами дома, а простиралось как минимум на семь акров окрест.

Я рассеянно оглядела знакомую комнату. На каминной полке находился едва ли не единственный предмет здешней обстановки, который можно было назвать украшением. Старая фотография. Время от времени мама порывается убрать ее в шкаф, чтобы, мол, не пылилась, но отцу нравится этот снимок, а поскольку он крайне редко ей противоречит, мама в данном вопросе идет на уступку. На фотографии изображены юные жених и невеста. Отец выглядит как всегда: неброско красивый, со спокойным, задумчивым выражением темных глаз; прошедшие годы,

казалось, мало его изменили. Зато женщину рядом с ним не узнать. Непринужденная улыбка, веселые искорки в глазах, которые с любовью смотрят на моего отца. Она выглядит совершенно счастливой.

Трагедия все изменила.

Практически одновременно с моим появлением на свет женщина, изображенная на свадебном фото, исчезла.

Я перевела взгляд на мертвый сад за окном. Оттуда, на фоне угасающего дня, моя сестра-призрак заглядывала в эту мертвую комнату. Интересно, какими мы ей представляемся? Что она думает о наших попытках убедить самих себя в том, что это и есть жизнь и что мы по-настоящему живы?

ПРИБЫТИЕ

Когда я отправилась в путь, был самый обычный зимний день. Миллю за милей наш поезд катил под затянутым белой дымкой небом, но ко времени пересадки на узловой станции тучи стали темнеть и сгущаться. По мере моего продвижения на север они набухали, и теперь я каждую минуту ожидала услышать дробь дождевых капель по оконному стеклу. Однако дождь не спешил начинаться.

На вокзале в Харрогейте меня встретил шофер мисс Винтер, темноволосый, бородатый и неразговорчивый. Последнее обстоятельство меня вполне устраивало, поскольку он не отвлекал меня от созерцания незнакомого пейзажа, открывшегося по выезде из города. Я никогда прежде не бывала на севере Англии. Мои литературные изыскания иногда заводили меня в Лондон, да еще пару раз я пересекала Ла-Манш, чтобы посетить библиотеки и архивы Парижа. Йоркшир я знала только по книгам, причем это были по преимуществу романы, написанные более ста лет назад. За городской чертой приметы современности попадались нечасто, и я легко могла себе представить, что путешествую не только в глухую провинцию, но одновременно и в прошлое. Здешние деревни смотрелись причудливо и старомодно с их церквушками, придорожными трактирами и одноэтажными каменными домами; постепенно размеры поселений уменьшались, а расстояния между ними увеличивались, и наконец лишь отдельно стоящие фермы изредка нарушали однообразие голых зимних полей. Но вот и фермы остались позади; смеркалось. Свет фар выхватывал из полумрака неясные обесцвеченные куски ландшафта без каких-либо запоминающихся деталей: ни изгородей, ни стен, ни зданий. Только бесконечная лента шоссе и по краям ее – слабо колеблющиеся стены тьмы.

– Это что, болота? – спросила я.

– Да, – ответил шофер.

Я приблизила лицо к окну, но смогла разглядеть лишь тяжелое, насыщенное водой небо, клаустрофобически нависавшее над равниной, над пустынной дорогой, над нашим автомобилем. Все отчетливее обозначалась граница между светом и тьмой впереди, где скользили по асфальту лучи фар.

На лишенном указателей перекрестке мы свернули с шоссе и проехали пару миль по каменистой проселочной дороге. Водитель дважды останавливался и выходил из машины, чтобы открыть, а потом закрыть уже

за нами какие-то ворота посреди поля, после чего мы протряслись по ухабам еще примерно милю.

Дом мисс Винтер располагался в ложине между двумя пологими возвышенностями (с некоторой натяжкой их можно было назвать холмами), которые в темноте сливались в одно целое, так что ложина и здание открылись моему взору лишь с последним поворотом дороги. На фоне ночного неба, к тому времени окрашенного переливами фиолетового, синего и темно-серого цветов, дом выглядел приземистым, длинным и абсолютно черным. Шофер открыл мне дверцу; выбравшись наружу, я увидела, что он уже извлек из багажника мой чемодан и готов убыть восвояси, оставив меня одну перед неосвещенным крыльцом. Окна были закрыты глухими ставнями; дом казался необитаемым. Само его укромное местоположение указывало на то, что здесь не привечают гостей.

Я нажала кнопку звонка. Его звук был странно приглушенным – вероятно, из-за сырого воздуха. В ожидании ответной реакции я еще раз оглядела небосвод. Холод от земли начал пробираться через подошвы моих туфель, и я снова нажала кнопку. К двери с той стороны никто не подходил.

Я уже протянула руку, чтобы позвонить в третий раз, когда дверь внезапно – и бесшумно – отворилась.

Появившаяся в дверном проеме женщина одарила меня профессионально вежливой улыбкой и извинилась за задержку. На первый взгляд в ней не было совершенно ничего примечательного. Короткие, тщательно расчесанные волосы имели тот же тусклый оттенок, что и кожа, а цвет глаз не поддавался четкому определению: что-то среднее между голубым, зеленым и серым. Отсутствие ярких красок идеально гармонировало с бесстрастным выражением ее лица. Впрочем, когда женщина в свою очередь окинула меня быстрым, изучающим взглядом, я заподозрила, что эти глаза вполне способны оживляться проявлениями эмоций, которые она, судя по всему, прекрасно умела сдерживать.

– Добрый вечер, – сказала я. – Меня зовут Маргарет Ли.

– Биограф? Мы вас ждем.

Не знаю, чем это объясняется, но в иных ситуациях мы способны мгновенно распознавать притворство, даже самое изощренное. И сейчас я сразу почувствовала, что эта женщина сильно встревожена, хотя внешне это никак не проявилось. Возможно, эмоции имеют свой запах или привкус; возможно, они передаются от человека к человеку посредством каких-то особых волн. Что бы там ни было, но я знала совершенно точно, что беспокойство ее вызывала не я как таковая, а сам по себе факт появления здесь постороннего человека.

Она впустила меня в дом и заперла дверь. Ключ провернулся в замке без малейшего скрежета; столь же бесшумно вошли в пазы тщательно смазанные засовы.

Очутившись в прихожей, я впервые уловила главную странность этого места: в доме мисс Винтер стояла глубочайшая тишина.

Женщина сказала мне, что ее зовут Джудит и что она выполняет здесь обязанности экономки. Она поинтересовалась, хорошо ли я доехала, и сообщила, в какое время у них обычно подают на стол и когда я смогу воспользоваться горячей водой. Ее рот раскрывался и закрывался в процессе артикуляции, а слетавшие с ее губ слова тотчас гасли и исчезали, подавляемые нависшим над нами плотным покровом тишины. Та же тишина проглатывала звуки наших шагов и открываемых дверей, когда она водила меня по дому, показывая расположение комнат – столовая, гостиная, музыкальный зал...

Никакой волшебной подоплеки здесь не было: тишина поддерживалась благодаря избытку обивочных материалов и декоративных тканей. На многочисленных диванах и кушетках громоздились пирамиды разнокалиберных бархатных подушек; даже скамеечки для ног были обиты толстым сукном; почти в каждом углу стояло мягкое кресло или шезлонг; гобелены не только висели на стенах, но и использовались как покрывала для мебели. Пол всюду был застлан коврами, поверх которых лежали ковровые дорожки. Портьеры из камчатной ткани закрывали окна и тянулись дальше вдоль стен. Как промокательная бумага впитывает свежие чернила, так все эти ткани, шерсть и набивка впитывали звуки, с той лишь разницей, что промокашка забирает только лишнее, оставляя видимой надпись, а заполнявшие этот дом материалы, похоже, поглощали и самую суть произносимых слов.

Я шла следом за экономкой. Мы сворачивали то налево, то направо, поднимались и спускались по лестницам, так что я скоро запуталась и потеряла ориентацию. Мне никак не удавалось соотнести сложную систему коридоров и комнат внутри здания с простотой его внешнего облика. Вероятно, дом неоднократно достраивали и перепланировали; по моим представлениям, мы должны были находиться в каком-то его крыле, невидимом со стороны фасада.

– Со временем вы тут освоитесь, – сказала экономка, заметив мою растерянность.

Эту фразу я не столько расслышала, сколько прочла по ее губам. Наконец мы достигли площадки между двумя пролетами лестницы и остановились. Женщина отперла ключом дверь, и мы вошли в небольшую

гостиную, где имелось еще три двери помимо входной.

– Ванная, – объявила экономка, открыв одну из дверей и сразу перемещаясь к следующей. – Спальня. А это кабинет.

Здесь, как и повсюду в доме, царили мягкая мебель, ковры и портьеры.

– Вы будете ужинать в столовой или у себя? – Она указала на столик и одинокий стул перед окном.

Не зная, предполагает ли ужин в столовой общение с хозяйкой дома, и не будучи уверена в своем нынешнем статусе (гость или наемный работник?), я колебалась с выбором: какой из вариантов будет более вежливым? Догадавшись о причине моего затруднения, экономка выдала дополнительную информацию, что было явно против ее правил:

– Мисс Винтер всегда принимает пищу в одиночестве.

– Раз так, я предпочла бы поужинать здесь, если вас это не затруднит.

– Подать суп и сэндвичи прямо сейчас? Вы, должно быть, проголодались после поездки. Чай и кофе можете готовить сами в любое время. – Она открыла дверцы буфета, стоявшего в углу спальни, и продемонстрировала мне чайник и прочую кухонную утварь, а также небольшой встроенный холодильник. – Это избавит вас от необходимости заглядывать на кухню, – добавила она, сопроводив эти слова сконфуженной улыбкой и тем самым как бы извиняясь за то, что лишает меня права посещать ее кухонные владения.

Засим она удалилась, предоставив мне заниматься распаковкой моих вещей.

Обустройство – то есть извлечение из чемодана немногих предметов одежды, книг и туалетных принадлежностей – заняло у меня всего пару минут. Привезенный с собой пакет какао-порошка я поместила в буфет, сдвинув в сторону чайно-кофейный набор, после чего не удержалась и опробовала высокую старомодную кровать, столь щедро наделенную подушками и перинами, что никакое количество горошин под ними не смогло бы нарушить мой сон, даже будь я всамделишной принцессой. Со всем этим я управлялась до возвращения экономки, которая принесла поднос с едой.

– Мисс Винтер приглашает вас для беседы в библиотеку к восьми часам.

Она сделала все от нее зависящее, чтобы эта фраза прозвучала как просьба, но я сразу поняла (и тут уже сомневаться не приходилось), что это был категорический приказ.

ЗНАКОМСТВО С МИСС ВИНТЕР

Вопреки моим ожиданиям поиск библиотеки не занял много времени, и я очутилась там двадцатью минутами ранее назначенного срока. Мне это было только на руку. Где еще я могла бы с большим удовольствием провести время, как не в библиотеке? И потом, для меня нет лучшего способа загодя узнать что-нибудь о человеке, чем возможность оценить его литературные предпочтения и манеру обращения с книгами.

С первого взгляда библиотека поразила меня своей несхожестью с прочими комнатами дома. Если те напоминали кладбище безвременно скончавшихся от удушья слов, то здесь, напротив, дышалось вполне свободно. Деревянные панели не были задрапированы материей; под ногами вместо ковров лежали гладкие половицы; закрытые ставнями окна не прятались за шторами; от стен к центру комнаты тянулись ряды дубовых шкафов с книгами.

Это было высокое, вытянутое в длину помещение. Верхушки пяти арочных окон на одной его стороне достигали потолка, а подоконники находились почти вровень с полом. Аналогичные по размерам и форме зеркала были размещены на противоположной стене с таким расчетом, чтобы воспроизводить вид за окнами, но сейчас они отражали только резную внутреннюю поверхность ставней. Книжные шкафы стояли торцом к стене в промежутках между окнами и зеркалами, формируя два ряда ниш, в каждой из которых находился столик, а на нем лампа с абажуром янтарного цвета. Не считая огня в камине на другом конце комнаты, эти лампы были здесь единственными источниками света, мягкого и теплого, за кругами которого терялись в полумраке ряды книг.

Я медленно двигалась по комнате, заглядывая в ниши слева и справа от центрального прохода, и вскоре обнаружила, что непроизвольно покачиваю головой в знак одобрения. Передо мной была основательная, хорошо устроенная библиотека. Книги распределялись по категориям и по именам авторов в алфавитном порядке – именно так поступила бы я сама. Здесь присутствовали все мои любимые произведения и еще множество очень редких книг наряду с менее ценными, порой сильно зачитанными экземплярами. Среди прочих я нашла не только «Джен Эйр», «Грозовой перевал» и «Женщину в белом», но и «Замок Отранто», «Тайну леди Одли» и «Невесту призрака»^[6]. Дрожь волнения охватила меня при виде уникального издания «Джекила и Хайда»^[7], столь редкого, что мой отец

после долгих безуспешных поисков вообще разуверился в его существовании.

Не устая восхищаться богатейшей коллекцией книг мисс Винтер, я шаг за шагом приближалась к камину в дальнем конце комнаты. В крайней правой нише мое внимание привлек один стеллаж, резко выделявшийся на общем фоне: вместо темных потертых корешков старинных книг здесь переливались яркими красками глянцевые образчики печатного дела последних десятилетий. Единственные современные книги в этой библиотеке. Книги самой мисс Винтер. Они были размещены в хронологическом порядке – начиная с ранних произведений на верхних полках вплоть до последних бестселлеров в самом низу, причем каждая книга фигурировала в разных изданиях, включая иностранные. В этом ряду отсутствовали «Тринадцать сказок» – то самое забракованное издание, что положило начало моему знакомству с творчеством мисс Винтер, зато «Сказки о переменах и потерях» были представлены полутора десятками версий.

Я взяла с полки недавно вышедший роман Виды Винтер и открыла его на первой странице. Там описывалось появление пожилой монахини в домике на окраине неназванного города, скорее всего, где-то в Италии. Монахиню проводят в комнату, где некий самодовольный юноша – судя по всему, англичанин или американец – не без удивления приветствует нежданную гостью. (Я перевернула страницу; как и в случаях с другими книгами Виды Винтер, начальные фразы захватили меня целиком, и я перестала следить за временем.) Молодой человек еще не осознает то, что уже ясно читателю: этот визит будет иметь последствия, которые в корне изменят всю его жизнь. Монахиня приступает к объяснению, никак не реагируя (я перевернула еще одну страницу, забыв о библиотеке, забыв о мисс Винтер, забыв о самой себе) ...на легкомысленные реплики собеседника...

Внезапно что-то постороннее вмешалось в процесс чтения и отвлекло меня от книги. Я ощутила легкое покалывание в области затылка.

Кто-то за мной следил.

Мне было хорошо известно выражение «почувствовать на себе чей-то взгляд», но в реальности я с этим столкнулась впервые. Как оно свойственно многим любителям уединения, мои органы чувств особо восприимчивы к чужому присутствию; посему мне больше подходит амплуа наблюдателя, нежели пассивная роль наблюдаемого объекта. И вот теперь я стала таким объектом, причем наблюдение за мной велось уже достаточно долго. Я попыталась вспомнить, когда впервые возникло это

покалывание в затылке, соотнося воспоминания с только что прочитанным текстом. В начале рассказа монахини? Или когда она входила в дом? Или еще раньше? Размышляя, я продолжала смотреть в книгу, будто ничего не заметила.

И наконец я вспомнила.

Это ощущение появилось еще до того, как я взяла книгу в руки.

Дабы выиграть время, я перевернула очередную страницу, по-прежнему изображая увлеченную читательницу.

– Вы меня не обманете.

Строго, властно и безапелляционно.

Мне оставалось лишь развернуться и встретить ее лицом к лицу.

Вида Винтер была не из тех, кто может легко затеряться в толпе. Это была внешность древней царицы, колдуньи или богини. Она, как на троне, восседала в кресле у камина, окруженная бархатными подушечками различных оттенков красного цвета. Прямую царственную осанку не могли скрыть даже свободные складки накинутой на ее плечи бирюзово-зеленой шали. Медно-красные волосы были уложены в замысловатую прическу – сочетание волнистых локонов, тугих завитков и колечек. Лицо с четким, как контурная карта, абрисом было покрыто слоем белой пудры, с которой смело контрастировала алая губная помада. Сложенные на коленях руки выставляли на обозрение коллекцию перстней с рубинами и изумрудами, меж которыми проглядывали белые костяшки пальцев; и только ногти, некрашенные и коротко стриженные (совсем как у меня), вносили элемент дисгармонии в этот помпезный образ.

Но самой неприятной, раздражающей деталью оказались солнцезащитные очки. Я не могла разглядеть ее глаза, но тотчас вспомнила их неестественный, нечеловечески зеленый цвет на рекламном плакате. Темные линзы очков, казалось, обладали мощностью прожектора – у меня возникло такое чувство, будто ее взгляд проникает сквозь мою кожу и подбирается к самым потаенным глубинам моей души.

Тогда я попыталась мысленно окружить себя защитным полем, оставив доступной для обозрения лишь нейтральную внешнюю оболочку.

Она, должно быть, удивилась, обнаружив мою непрозрачность (то есть свою неспособность видеть меня насквозь), но пришла в себя очень быстро – намного быстрее, чем это сделала я после первого потрясения при встрече.

– Очень хорошо, – произнесла она с язвительной улыбкой, адресуя ее скорее себе самой, чем мне. – Перейдем к делу. Как я поняла из вашего ответного письма, у вас есть кое-какие сомнения относительно

предложенной мною работы.

– Да, собственно...

Она продолжила, словно не замечая моей попытки ответить:

– Я готова повысить вашу месячную ставку и размер финальной выплаты.

Я провела языком по сухим губам, подбирая подходящие выражения. Но прежде, чем я с этим справилась, черные очки-прожекторы прошлись по мне сверху вниз, чуть задержавшись на моей челке, темно-синем джемпере и простенькой юбке. На губах ее промелькнула жалостная улыбка. И снова мисс Винтер меня опередила, не позволив вступить в разговор.

– Насколько я понимаю, финансовый аспект вас не интересует, – сухо констатировала она. – Это весьма необычно. Мне случалось писать про людей, равнодушных к деньгам, но живьем подобного человека вижу впервые. – Она откинулась на подушки. – Отсюда я могу заключить, что камнем преткновения для вас является правда. Люди, неспособные наполнить свою жизнь здоровой любовью к деньгам, обычно страдают патологической тягой к таким вещам, как правда, честность и справедливость.

Она махнула рукой, отмечая мое замечание еще до того, как я успела его озвучить.

– Вы боитесь приступать к работе над биографией в условиях, когда ваша авторская независимость находится под вопросом. Вы подозреваете, что я захочу перекроить содержание вашей книги на свой лад. Зная, что в прошлом я отказывалась сотрудничать с биографами, вы гадаете, почему я сейчас решила изменить своим принципам. А более всего, – заключила она, вновь окидывая меня темным взглядом сквозь стекла очков, – вы боитесь, что я буду вам лгать.

Я хотела возразить, но не нашлась, что сказать. В сущности, она была права.

– Вы не знаете, что на это ответить, ведь так? Вам неловко обвинять меня в намерении вас обмануть? Люди вообще не любят в глаза винить друг друга во лжи. Да сядьте же вы наконец!

Я опустила на стул.

– Я не намерена вас ни в чем обвинять... – начала я осторожно и тут же была прервана очередной ее репликой:

– Только не пытайтесь быть вежливой! Что я на дух не выношу, так это вежливость.

Ее лоб наморщился, и дуга бровей поднялась над оправой очков;

густые и черные, эти брови выглядели ненатуральными.

– Вежливость. Вот еще одна любимая добродетель убогих, если у таковых вообще могут быть добродетели. Что привлекательного в безобидности, хотела бы я знать? Разумеется, быть вежливым нетрудно – для этого не надо обладать какими-то особыми дарованиями. С другой стороны, вежливость является последним прибежищем тех, кто потерпел неудачу во всем остальном. Честолюбивого человека, выбравшего себе цель и имеющего силы для ее достижения, не должно заботить то, что думают о нем окружающие. Я не могу себе представить, чтобы Вагнер лишился сна, беспокоясь о чьих-то там оскорбленных чувствах. Он был гений, и этим все сказано.

Еще какое-то время она с неумолимой методичностью приводила один за другим примеры эгоизма великих людей, и ни единая складочка ее шали не шевельнулась в процессе этого перечисления. «Она похожа на монумент из стали», – подумала я.

Но вот ее импровизированная лекция подошла к концу.

– Вежливость – это свойство, которым я не обладаю сама и которое я не ценю в других, – заявила напоследок мисс Винтер. – Посему давайте оставим ее в стороне.

И она замолчала с видом удовлетворенного спорщика, за которым осталось последнее слово.

– Вы среди прочего упомянули о лжи, – сказала я. – Полагаю, этот предмет оставлять в стороне не следует.

– В каком смысле?

Сквозь темные линзы я смогла разглядеть движения ее ресниц. Они подрагивали, расходясь и смыкаясь вокруг глаз, подобно лапкам теребящего добычу паука.

– Только за последние два года вы поведали журналистам девятнадцать вариантов своей биографии. Это лишь те, что я смогла обнаружить при весьма поверхностном обзоре прессы. В общей сложности таких вариантов должно быть несколько сотен.

Она пожала плечами:

– Это моя профессия. Я рассказчица.

– А я биограф и привыкла работать с фактами.

Она тряхнула головой; локоны и завитки, совершив колебательное движение, вновь легли каждый на свое место.

– Но ведь это жуткая скука! Не хотела бы я быть биографом. Вы никогда не задумывались о том, что правда много выиграет, будучи изложена посредством историй?

– Только не таких историй, какие вы рассказывали до сих пор.

Чуть заметным движением головы мисс Винтер обозначила кивок.

– Мисс Ли, – произнесла она медленно и отдельно, – у меня были веские причины для того, чтобы скрывать свое прошлое за дымовой завесой фантазий. Но теперь эти причины уже утратили силу.

– Вы можете их назвать?

– Жизнь – это компост.

Я заморгала в растерянности.

– Вы находите мои слова странными, но так оно и есть на самом деле. Весь мой опыт, все события моей жизни, все знакомые мне люди, все мои воспоминания и мечты, все прочитанные мною книги – все это годами сваливалось в одну компостную кучу и постепенно перегнивало, превращаясь в темное жирное органическое вещество. Процесс разложения сделал это вещество однородным; из него уже не вычленишь отдельные компоненты. Иные люди называют это воображением, но я воспринимаю его как большую кучу компоста. Время от времени я беру какую-нибудь идею, помещаю ее в компост и жду. Идея питается темным веществом, некогда именовавшимся жизнью, берет из него энергию и начинает идти в рост. Пускает корни. Дает побеги. И так далее, пока в один прекрасный день из идеи не вырастает рассказ или роман.

Я кивнула, впечатленная образным сравнением.

– Читатели, – продолжила мисс Винтер, – жалкие глупцы. Они уверены, что каждое литературное произведение является автобиографическим. Это утверждение справедливо, однако совсем не в том смысле, как им представляется. Жизненный опыт автора должен хорошенько перегнить, чтобы стать питательной средой для произведения. Надо дать ему разложиться. Вот почему я не позволяю репортерам и биографам копаться в моем прошлом, вытаскивая на свет отдельные кусочки и консервируя их в виде текста. Чтобы писать книги, я должна сохранять нетронутым свое прошлое как удобрение для новых идей.

Я обдумала ее слова, прежде чем задать вопрос:

– Почему теперь вы изменили свое решение?

– Я уже стара. И больна. Объедините два этих факта, биограф, и что вы получите? Конец истории.

– Но почему вы сами не напишете эту книгу?

– Я поздно спохватилась. И потом, кто мне поверит? Я слишком долго морочила людям головы.

– И вы действительно хотите рассказать мне всю правду?

– Да, – сказала она, но я уловила колебание в ее голосе, хотя оно

длилось лишь малую долю секунды.

– А почему вы выбрали меня на роль своего биографа? Она выдержала паузу.

– Знаете, я задаю себе тот же самый вопрос на протяжении последней четверти часа. Что вы за человек, мисс Ли?

Прежде чем ответить, я мысленно проверила надежность моей защитной маски.

– Я работаю в букинистической лавке. Написала несколько биографических очерков, но не как профессионал, а потому что мне это нравится. Думаю, вы наткнулись на мое имя, прочитав эссе о братьях Ландье.

И это вся информация? Маловато, вы не находите? Если мы будем работать вместе, я должна иметь о вас более четкое представление. Я не намерена верить свои тайны человеку, о котором мне почти ничего не известно. Расскажите о себе подробнее. Какие книги вам нравятся? О чем вы мечтаете? Кого любите?

Эти вопросы привели меня в замешательство.

– Да ответьте же, ради бога! Как я могу поселить в своем доме абсолютно незнакомого мне человека? Как я буду работать с таким человеком? Это просто неразумно. Скажите, к примеру, вы верите в привидений?

Побуждаемая некой силой, не имеющей ничего общего со здравым смыслом, я рывком поднялась со стула.

– Что вы делаете? Куда вы собрались? Постойте!

Шаг за шагом, стараясь не переходить на бег и прислушиваясь к ритмичному стуку своих каблучков по дощатому полу, я уходила прочь, тогда как она окликала меня голосом, в котором все явственнее проскальзывали панические нотки.

– Вернитесь! – звала она. – Я хочу рассказать вам историю, чудесную историю!

Я не замедлила шаг.

– Это история о доме с привидениями...

Я добралась до выхода из комнаты. Мои пальцы сомкнулись на дверной ручке.

– Это история о старинных книгах...

Я открыла дверь и уже собралась переступить порог, когда голосом, неожиданно охрипшим и как будто испуганным, она выкрикнула слова, заставившие меня замереть на месте.

– Это история о близнецах...

Когда эхо этих слов погасло под сводами комнаты, я не выдержала, обернулась и увидела ее затылок и дрожащие руки, когда она подносила их к своему лицу.

Помедлив, я сделала шаг в обратном направлении. Мисс Винтер это услышала, и ее голова повернулась, качнув медно-красными волосами.

Я была ошеломлена. Темные очки исчезли, и на меня призывно – чуть ли не с мольбой – взглянули ярко-зеленые и прозрачные, как стекло, но при том настоящие, живые глаза. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга.

– Мисс Ли, прошу вас, присядьте, – сказала она наконец дрожащим голосом, лишь отдаленно похожим на голос прежней Виды Винтер.

Повинуясь все тому же неясному побуждению, я прошла обратно через комнату и села на стул.

– Ничего не могу обещать, – утомленно сказала я.

– А я не могу требовать от вас обещаний, – ответила она тихо.

Стало быть, перемирие.

– Почему вы выбрали меня? – спросила я снова и на сей раз дождалась ответа.

– Из-за той статьи о братьях Ландье. Вы много знаете о глубинных связях между близкими родственниками.

– И вы скажете мне правду?

– Я скажу вам правду.

Ответ был четким и недвусмысленным, но легкая дрожь в голосе выдавала ее неуверенность. Она собиралась сказать правду; на сей счет у меня сомнений не было. Она решилась на этот шаг. Возможно, она даже хотела сказать правду. Однако она сомневалась в том, что это у нее получится. Давая обещание, она старалась убедить не только меня, но и саму себя, но твердой уверенности в том, что она все-таки скажет правду, не было у нас обеих.

И тогда я выступила с предложением:

– Я задам вам три вопроса. Три вопроса, ответы на которые я могла бы проверить по официальным документам. Если проверка все подтвердит, я возьмусь за эту работу.

– Ага, правило трех... Магическое число. Три испытания, которые должен пройти принц, чтобы заполучить руку принцессы. Три желания, дарованные рыбаку говорящей рыбкой. Три медведя в сказке про Златовласку. Три поросенка и волк. Мисс Ли, если бы вы задали мне два вопроса или, скажем, четыре, я еще могла бы солгать, но три...

Я раскрыла свой блокнот и взялась за карандаш.

– Ваше настоящее имя?

Она судорожно сглотнула слюну.

– Вы уверены, что это правильный подход к делу? Я могла бы рассказать вам историю – очень хорошую историю, смею вас уверить. Возможно, таким путем нам будет проще приблизиться к цели...

Я отрицательно покачала головой.

– Скажите мне свое имя.

Рука с изумрудно-рубиновой коллекцией перстней слегка пошевелилась на ее колене; драгоценные камни сверкнули, преломляя свет каминного пламени.

– Меня зовут Вида Винтер. Я прошла все официальные процедуры, чтобы получить законное право именоваться таким образом. Но вы хотите знать имя, которое я носила прежде. Это... – Она сделала паузу, преодолевая свое внутреннее сопротивление, и затем произнесла имя подчеркнуто обыденным тоном, без малейшего нажима, словно это было какое-то иностранное слово, которое ей пришлось отыскивать в глубинах памяти: – Аделина Марч.

И тут же – как будто стремясь ликвидировать даже слабую вибрацию, оставленную в воздухе этим именем, – весьма раздраженно добавила:

– Надеюсь, вы не потребуете назвать дату рождения. В моем возрасте о таких вещах вспоминать не принято.

– Я могу обойтись и без даты, если вы сообщите мне место рождения.

Она поморщилась.

– Если вы позволите сказать это на мой манер, получится гораздо лучше.

– Мы с вами договорились: только факты, подтверждаемые документами.

Мисс Винтер поджала губы.

– Я думаю, вы можете найти документальные подтверждения того, что Аделина Марч родилась в Лондоне, в больнице Святого Варфоломея. Впрочем, я не могу лично поручиться за достоверность этой информации. Я человек незаурядный, но все же не до такой степени, чтобы помнить момент и обстоятельства своего рождения.

Я сделала запись в блокноте.

Теперь настал черед третьего вопроса. Никакой заготовки на сей счет у меня не было. Она не хотела говорить о своем возрасте, да мне не так уж и нужна была дата ее рождения. Исходя из времени публикации ее первой книги, можно было предположить, что ей не меньше семидесяти трех лет, а ее внешность, пусть даже измененная болезнью и косметикой, не позволяла

дать ей больше восьмидесяти. В конце концов, располагая именем и местом рождения, я могла установить эту дату самостоятельно. Таким образом, ответы на два первых вопроса снабдили меня сведениями, достаточными для идентификации личности Аделины Марч. О чем же тогда спросить? Мне, конечно, хотелось услышать из уст мисс Винтер какую-нибудь историю, но, получив шанс использовать третий вопрос в качестве джокера, я не могла такой шанс упустить.

– Расскажите мне... – начала я медленно и осторожно. В волшебных сказках третье желание зачастую приводит к потере всего, что было обретено при исполнении двух предыдущих. – Расскажите мне о каком-нибудь событии вашей жизни, которое произошло до смены имени и упоминание о котором можно найти в документах.

Говоря так, я имела в виду призы за успехи в учебе, победы в спортивных состязаниях и прочие маленькие триумфы, обычно составляющие гордость родителей и фиксируемые для потомства.

В комнате повисла тишина. Мисс Винтер концентрировалась, погружалась в самое себя; живой человек странным образом исчезал прямо у меня на глазах, и я начала понимать, как она умудрилась оставаться незамеченной в первые минуты моего пребывания в библиотеке. Теперь я наблюдала лишь внешнюю оболочку. Гадать, что происходило у нее внутри, было бессмысленно.

А затем она явилась вновь.

– Знаете, почему мои книги пользуются таким успехом?

– По многим причинам, я полагаю.

– Это так. Но прежде всего потому, что они имеют завязку, развитие сюжета и финал, расположенные именно в такой последовательности. Разумеется, у всех историй есть завязка, развитие и финал, но они далеко не всегда следуют друг за другом по порядку. Правильный порядок – вот что важно. Вот за что читатели любят мои книги.

Она вздохнула, нервно теребя складки шали.

– Я отвечу на ваш вопрос. Я расскажу вам о событии, которое произошло еще до того, как я изменила имя и стала писательницей, и о котором сохранились документальные свидетельства. Это важнейшее, ключевое событие всей моей жизни. Однако я не рассчитывала поведать о нем так скоро. Теперь мне придется нарушить одно из собственных правил: я буду вынуждена рассказать вам окончание моей истории раньше, чем ее начало.

– Окончание вашей истории? Как такое возможно, если это случилось еще до написания вами первой книги?

– Да просто потому, что моя история – моя личная история – завершилась до того, как я начала писать книги. Сочинительство – это всего лишь способ убивать время, когда главное уже позади.

Я молча ждала продолжения. Она тяжело вздохнула с видом шахматиста, вынужденного пожертвовать ферзя ради спасения партии.

– Я предпочла бы не поднимать эту тему, но коль скоро я вам обещала... Правило трех – с этим ничего не поделаешь. Волшебник может умолять юного героя отказаться от третьего желания, зная, что оно приведет к катастрофе, но юнец все равно поступит по-своему, и волшебнику придется исполнить желание, ибо таковы правила. Вы попросили меня сказать правду о трех вещах, и я должна это сделать, следуя правилу трех. Но позвольте сначала попросить вас о встречном одолжении.

– Каком одолжении?

– Я хочу, чтобы впредь больше не было скачков с одного на другое по ходу повествования. С завтрашнего дня я буду рассказывать вам свою историю в правильном порядке: сначала завязка, потом развитие сюжета и только в самом конце – финал. Все должно быть на своем месте. Никаких отступлений. Никаких забегающих вперед. Никаких наводящих вопросов. И никаких попыток заглянуть хоть одним глазком на последнюю страницу.

– Договорились.

– Я тогда жила в Анджелфилде, – сказала она, избегая смотреть мне в лицо.

Ее голос дрогнул при упоминании этого места, а левая рука бессознательным движением начала поглаживать ладонь правой.

– Мне было шестнадцать.

И куда только подевалась ее обычная живость речи?

– Однажды случился пожар.

С мучительным усилием она выдавливала из себя слово за словом.

– Я потеряла все.

И вдруг с губ ее сорвался крик, который она попыталась, но не успела сдержать:

– О Эммелина!

Существуют культуры, в которых имя человека считается носителем его мистической силы, и посему оно должно быть известно только Богу, самому человеку и еще очень немногим избранным. Вслух произнеси имя – не важно, свое собственное или чье-то еще, – ты рискуешь вызвать беду. Данное имя, похоже, относилось к этой категории.

Мисс Винтер плотно сжала губы, но было уже поздно. Тело ее

сотрясала дрожь.

И мне стало ясно, что отныне я накрепко связана с этой историей. Совершенно случайно я наткнулась на главную тайну, на самую суть того, о чем должна была написать в своей книге. Это была любовь. И потеря. Ибо что еще могло породить этот горестный вопль, как не воспоминание о тяжелой утрате? На мгновение мне удалось заглянуть за маску из косметики и экстравагантных нарядов, заглянуть в сердце мисс Винтер и в ее мысли. Одно лишь мгновение, но его мне хватило, чтобы угадать ее истинную сущность – да и как я могла не угадать, если эта сущность была также и моей собственной? Мы обе были близнецами-одиночками. Едва я это поняла, как незримые путы ее истории захватили меня, лишив свободы движений, и вслед за нервным возбуждением я испытала страх.

– Где я могу найти информацию об этом пожаре? – спросила я, стараясь не выдать голосом свое смятение чувств.

– В тамошней газете, «Банбери геральд».

Я кивнула и, сделав пометку, закрыла блокнот.

– Впрочем, есть еще одно свидетельство, которое я могу представить вам прямо сейчас, – сказала она.

Я вопросительно подняла брови.

– Подойдите ближе.

Встав со стула, я сделала шаг вперед и сократила дистанцию между нами наполовину.

Она медленно подняла правую руку, сжатую в кулак и на три четверти покрытую драгоценными камнями в различных по форме оправках, а затем повернула ее ко мне и раскрыла ладонь, словно хотела продемонстрировать какой-то спрятанный в руке сюрприз.

Но в руке ничего не было. Сюрпризом оказалась сама рука.

Я в жизни не видела ничего хотя бы отдаленно похожего на ее ладонь. Эти глубокие пурпурные борозды и белые рубцы не имели ничего общего с бледно-розовой поверхностью моих ладоней. Ее расплавленная огнем плоть по застывании обрела совершенно иной вид, подобно тому как изменяется ландшафт, залитый раскаленной лавой после вулканического извержения. Ее пальцы не могли до конца распрямиться, будучи стянутыми рубцовой тканью в нечто вроде птичьей лапы. А в самом центре ладони – шрам внутри шрама, ожог на ожоге – выделялся некий гротескный знак. Он был настолько глубоко вдавлен в плоть, что я, справляясь с внезапным приступом тошноты, подумала: что же случилось с костью, которая должна находиться в этом месте? Мисс Винтер держала кисть своей руки так, словно она была посторонним, неживым предметом, прикрепленным к ее

запястью. Знак имел форму кольца с небольшим выступом в том месте, где на нормальной руке находится подушечка у основания большого пальца.

Позднее, вспоминая это зрелище в спокойной обстановке, я пришла к выводу, что ожог похож формой на букву «Ц», но тогда я была слишком шокирована увиденным, чтобы ясно соображать, и потому знак показался мне чем-то абсолютно чужеродным, как буква из давно забытого и не поддающегося расшифровке алфавита, непонятным образом очутившаяся на странице с английским текстом.

Почувствовав сильное головокружение, я попятилась и осторожно села на свой стул.

– Извините, – донесся до меня ее голос. – Привыкнув к своим ужасам и уродствам, невольно забываешь, как они могут подействовать на других людей.

Понемногу я приходила в себя, темнота отступала от глаз.

Мисс Винтер сжала покалеченную руку в сверкающий перстнями кулак и опустила его на свое колено, накрыв сверху ладонью левой руки.

– Очень жаль, что вы не согласились послушать мою историю о привидении, мисс Ли.

– Я послушаю ее в другой раз.

На этом интервью закончилось.

Возвращаясь в свои апартаменты, я вспомнила о ранее полученном от нее письме. Самый корявый и неуклюжий почерк из всех мною виденных. Я посчитана виной тому болезнь, скорее всего артрит. Но теперь я все поняла. Будучи от природы правой, мисс Винтер с самого начала литературной карьеры писала свои шедевры левой рукой.

В моем кабинете висели зеленые бархатные портьеры, а стены были задрапированы золотистым узорчатым атласом. Несмотря на стоявшую здесь вязкую тишину, комната мне понравилась – прежде всего благодаря массивному письменному столу у окна и простому стулу с прямой спинкой, которые приятно разбавляли чересчур «смягченный» интерьер. Я зажгла настольную лампу и достала из сумки свои письменные принадлежности: пачку бумаги и двенадцать красных карандашей. Все они были новенькими, неочиненными – именно так я люблю начинать каждый новый проект. Последним предметом, извлеченным мною на свет, стала точильная машинка. Я закрепила ее винтами на краю стола, как слесарные тиски, а прямо под ней поместила мусорную корзину.

Затем, поддавшись внезапному порыву, я взобралась на стол и оттуда дотянулась до верхнего края портьеры. Мои пальцы нащупали петли и

державшие их крючки. Задача оказалась непростой для одного человека – длинная и тяжелая, в два слоя, портьера чуть не согнула меня в дугу, когда я переместила ее вес на свое плечо. Однако, провозившись несколько минут, я все же сняла одну за другой обе портьеры, свернула их и убрала в шкаф. Встав на середину комнаты, я удовлетворенно оглядела результат своих трудов.

Передо мной была обширная плоскость темного стекла, из-за которого на меня взидала моя полупрозрачная сестра-близнец. Ее мир во многом был схож с моим: за стеклом рисовались контуры письменного стола и мягкое кресло в круге света от настольной лампы. Но если мое кресло было красного цвета, то в ее мире оно было серым; у меня кресло упиралось ножками в цветастый индийский ковер на фоне золотистой стены, а у нее оно призрачно парило в темном пространстве, населенном некими смутными фигурами, которые как будто дышали, совершая чуть заметные колебательные движения.

Мы с ней одновременно приступили к обычному подготовительному ритуалу. Мы разделили писчую бумагу на несколько стопок и провели большим пальцем по обреза каждой стопки, беглым пролистыванием освежая страницы. Один за другим мы очинили карандаши, наблюдая за длинными витыми стружками, тянувшимися от машинки и исчезающими в мусорной корзине. Когда последний карандаш был заточен до булавочной остроты, мы не положили его на стол рядом с прочими, а оставили у себя в руке.

– Ну вот, – сказала я ей, – мы готовы к работе.

Она открыла рот и что-то сказала в ответ. Я ее не расслышала.

Я не владею техникой стенографии. В процессе интервью я лишь делала пометки в блокноте, рассчитывая на то, что буду записывать нашу беседу тотчас по ее завершении и эти ключевые слова помогут мне восстановить по памяти все сказанное. С первых же минут дело пошло на лад. Периодически сверяясь с блокнотом, я быстро заполняла колонку в центре страницы словами мисс Винтер, при этом вспоминая ее облик, ее интонации, ее характерные жесты. Вскоре я вообще перестала заглядывать в блокнот и писала под прямую диктовку Виды Винтер, чей голос теперь явственно звучал у меня в голове.

Я оставляла широкие поля, на левом из которых отмечала интонацию, выражение лица, жесты – все, что сопровождало и дополняло сказанное. Правое поле пока что было пустым. Оно предназначалось для комментариев, которые я буду делать позднее, перечитывая написанное.

Увлечшись, я не следила за временем и лишь однажды ненадолго

прервалась, чтобы приготовить себе чашку какао. Впрочем, эта пауза ничуть не выбила меня из колеи: вернувшись к работе, я сразу ухватила нить и продолжила записи.

«Привыкнув к своим ужасам и уродствам, невольно забываешь, как они могут подействовать на других людей» – такова была последняя фраза, помещенная мною в средней колонке, а в примечании слева я описала ее жест: как она накрывает ладонью здоровой руки свою сжатую в кулак искаленную кисть.

Я подвела двойную черту под написанным и потянулась, не вставая со стула. Моя призрачная сестра в оконном стекле также потянулась, а затем принялась затачивать карандаши, притупившиеся в процессе работы.

Она как раз широко зевала в тот момент, когда нечто странное начало твориться с ее лицом. На лбу у нее вздулся огромный волдырь, потом такие же отметины одна за другой возникли на щеке, под глазом, на носу, на губах. Появление пятен сопровождалось глухими звуками, которые учащались, перерастая в барабанную дробь; в считанные секунды лицо утратило знакомые черты, словно подверглось посмертному разложению.

Однако здесь потрудились не смерть. Это был просто дождь – тот самый давно назревавший ливень.

Я открыла окно и подставила ладонь под капли, а потом провела мокрой рукой по лицу. Меня слегка знобило. Пора было в постель.

Окно я оставила приоткрытым, чтобы лучше слышать звуки дождя, размеренно и мягко стучавшего по стеклу. Я слышала дождь, когда раздевалась и когда читала перед сном; я продолжала слышать его и во сне. Он сопровождал мои сновидения, как звуки не настроенного на волну радио, транслирующего эфирный шум, в котором едва можно различить глухое бормотание на чужих языках и обрывки незнакомых мелодий.

МЫ ПРИСТУПАЕМ...

В девять часов утра мисс Винтер послала за мной, и я уже знакомым путем отправилась в библиотеку.

При естественном освещении комната смотрелась совсем по-другому. Ставни были распахнуты, и свет свободно вливался внутрь через высокие окна. Сад, еще не высохший после ночного ливня, блестел в лучах утреннего солнца. Экзотические комнатные растения на подоконниках, казалось, тянулись листьями к своим суровым собратьям по ту сторону стекол, стойко сносившим капризы погоды, а тонкие рейки оконных рам представлялись ничуть не более прочными, нежели униженные дождевыми каплями паутинные нити меж ветвями деревьев. В целом комната, визуально сократившаяся в размерах по сравнению с прошлым вечером, напоминала «книжный мираж», вдруг возникший на краю сырого и холодного сада.

По контрасту с дымчато-голубым небом и неярким солнцем мисс Винтер была вся жар и пламень – этакий тепличный цветок на фоне оголенных зимой растений севера. Сегодня она не надела темные очки, но зато ее глаза были густо подведены в стиле царицы Клеопатры и, как и вчера, обрамлены черными накладными ресницами. При свете дня я увидела то, что не смогла разглядеть накануне: вдоль безукоризненно четкого пробора мисс Винтер, у самых корней медно-красных волос, намечалась тонкая белая линия.

– Вы не забыли о нашей договоренности? – спросила она, когда я заняла свое место на стуле по другую сторону от камина. – Завязки, развития и финалы – все в правильном порядке. Никаких отступлений. Никаких забеганий вперед. Никаких вопросов.

Самочувствие мое было не очень. После сна в непривычной обстановке я пробудилась с ощущением глухо звучащей в голове монотонной мелодии.

– Начинайте с чего хотите, – сказала я.

– Я начну с начала. Хотя, разумеется, начало никогда не находится там, где мы рассчитываем его найти. Наша жизнь представляется нам настолько важной вещью, что мы полагаем свою историю начинающейся с момента рождения. Сначала не было ничего, а потом появился Я... Однако это не так. Человеческие жизни – это не отдельные нитки, которые можно выпутать от клубка и аккуратненько разложить на ровной поверхности.

Семья – это узорчатая паутина. Невозможно тронуть одну ее нить, не вызвав при этом вибрации всех остальных. Невозможно понять частицу без понимания целого... Моя история касается не только меня самой; это история Анджелфилда. Деревни Анджелфилд. Усадьбы Анджелфилд. Супругов Анджелфилд – Джорджа и Матильды; их детей – Чарли и Изабеллы; детей Изабеллы – Эммелины и Аделины. История их жизни, их радостей и страхов. И их семейного привидения. С привидениями также следует считаться, вы согласны, мисс Ли?

Она внимательно смотрела на меня. Я притворилась, что не замечаю ее взгляда.

– Рождение – это не настоящее начало. Наша жизнь с первых ее минут не является чем-то принадлежащим исключительно нам; в действительности это всего лишь продолжение чьей-то истории. Возьмем, к примеру, меня. Глядя на меня сейчас, вы можете вообразить, будто мое рождение было чем-то особенным, то есть сопровождалось чудесными знамениями, визитами добрых фей-крестных, кознями злых колдуний и все такое прочее... Увы, ничего подобного не было. В сущности, я появилась на свет как побочная линия сюжета... Вы наверняка сейчас подумали: а откуда ей известна та часть истории, что предшествовала ее рождению? Из каких таких источников? Тогда ответьте мне: кто, по-вашему, является главным источником сведений в старинных усадьбах вроде Анджелфилда? Разумеется, слуги. И в первую голову Миссиз, как все ее называли. При этом нельзя сказать, что я узнала эту историю непосредственно из ее уст. Бывало, правда, и такое, когда за чисткой столового серебра она предавалась воспоминаниям вслух, как будто забыв о моем присутствии. Хмуря брови, она ворчливо комментировала деревенские слухи и сплетни. Давние события и разговоры всплывали из глубин ее памяти, пока рассказ не затрагивал темы, явно не предназначенной для детских ушей – особенно для моих, и тогда она, спохватившись, обрывала фразу на полуслове и начинала с удвоенной энергией орудовать тряпкой, словно пыталась заодно стереть прошлое. Но тайны невозможно хранить в доме, где есть дети. Так или иначе, я по крупицам пополняла свой запас сведений. Когда Миссиз беседовала с садовником за чашкой чая, я отмечала внезапные паузы, прерывавшие вроде бы невинную болтовню, и пыталась угадать недосказанное. Украдкой я фиксировала все их многозначительные взгляды либо произнесенные с особой интонацией слова. А когда они думали, что их никто не слышит, и начинали говорить откровенно... что ж, кое-кто ухитрялся кое-что услышать. Вот такими путями я узнавала историю своей семьи. А спустя годы, когда Миссиз была уже не та, что прежде, когда

возраст сделал ее более рассеянной и болтливой, я нашла в ее бессвязных речах подтверждение тому, о чем ранее только догадывалась. Вот эта история, дошедшая до меня посредством намеков, красноречивых пауз и обменов взглядами, – для вас я переведу ее на обычный язык.

Мисс Винтер прочистила горло, готовясь начать.

– Изабелла Анджелфилд была со странностями...

На этой фразе у нее сорвался голос.

Она настолько привыкла скрывать правду, что теперь при попытке ее озвучить столкнулась с трудностями чисто физиологического свойства. Вторая и третья попытки начать рассказ также провалились. Но в конце концов она с этим справилась, как справляется старый музыкант со своим инструментом после того, как годами не брал его в руки.

И она рассказала мне историю об Изабелле и Чарли.

Изабелла Анджелфилд была со странностями.

Когда она родилась, в округе бушевал ураган.

Невозможно сказать с уверенностью, были два этих факта каким-то образом связаны или нет, но когда четверть века спустя Изабелла во второй раз покинула родовое гнездо, деревенские жители вспомнили о небывалом ливне, пришедшемся в аккурат на день ее рождения. Рассказывали, что доктор опоздал к роженице, поскольку долину затопила вышедшая из берегов река. Кое-кто с очевидным знанием дела утверждал, что пуповина обмоталась вокруг шеи новорожденной и едва ее не задушила. В том, что роды были тяжелыми, сомневаться не приходилось; какие тут могут быть сомнения, если с шестым ударом часов, когда дитя уже появилось на свет, а доктор еще только звякал дверным колокольчиком у порога дома, бременное тело матери рассталось с жизнью, а ее душа переместилась в мир иной. Вот если бы погода была нормальной; если бы доктор явился вовремя; если бы пуповина в решающий момент не стянула шею ребенка, прервав доступ кислорода; если бы мать не скончалась...

Слишком много всяких «если». Подобные рассуждения бессмысленны. Случилось то, что случилось, и больше тут говорить не о чем.

Новорожденная, этот маленький сгусток истошного вопля, лишилась матери. Более того: на первых порах она фактически лишилась и отца, ибо Джордж Анджелфилд впал в протрацию. Он заперся в библиотеке и

решительно отказывался выходить оттуда и общаться с людьми. Кому-то это может показаться чрезмерным, ибо десять лет пребывания в браке – срок вполне достаточный для того, чтобы притупить чувства, однако Джордж Анджелфилд тоже был со странностями, и этим все сказано. Он очень любил свою жену – свою вздорную, ленивую, эгоистичную красавицу Матильду. Он любил ее больше, чем своих лошадей, и даже больше, чем свою собаку. Что до их девятилетнего сына Чарли, то Джордж никогда не задумывался о том, насколько сильно он его любит в сравнении с Матильдой. По правде говоря, он вообще никогда не задумывался о Чарли.

Безутешный, ополоумевший от горя вдовец целыми днями сидел в библиотеке, почти не притрагивался к еде и не принимал посетителей. Он проводил там и ночи, лежа на кушетке без сна и провожая воспаленным взором проплывающую за окном луну. Так продолжалось несколько месяцев. И прежде бледный с виду, он теперь стал похож на тень, страшно исхудал и совсем перестал разговаривать. К нему вызывали специалистов из Лондона, его навещал приходский священник, но все без толку. Его любимая собака чахла за отсутствием хозяйской любви и внимания; узнав, что она околела, Джордж Анджелфилд даже не повел бровью.

В конце концов Миссиз насытилась этим по горло. И вот однажды она взяла маленькую Изабеллу из колыбели в детской и спустилась с ней на первый этаж. Проигнорировав протесты дворецкого, стоявшего на часах у дверей библиотеки, она без стука вошла внутрь. Далее она двинулась через комнату прямо к письменному столу, за которым сидел Джордж Анджелфилд, и, не говоря ни слова, сунула ему в руки сверток с младенцем, после чего развернулась и вышла вон, хлопнув дверью.

Дворецкий хотел было войти вслед за ней, чтобы забрать ребенка, но Миссиз грозно подняла палец и прошипела: «Только попробуй!» Он так опешил, что подчинился. Прочие слуги столпились у дверей библиотеки, переглядываясь и не зная, что делать. В конечном счете они не сделали ничего, парализованные силой убеждения Миссиз и той уверенностью, с какой она действовала.

Дело уже шло к вечеру, когда одна из горничных вбежала в детскую с криком:

– Он вышел! Хозяин вышел!

Спокойно, не ускоряя шага, Миссиз спустилась по лестнице, дабы выяснить, что происходит.

К тому времени слуги уже несколько часов провели в холле, поочередно прикладывая уши к двери и заглядывая в замочную скважину.

Первое время хозяин дома продолжал неподвижно сидеть за столом, с тупым недоумением взирая на свою дочь. Та шевелилась и издавала гугающие звуки. Когда же слуги услышали, как Джордж Анджелфилд причмокивает и гугукает ей в ответ, они обменялись изумленными взглядами. Изумление их возросло, когда из-за двери донесся голос хозяина, напевающего колыбельную. Но вот дитя погрузилось в сон, и наступила долгая тишина. Все это время отец, по словам слуг, не отрывал глаз от личика своей дочери. Потом она пробудилась и начала кричать от голода. С каждой секундой детский крик усиливался, пока дверь внезапно не распахнулась.

В проеме стоял мой дедушка со своей дочкой на руках.

При виде толпы слуг в холле он сверкнул глазами и прогремел:

– Вы что, хотите уморить ребенка голодом?

С того дня Джордж Анджелфилд взял на себя заботу о дочери. Он лично ее кормил, купал и пеленал; он распорядился перенести ее кроватку к себе спальню, чтобы убаюкивать ее, если она проснется и заплачет посреди ночи; он заказал специальную заплечную сумку, чтобы в ней вывозить дочь на верховые прогулки; он читал ей вслух (деловые письма, спортивные колонки в газетах и приключенческие романы), делился с ней своими мыслями и планами на будущее. Одним словом, он держался с ней так, будто Изабелла была его товарищем, взрослым и вполне сознательным, а не малым неразумным дитем.

Возможно, причиной столь сильной любви стала внешность девочки. Ее обделенный родительским вниманием брат Чарли, девятью годами старше Изабеллы, был сыном своего отца: вялый и неуклюжий мальчик с непропорционально большими ступнями, головой-морковкой и бледным лицом, на котором застыло туповато-отрешенное выражение. Изабелла же унаследовала черты обоих родителей. Ее изначально рыжие, как у отца и брата, волосы приобрели со временем красивый золотисто-каштановый оттенок. Типичная анджелфилдовская бледность не казалась нездоровой в сочетании с изящной фигурой, унаследованной от ее французских предков. Она взяла все лучшее и от отца, и от матери. У нее была отцовская линия подбородка и красиво очерченный материнский рот. Миндалевидный разрез глаз и длинные ресницы были точь-в-точь как у Матильды, но с поднятием век открывалась пронзительная изумрудная зелень – этот редкий цвет радужной оболочки был наследственным в роду Анджелфилдов. Словом, она была само совершенство; по крайней мере внешне.

Слуги понемногу приспособились к новому положению вещей. Не сговариваясь, они вели себя так, будто отец, сутками напролет

нянчившийся со своей маленькой дочкой, был явлением вполне нормальным и естественным. Тот факт, что он постоянно держал ребенка при себе, ни в коем случае не следовало расценивать как нелепую прихоть, недостойную мужчины и джентльмена.

А что же Чарли, старший брат малютки? Это был мальчик отнюдь не семи пядей во лбу, чьи мысли со скрипом вращались вокруг немногих занимавших его тем и предметов, тогда как любые попытки привить ему новые идеи или полезные навыки неизменно завершались провалом. Свою сестренку он попросту не замечал, хотя перемены, которые внесло в жизнь усадьбы ее появление, пришлись ему по душе. Прежде у Чарли было двое родителей, которым Миссиз периодически докладывала о том или ином проступке мальчика, причем предугадать родительскую реакцию на эти сообщения не представлялось возможным. Его мама была сторонницей строгой дисциплины, однако не слишком твердо придерживалась собственных принципов: порой могла больно отшлепать, а порой ограничивалась шутливым замечанием. Пана всегда был с ним суров, но при этом рассеян и частенько забывал привести в исполнение вынесенный им же самим приговор. Всякий раз при виде мальчика у отца возникало смутное ощущение чего-то несделанного, какой-то неисправленной ошибки и он на всякий случай наказывал сына, рассудив, что если даже в данный момент он наказания и не заслуживает, то уж наверняка заслужит его в ближайшее время, так что несколько затрещин авансом не повредят. Это явилось для Чарли хорошим уроком, и он старался без необходимости не попадаться на глаза отцу.

С появлением Изабеллы все изменилось. Мамы не стало, а папа был слишком занят своей дочуркой, чтобы реагировать на истерические доклады прислуги о мышах, подброшенных на сковороду с жарящимся бифштексом, или о булавках, чьей-то коварной рукой запрятанных в куске мыла. Отныне Чарли был волен делать то, что ему нравится, а ему нравилось, например, тайком удалить верхнюю ступеньку на темной чердачной лестнице и понаблюдать за тем, как служанка кубарем катится вниз, в процессе падения получая синяки, шишки и растяжения связок.

Миссиз могла браниться сколько душе угодно, однако это была всего лишь Миссиз, и в наступившей прекрасной новой жизни он был волен пакостить в свое удовольствие, уже не опасаясь сурового возмездия. Тревожная непредсказуемость исчезла. Принято считать, что стабильное поведение взрослых по отношению к детям благотворно сказывается на духовном развитии последних, и данный случай не был исключением: стабильно игнорируемый отцом, полусирота Чарли Анджелфилд в тот

период был свободен и счастлив, как птица в полете.

Преклонение Джорджа Анджелфилда перед своей дочерью благополучно преодолеvalo все испытания, какие может предложить родителю растущее дитя. Когда Изабелла начала говорить, он воспринял это как признак сверхъестественной одаренности и начал консультироваться с ней по самым разным вопросам, вследствие чего ведение домашнего хозяйства попало в зависимость от причуд и капризов трехлетней девочки.

Гости нечасто посещали усадьбу, и их визиты становились все более редкими по мере того, как положение дел в Анджелфилде переходило от стадии эксцентричного беспорядка к стадии полного хаоса. Дворецкий уволился, когда девочке исполнилось два года. Кухарка продержалась на год дольше, но затем и она подала в отставку, измученная необходимостью готовить еду в любое время суток по первому требованию хозяйской дочери. Вместе с кухаркой ушла ее помощница, и с той поры на Миссиз легло дополнительное бремя стряпни и устройства внеурочных трапез. Горничные перестали заниматься работой по дому, справедливо полагая, что их скромного жалованья едва хватает на компенсацию травм и желудочных расстройств, полученных в результате садистских экспериментов Чарли. Потом горничных заменили приходящие домработницы, но и они здесь долго не задерживались. Наконец и поденная прислуга перестала посещать этот дом.

К тому времени, когда Изабелле исполнилось пять лет, в усадьбе жили только Джордж Анджелфилд, двое его детей, Миссиз, садовник и егерь. Собака давно сдохла, а кошки из страха перед Чарли обитали вне дома, укрываясь от непогоды в сарайчике для садовых инструментов.

Если Джордж Анджелфилд и замечал изоляцию, в которой они оказались, то не выказывал на сей счет никаких сожалений. У него была Изабелла, и он был счастлив.

Кому более всех не доставало слуг, так это Чарли. В их лице он лишился подопытных кроликов. Озираясь вокруг в поисках новых объектов для издевательства, он наконец остановился на кандидатуре сестры, что рано или поздно должно было произойти.

Однако он не мог доводить ее до слез в присутствии отца, а поскольку тот почти всегда был рядом с ней, у Чарли возникли затруднения. Как изъять дочь из-под отцовской опеки?

Требовалась приманка. Таковой послужили туманные обещания раскрыть некую страшную тайну, с помощью которых Чарли увел Изабеллу из дома черным ходом и – по дорожке между клумбами, через сад и далее

по буковой аллее – завлек в соседний лес. Чарли бывал здесь и раньше. Убогая заброшенная лачуга без окон, с сырыми полусгнившими стенами – чем не место для хранения страшных тайн?

Теперь у Чарли имелась жертва. Сестренка, шагавшая вслед за ним, была младше и гораздо слабее его, идеально подходя на эту роль. Но Изабелла была со странностями, себе на уме, и в результате все вышло не совсем так, как он планировал.

Чарли закатал рукав сестры, извлек из кармана кусок ржавой проволоки и острым концом провел по белой коже на ее предплечье. Она уставилась на капельки крови, набухавшие вдоль багровой линии пореза, а затем подняла глаза на брата. В этих зеленых глазах сквозило удивление и – как ни странно – что-то похожее на удовольствие. Она протянула руку за проволокой, и он машинально ей уступил. Она закатала свой второй рукав, проткнула кожу и с нажимом провела острием от локтя до самой кисти. Этот порез был глубже, чем тот, что сделал Чарли; кровь потекла тонкой струйкой и закапала на землю. Она вздохнула с удовлетворением и принялась слизывать кровь с обеих рук. Затем она вернула проволоку Чарли и начала закатывать его рукав.

Чарли оторопел. Однако он послушно нанес себе порез и засмеялся, преодолевая боль.

Так вместо жертвы он обрел сообщницу.

Жизнь Анджелфилдов протекала в стороне от сельских балов и охотничьих забав, без прислуги и без множества других вещей, которые в те времена считались само собой разумеющимися для людей их круга. Они не общались с соседями, передали уход за своими землями в ведение арендаторов и полностью зависели от добросовестности Миссиз и садовника, через посредство которых осуществлялись все необходимые закупки и поддерживалась связь с окружающим миром.

Джордж Анджелфилд напрочь забыл о существовании этого самого мира, и на какое-то время мир также забыл о Джордже Анджелфилде. Но внезапно о нем вспомнили. Дело, собственно, было в деньгах.

В тех краях имелись и другие крупные поместья, в которых обитали более или менее аристократические семейства. Один из таких соседей-помещиков слыл большим докой в финансовых вопросах. Он действовал с мудрой расчетливостью, прислушивался к ценным советам и вкладывал крупные суммы в надежные проекты, а мелкими суммами рисковал в спекулятивных операциях, где вероятность неудачи была высока, но зато в случае успеха можно было рассчитывать на солидную прибыль. В конечном

счете крупные суммы он потерял безвозвратно, а с мелких получил кое-какой доход, но это было слабым утешением. Помещик оказался на грани разорения.

Вдобавок ко всем неудачам он имел сына – бездельника и мота, а также дочь – пучеглазую и толстоногую девицу на выданье. Нужно было срочно что-то предпринять.

Джордж Анджелфилд ни с кем не общался, и, соответственно, никто не давал ему ценных советов. Когда его юрист присылал рекомендации по вложению капитала, он их игнорировал, а письма из банка он оставлял без ответа. Как следствие, деньги Анджелфилда, вместо того чтобы расходоваться на всякие надежные проекты и смелые операции, бездарно пылились в банковском сейфе и потихоньку обрастали процентами.

Деньги не безмолвствуют. Потихоньку слух о капитале Анджелфилда просочился в окружающий мир.

– У Джорджа Анджелфилда, кажется, есть сын? – спросила как-то раз у близкого к банкротству помещика его супруга. – Сколько ему сейчас? Двадцать шесть?

«А если не жених для нашей Сибиллы, то почему не невеста для Роланда? – подумала сия достойная дама. – Девчонка уже, наверное, достигла брачного возраста. Отец, по слухам, души в ней не чаёт: стало быть, не поскупится на приданое».

– Нынче прекрасная погода для пикника, – сказала она вслух.

Ее достойный супруг, как это часто бывает с мужьями, не углядел в последнем замечании логической связи с предыдущими вопросами.

Приглашение две недели провалялось на подоконнике в гостиной и могло оставаться там до тех пор, пока лучи солнца не обесцветят чернила на конверте, если бы не Изабелла. Однажды в середине дня она, не зная, чем себя занять, спустилась на первый этаж, скучливо надула щеки и, заметив на подоконнике письмо, взяла его и тут же вскрыла.

– Что там такое? – спросил Чарли.

– Приглашение, – сказала она. – На пикник.

«Пикник?» – озадаченно подумал Чарли. Это было странно. Но он не стал углубляться в размышления, пожал плечами и тут же забыл о письме.

Изабелла встала и направилась к двери.

– Ты куда?

– В свою комнату.

Чарли двинулся было следом, но она его остановила.

– Отстань, я сейчас не в настроении, – сказала она.

Он обиженно засопел, взял в горсть ее волосы и провел пальцем по следам кровоподтеков, которые он недавно оставил на задней части ее шеи. Однако она вывернулась, взбежала наверх и заперлась в своей комнате.

Час спустя, услышав ее шаги на лестнице, он подошел к двери.

– Пойдем в библиотеку, – предложил он.

– Нет.

– Ну тогда пойдем в парк.

– Нет.

Только сейчас он заметил, что она переоделась.

– С чего ты вырядилась, как идиотка? – спросил он.

На ней было летнее платье из тонкой белой материи с изумрудно-зеленой отделкой, некогда принадлежавшее ее матери. На ногах вместо обычных теннисных туфель красовались зеленые атласные босоножки (тоже материнские), которые были ей велики, а в волосы она вплела цветок. Кроме того, она подкрасила губы. Чарли помрачнел.

– Куда это ты собралась? – поинтересовался он.

– На пикник.

Он крепко схватил сестру за руку и потянул ее к двери библиотеки.

– Нет!

Он потянул сильнее.

– Чарли, я сказала «нет»! – прошипела она.

Он разжал пальцы. Он знал, что, когда она вот так говорит «нет», это действительно означает отказ. У него уже были возможности в этом убедиться. Такое вот дурное настроение могло не оставлять ее несколько дней подряд.

Она повернулась к нему спиной и вышла из дому.

В ярости Чарли огляделся по сторонам, ища, что бы такое разбить или сломать. Однако он давно уже переломал здесь все, что только было можно. От попыток повредить оставшиеся предметы могли больше пострадать его руки, чем сами эти предметы. Он разжал кулаки, вышел из дому и вслед за Изабеллой отправился на пикник.

Компания молодежи в летних платьях и белых рубашках, собравшаяся на берегу озера, при взгляде со стороны являла собой идиллическую картину. Наполненные бокалы в их руках искрились на солнце, а трава под их ногами казалась шелковисто-мягкой, словно приглашая пройтись по ней босиком. На самом же деле участники пикника изнемогали от жары в своей потной, прилипшей к телам одежде, шампанское было теплым, а если бы кому-то из них и пришла в голову мысль гулять по траве босиком, он

сильно рисковал испачкать ступни гусиным пометом. Тем не менее они старательно симулировали веселое оживление в надежде на то, что это притворство каким-то образом трансформируется в реальность.

Молодой человек, стоявший на краю группы, случайно заметил движение в стороне, у ближайшего к ним дома. Не по моде одетая девушка в сопровождении какого-то пенька о двух ногах. Пенек он и есть пенек, что о нем еще скажешь, но вот девушка – это было нечто особенное.

Молодой человек не ответил на шутку товарища; тот проследил за его взглядом и в свою очередь замолчал. Три или четыре девицы, никогда не упускающие из виду молодых людей, даже если те находятся у них за спинами, обернулись, чтобы узнать причину возникшей паузы. Далее сработал «эффект домино»: участники пикника один за другим поворачивали головы в сторону пришельцев и, увидев их, лишались дара речи.

Через лужайку к ним шла Изабелла.

Она приблизилась, и компания расступилась перед ней, как море перед Моисеем^[8]. Она прошла напрямик к берегу озера и шагнула на выступающий из воды плоский валун. Кто-то протянул ей бокал с вином; движением руки она отвергла подношение. День был жаркий, идти пришлось издалека, и ей требовалось нечто посерьезнее шампанского, чтобы охладиться.

Она сняла босоножки, повесила их на ветку дерева и, широко раскинув руки, плашмя упала в озеро.

Присутствующие дружно ахнули. Когда же она встала на ноги и вода заструилась с облегшего ее формы платья под стать классическому «Рождению Венеры»^[9], общий вздох изумления повторился.

Этот бросок в озеро также будут вспоминать позднее, когда она во второй раз покинет дом. Вспоминая, люди будут качать головами с осуждением и жалостью. Эта девчонка с самого начала была не в себе. Однако в тот день ее выходку расценили как проявление раскованности и истинной веселости, за что все были ей признательны. Изабелла с ходу вдохнула жизнь в их унылое времяпрепровождение.

Самый решительный из молодых людей – обладатель очень светлых волос и очень громкого смеха – скинул туфли, стянул с шеи галстук и тоже прыгнул в озеро. За ним последовали трое его приятелей, а вскоре уже все молодые люди были в воде, ныряли, брызгались, вопили и старались превзойти друг друга в дурачествах.

Девицы быстро сообразили, что у них не остается выбора. Посему они

повесили на сучки сандалеты, придали своим лицам соответствующее случаю бесшабашное выражение и кинулись в озеро, при этом стараясь по возможности не намочить прически.

Они отчаянно взвизгивали, давая понять, что нуждаются в помощи кавалеров, но все было напрасно – кавалеры сосредоточили свое внимание на Изабелле.

Чарли не прыгнул в озеро вслед за сестрой. Он стоял чуть в стороне и наблюдал за происходящим. При его рыжих волосах и мертвенно-бледной коже он был человеком, которому больше подходят прогулки под дождем или комнатные занятия. А сейчас лицо его обгорело под солнцем, а глаза саднило от стекавшего со лба едкого пота. При всем том Чарли почти не мигал. Он был не в силах оторвать взгляд от Изабеллы.

Сколько часов прошло до того момента, когда он вновь обнаружил ее рядом с собой? Ему этот период показался вечностью. Пикник, оживленный присутствием Изабеллы, продолжался гораздо дольше, чем кто-либо мог ожидать, но для большинства из присутствующих время пролетело стремительно, и многие из гостей были бы рады гулять до утра. При расставании они утешались мыслями о грядущих пикниках, скрепляя договоренности влажными поцелуями.

Когда Чарли наконец приблизился к Изабелле, ее плечи покрывал пиджак одного из молодых людей; хозяин пиджака находился тут же, весь во власти очаровательницы. Неподалеку маячила одна из девиц, не уверенная в том, насколько уместно ее присутствие. Пухлая и широкобедрая, она чертами простоватого лица так походила на молодого человека, что в них с первого взгляда можно было признать брата и сестру.

– Пойдем домой, – раздраженно сказал Чарли Изабелле.

– Так скоро? Я думаю, мы можем еще немного прогуляться с Роландом и Сибиллой. – Она улыбнулась Сибилле, и та, удивленная этим внезапным проявлением любезности, ответила ей улыбкой.

В другой ситуации Чарли мог бы не церемониться с Изабеллой и настоять на своем, применив грубую силу, но в присутствии посторонних он на это не решился и молча последовал за ними.

Что произошло во время этой лесной прогулки? Свидетелей тому не было, а за отсутствием свидетелей не было и сплетен. По крайней мере, сначала. Однако для того, чтобы представить себе развитие событий в тот вечер, вовсе не нужно быть гением дедукции.

Все могло происходить следующим образом.

Изабелла легко нашла предлог, чтобы на время избавиться от мужчин.

– Мои туфли! Я оставила их висеть на дереве!

И она отправила Роланда к берегу озера, а чуть погодя за ним последовал и Чарли – на поиски платка Сибиллы или чего-нибудь еще.

В ожидании их девушки пристроились на траве под деревом. Начало смеркаться, нагретая солнцем земля остывала, лес потихоньку готовился к ночи. Прилив бодрости после выпитого шампанского сменился полусонным оцепенением; тепло их тел высушивало мокрую одежду, которая, отлипая от кожи, вызывала легкий зуд.

Изабелла хорошо знала, чего она хочет: остаться наедине с Роландом. Но для этого ей нужно было избавиться от своего брата.

Она заговорила, прислонившись спиной к древесному стволу рядом с Сибиллой.

– Кто из этих парней твой кавалер?

– У меня нет кавалера, – призналась Сибилла.

– Тогда тебе нужно им обзавестись.

Изабелла потянулась в сторону, сорвала похожую на птичье перо веточку папоротника и провела ею по своим губам. Затем она проделала тот же нехитрый фокус с губами соседки.

– Щекотно, – пробормотала Сибилла.

Изабелла сделала это еще раз. Сибилла улыбнулась, прикрыв глаза, и не воспротивилась, когда Изабелла провела веточкой по ее шее и ниже, вдоль выреза платья, чуть задержавшись на округлостях груди. Сибилла сдавленно хихикнула.

Когда веточка спустилась к ее талии, Сибилла открыла глаза.

– Почему ты остановилась? – спросила она жалобно.

– Я не останавливалась. Просто ты не чувствуешь прикосновение сквозь одежду.

Она задрала подол платья Сибиллы и прошлась веточкой по ее ногам.

– Так лучше?

Сибилла вновь закрыла глаза.

Двигаясь вдоль толстоватых лодыжек, листья быстро добрались до коленей. Глухой мурлыкающий звук слетел с губ Сибиллы, но она не шевельнулась, пока листья не достигли самого верха ее ног, и издала лишь слабый вздох, когда веточку сменили нежные пальцы Изабеллы.

Она внимательно наблюдала за лицом Сибиллы и, заметив, что ее веки начинают возбужденно трепетать, в тот же момент убрала руку.

– Тебе давно пора завести себе кавалера, – сказала она самым будничным тоном.

Сибилла, лишь самую малость не доведенная до экстаза, как будто не очень хорошо ее поняла.

– Это та же щекотка, – была вынуждена пояснить Изабелла. – Но с кавалером оно гораздо приятнее.

И когда Сибилла спросила свою новую подругу: «Откуда ты знаешь?» – у Изабеллы уже был наготове ответ из одного слова: «Чарли».

К тому моменту, когда молодые люди вернулись с туфлями и платком, Изабелла достигла поставленной цели. Сибилла, чья одежда пребывала в довольно живописном беспорядке, взглянула на Чарли с выражением живейшего интереса.

Чарли, впрочем, этого не заметил, поскольку смотрел на Изабеллу.

– Ты не находишь, что у Изабеллы и Сибиллы очень много общего? – спросила Изабелла как бы между прочим и тут же продолжила в ответ на недоуменный взгляд Чарли: – Я говорю об именах. Они звучат очень похоже, разве не так? – Она пристально посмотрела на брата, дабы тот уловил намек. – Мы с Роландом пройдемся по лесу, но Сибилла слишком устала. Ты должен остаться с ней.

Изабелла взяла Роланда под руку. Чарли мрачно уставился на Сибиллу и только сейчас заметил беспорядок в ее одежде. Она смотрела на него в упор, чуть приоткрыв рот.

Когда он обернулся к Изабелле, той уже не было, и только ее смех донесся из темноты – ее смех и низкий рокот голоса Роланда. Ладно, он свое возьмет. Чуть попозже. Она еще не раз поплатится за эти шутки.

А сейчас ему срочно нужна была жертва, чтобы дать выход своим чувствам.

И он снова повернулся к Сибилле.

То лето было заполнено пикниками. Для Чарли оно вдобавок было заполнено сибиллами. Однако для Изабеллы существовал только один Роланд. День за днем она ускользала от Чарли и отправлялась куда-то на велосипеде. Чарли так и не удалось выяснить, где встречается эта парочка, – ему было не угнаться за сестрой, когда та летела прочь в сверкании велосипедных спиц, а длинные волосы дразняще развевались у нее за спиной. Иногда она возвращалась уже затемно, а порой гуляла всю ночь напролет. Когда Чарли раздражался бранью, она отвечала ему смехом, а то и просто отворачивалась, словно его тут не было. Он пытался применить силу, нанести ей травму и даже изувечить, но всякий раз она, как вода, проскальзывала меж его пальцев, и он наконец-то начал понимать, насколько их прежние игры зависели от ее желания и готовности в них участвовать. Его сила не могла тягаться с ее ловкостью и умом. Он был беспомощен, как боров, подвергшийся нападению пчел.

Изредка она все же внимала мольбам Чарли и на час-другой предоставляла себя в его распоряжение, создавая иллюзию, будто их отношения возвращаются на круги своя. Но это была именно иллюзия, в чем он скоро убеждался; а ее исчезновения, возобновлявшиеся после таких «интерлюдий», заставляли его страдать еще сильнее.

Эти страдания лишь ненадолго заглушались его утехами с какой-нибудь сибиллой. Первую из них ему подсунула сестра, но по мере того, как она все больше увлекалась Роландом, Чарли начал заводить связи самостоятельно. Однако он не обладал способностью Изабеллы устраивать свои дела втайне от всех; после одной из его выходов мог разразиться скандал на всю округу, и тогда Изабелла сердито сказала ему, что, если он намерен продолжать в том же духе, ему следует переключиться на женщин иного круга. И он послушно перешел от наследниц аристократов к дочерям фермеров, лесников и ветеринаров. Сам он не почувствовал особой разницы, но местное общественное мнение заметно успокоилось.

Сколь бы частыми ни были эти периоды забытья, проходили они моментально. Ужас в глазах, синяки на теле и окровавленные бедра девиц исчезали из его памяти сразу же, как только он отводил от них взгляд. Ничто не могло избавить Чарли от главного чувства всей его жизни: страсти к Изабелле.

И вот как-то утром на исходе лета Изабелла пролистала чистые страницы в своей записной книжке-календаре и подсчитала дни, а потом с задумчивым видом убрала книжку в ящик стола. Приняв решение, она спустилась на первый этаж и вошла в отцовский кабинет. Отец поднял голову:

– Изабелла!

Он был рад ее видеть. С тех пор как дочь стала много времени проводить вне усадьбы, он был особенно признателен ей за каждый такой визит.

– Милый папа! – сказала она с улыбкой.

Он почувствовал в ней какую-то перемену и насторожился.

– Мне кажется, ты что-то затеваешь. Я не ошибся? Она направила взгляд в дальний угол комнаты и снова улыбнулась. Затем, все так же глядя в пустой угол, объявила отцу о своем отъезде.

Он не сразу понял, о чем она говорит. А поняв, ощутил тяжелые удары пульса в висках; взор его застлала пелена. Он прикрыл глаза, но в голове продолжали извергаться вулканы и взрываться падающие метеориты. Когда эти катаклизмы утихли и его внутренний мир обратился в голую и

молчаливую пустыню, он открыл глаза.

Что он наделал?!

В руке его был зажат локон волос с окровавленным кусочком скальпа на одном конце. Изабелла стояла, прижавшись спиной к двери. Под одним из ее прекрасных зеленых глаз наливался синяк, щека покраснела и вздулась. Струйка крови стекала от корней волос на бровь и по ней огибала глазницу.

Отец пришел в ужас от себя самого и от вида дочери. Не в силах издать звук, он отвернулся, и она так же безмолвно покинула комнату.

Потом он просидел несколько часов, вертя в руках золотисто-каштановый локон, все туже и туже накручивая его на палец, пока он, свившись в подобие шнура, не впился глубоко под кожу. Боль от поврежденного пальца очень медленно доходила до его сознания, и когда это все же произошло, он разрыдался.

Чарли в тот день отсутствовал; он вернулся только к полуночи. Найдя комнату Изабеллы пустой, он начал бродить по дому, каким-то шестым чувством угадывая, что произошло несчастье. Нигде не обнаружив сестры, он наконец зашел в кабинет отца. Один только взгляд на этого человека с посеревшим лицом сказал ему все. Отец и сын несколько мгновений молча смотрели друг на друга, но даже общее горе их не объединило. Никто из них не мог помочь другому.

У себя в комнате Чарли сел в кресло у окна и провел в нем остаток ночи – застывший силуэт в прямоугольнике лунного света. Лишь однажды он приподнялся, чтобы извлечь из ящика стола пистолет, добытый им посредством банального вымогательства у местного браконьера. Два или три раза он подносил дуло пистолета к своему виску, но после паузы оружие медленно опускалось ему на колени.

В четыре часа утра он отложил пистолет и вместо него взял длинную штопальную иглу, давным-давно – лет десять назад – украденную им у Миссиз и с той поры не раз побывавшую в деле. Он закатал штанину, спустил носок и пунктиром обозначил на коже ноги очередную надпись. Плечи его вздрагивали, но рука двигалась твердо, когда он по пунктиру выцарапывал на кости голени слово «Изабелла».

А Изабелла к тому времени была уже далеко. Из отцовского кабинета она прошла в свою комнату, задержалась там на несколько минут и после спустилась на кухню. Здесь она неожиданно крепко – что за ней прежде не водилось – обняла Миссиз, а затем выскользнула через заднюю дверь и садовой тропой направилась к калитке в каменной ограде усадьбы. Зрение Миссиз к тому времени уже сильно сдало, но она научилась угадывать

движения людей по едва уловимой вибрации воздуха. И она почувствовала секундное колебание, крохотную паузу в движениях Изабеллы, прежде чем та закрыла калитку с противоположной стороны.

Когда Джордж Анджелфилд удостоверился, что Изабелла ушла, он заперся в своем кабинете, не принимая пищу и посетителей. Из последних объявлялись только священник и доктор, получившие от ворот поворот. «Скажи своему Богу, пусть катится ко всем чертям!» и «Дайте же раненой твари спокойно издохнуть!» – таковы были полученные ими краткие отповеди.

Несколько дней спустя эти двое вернулись и приказали садовнику взломать дверь кабинета. Джордж Анджелфилд был мертв. Обследование трупа показало, что причиной смерти стало заражение крови, которое распространилось от врезавшейся глубоко в кожу безымянного пальца пряди человеческих волос.

Чарли не умер, хотя и сам не понимал почему. Он часами бесцельно блуждал по дому. Он оставил дорожку следов на пыльных полах и ежедневно следовал по ней, начиная с верхнего этажа, из комнат в мансарде, уже много лет пустовавших, и далее в такой последовательности: комнаты прислуги, спальни членов семьи, кабинет, библиотека, музыкальный зал, гостиная, кухня. Это был бесконечный, беспокойный и безнадежный поиск. А по ночам он выходил из дому и шатался по усадьбе; ноги неустойчиво несли его вперед и вперед, а пальцы в кармане все время теребили иглу, когда-то похищенную у Миссиз. Кончики его пальцев превратились в кровавое месиво. Он страшно тосковал по Изабелле.

Таким вот манером Чарли прожил сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь и февраль, а в начале марта Изабелла вернулась.

Чарли находился на кухне, шагая по дорожке собственных следов, когда с улицы донесся звук подъезжающего автомобиля. С мрачным видом Чарли приблизился к окну. Ему не нужны были визитеры.

Но вот из кабины выбралась знакомая фигура – и сердце его замерло.

Мгновения спустя он был уже у двери, на крыльце, рядом с машиной, где перед ним стояла Изабелла!

Он смотрел на нее в изумлении.

Изабелла засмеялась.

– Вот, держи это, – сказала она, протягивая ему увесистый, плотно запакованный сверток. – И еще это. – Он покорно принял второй такой же сверток, взятый ею с заднего сиденья. – А теперь мне больше всего нужна добрая порция бренди.

Ошеломленный Чарли проследовал за ней в кабинет, где она первым

делом извлекла из серванта бутылку и пару стаканов. Налив себе очень добрую порцию, она выпила ее залпом и наполнила уже оба стакана, один из которых предназначался для брата. А он все стоял, парализованный и безмолвный, держа в руках два матерчатых свертка. Вновь прозвучал смех Изабеллы, отдававшийся у него в ушах гулким звоном церковных колоколов. Он повертел головой; из глаз хлынули слезы.

– Положи их куда-нибудь, – скомандовала Изабелла. – У меня готов тост.

Он взял стакан и уловил исходящий из него спиртной дух.

– За будущее!

Чарли осушил стакан одним глотком и закашлялся – он не имел привычки к крепким напиткам.

– Ты ведь их еще не разглядел? – спросила она. Его лицо выразило недоумение.

– Смотри.

Изабелла повернулась к сверткам, которые он оставил на письменном столе, и распаковала их один за другим, а затем отступила в сторону, открывая ему обзор.

Он медленно повернул голову. В свертках оказались младенцы. Близнецы. Он стоял и смотрел, смутно догадываясь, что от него ожидают какой-то реакции, но будучи не в состоянии что-нибудь сказать или сделать.

– Ох, Чарли, да проснись же ты, ради бога!

Сестра взяла его за руки и в дикой пляске завертела по комнате.

Как ни странно, головокружение от танца пошло ему на пользу, внеся хоть какую-то упорядоченность в сумбур его мыслей. Наконец Изабелла остановилась, приложила ладони к его щекам и сказала:

– Роланд умер, Чарли. Остались только мы – ты и я. Понимаешь?

Он кивнул.

– Хорошо. А теперь скажи мне, где папа?

Когда он сказал, у нее началась истерика. На крики явилась Миссиз, которая отвела Изабеллу в ее комнату, уложила в постель и, дождавшись, когда она утихнет, спросила:

– Дети – как их зовут?

– Марч, – сказала Изабелла.

Но Миссиз интересовала не фамилия – ее она знала и так. Весть о замужестве Изабеллы дошла до нее несколько месяцев назад, как и весть о рождении детей (ей не было нужды подсчитывать месяцы на пальцах, однако она это сделала, задумчиво поджав губы). Пару недель назад она узнала о смерти Роланда от воспаления легких. Она также знала, что

старые мистер и миссис Марч, подавленные смертью их единственного сына и возмущенные безразличием, с каким восприняла эту трагедию их невестка, стали чуждаться Изабеллы и ее детей, предпочитая тихо горевать вдвоем.

– Я спрашиваю об именах, данных при крещении.

– Аделина и Эммелина, – сонно произнесла Изабелла.

– А как ты их различаешь?

Но юная вдова уже погрузилась в сон. И пока она спала в своей старой постели, эскапада с замужеством начисто изгладилась из ее памяти. Утром она пробудилась с ощущением, что никакой свадьбы не было, а дети представились ей не собственной плотью и кровью – материнский инстинкт ей был абсолютно неведом, – а чем-то вроде духов или призраков, поселившихся в этом доме.

Младенцы были на кухне и еще спали. Над их гладкими бледными личиками склонились, беседуя шепотом, Миссиз и садовник.

– Кто из них кто? – спросил садовник.

– Не знаю.

Стоя по бокам старой детской кровати, они разглядывали двойняшек. Четыре полукружия ресниц, два одинаковых ротика, два покрытых пухом маленьких черепа. Но вот у одной из девочек вздрогнули веки, а затем приоткрылся глаз. Садовник и Миссиз затаили дыхание. Но глаз тут же закрылся, и дитя снова погрузилось в сон.

– Вот эта будет Аделиной, – сказала Миссиз.

Она достала из шкафчика полосатое кухонное полотенце, отрезала от него две полосы и повязала их на запястья девочкам – красную полосу беспокойной близняшке, и белую той, что безмятежно спала.

Экономка и садовник еще долго стояли и смотрели, каждый положив руку на свой край кровати. Наконец Миссиз повернула к садовнику умиленное, посветлевшее лицо и произнесла:

– Двое детей, кто бы мог подумать, Копун? В нашем-то возрасте!

Он перевел взгляд с младенцев на женщину и заметил слезы, затуманившие ее круглые карие глаза.

Грубая длань садовника простерлась над кроватью. Экономка поспешно смахнула с лица выражение глупого восторга и с улыбкой вложила в его ладонь свою маленькую руку. Эта рука была влажной от слез.

А под аркой их рукопожатия, под неверным прицелом двух пар стариковских глаз мирно посапывали сестры-близнецы.

Было уже очень поздно, когда я покончила с записью этой истории. За окном стояла тьма, весь дом был погружен в сон. Всю вторую половину дня и часть ночи я провела за письменным столом, пока моя память фразу за фразой восстанавливала рассказ мисс Винтер, а мой карандаш выводил строку за строкой под эту диктовку. Страницы в их средней части были заполнены убористым почерком: потоком слов мисс Винтер. Временами моя рука смещалась влево, чтобы сделать на полях пометку, когда ее интонация или жест казались мне существенным дополнением к сказанному.

И вот я отодвинула от себя последний листок, отложила карандаш и помассировала затекшие пальцы. В течение нескольких часов голос мисс Винтер создавал воображаемый мир, воскрешая для меня мертвецов, и я напряженно следила за этим «кукольным спектаклем», не отвлекаясь на посторонние вещи. И только в самом конце, когда ее голос уже перестал звучать у меня в голове, но ее облик еще не рассеялся перед моим внутренним взором, я вдруг вспомнила одну деталь: серого кота, словно по волшебству появившегося у нее на коленях. Он сидел недвижно, поглаживаемый рукой хозяйки, и не сводил с меня круглых желтых глаз. Если он и видел окружающих меня привидений, если он и был способен проникнуть взором в мои тайны, то его это не слишком беспокоило; он лишь изредка жмурился и затем вновь устремлял взгляд в мою сторону.

– Как его зовут? – помнится, спросила я.

– Призрак, – обронила она рассеянно.

Я улеглась в постель, погасила ночник и закрыла глаза. У меня еще побаливал палец, натруженный карандашом, а также ныло правое плечо из-за того, что я долго просидела за столом, не меняя позы. Хотя комната погрузилась в темноту, а глаза мои были закрыты, я продолжала видеть перед собой страницу с широкими полями и бегущие по ней строки моего почерка. Внимание мое сосредоточилось на поле справа: девственно-чистое, без единой пометки, оно сверкало ослепительной, режущей глаза белизной. Эта часть страницы предназначалась для моих комментариев и вопросов.

И вот в темноте мои пальцы сомкнулись на призрачном карандаше и начали записывать вопросы, навязчиво проникавшие в мое дремотное сознание. Интересно, какие еще надписи имелись на теле Чарли, кроме имени его сестры? Как долго могут сохраняться изображения, вырезанные

на живой кости? Зарастают они со временем или остаются до самой смерти? В гробу, под землей, когда плоть его истлеет и сойдет с кости, откроется ли могильной тьме имя Изабеллы? Роланд Марч, покойный супруг, так быстро и легко забытый... Изабелла и Чарли. Чарли и Изабелла. Кто был отцом близнецов? А за всеми этими мыслями – шрам на ладони мисс Винтер. Буква «Q») – знак вопроса^[10], врезанный в человеческую плоть.

По мере того как я во сне записывала свои вопросы, поля страницы все расширялись, начали пульсировать вспышками света и, наконец, поглотили меня – с изумлением и страхом я ощутила себя зернышком бумаги, частицей материала, из которого состояла эта история. И вот так, невесомая, я всю ночь блуждала внутри истории мисс Винтер, формируя ее ландшафт, очерчивая ее контуры, балансируя на ее гранях и пытаюсь разглядеть тайны, лежащие за ее пределами.

САДЫ

Проснулась я рано. Слишком рано. Монотонный фрагмент давешней мелодии навязчиво скребся у меня в мозгу. Оставался еще целый час до того, как Джудит должна была принести завтрак. Я приготовила чашку какао, торопливо проглотила обжигающий напиток и вышла на свежий воздух.

Сад мисс Винтер оказался своего рода головоломкой. Начнем с того, что он был огромен. Живая изгородь из тиса, поначалу принятая мной за его внешнюю границу, в действительности лишь разделяла два участка сада. И таких внутренних перегородок здесь было великое множество. Мне попадались живые изгороди из кустов боярышника, бирючины или темно-пунцового бука; каменные стенки, увитые плющом, ломоносом или голыми стеблями роз; аккуратные дощатые заборчики и плетни из ивовых прутьев.

По садовым дорожкам я переходила с участка на участок и никак не могла уяснить принцип здешней планировки. В живых изгородях, казавшихся сплошными, если смотреть на них прямо, при взгляде под другим углом иногда открывался диагональный проход. По обсаженным кустами пересекающимся аллеям гулять было легко и приятно, но выбраться из этого лабиринта мне удалось только чудом. Фонтаны и статуи, которые я полагала оставленными далеко позади, вдруг снова возникали прямо передо мной. Значительную часть времени я провела не в движении, а стоя столбом и растерянно оглядываясь вокруг. Природа загадочна по своей сути, но в данном случае она как будто целенаправленно старалась сбить меня с толку.

За очередным изгибом тропы я наткнулась на бородатого молчуна, который доставлял меня сюда от железнодорожной станции.

– Морис, так меня зовут, – представился от с видимой неохотой.

– Как вы умудряетесь не заблудиться тут? – спросила я. – В этом лабиринте, должно быть, есть система, какой-то ключ?

– Только время, – сказал он, не отрываясь от своего занятия.

Он стоял на коленях над пяточком перекопанной земли и приминал ее у корней растений.

Морис был явно не в восторге от моего появления в саду. Я прекрасно его понимала, благо сама была одиночкой по натуре. После той встречи я взяла за правило, едва заметив его во время прогулок, сворачивать на ближайшую боковую дорожку. Он, похоже, избрал аналогичную тактику –

иногда, краем глаза отметив постороннее движение, я оглядывалась и видела Мориса пятящимся от выхода из аллеи или резко сворачивающим куда-то в сторону. Таким образом мы оставляли друг друга в покое: обширное пространство сада позволяло нам легко избегать ненужных встреч.

Позднее в тот день у меня была беседа с мисс Винтер, которая продолжила рассказ об усадьбе Анджелфилд и ее обитателях.

По-настоящему ее звали миссис Данн, но для детей в семье Анджелфилдов она всегда была просто Миссиз. Она, казалось, жила здесь испокон веков, что было явлением исключительным: слуги в усадьбе сменялись быстро, причем уход прежних не в полной мере компенсировался прибытием новых, пока не наступил день, когда штат домашней прислуги свелся к одной-единственной Миссиз. Являясь экономкой по должности, она фактически выполняла все виды работ: убирала комнаты и разводила огонь в камине вместо горничных, чистила кастрюли как судомойка, стряпала в качестве кухарки и прислуживала за столом в роли дворецкого. Однако ко времени рождения близняшек Миссиз уже состарилась. Слышала она плохо, а видела еще хуже, и – хотя она решительно отказывалась это признавать – выполнение столь широкого круга обязанностей было ей уже не по силам.

Миссиз имела ясное понятие о том, как следует воспитывать детей. Все должно делаться на регулярной основе: в положенное время прием пищи, в положенное время сон, в положенное время купание. Изабелла и Чарли не получили правильного воспитания – одна была чрезмерно избалована, другой рос заброшенным дичком, – и сердце Миссиз обливалось кровью при виде того, что в результате вышло из обоих. Тот факт, что брат и сестра почти не замечали близняшек, играл ей на руку, давая шанс повернуть все по-своему. План Миссиз был таков: она задумала вырастить двух совершенно нормальных, самых обыкновенных девочек посреди того хаоса, что представляла собой усадьба Анджелфилд. Регулярное трехразовое питание, отход ко сну в шесть часов вечера, посещение церкви по воскресеньям.

План был прост по замыслу, но не в исполнении.

Первой серьезной проблемой стали драки, точнее, избиения. Аделина при всяком удобном случае набрасывалась на сестру, молотя ее руками и

ногами, или, вынув щипцами горящий уголек из камина, гонялась за Эммелиной по всему дому и, догнав, прижигала углем ее белые руки. Миссиз затруднялась определить, что ее беспокоит сильнее: безжалостная агрессия Аделины или пассивное принятие Эммелиной такого порядка вещей. Ибо, умоляя сестру прекратить мучения, она ни разу не попыталась дать сдачи. Она покорно сносила все побои и издевательства, дожидаясь, когда садистка устанет и утихомирится, но никогда не подняла на нее руку в ответ. Наблюдая за ними, Миссиз пришла к заключению, что вся отпущенная на двоих доброта сконцентрировалась в Эммелине, а вся злобность досталась на долю ее сестры.

С регулярным питанием также возникли сложности. Как правило, в час приема пищи детей просто невозможно было найти. Эммелина очень любила поесть, но эта любовь не признавала никакой дисциплины. Ее аппетит не удовлетворялся тремя приемами пищи в день – он был ненасытен и в то же время капризен. Он требовал своего десять, двадцать, пятьдесят раз на дню, но быстро исчезал, подавленный всего двумя-тремя кусочками чего-нибудь съестного. Эммелина была упитанным ребенком, но ее полнота поддерживалась исключительно за счет набитых изюмом и хлебом карманов, чтобы она могла заморить червячка в любой момент, когда это потребуется. Она приходила на кухню или к обеденному столу лишь затем, чтобы наскоро пополнить карманный запас, после чего возвращалась к своим обычным занятиям: сидению перед горящим камином или лежанию где-нибудь на траве.

Иное дело была ее сестра. Аделина казалась сделанной из проволоки с узлами на месте локтевых и коленных суставов. Она как будто не нуждалась в топливе, питающем жизненными силами всех прочих смертных. Еда ее нисколько не интересовала. Никто никогда не видел ее что-нибудь жующей; подобно вечному двигателю, она являла собой замкнутую систему, получающую энергию из таинственных источников внутри нее самой. Однако вечные двигатели не существуют в природе; и когда Миссиз поутру находила пустой тарелку, на которой с вечера оставался ломтик бекона, или же булку хлеба с отломленной краюхой, она догадывалась, куда все это исчезало, ограничиваясь печальным вздохом. Ну почему ее девочки не желали есть за столом, как все нормальные дети?

Возможно, она смогла бы держать ситуацию под контролем, будь помоложе или имей дело с одной девчонкой вместо двух, говорила себе Миссиз. Однако кровь Анджелфилдов несла в себе код, который были не в силах изменить никакие воспитательные ухищрения. Миссиз долго отказывалась это признавать, обманывая саму себя, но в конечном счете

признала: с близнецами не все ладно, девочки явно со странностями. Правильнее было бы сказать: «с ними все неладно», ибо они были сплошная странность и ничего кроме странности.

Взять хотя бы их манеру разговаривать. Иногда подслеповатой экономке удавалось разглядеть из окна кухни их лица и движения губ, судя по которым они оживленно беседовали, а если окно было раскрыто, до ее ушей доносились и неясные звуки голосов. Но вот они входили в дом и становились немymi как рыбы. А если что-то и произносили, то неслышно для Миссиз. «Говорите громче!» – просила она, но все было напрасно. Слух ее слабел, а дети держались замкнуто; их разговоры не предназначались для прочих людей. «Ничего подобного! – сказала она как-то Копуну, утверждавшему, что девочки не могут нормально говорить. – Между собой они болтают будь здоров».

Понимание пришло к ней одним зимним днем. Обе девочки были дома; Аделина на сей раз последовала примеру сестры, предпочитавшей проводить время в тепле у камина, а не разгуливать под дождем. Обычно Миссиз жила как бы в тумане, но в тот день ее зрение и слух каким-то чудом ненадолго обострились. Проходя мимо двери гостиной, она уловила голоса девочек и остановилась послушать. Слова летали между ними, как теннисный мячик в ходе игры; иные фразы вызывали у них смех, другие – гнев и раздражение; голоса периодически то повышались до крика, то понижались до шепота. Со стороны это походило на разговор двух обыкновенных детей. Но у Миссиз упало сердце. То, что она услышала, не походило ни на один известный ей язык – ни на английский, ни на французский, которым часто пользовалась Матильда, жена Джорджа, а позднее Чарли и Изабелла. Джон был прав: девочки говорили ненормально.

Потрясенная этой догадкой, она замерла в дверном проеме. И, как это часто случается, за одним неожиданным открытием последовало другое. Часы на каминной полке начали отбивать время; при этом, как всегда, сработал хитроумный механизм – птичка под стеклом выпорхнула из своей клетки и, описав круг, вернулась на прежнее место. С началом боя часов девочки повернули головы в их сторону. Две пары широко открытых зеленых глаз, не мигая, наблюдали за тем, как птичка, поднимая и опуская крылья, совершает свой механический полет.

Выражение этих глаз нельзя было назвать холодно-бездушным или нечеловеческим. Просто они смотрели на птичку так, как многие дети смотрят на движущиеся неживые объекты. Для Миссиз же это обернулось новым потрясением. Она вспомнила, что точно так же девочки смотрели и на нее саму, когда она бранилась или читала им нотации.

«Они не воспринимают меня как живое существо, – догадалась Миссиз. – Наверно, они думают, что в мире вообще нет ничего живого, кроме них самих».

Надо отдать должное доброте Миссиз: она не сочла детей какими-то неполноценными уродцами или монстрами. Вместо этого она их пожалела.

«Как же они должны быть одиноки, – подумала она. – Страшно одиноки вдвоем».

И, отойдя от двери, зашаркала прочь.

С того дня Миссиз поставила крест на воспитательной программе. Регулярное питание, купания, воскресные походы в церковь, двое милых, самых обыкновенных детишек – все эти мечты пошли прахом. Теперь у нее была одна забота: их здоровье и безопасность.

После долгих раздумий она нашла всему этому приемлемое объяснение. Близнецы всегда вместе, всегда вдвоем. Но если в их мире сдвоенность была естественным состоянием, то как они должны воспринимать других людей, существующих поодиночке? Мы должны видеться им какими-то нелепыми половинками, рассудила Миссиз. Она попыталась вспомнить, как по-научному именуют людей, у которых были ампутированы те или иные части тела, и ей пришло в голову слово «ампутанты». Вот кто мы для них – ампутанты.

Нормальные дети? Конечно же нет. Девочки не были и никогда уже не будут абсолютно нормальными. Но ведь мы имеем дело с близнецами, а это особый случай, успокаивала она себя. В подобных случаях всякие странности неизбежны и, может быть, даже закономерны.

Разумеется, все ампутанты стремятся к состоянию сдвоенности. Обычные люди – то есть не близнецы – ищут родственные души, влюбляются, сочетаются браком. Страдая от собственной незавершенности, они пытаются составить пару с кем-нибудь. В этом смысле Миссиз не была исключением из правил. У нее тоже имелась своя половинка: Джон по прозвищу Копун.

Они не были семейной парой в традиционном понимании. Они не были женаты; они даже не были любовниками. Старше его на десяток с лишним лет, Миссиз, правда, еще не годилась Джону в матери, но и эта разница была слишком велика для его представлений о подходящей партии. Ко времени их первой встречи она уже достигла того возраста, в котором глупо надеяться на замужество. Он же, будучи мужчиной в расцвете сил, всерьез подумывал о женитьбе, однако с этим как-то не сложилось. Регулярно общаясь с Миссиз по хозяйственным делам, каждое утро

попивая с ней чай и каждый вечер ужиная в ее компании, он постепенно отвык от молодых женщин и перестал искать их общества. При некотором усилии воображения эти двое, вероятно, смогли бы преодолеть разделявший их барьер; они могли бы признать свои чувства тем, чем они, собственно, и являлись: чистой, глубокой и благородной любовью. В другое время и другой обстановке Джон мог бы попросить Миссиз стать его женой, и она могла бы ответить согласием. Во всяком случае вполне можно представить себе один из пятничных вечеров, когда после жареной рыбы с картофельным пюре или фруктового пирога с заварным кремом он берет ее – или она берет его – за руку и они вместе удаляются в укромную тишину его или ее опочивальни. Но такая идея ни разу не посетила их головы. И они остались просто друзьями, подобно супружеской паре на склоне лет, питая друг к другу нежную привязанность, эту обратную сторону страсти, даже если самой страсти так и не нашлось места в их жизни.

Его звали Джон-копун, официально – Джон Коупенс. Он был не очень силен в грамоте и, когда прошли его школьные годы (а прошли они быстро, ибо лет этих было раз, два и обчелся), стал подписывать свою фамилию так, как ему было проще и удобнее. Тем более что в таком виде фамилия как нельзя лучше отражала то, кем он был и чем он занимался. Итак, он стал подписываться Джон Копун, а окрестная ребятня вскоре понизила фамилию до уровня прозвища: Джон-копун.

Он был весьма колоритным мужчиной. Глаза его напоминали два осколка синего стекла, когда сквозь них смотришь на солнце. У него были белые волосы, которые в районе макушки стояли дыбом, как тянущиеся к свету молодые побеги. Когда он работал физически, например вскапывал грядки, на его щеках загорались ярко-красные пятна. А копать он умел как никто. У него был особый подход к садоводству, основанный на лунных фазах, с которыми он сверял всю свою деятельность. По вечерам он углублялся в таблицы и графики, рассчитывая наиболее подходящее время для тех или иных работ. Его прадед ухаживал за садом таким способом; аналогично поступали его дед и отец. Семейные секреты мастерства передавались из поколения в поколение.

Представители их семейства традиционно служили в Анджелфилде. В давние времена, когда за садом ухаживали аж семь человек под началом старшего садовника, прадед Джона насадил вдоль задней стены дома живую изгородь из самшита. Подстригая ее в первый раз, он решил не выбрасывать черенки и поместил их в питомник, откуда они по достижении десятидюймовой высоты были перенесены в сад. Когда саженцы

разрослись, часть из них он превратил в низкие ровные изгороди, а другим позволил широко распустить ветви и затем формировал из них шары, конусы, пирамиды или цилиндры, учитывая предрасположенность каждого куста к той или иной геометрической форме. Трудясь над живым материалом, этот человек с большими и грубыми руками проявлял терпение и аккуратность, скорее свойственные кропотливой работе кружевниц. Он принципиально не создавал скульптуры людей или животных – никаких павлинов, львов или велосипедистов, которые нередко встречаются в других подобных садах. Ему нравились либо строгие геометрические фигуры, либо нечто ошеломляюще абстрактное.

Под старость прадед все больше внимания уделял своему фигурному садику. Он старался как можно быстрее разделаться с другими работами, чтобы остаток дня провести среди самшитовых и тисовых кустов, нежно глядя руками их грани и представляя, какими они станут через пятьдесят или сто лет, когда достигнут взрослого, по их меркам, возраста.

После смерти старика садовые ножницы перешли в руки его сына, а еще через несколько десятилетий достались внуку, с кончиной которого наследство принял Джон-копун, до того стажировавшийся в богатом поместье милях в тридцати отсюда. Хотя по возвращении в Анджелфилд он был назначен всего лишь младшим садовником, фигурный садик с самого начала перешел в его полное ведение. Да и могло ли быть иначе? Он взял ножницы, чьи гладкие деревянные ручки были стерты ладонями его отца, и почувствовал, что они ему в самый раз по руке. Он был у себя дома.

Впоследствии, когда Джордж Анджелфилд потерял жену, а численность прислуги в усадьбе начала быстро сокращаться, пока не свелась к минимуму, Джон-копун остался на своем месте. Другие садовники уходили, замены им не было, и в результате еще сравнительно молодой человек занял должность старшего садовника. Правда, при отсутствии подчиненных. Работы было невпроворот; хозяин ничем не интересовался и никак не поощрял его труды. Между тем по соседству было много других садов, где его охотно приняли бы даже без рекомендаций – такое доверие внушал один лишь его вид. Однако он не покинул Анджелфилд. Как можно? Всякий раз, когда Джон, отработав очередной день, вкладывал ножницы в потертый кожаный чехол, ему не было нужды напоминать себе о том, что кусты, которые он только что подстригал, были когда-то посажены его прадедом и что все движения, которые он совершал в процессе работы, были в точности такими же, какие совершали на протяжении трех поколений его предки. Все это стало частью его натуры и уже не требовало напоминаний. Иначе просто и быть не

могло. Как и его питомцы-деревья, он пустил глубокие корни в земле Анджелфилда.

Учитывая вышеизложенное, нетрудно вообразить, какие чувства испытал он однажды утром, обнаружив свой сад жестоко изуродованным. Глубокие раны зияли в боках тисовых деревьев, обнажая коричневую древесину их сердец. Шарообразные кусты были обезглавлены; грани самшитовых пирамид утратили идеальную форму, иссеченные беспорядочными ударами; верхушки конусов были срублены, а цилиндры превратились в груды ломаных сучьев. Он уставился на разбросанные по лужайке длинные ветви, еще зеленые и свежие, хотя их увядание, засыхание и преждевременная смерть были не за горами.

Сотрясаемый дрожью, которая распространялась от его сердца по всему телу и передавалась земле под его ногами, Джон попытался понять, что здесь произошло. Могла ли какая-то особо изощренная буря выбрать в качестве жертвы его фигурный садик, пощадив все остальное вокруг? Однако бури, даже самые изощренные, не налетают бесшумно.

Нет. Это было делом человеческих рук.

Завернув за угол, он нашел подтверждение тому: на росистой траве валялись садовые ножницы с широко раздвинутыми лезвиями, а чуть далее – пила.

Когда Джон не пришел к завтраку, Миссиз забеспокоилась и пошла его искать. Дойдя до фигурного садика, она в ужасе поднесла руку ко рту, а затем, придерживая передник, ускорила шаг.

Обнаружив садовника, она подняла его с земли. Копун еле переставлял ноги и тяжело опирался на ее плечо, когда она вела его на кухню. Здесь она усадила его в кресло и приготовила чай, горячий и сладкий, а он между тем смотрел в пустоту. Без лишних слов Миссиз поднесла чашку к его губам и заставила глоток за глотком выпить обжигающую жидкость. Наконец она смогла уловить его взгляд и, прочтя в нем неизбывное горе, сама разразилась рыданиями.

– Ох, Копун! Я знаю, я знаю...

Он положил ей руки на плечи, и до сих пор не оставлявшая его дрожь теперь начала сотрясать и ее тело.

После полудня дети не появились в доме, и Миссиз не стала тратить время на их поиски. Они пришли вечером; Джон все еще сидел в кресле, совершенно подавленный случившимся. При виде близняшек он вздрогнул. Две пары зеленых глаз оглядели комнату, уделив его бледному лицу не

больше внимания, чем часам на каминной полке.

Прежде чем уложить девочек спать, Миссиз перевязала порезы на их руках, оставленные пилой и садовыми ножницами.

– Вы не должны трогать вещи в сарайчике Джона, – бормотала она скорее по привычке. – Они очень острые и могут вас покалечить.

Но в конце она не выдержала и, отнюдь не рассчитывая на какое-то внимание с их стороны, вскричала со слезами в голосе:

– Почему вы это сделали?! Ну почему, почему?! Вы же разбили его сердце...

Вдруг она почувствовала прикосновение детской руки.

– Миссиз огорчена, – сказала девочка. Это была Эмелина.

Пораженная, Миссиз сморгнула слезы с ресниц и поглядела на нее.

– Джон-копун огорчен, – продолжило дитя.

– Да, – сказала Миссиз, – мы оба огорчены.

Девочка улыбнулась. В ее улыбке не было злорадства. Не было также и чувства вины. Этой улыбкой она просто выражала удовлетворение от того, что ей удалось правильно объяснить причину нового для нее явления. Она увидела слезы на глазах Миссиз. Ее это озадачило. Но теперь она нашла правильный ответ на эту загадку. Ответом было «огорчение».

Миссиз закрыла дверь детской и спустилась на первый этаж. Она чувствовала, что в их отношениях произошел некий прорыв. Впервые установился контакт, и, возможно, это было началом чего-то более серьезного. Неужели когда-нибудь эта девочка ее поймет?

С такими мыслями она отправилась на кухню, чтобы разделить с Джоном его горе.

Этой ночью я видела сон.

Гуляя по саду мисс Винтер, я встретила свою сестру.

Сияющая и прекрасная, она развернула свои золотистые крылья, как будто хотела меня обнять, и я исполнилась радости. Но, подойдя ближе, я заметила, что она слепа и не Может меня узнать. Радость сменилась глубоким отчаянием.

Проснувшись, я свернулась калачиком и долго лежала так, Дожидаясь, когда утихнет жгучая боль в правом боку.

МЕРРИЛИ И ДЕТСКАЯ КОЛЯСКА

Дом мисс Винтер стоял на отшибе, а его обитатели вели замкнутый образ жизни, и потому я была удивлена, когда через несколько дней после моего появления в этих стенах услышала звук подъезжающего к главному входу автомобиля. Из окна библиотеки я разглядела только открывшуюся черную дверцу и фигуру высокого темноволосого мужчины, который поднялся на крыльцо и исчез из поля моего зрения. Коротко тренькнул дверной звонок.

Я повстречала его на следующий день. После прогулки по саду я приближалась к дому со стороны главного входа, когда позади меня раздался характерный шорох катящихся по гравию автомобильных шин. Я остановилась в нескольких шагах от крыльца, на открытом месте. Упустить меня из виду было сложно, однако люди чаще всего видят лишь то, что заранее ожидают увидеть. Если же кто-то ожидает увидеть пустое место, ему это, как правило, удастся. Подъехавший к дому человек меня не заметил.

Облик его был суров и мрачен. Тяжелые надбровные дуги отбрасывали тень на глаза, тогда как видимая часть лица сохраняла каменную неподвижность. Он прихватил из машины свой саквояж, захлопнул дверцу, поднялся на крыльцо и позвонил.

Я услышала, как открылась дверь, и человек исчез внутри дома. Ни он, ни Джудит при этом не произнесли ни слова.

Позднее в тот день мисс Винтер рассказала мне историю о Меррили и детской коляске.

Подрастая, близняшки совершали все более дальние походы по окрестностям. Они обследовали все строения и сады в соседней деревне и на отдельных фермах, расположенных на землях Анджелфилдов. Такие понятия, как «границы дозволенного» и «частная собственность», для них попросту не существовали. Встретив на пути забор, они перелезали через него и продолжали идти напрямик. Забираясь в чужой двор, они не удосуживались хотя бы притворить за собой ворота или калитку. Они открывали двери черного хода, если те оказывались незапертыми – в

большинстве случаев так оно и было, поскольку люди в Анджелфилде редко пользуются замками, – и проникали в дома. Полакомившись тем, что находили в буфете, они могли часок вздремнуть на хозяйских постелях, если чувствовали себя уставшими, а затем удалялись, прихватив кастрюли и ложки, чтобы потом триумфальным посудным громом распугивать на полях птиц.

Семьи местных арендаторов были встревожены и растеряны, ибо в каждом подобном случае находились свидетели, примерно в то же самое время видевшие девочек-близнецов вдали от места преступления, если не обеих сразу, то хотя бы одну из них или, по крайней мере, кого-то очень на них похожего. В этой связи припоминались давние истории о привидениях. Всякий старинный дом имеет свои легенды и своих призраков. Само по себе внешнее сходство девочек уже отдавало чем-то сверхъестественным. Все соглашались: с ними что-то неладно. То ли из-за близнецов, то ли еще по какой причине, но местные жители – не только дет», но и взрослые – побаивались старой господской усадьбы и предпочитали держаться от нее подальше.

Но в конце концов ущерб, наносимый набегами близнецов, оказался сильнее страха перед привидениями. Особенно рассержены были жены фермеров, которые несколько раз заставляли девочек на месте преступления и, разумеется, поднимали скандал. Они громко кричали, надувая красные щеки и выплевывая потоки слов с удивительной скоростью и энергией, – все это удивляло и очень смешило близнецов. Женщины не понимали причину их смеха, расценивая его как издевательство, и ярились пуще прежнего. Какое-то время девочки наблюдали за этим спектаклем, а когда он им надоедал, поворачивались и шли прочь.

Вечером, по возвращении мужей с полевых работ, жены рассказывали о случившемся и призывали их что-нибудь предпринять, на что мужья резонно замечали: «Не забывай, ведь это господские дети». В ответ раздавалось: «Господские они там или нет, но никому не дозволено этак вот безобразить без стыда и всякого удержу! Наглых девок надобно приструнить!» Мужчины молча склоняли головы над своими тарелками, жевали мясо с картошкой и покачивали головами, чем все обычно и завершалось.

Вплоть до истории с детской коляской.

Жила в деревне молодая женщина по имени Мэри Джемсон. Она была супругой Фреда Джемсона, батрачившего на соседней ферме. Они только недавно поженились и жили в доме родителей Фреда. До замужества женщина именовалась Мэри Ли, чем объясняется прозвище, данное ей

близнецами, как известно общавшимися на своем собственном языке. Они называли ее Меррили, и это имя очень ей подходило^[11]. Нередко она перед концом рабочего дня выходила в поле навстречу мужу, и они присаживались под изгородью, где Фред выкуривал сигарету. Это был рослый мужчина с каштановыми волосами и большими ногами; сидя под изгородью, он обнимал жену за талию, щекотал и теребил, всячески стараясь ее рассмешить. Она изо всех сил старалась не смеяться, чтобы его поддразнить, но смех распирал ее изнутри, и в конце концов она не могла его сдержать.

Не будь этого смеха, она мало чем отличалась бы от прочих деревенских женщин. Ее довольно светлые волосы имели грязновато-серый оттенок, не позволявший причислить ее к настоящим блондинкам; у нее были круглые щеки, слишком массивный подбородок и слишком маленькие глаза. Но у нее был и совершенно особенный смех – столь красивый и мелодичный, что при его звуках вы невольно начинали воспринимать эту женщину не посредством зрения, а прежде всего на слух, и тогда она совершенно преображалась. Все грубые и невыразительные черты ее лица куда-то исчезали, а в их отсутствие вы видели только ее рот: полные вишневые губы, два ряда ровных белых зубов – никто другой в Анджелфилде не мог похвалиться такими зубами – и маленький, розовый, как у котенка, язык. Главным же был сам звук: прекрасная музыка смеха, струившаяся из ее горла, как бьет из глубин земли чистый прохладный родник. Так звучит сама радость. Из-за этого смеха Фред на ней и женился. Когда она смеялась, голос его теплел, и он раз за разом целовал жену в шею, при этом повторяя ее имя. Колебания воздуха от его голоса щекотали ей кожу, опять вызывая смех, и она смеялась, смеялась, смеялась...

Зимой, когда близняшки большую часть времени проводили у себя в усадьбе, Меррили разрешилась от бремени. С наступлением теплых весенних дней ее часто можно было застать во дворе дома развешивающей на солнце очередную партию выстиранного детского белья. Позади нее красовалась черная детская коляска фабричного производства. Бог знает откуда она взялась – подобные вещи не были в ходу у деревенских жителей. Наверняка эта коляска прошла через множество рук, прежде чем семья приобрела ее по дешевке (при том что вид она имела недешевый), дабы тем самым подчеркнуть значимость рождения первенца. Как бы то ни было, Меррили, вешая в ряд пеленки, ползунки и распашонки, заливисто вторила весеннему пению птиц, и песня ее была обращена непосредственно к расчудесной коляске. Конструкцию последней отличали высокие серебристые колеса, из-за чего создавалось ощущение легкости и

скорости, нехарактерное для большинства детских колясок.

Сразу за их двором начиналось поле, отделенное от него Живой изгородью. Меррили и не подозревала, что с той стороны на ее коляску уже нацелились четыре зеленых глаза.

С младенцами стирке не видно конца, а Меррили была любящей и заботливой матерью. В течение дня она чуть ли не каждые пять минут появлялась во дворе, снимая сухое белье и вешая мокрое на его место. А находясь в доме, она из кухонного окна, перед которым стоял таз для стирки, приглядывала за коляской, гревшейся в лучах солнца. При этом она все время что-нибудь напевала.

Но Меррили была не одинока в своей нежной привязанности к коляске. Это ее чувство разделяли Аделина и Эммелина.

И вот как-то раз Меррили вышла во двор с корзиной белья и обнаружила, что коляски нет на обычном месте. Она встала как громом пораженная. Рот ее широко открылся, а корзина выпала из рук и закатилась в клумбу, развесив часть своего содержимого на стеблях желтофиолей. Вместо того чтобы сразу же заглянуть за забор или обыскать заросли ежевики, Меррили продолжала стоять, очумело поворачивая голову влево-вправо, влево-вправо, как будто отказываясь верить собственным глазам, а тем временем внутри нее нарастал панический страх, который наконец вырвался наружу и пронзительным воплем вознесся к голубым небесам.

Мистер Гриффин, копавшийся в своем огороде через три дома от Джемсонов, разогнул спину и подошел вплотную к межевому заборчику. В соседнем доме матушка Стоукс оставила недомытой посуду и вышла на заднее крыльцо. Они недоуменно уставились на Меррили, словно не веря, что их вечно смеющаяся соседка способна издать столь невероятный звук. Меррили в свою очередь смотрела на них безумным взглядом и не могла произнести ни слова, как будто крик унес с собой и весь ее запас слов.

В конце концов она все-таки выдавила из себя фразу:

– Мой малыш пропал.

Услышав эти слова, соседи тотчас перешли к активным действиям. Мистер Гриффин в мгновение ока перепрыгнул один за другим три забора, взял Меррили за руку и повлек ее в обход дома, вопрошая: «Пропал? Как пропал? Куда пропал?» Матушка Стоукс исчезла с заднего крыльца и секунду спустя объявилась на улице, оглашая ее призывами о помощи.

И вот уже раздался многоголосый гул:

– Что такое? Что случилось?

– Похищен! Прямо со двора! В детской коляске!

– Вы двое давайте в ту сторону, а мы пойдем туда!

На улице перед домом Джемсонов собралась возбужденная толпа.

Они уже придумали этой вещи название. Она называлась «вуум».

Наконец поля были пройдены и вдали показался их дом. Однако, сто того чтобы направиться в ту сторону, девочки свернули к холмам на о оленьего парка. Они задумали игру. Все с той же неослабевающей огией они вкатили коляску по самому длинному склону и остановились ершине холма. Здесь они извлекли младенца и положили его,,на землю, освобожденный экипаж забралась Аделина. С побледневшим лицом, жав колени к подбородку и уцепившись руками за края кузова, она ядом подала сигнал сестре. Та крепко уперлась ногами и что было сил кнула коляску, направляя ее вниз по склону.

В воздухе повис высокий нескончаемый звук:

Это кричала от восторга Аделина, сотрясаясь всем телом внутри

летающего вниз снаряда.

Дальше случилось то, что должно было случиться.

Одно из колес зацепило выступавший из земли камень. Брызнули искры от спиц и металлического обода, и коляска продолжила движение по воздуху, на лету переворачиваясь колесами вверх. Она описала изящную дугу на фоне чистого голубого неба, но земля вздыбилась ей навстречу и яростно ухватила свое. Раздался противный брякающе-хрустящий звук, и, когда эхо от восторженного вопля Аделины угасло среди холмов, вдруг стало очень тихо.

Эммелина бегом спустилась по склону. Одно из двух задранных кверху колес было сплющено восьмеркой и косо сидело на оси; второе медленно вращалось, теряя остатки инерции.

Из смятого кузова высывалась тонкая белая рука, лежавшая на каменистой земле под каким-то неестественным углом. На ладони были видны фиолетовые ежевичные пятна и ссадины от чертополоха.

Эммелина присела на корточки и заглянула внутрь коляски. Там было темно.

Но через миг в этой темноте вспыхнули два зеленых огонька.

– Вуум! – сказала она и улыбнулась.

Игра окончилась. Пора было возвращаться домой.

За исключением собственно рассказов, мисс Винтер мало что говорила во время наших встреч. В первые дни я, входя в библиотеку, интересовалась: «Как вы себя чувствуете?» – получая один и тот же ответ: «Плохо. А вы?» – причем произносилось это с раздражением, словно я ляпнула какую-то несусветную глупость. На ее встречный вопрос я не отвечала, да она и не ждала ответа, и вскоре обмен дежурными любезностями прекратился. Ровно за минуту до назначенного времени я бочком проскальзывала в дверь, занимала свое место на стуле по другую сторону от камина и доставала из сумки блокнот. После этого она без каких-либо предваряющих слов продолжала свой рассказ с того места, где остановилась накануне. Длительность интервью не была четко регламентирована. Иногда мисс Винтер доводила повествование до конца очередного эпизода, произносила четко обозначенную голосом финальную фразу и замолкала. Наступавшая затем тишина была столь же недвусмысленна, как пустое пространство внизу страницы по окончании

главы. Я делала последние пометки в блокноте, закрывала его и, собрав свои принадлежности, удалялась. В иных случаях она обрывала рассказ внезапно, на середине сцены, а порой и на середине предложения, и я, вопросительно подняв глаза, видела ее бледное лицо, застывшее в мучительной попытке превозмочь боль. «Могу я чем-нибудь помочь?» – спросила я, когда это случилось впервые, но она лишь прикрыла глаза и жестом велела мне уйти. Когда она закончила историю о Меррили и детской коляске, я убрала карандаш и блокнот в сумку и, вставая, сказала:

– Я должна буду уехать на несколько дней.

– Нет! – резко прозвучало в ответ.

– Боюсь, мне все же придется. Изначально я рассчитывала побыть у вас совсем недолго, а задержалась уже больше чем на неделю. У меня с собой мало личных вещей.

– Морис отвезет вас в город, и вы купите там все, что хотите.

– Еще мне нужны мои книги...

Она молча указала на ряды книжных шкафов за моей спиной.

Я отрицательно покачала головой.

– Извините, но мне действительно необходимо отлучиться.

Мисс Ли, вы, должно быть, полагаете, что у нас с вами в запасе целая вечность. Возможно, для вас это и так, но мое время на вес золота. Я не желаю больше слышать ни о каких отъездах. Вопрос исчерпан.

Я закусила губу, чуть было не поддавшись этому жесткому натиску, но быстро овладела собой.

– Вы помните нашу договоренность? Три правдивых ответа? Я хочу кое-что уточнить.

Она заколебалась.

– Вы мне не верите?

Я предпочла не развивать эту тему.

– Три факта, которые могут быть подтверждены документально. Вы дали мне слово.

Она сжала губы в гневной гримасе, но все же пошла на попятную:

– Вы можете уехать в понедельник. На три дня. Но не больше. Морис отвезет вас на станцию.

Я дописала историю о Меррили и детской коляске до середины, когда в дверь постучали. Это меня удивило, поскольку до ужина было еще далеко, а Джудит прежде ни разу не появлялась во внеурочное время, прерывая мои занятия.

– Вы не могли бы заглянуть в гостиную? – попросила она. – Там

сейчас доктор Клифтон. Он хотел с вами поговорить.

Когда я вошла в гостиную, мне навстречу поднялся из кресла мужчина, которого я ранее уже видела приезжающим в этот дом. Я не слишком расположена к рукопожатиям при знакомстве и потому не огорчилась, заметив, что он также решил воздержаться от церемоний. Однако это создало паузу, затруднившую начало разговора.

– Вы биограф мисс Винтер, насколько я понимаю? – сказал он наконец.

– В этом я не уверена.

– Не уверены?

– Если она рассказывает мне правду, значит, я ее биограф. В противном случае я что-то вроде секретарши.

– М-да... – Он помедлил. – А разве это имеет значение?

– Для кого?

– Для вас.

Я и сама этого не знала, но, поскольку вопрос вряд ли относился к делу, по которому мы встретились, решила на него не отвечать.

– А вы, насколько я понимаю, врач мисс Винтер?

– Совершенно верно.

– Вы хотели меня видеть?

– Собственно говоря, это мисс Винтер пожелала, чтобы я с вами встретился. Она хотела удостовериться, что вы не питаете иллюзий относительно состояния ее здоровья.

– Понимаю.

Далее последовало сухое и четкое изложение фактов. Он назвал мне болезнь, которая ее сейчас убивала, перечислил основные симптомы и болевые ощущения, уточнил периоды суток, в которые лекарства действуют на нее эффективнее или, напротив, слабее. Он упомянул и о других заболеваниях мисс Винтер, каждое из которых также было смертельным, однако вышеназванная болезнь далеко их опередила в своем разрушительном действии. Говоря о дальнейшем течении болезни, он отметил, что сейчас желательно как можно медленнее наращивать дозы лекарств, чтобы, по его словам, «не исчерпать резерв увеличения до того, как это станет действительно необходимым».

– Сколько ей осталось? – спросила я, когда он закончил.

– Я не могу сказать точно. Другой человек на ее месте уже был бы мертв. Мисс Винтер сделана из прочного материала. А с тех пор, как здесь появились вы... – Он запнулся, как человек, чуть было не проговорившийся.

– С тех пор, как здесь появилась я?..

Доктор посмотрел на меня с сомнением, но затем все же решился:

– С тех пор как здесь появились вы, ее самочувствие несколько улучшилось. Она считает, что рассказывание историй действует на нее как анестетик.

Я не знала, что на это сказать, а доктор между тем продолжил:

– Насколько я понимаю, вы намерены уехать по своим делам...

– Так вот почему она просила вас со мной поговорить?

– Она только просила объяснить вам, что времени остается немного.

– Можете ей передать, что я это поняла.

Наша беседа закончилась. Доктор открыл передо мной дверь гостиной и, когда я проходила мимо, неожиданно заговорщицки прошептал:

– Тринадцатая сказка?.. Я так полагаю...

И на доселе невозмутимом лице промелькнуло выражение, изобличившее в нем одну из жертв «читательской лихорадки».

– Мне об этом ничего не известно, – сказала я. – Но в любом случае я не вправе делиться с вами такими сведениями.

Его загоревшиеся было глаза сразу погасли, уголок рта нервически дернулся.

– До свидания, мисс Ли.

– До свидания, доктор.

ДОКТОР И МИССИС МОДСЛИ

В последний день перед моим отъездом мисс Винтер рассказала историю о докторе и миссис Модели.

Одно дело открывать чужие ворота и забираться в чужие дома, но совсем другое – похищать младенцев. Тот факт, что дитя было вскоре найдено и ничуть не пострадало за время пребывания вне дома, в сущности, мало что менял. Это зашло чересчур далеко и не должно было остаться безнаказанным.

Однако деревенские жители не решались обратиться к Чарли напрямую. Они давно примечали, что в усадьбе творится что-то неладное, и обходили ее стороной. Трудно сказать, кого конкретно они опасались: самого Чарли, Изабеллы или привидения, по слухам обитавшего в старом доме. В конечном счете они решили обратиться к доктору Модели. Это был не тот самый доктор, чье опоздание, как полагали некоторые, стало причиной смерти при родах матери Изабеллы, а его преемник, к тому времени занимавший свой пост лет восемь-девять.

Доктор Модели был уже не молод – он давно разменял пятый десяток, – но при том выглядел как юноша. Среднего Роста, сухой и жилистый, он буквально излучал мальчишескую жизнерадостность и энергию. На своих длинных – сравнительно с туловищем – ногах он без видимых усилий развивал необычайную скорость при ходьбе. В этом с ним никто не мог соперничать. Зачастую, беседуя с кем-нибудь во время прогулки, он вдруг обнаруживал, что говорит в пустоту, и был вынужден оборачиваться к своему спутнику, который пытался в нескольких шагах позади не в силах поспеть за доктором. Под стать его физической энергии была и живость интеллекта, проявлявшаяся в самих звуках его речи, негромкой, но быстрой и четкой, а также в его умении моментально находить нужные слова применительно к данному человеку в данной обстановке. Живая игра ума чувствовалась и в его темных, блестящих оптических глазах, когда они пытливо глядели на собеседника из-под густых бровей.

Ко всему прочему Модели был наделен даром передавать свою

энергию окружающим – достоинство отнюдь не лишнее, особенно для врача. Еще только услышав его быстрые шаги на дорожке перед домом и его стук в дверь, пациент начинал чувствовать себя лучше. Доктора уважали в округе. Люди говорили, что он сам по себе является чем-то вроде укрепляющего снадобья. Его неподдельно волновало, выживет или умрет пациент, а если последний выживал – что происходило в подавляющем большинстве случаев, – то насколько успешно и быстро он идет на поправку.

Доктор Модели питал пристрастие к интеллектуальным упражнениям. Каждый случай заболевания представлялся ему увлекательной загадкой, и он не успокаивался, пока не находил ее решение. Пациенты уже не удивлялись, когда врач наносил свой повторный визит рано утром, накануне проводя ночь за изучением симптомов болезни и теперь спеша задать им еще один важный, по его мнению, вопрос. А когда диагноз был наконец поставлен, доктор с не меньшим рвением приступал к лечебным процедурам. Он добросовестно просматривал медицинскую литературу и был в курсе всех общепринятых методов лечения, но его творческий и любознательный ум стремился найти новые подходы даже к таким банальным заболеваниям, как ангина. Он по крупицам собирал информацию, которая позволила бы ему не только излечить больное горло, но и прояснить сам феномен ангины в совершенно новом, нетрадиционном свете. Толковый, энергичный и дружелюбный, он был превосходным доктором и милым человеком. Хотя и не без недостатков, как и большинство людей.

Деревенская делегация, прибывшая к доктору, включала отца и деда жертвы похищения, а также местного трактирщика – помятого вида мужчину, не желавшего оставаться в стороне от любого общественного начинания. Доктор Модели радушно принял троицу и внимательно выслушал рассказ обоих Джемсонов. Они начали издалека – с распахнутых настежь ворот и дверей, затем перешли к раздражающе регулярным исчезновениям кастрюль и, наконец, добрались до кульминации: похищения ребенка вместе с детской коляской.

– С ними нет никакого сладу, – сказал в заключение Джемсон-младший.

– Совсем отбились от рук, – посетовал Джемсон-старший.

– А вы что думаете по этому поводу? – обратился доктор к третьему делегату, Уилфреду Боннеру, доселе молчавшему.

Мистер Боннер стянул с головы картуз и шумно, с присвистом вздохнул.

– Что ж, я человек, медицинским наукам не обученный, но, по моему скромному разумению, девочки не в порядке, – произнес он, сопроводив эти слова очень многозначительным взглядом и, дабы придать сказанному дополнительную выразительность, трижды хлопнул себя ладонью по затылку.

После этой реплики трое мужчин принялись мрачно разглядывать носки собственных ботинок.

– Предоставьте это дело мне, – сказал доктор. – Я поговорю с их семьей.

Засим троица удалилась. Они сделали, что могли. Теперь очередь была за доктором как самым авторитетным членом местной общины.

Он обещал поговорить с обитателями господской усадьбы, но прежде завел разговор на эту тему со своей женой.

– Я не думаю, что они делали это со зла, – заметила она, выслушав доктора. – Ты же знаешь, какими бывают девочки. Им гораздо интереснее играть с живым ребенком, чем с куклами. Они наверняка не хотели причинить ему вреда. Тем не менее необходимо сказать им, чтобы больше так не поступали. Бедняжка Мэри... – Она подняла взгляд от шитья и повернулась лицом к доктору.

Миссис Модели была очень привлекательной женщиной. Ее большие карие глаза смотрелись особенно эффектно в окаймлении длинных загнутых ресниц, а ее темные волосы без малейших проблесков седины были собраны на затылке в простую прическу, какую лишь истинная красавица может себе позволить без риска выглядеть простушкой. Все движения ее были исполнены плавной грации.

Доктор знал, что его жена хороша собой, но они состояли в браке уже так долго, что он перестал обращать на это внимание.

– В деревне думают, что эти девочки умственно отсталые, – сказал он.

– Конечно же нет!

– По крайней мере, так считает Уилфред Боннер.

Она удивленно покачала головой.

– Его пугает то, что они близнецы. Это все старые предрассудки. Слава богу, молодое поколение не столь невежественно.

Доктор был человеком науки. Исходя из данных медицинской статистики, он полагал психическую ненормальность близнецов маловероятной, однако не мог исключить такую возможность до тех пор, пока лично не осмотрит девочек. Его, впрочем, несколько не удивило, что его супруга – чьи глубокие религиозные чувства не позволяли ей думать дурно о своих ближних – сразу же встала на их защиту.

– Я уверен, что ты права, – пробормотал он с неопределенной интонацией, указывающей на то, что на самом деле он был уверен в обратном.

Он давно оставил попытки убедить жену в том, что свято верить можно лишь в непреложные истины; она же была воспитана в праведном заблуждении, что «истина» и «благие пожелания» суть одно и то же, и упорно отказывалась видеть различие между этими понятиями.

– Как ты думаешь поступить? – спросила она.

– Навещу их семью. Чарльз Анджелфилд живет отшельником, но меня ему придется принять и выслушать.

Миссис Модели кивнула, что с ее стороны было обычным выражением несогласия, хотя муж об этом и не подозревал.

– А как насчет матери девочек? – спросила она. – Что ты о ней знаешь?

– Почти ничего.

Доктор замолчал, продолжая размышлять, а миссис Модели склонилась над своим вязаньем. Четверть часа спустя ее муж подал голос:

– Может быть, ты сходишь к ним вместо меня, Теодора? Их матери, наверно, будет удобнее обсуждать эту тему с женщиной. Что ты на это скажешь?

Три дня спустя миссис Модели прибыла к дому Анджелфилдов и постучалась в парадную дверь. Не дождавшись ответной реакции, она удивленно наморщила лоб – ведь она заранее послала записку, предупреждая о своем визите, – и обошла вокруг дома. Кухонная дверь оказалась приоткрытой, и она после короткого предупреждающего стука вошла внутрь. На кухне никого не было. Миссис Модели огляделась. Три яблока на столе – потемневшие, сморщенные и уже начавшие разлагаться; замызганное до черноты полотенце на краю раковины; гора грязной посуды; давным-давно не мытое окно, сквозь толстый слой пыли на котором невозможно отличить день от ночи. Точеный носик миссис Модели уловил запахи, недвусмысленно дополнившие первое впечатление. Она поджала губы, расправила плечи, покрепче ухватила черепаховую ручку своей сумочки и двинулась дальше, исполненная миссионерского рвения. Но, перемещаясь по огромному дому в поисках Изабеллы, она всюду находила только вопиющий беспорядок, грязь и мерзость запустения.

Старуха экономка быстро уставала, с трудом поднималась по лестнице и совсем плохо видела. Иногда ей казалось, что она недавно производила уборку в данном помещении, хотя на самом деле с той поры могли пройти многие месяцы; еще чаще она намеревалась прибраться, но потом забывала о своем намерении. Сказать по правде, Миссиз не следила за чистотой еще

и потому, что никому не было до этого дела.

Основные ее усилия были направлены на кормление девочек, которым еще повезло, что она кое-как управлялась хотя бы с этим. Пыль нарастала слой за слоем. Если какая-то картина на стене однажды перекашивалась, она могла оставаться в перекошенном состоянии годами; если же Чарли не находил в кабинете корзину для бумаг, он просто бросал скомканные бумажки в то место, где прежде стояла корзина, рассудив, что проще будет как-нибудь собраться и выгрести весь мусор один раз в году, нежели проделывать эту операцию еженедельно.

Миссис Модели совсем не понравилось то, что она увидела. Она нахмурилась, взглянув на полузакрытые шторами окна, сокрушенно вздохнула над потерявшим блеск столовым серебром, покачала головой при виде кастрюль на лестничных ступеньках и нотных листов, рассыпанных по полу в передней. В гостиной она машинально нагнулась, чтобы поднять с пола игральную карту (тройку пик), и огляделась в поисках остальной колоды, но сразу же отказалась от попыток ее найти среди нагромождений всякого хлама. Беспомощно взглянув на карту у себя в руке, она заметила покрывавшую ее грязь и, будучи от природы большой чистюлей, испытала сильное желание поскорее избавиться от этого предмета. Вот только куда положить карту? Несколько секунд она простояла в тревожном бездействии, разрываясь между желанием прервать контакт своей белой перчатки с липкой игровой картой и врожденной привычкой к порядку, не позволявшей ей положить вещь в ненадлежащее место. В конечном счете она, брезгливо содрогнувшись, поместила карту на ручку кожаного кресла и с облегчением покинула гостиную.

Библиотека выглядела несколько лучше. Здесь, разумеется, также лежала пыль, зато книги, как им и положено, рядами стояли на полках, а не валялись где попало. Но когда она уже почти поверила, что в доме этих отвратительных грязнуль все-таки сохранилась некая видимость порядка, взор ее наткнулся на чью-то импровизированную постель. Скрытая в темном углу меж рядами книжных шкафов, она состояла из побитого молью одеяла и засаленной подушки. Докторша сперва подумала, что здесь спят кошки, однако затем ей на глаза попался уголок сунутой под подушку книги. Осторожно, двумя пальчиками, она извлекла ее на свет. Это была «Джен Эйр».

Из библиотеки она проследовала в музыкальный зал, где застала тот же беспорядок, что и в прочих комнатах. Нерациональная и нелепая расстановка мебели заставляла думать, что это помещение служило полигоном для игры в прятки. Шезлонг был повернут к стене; на стуле

громоздился сундук, который был перемещен сюда от окна, – проделанный им волоком путь обозначала широкая полоса на пыльном ковре, в этом месте обнаружившем свой первоначально зеленый цвет. Из вазы на крышке рояля торчали сухие почерневшие стебли, а вокруг нее лежали кружком опавшие пеплообразные лепестки. Миссис Модели осторожно взяла один лепесток; он рассыпался в прах, оставив желтоватый налет на белоснежных пальцах ее перчатки.

Ноги ее подкосились, и она села – чтоб не сказать рухнула – на табурет перед роялем.

Супруга доктора вовсе не была плохой женщиной. Но, глубоко убежденная в собственном священном предназначении, она верила, что Господь неусыпно следит за каждым ее шагом и слышит каждое сказанное ею слово, и была настолько поглощена корчеванием ростков гордыни, порождаемой ощущением своей праведности, что просто не замечала иных совершаемых ею ошибок. Она являлась благодетельницей по призванию, а это значило, что все сотворенное ею зло творилось неосознанно и только с наилучшими намерениями.

Какие мысли роились в ее голове, когда она сидела на неудобном вращающемся табурете у рояля и глядела в пространство? Она попала в дом, хозяева которого годами не меняли цветы в вазах. Неудивительно, что их дети так дурно воспитаны! Серьезность проблемы окончательно дошла до ее сознания лишь при виде вазы с мертвыми стеблями, и только полнейшим душевным смятением можно объяснить ее следующие действия: она сняла белые перчатки и опустила пальцы обеих рук на черно-серые клавиши рояля.

Отвратительный звук, наполнивший комнату, менее всего напоминал звук музыкального инструмента. Отчасти это объяснялось ужасным состоянием рояля, расстроенного до последней степени. Но дело было не только в этом. Дребезжание рояльных струн сопровождалось еще одним звуком, ничуть не более мелодичным: визгливо-шепелявым завыванием сродни воплю кошки, которой наступили на хвост.

Контраст между этой жуткой какофонией и предшествовавшей тишиной был чересчур резок. Миссис Модели потрясенно уставилась на рояль, встала с табурета и поднесла ладони к ушам. После всего этого у нее оставался лишь один краткий миг на то, чтобы осознать: она была здесь не одна.

Из-за спинки шезлонга поднялась неясная фигура в белом...

Бедная миссис Модели.

Она едва успела заметить, что белая фигура угрожающе вздымает

скрипку и что эта скрипка очень быстро и энергично перемещается в ее сторону. Прежде чем она хоть как-то среагировала, скрипка обрушилась на ее череп; в глазах докторши потемнело, и она без чувств рухнула навзничь.

Она безжизненно простерлась на полу, раскинув руки в стороны, и белоснежный носовой платочек пугливо высовывался из-под ремешка ее наручных часов. Клубы пыли, поднятые с ковра при ее падении, медленно оседали обратно.

Так она пролежала примерно полчаса. На ее счастье, Миссиз по возвращении с фермы, куда она ходила за свежими яйцами, случайно заглянула в эту комнату и заинтересовалась происхождением большого темного пятна перед роялем, где она прежде таких пятен не наблюдала.

А белая фигура исчезла без следа.

Когда я вечерами записывала историю мисс Винтер, ее голос заполнял мою комнату почти так же явственно, как это ранее происходило в библиотеке. У нее была особенная манера произносить слова, которые отпечатывались в моей памяти, как на фонограмме. На сей раз после слов «исчезла без следа» она сделала паузу; я замерла, держа карандаш над страницей и ожидая продолжения.

Я была так поглощена ее историей, что не сразу смогла иерефокусировать взгляд с распростертой на пыльном попу воображаемой докторши на реальную рассказчицу. Когда же я с этим справилась, увиденное меня напугало. Обычная бледность мисс Винтер приобрела желтовато-серый оттенок, а ее тело, всегда отличавшееся прямой осанкой, мучительно напряглось, словно с трудом выдерживало чей-то незримый натиск. По дрожанию ее губ было похоже, что она проигрывает эту борьбу; но затем ей все же удалось подавить гримасу боли.

Я в тревоге поднялась со стула, не зная, что предпринять.

– Мисс Винтер! – воскликнула я растерянно. – Что с вами?

– Мой волк... – пробормотала она что-то в этом роде, и при попытке заговорить губы ее вновь задрожали.

Она закрыла глаза; дыхание ее было тяжелым и неровным. Я уже хотела звать на помощь Джудит, но мисс Винтер, похоже, сама справилась с приступом. Теперь она дышала спокойнее, лицевые мышцы перестали дергаться, и, хотя смертельная бледность еще не прошла, она смогла открыть глаза и взглянула на меня.

– Лучше... – произнесла она слабым голосом. Я медленно заняла свое место на стуле.

– Мне послышалось, вы что-то сказали о волке.

– Да. Так я называю черную тварь, которая начинает глодать мои кости, как только ей предоставляется шанс. Обычно волк прячется по темным закоулкам, потому что боится вот этого. – Она указала на упаковку белых таблеток на столике у нее под рукой. – Но надолго их не хватает. Сейчас около двенадцати часов, и действие ослабевает. В такие минуты волк и вгрызается мне в загривок. К половине первого он успевает глубоко запустить клыки, и пытка продолжается до часу пополудни, когда я могу принять очередную таблетку и загнать его обратно в угол. Мы с ним оба внимательно следим за часами. С каждым днем он нападает пятью минутами раньше прежнего, но мне нельзя принять таблетку на пять минут Раньше. Таков режим.

– Но ведь ваш доктор...

– Да, он корректирует дозу каждую неделю или раз в десять дней. Но ее никогда не хватает на весь промежуток времени до следующего приема. Доктор с этим строг – он, видите ли, не хочет оказаться моим невольным убийцей и предоставляет эту роль волку.

Она посмотрела на меня сурово; затем ее лицо несколько смягчилось.

– Таблетки всегда под рукой, видите? И стакан воды. Стоит мне захотеть, и я в любое время положу конец мучениям. Только не вздумайте меня жалеть. Я сама избрала этот путь, потому что мне нужно продержаться подольше и еще кое-что сделать.

Я кивнула и сказала:

– Хорошо.

– Ну так давайте продолжим. На чем мы остановились?

– Жена доктора. Лежит в комнате. Удар скрипкой, – вкратце напомнила я.

И мы продолжили.

Чарли не привык решать проблемы.

Проблем этих у него было предостаточно – дырявая крыша, лопнувшие оконные стекла, дохлые голуби в мансарде и так далее, – однако он ими пренебрегал. Или не замечал вовсе, будучи далек от реальной жизни. Если дождевая вода через дыры в крыше заливала одну комнату, он

просто перебирался в другую, благо дом был достаточно просторен. Возможно, при его неповоротливом уме Чарли толком не уяснил, что люди должны периодически предпринимать некоторые усилия для того, чтобы поддерживать свои жилища в порядке. С другой стороны, разрушение было как раз во вкусе Чарли. Среди разрухи он чувствовал себя в своей стихии.

Но даже для Чарли безжизненное тело докторской жены в его доме являлось проблемой, которой он не мог пренебречь. Куда ни шло, если бы здесь умер кто-нибудь из своих... Но посторонний – это уже другой коленкор. Что-то нужно было делать, но что именно? Чарли пребывал в растерянности, молча глядя на докторшу, когда та вдруг застонала и поднесла руку к своей разбитой голове. Хотя Чарли и был туповат, он понял, что это означало. Неприятностей теперь было не избежать.

Миссиз отправила Джона-копуна за доктором, и тот не замедлил с прибытием. Какое-то время казалось, что предчувствие надвигающейся катастрофы обмануло Чарли, – докторша почти не пострадала физически, да и полученное ею нервное потрясение было не столь уж сильным. Она отказалась от бренди, но выпила чашку чая и вскоре совершенно оправилась.

– Это была женщина, – сообщила она. – Женщина в белом.

– Глупости, – поспешно заявила Миссиз. – Здесь нет женщины в белом.

В глазах докторши блестели слезы обиды, но она твердо стояла на своем:

– Но я же сама видела, – это была женщина хрупкого сложения в белом платье. Она сидела в шезлонге, а потом вдруг поднялась и...

– Ты ее хорошо разглядела? – спросил доктор Модели.

– Нет, все случилось слишком быстро.

– Уверяю вас, это невозможно, – прервала ее Миссиз. Голос звучал сочувственно, но тон был категоричен. – В доме нет никаких женщин в белом. Вы, должно быть, увидели призрак.

Тут впервые подал голос Джон-копун:

– Говорят, здесь водится нечистая сила.

Присутствующие одновременно посмотрели на разбитую скрипку, валявшуюся посреди комнаты, а затем на шишку, что вздулась над виском миссис Модели, однако никто из них не успел высказаться по поводу призрачной версии происшедшего, поскольку в дверях появилась Изабелла. Стройная и гибкая, она была облачена в платье бледно-лимонного цвета; нечесанные волосы лежали как попало, прекрасные глаза Диковато блуждали по комнате.

– Похожа эта женщина на ту, что нанесла удар? – спросил доктор свою жену.

Миссис Модели сравнила Изабеллу с картинкой, запечатлевшей в ее памяти. Так ли уж велика разница между белым и бледно-лимонным цветами? Можно ли назвать сложение этой женщины хрупким? В какой степени удар скрипкой по голове может повлиять на восприятие действительности? Докторша была не уверена, однако вид ярких изумрудных глаз вызвал в ней какую-то ассоциацию с недавним происшествием, и она решилась:

– Да. Это та самая женщина.

Миссиз и Джон-копун старались не смотреть друг на друга.

С этого момента доктор позабыл о своей пострадавшей супруге и сосредоточился на Изабелле. Разглядывая ее пристально и дружелюбно, хотя и с некоторой тревогой, он задавал ей вопрос за вопросом. Если она отказывалась отвечать, доктор не настаивал, а ее немногие ответы – то игривые, то раздраженные, а то и вовсе бессмысленные – выслушивал с величайшим вниманием, одновременно делая пометки в своем блокноте. Взяв ее за кисть, чтобы измерить пульс, он заметил многочисленные шрамы от порезов на внутренней стороне ее предплечья.

– Она сделала это сама?

Миссиз неохотно признала: «Да», и доктор пожевал губами, что являлось признаком серьезной обеспокоенности.

– Могу я поговорить с вами наедине, сэр? – спросил он у Чарли.

Тот никак не прореагировал, однако доктор настойчиво взял его под руку и со словами: «Может, пройдем в библиотеку?» – вывел из комнаты.

Оставшиеся в гостиной Миссиз и супруга доктора ждали, делая вид, что не прислушиваются к голосам, доносившимся из библиотеки. Собственно, оттуда доносился лишь один голос, негромкий и спокойный. Когда этот голос умолк, раздалось «Нет!» и еще раз «Нет!» – то были резкие выкрики Чарли, а затем вновь заговорил доктор. Они отсутствовали довольно долго, и односложные протесты Чарли повторялись еще не раз, прежде чем дверь отворилась и доктор вошел в гостиную. Вид у него был серьезный и взволнованный. Из-за его спины донесся вопль отчаяния и бессилия, на что доктор лишь поморщился и прикрыл за собой дверь.

– Ее нужно отвезти в психиатрическую лечебницу, – сообщил он Миссиз. – Транспорт я обеспечу. В два часа вас устроит?

Ошеломленная Миссиз молча кивнула, и доктор с женой отбыли.

В два часа пополудни трое людей явились в их дом, вывели Изабеллу и посадили ее в четырехместный экипаж. Она безропотно им подчинилась,

заняла указанное ей место и даже не попыталась выглянуть из окошка, когда лошади затрусили по аллее к воротам усадьбы.

Близняшки, не проявляя никакого интереса к происходящему, рисовали носками туфель круги на садовой дорожке.

Чарли стоял на крыльце, провожая взглядом удалявшийся экипаж. Он походил на ребенка, у которого отняли любимую игрушку и который не мог – пока еще не мог – поверить в свершившуюся несправедливость.

Из холла за ним следили Миссиз и Джон-копун, с тревогой дожидаясь, когда суть происшедшего окончательно дойдет до его сознания.

Экипаж выехал за ворота и исчез из виду. Чарли продолжал смотреть на распахнутые створки ворот; прошло три, четыре, пять секунд. Чарли широко открыл рот. Этот рот перекашивался и подергивался, демонстрируя трепещущий язык, влажную красноту глотки и струйки слюны, протянувшиеся поперек темной ротовой полости. Мы замерли, готовясь услышать жуткий звук, который вот-вот должен был вырваться из этой конвульсивно вибрирующей глотки, но звук все никак не мог созреть. На протяжении еще нескольких секунд он накапливался внутри Чарли, пока не переполнил все его тело. И тогда Чарли рухнул на колени, и звук нашел выход наружу. Однако это был не чудовищный рев, которого можно было ожидать, а какой-то нелепый утробный всхлип.

Девочки отвлеклись от своего занятия, коротко взглянули на Чарли, но уже через секунду продолжили рисование кругов. Джон-копун скрипнул зубами и пошел в сад, к своей Повседневной работе. Ему здесь делать было нечего. Миссиз приблизилась к Чарли, положила руку ему на плечо и начала успокаивать, прося вернуться в дом, но он оставался глух к ее словам и только сопел и шмыгал носом, как обиженный мальчишка. Вот и все.

«Вот и все»? Эти слова показались мне слишком уж сдержанным завершением истории о том, как мисс Винтер лишилась матери. Разумеется, она была невысокого мнения о материнских качествах Изабеллы, да и само слово «мать» было чуждым ее лексикону. Оно и не удивительно: из сказанного явствовало, что Изабелла не питала к своим дочерям никаких родительских чувств. Впрочем, кто я такая, чтобы судить о взаимоотношениях других людей с их матерями?

Закрыв блокнот, я поднялась со стула.

– Я вернусь через три дня, то есть в четверг, – напомнила я ей.
И вышла, оставив мисс Винтер наедине с ее черным волком.

КАБИНЕТ ДИККЕНСА

Я покончила со своими ежевечерними записями. Все мои двенадцать карандашей затупилась; пора было их очинить. Один за другим я вставляла карандаши в машинку для заточки. Если вертеть ее рукоятку медленно и плавно, можно получить извивающуюся стружку длиной от края стола до самого дна корзины для бумаг, но сегодня я слишком устала, и стружки то и дело обрывались на весу.

Я думала об истории и об ее персонажах. Миссиз и Джон-копун мне нравились. Чарли и Изабелла вызывали раздражение. Доктор и его жена, безусловно, руководствовались благородными мотивами, однако я подозревала, что их вмешательство в судьбу близняшек ни к чему хорошему не приведет.

Что касается близнецов, то тут я пребывала в растерянности. Я могла судить о них только со слов третьих лиц. Джон-копун считал, что они не умеют нормально разговаривать; Миссиз была уверена, что они не воспринимают прочих людей как полноценных живых существ; деревенские жители и вовсе полагали их сумасшедшими. При всем том я, как ни странно, не знала мнения о них самой рассказчицы. Мисс Винтер походила на источник света, освещающий все вокруг, кроме самого себя. Она была черной дырой в самом сердце повествования. Она говорила о своих героях в третьем лице и только в последнем эпизоде вернула местоимение «мы», тогда как местоимение «я» до сих пор не прозвучало ни разу.

Если бы я спросила ее об этом, предугадать ответ было нетрудно: «Мисс Ли, у нас с вами есть договоренность». Я и прежде задавала ей вопросы, уточняя некоторые детали рассказа, и, хотя временами она снисходила до комментариев, чаще звучало напоминание о нашей первой встрече: «Никакого обмана. Никаких забеганий вперед. Никаких вопросов».

Посему я смирилась с тем, что мне еще долго придется строить догадки; однако в тот же самый вечер произошли события, несколько прояснившие ситуацию.

Прибравшись на письменном столе, я занималась укладкой чемодана, когда раздался стук в дверь. Я открыла ее и увидела перед собой Джудит.

– Мисс Винтер просила узнать, не уделите ли вы ей несколько минут прямо сейчас? – Я не сомневалась, что это был вежливый перевод куда более краткой команды: «Приведи сюда мисс Ли» или чего-нибудь в этом

роде.

Я сложила последнюю блузку, поместила ее в чемодан и отправилась в библиотеку.

Мисс Винтер сидела на своем обычном месте, освещаемая пламенем камина, тогда как остальная часть библиотеки была погружена во мрак.

– Включить свет? – спросила я с порога.

– Нет, – донеслось из дальнего конца комнаты, и я двинулась туда по темному проходу между шкафами.

Ставни были открыты, и в зеркалах отражалось усеянное звездами ночное небо.

Добравшись до мисс Винтер, я застала ее в глубокой задумчивости. Тогда я села на стул и принялась наблюдать за отражением звезд в зеркалах. Так прошло полчаса; мисс Винтер размышляла, а я молча ждала.

Наконец она заговорила:

– Вы когда-нибудь видели картину, на которой изображен Диккенс в его рабочем кабинете? Художника, кажется, зовут Басе^[12]. У меня где-то должна быть репродукция, потом найду ее для вас. Диккенс дремлет в отодвинутом от стола кресле; глаза его закрыты, бородатая голова склонена на грудь. На ногах его домашние тапочки. А вокруг него витают, подобно сигарному дыму, персонажи его книг: иные кружат над страницами раскрытой на столе рукописи, иные парят за его спиной, а иные спускаются вниз, словно рассчитывают прогуляться по полу, подобно живым людям. А почему бы и нет? Они выписаны теми же четкими линиями, что и сам автор, так почему бы им не быть столь же реальными? Во всяком случае, они более реальны, чем книги на полках, которые художник обозначил лишь небрежными, призрачными штрихами.

Вы спросите, к чему я сейчас это вспомнила? Данная картина может послужить иллюстрацией того, как я провела большую часть своей жизни. Я заперлась от окружающего мира в своем кабинете, где компанию мне составляли лишь герои, созданные моей фантазией. На протяжении почти шестидесяти лет я безнаказанно подслушивала разговоры этих несуществующих людей. Я бесстыдно заглядывала в их души, в их спальни и ватерклозеты. Я следила за каждым движением их перьев, когда они писали любовные письма и завещания. Я наблюдала за влюбленными в минуты, когда они занимались любовью, за убийцами в момент совершения убийства, за детьми во время их тайных игр. Передо мной распахивались двери тюрем и борделей; парусные суда и караваны верблюдов перевозили меня через моря и пустыни; по моей прихоти сменялись века и континенты. Я лицезрела душевное ничтожество великих

мира сего и благородство сирых и убогих. Я так низко склонялась над постелями спящих, что они могли почувствовать мое дыхание на своих лицах. Я видела их сны.

Мой кабинет был заполнен персонажами, ждущими, когда я о них напишу. Все эти воображаемые люди стремились войти в жизнь, они настойчиво дергали меня за рукав и кричали: «Я следующий! Теперь моя очередь!» Мне приходилось делать выбор. И когда он был сделан, остальные затихали на десяток месяцев или на год, пока я не заканчивала очередную историю, а потом вновь поднималась та же кутерьма.

И всякий раз на протяжении этих лет, когда я отрывала взгляд от страницы, дописав историю, или задумавшись над сценой смерти, или просто подбирая нужное слово, я видела позади этой толпы одно и то же лицо. Хорошо знакомое лицо. Белая кожа, рыжеватые волосы, ярко-зеленые глаза, пристально глядящие на меня. Я прекрасно знала, кто это, но тем не менее всегда удивленно вздрагивала, ее увидев. Ей удавалось застать меня врасплох. Порой она открывала рот и пыталась что-то мне сказать, но она была слишком далека, и за все эти годы я ни разу не услышала ее голос. Сама же я спешила отвлечься на что-нибудь другое с таким видом, будто не заметила ее вовсе. Хотя не думаю, что мне удавалось обмануть ее этой уловкой.

Людей удивляет моя работоспособность. Все дело в этой девчонке. Я вынуждена была начинать новую книгу уже через пять минут после окончания предыдущей только потому, что боялась оторвать взгляд от письменного стола, ибо тогда наверняка встретила бы глазами с ней.

Проходили годы; росло число моих книг на магазинных полках, и соответственно сокращалось число персонажей, населявших мой рабочий кабинет. С каждой новой книгой хор голосов в моей голове звучал все тише. Воображаемые люди, домогавшиеся моего внимания, исчезали один за другим, а позади этой редевшей группы, с каждой книгой придвигаясь все ближе, неизменно была она. Зеленоглазая девчонка. Она ждала.

И вот настал день, когда я закончила рукопись моей последней книги. Я написала заключительную фразу и поставила точку. Я знала, что будет дальше. Перо выскользнуло из моей руки, глаза закрылись.

«Ну вот и все, — услышала я ее (или свой собственный?) голос. — Теперь мы остались вдвоем».

Я попыталась с ней спорить.

«Эта история у меня не выйдет, — говорила я. — Она случилась так давно, я тогда была еще ребенком. Я все забыла».

Но мои отговорки не подействовали.

«Зато я ничего не забыла, – сказала она. – Вспомни, как...»
Бесполезно противиться неизбежному. Я вспомнила все.

Едва уловимая вибрация воздуха в библиотеке прекратилась. Я перевела взгляд со звездного неба на мисс Винтер. Она неотрывно смотрела в одну точку, как будто в этот самый момент видела перед собой зеленоглазую девчонку с медно-красными волосами.

– Та девочка – это всего лишь вы сами, – сказала я.

– Я? – Мисс Винтер медленно перевела взгляд с призрачного ребенка на меня. – Нет, это не я. Скорее... – Она запнулась. – Скорее, это мое прошлое. Эта девочка ушла из жизни много лет назад. Она перестала существовать в ночь пожара, как если бы действительно сгинула в пламени. Человек, которого вы сейчас видите перед собой, – это ничто.

– Но ваша писательская карьера... ваши истории...

– Когда ты есть ничто, пустое место, остается только дать волю фантазии. Ты стараешься хоть чем-нибудь заполнить пустоту.

Мы продолжили сидеть в молчании, глядя на каминное пламя. Изредка мисс Винтер рассеянно потирала ладонь правой руки.

– Тот ваш очерк о Жюле и Эдмоне Ландье... – произнесла она после долгой паузы.

Я медленно повернула голову в ее сторону.

– Почему вы взялись писать именно о них? Чем вас привлекла эта тема? Что-нибудь личное?

Я покачала головой:

– Да нет, ничего такого.

И вновь установилось молчание – лишь мигали равнодушные звезды да потрескивали дрова в камине.

Прошло, наверное, не меньше часа; огонь уже угасал, когда она заговорила в третий раз.

– Маргарет... – Впервые за все это время она обратилась ко мне по имени. – Вы завтра уедете...

– Да, – сказала я.

– Но вы ведь вернетесь, правда?

Мне было трудно разглядеть ее лицо в слабом свете тлеющий уголь, и я не берусь судить, насколько дрожь ее голоса была вызвана общей усталостью и болезнью, но за секунду до того, как я ответила: «Конечно же, я вернусь», мне показалось, что мисс Винтер боится.

На следующее утро Морис отвез меня на станцию, и я села в поезд, идущий на юг.

ЕЖЕГОДНИКИ

С какого еще места начинать изыскания, как не со своего дома, с родного букинистического магазина?

Меня всегда привлекали старые ежегодники. Еще будучи ребенком, в минуты беспокойства, скуки или страха я направлялась к этим полкам, чтобы пролистать страницы с именами, датами и краткими комментариями. Там, под этими обложками, людские жизни резюмировались в нескольких абсолютно нейтральных по тону строчках. Почти все мужчины в мире ежегодников были лордами, баронетами, епископами или министрами, а женщины были их женами и дочерьми. Скупые строки не давали вам ни малейшего представления о том, какие блюда данный человек предпочитал есть на завтрак, кого он любил и в какую форму облекались его ночные кошмары после того, как он задувал свечу в своей спальне. Эти строки вообще никак не характеризовали его личность. Почему же тогда я не могла оставаться равнодушной, получая самые общие сведения о почтенных покойниках? Только потому, что они когда-то являлись живыми людьми, – они когда-то жили, а теперь они были мертвы.

Просмотр ежегодников порождал особое волнение внутри меня. Именно внутри. В процессе чтения та часть меня, что Уже находилась по ту сторону, пробуждалась и тихонько давала знать о себе.

Я никому не раскрывала причину моего интереса к старым ежегодникам; я даже ни разу не обмолвилась, что они меня интересуют. Однако отец это заметил, и, когда такие издания появлялись на распродажах, он приобретал их для меня. В результате вышло так, что несколько поколений всех более-менее значимых британских мертвецов упокоилось в книжных шкафах на втором этаже нашего магазина, где я частенько составляла им компанию.

И вот теперь, сидя у окна на втором этаже, я перелистывала страницы с именами. Я нашла деда мисс Винтер, Джорджа Анджелфилда. Он не являлся ни баронетом, ни епископом, ни министром, но тем не менее сумел попасть в список. Оказывается, его предки принадлежали к титулованному дворянству, но за несколько поколений до Джорджа семейство разделилось на две ветви, одной из которых достался титул, а другой – состояние. Джордж принадлежал к «состоятельной» ветви. Ежегодники ориентировались в первую очередь на титулы, однако в данном случае родство было достаточно близким, чтобы заслужить упоминание. И вот он,

пожалуйста: Анджелфилд, Джордж; дата рождения; место жительства – Анджелфилд, Оксфордшир; в браке с Матильдой Монье из Реймса, Франция; сын Чарльз. Просматривая последующие ежегодники, я спустя десять номеров обнаружила дополнение: сын Чарльз, дочь Изабелла. Позднее я нашла сообщения о смерти Джорджа Анджелфилда и о браке Изабеллы, отныне по мужу Марч.

На минуту меня позабавила мысль, что я проделала неблизкий путь до Йоркшира, дабы узнать историю семьи, хранившуюся меж тем в этих ежегодниках, всего в нескольких футах под моей спальней. Однако почти сразу же я задалась вопросом: а что, собственно говоря, подтверждают эти документальные свидетельства? Только то, что такие люди, как Джордж и Матильда, а также их дети, Чарльз и Изабелла, существовали в действительности. Кто мог поручиться, что мисс Винтер не отыскала их тем же путем, что и я, благо эти ежегодники имеются в любой публичной библиотеке королевства. Разве не могла она, пролистав старые выпуски, отобрать ряд имен и дат, а потом вокруг них выстроить историю – так просто, развлечения ради?

Помимо этих сомнений у меня возникла еще одна проблема. Со смертью Роланда Марча из ежегодников исчезла и его вдова, Изабелла. В мире ежегодников существовали особые правила. В реальном мире семьи разрастались и рождались между собой посредством браков, чрезвычайно запутывая переплетения кровных уз. Однако титулы переходили только по старшей мужской линии, и как раз эта линия в первую очередь интересовала составителей ежегодников. Титулованные особы имели младших братьев, племянников или кузенов, чья родственная близость к главе семейства позволяла им попасть в освещаемый ежегодниками круг избранных – в качестве лиц, которые могли бы стать лордами или баронетами. Причем (хоть об этом и не говорилось открыто) не просто могли бы, но и реально могли, для чего достаточно было лишь нескольких безвременных смертей в семье. Но с дальнейшим разветвлением фамильного древа потомки этих кузенов и братьев все более отдалялись от ствола и неминуемо выпадали из поля зрения ежегодников, чтобы кануть в безвестность, ибо никакая комбинация из кораблекрушений, эпидемий и стихийных бедствий уже не могла превратить в сливки общества эту седьмую воду на киселе. Ежегодники устанавливали свои ограничения, и как раз под такое ограничение попала Изабелла. Она была женщиной; у нее не было мужского потомства; ее супруг (не лорд) был мертв; ее отец (также не лорд) был мертв. По причине всего вышеизложенного ежегодник выбросил ее и двух ее дочерей из своих благородных списков в бескрайний

океан простонародья, чьи рождения, браки и смерти – равно как их любовные связи, ночные кошмары и гастрономические предпочтения – не стоили того, чтобы фиксировать эти данные для потомства.

Однако Чарли был мужчиной, и ежегодник мог снизойти до его последующих упоминаний, хотя тень незначительности уже нависала и над ним. Информация о нем была предельно краткой. Его звали Чарльз Анджелфилд. Он родился тогда-то. Он Жил в Анджелфилде. Он не был женат. Он не был мертв. С точки зрения ежегодников, этих сведений было вполне достаточно.

Я брала один выпуск за другим и натыкалась на тот же скромный набор пометок. Открывая очередной том, я думала:

«На сей раз они его выбросят». Но каждый год он был на месте: все еще Чарльз Анджелфилд, все еще живет в Анджелфилде, все еще не женат. Я вспомнила рассказы мисс Винтер о Чарли и его сестре и закусила губу, воображая, что может означать это затянувшееся безбрачие.

И вот, когда возраст Чарли приближался к пятидесяти годам, я наткнулась на нечто новое. Имя, дата рождения, место жительства – все как прежде, но в конце странная аббревиатура, которой я ранее не замечала: «ОПУ».

Я заглянула в список сокращений.

ОПУ: официально признан умершим.

Вернувшись к записи о Чарли, я долго и внимательно ее изучала, как будто усилием взгляда могла проявить какие-то водяные знаки, разъясняющие эту загадку.

В тот год он был официально признан умершим. Насколько я знала, такая процедура проводится в случаях, когда человек бесследно исчезает, и через определенное время его родственники, претендующие на наследство, поднимают вопрос о признании его мертвым, хотя никаких свидетельств этого, как и собственно трупа, в наличии не имеется. Я даже припомнила срок: между исчезновением человека и признанием его умершим должно пройти семь лет. Он мог скончаться когда угодно в течение этого периода. Он мог и вовсе не скончаться, а блуждать где-нибудь в дальних краях или затеряться среди чужих людей, ничего не знающих о его прошлом. «Узаконенная» смерть не обязательно предполагала реальную. Я подумала: и что это могла быть за жизнь, которая пришла к столь нелепому и невнятному завершению? ОПУ.

Я закрыла ежегодник, поставила его на полку и спустилась на первый этаж, чтобы приготовить себе какао.

– Что тебе известно о юридических процедурах, необходимых для

признания пропавшего человека мертвым? – спросила я у отца, стоя над плитой в ожидании, когда закипит молоко.

– Вряд ли мне известно больше твоего, – раздалось в ответ.

А через несколько секунд он возник в дверях и протянул мне карточку с именем одного из наших постоянных клиентов.

– Вот кто тебе все объяснит. Профессор-юрист. Сейчас уже на пенсии, живет в Уэльсе, но приезжает сюда каждое лето, чтобы прикупить парочку книг и прогуляться по берегу реки. Славный старик. Почему бы тебе не послать ему письмо? Заодно сообщи, что я могу придержать для него редкий экземпляр «*Justitiae Naturalis Principia*»^[13].

Допив какао, я вернулась к ежегодникам с намерением узнать что-нибудь о Роланде Марче и его семье. Оказалось, что его дядя был довольно известным художником-любителем. Переместившись в секцию истории живописи, я выяснила, что его работы – ныне признаваемые весьма посредственными – в свое время имели громкий, хотя и недолгий успех. В книге Мортимера «Английские провинциальные портретисты» я нашла репродукцию одного из ранних творений Льюиса Энтони Марча с подписью «Портрет Роланда, племянника художника». Странное чувство возникало, когда я вглядывалась в это еще совсем юное лицо, пытаюсь уловить в нем фамильное сходство с пожилой женщиной, его дочерью. Несколько минут я посвятила изучению его припухлых, чувственных черт, его блестящих светлых волос, ленивой посадки его головы.

Наконец я закрыла книгу. Пустая трата времени. Я поняла, что даже если буду глядеть на него безотрывно сутки напролет, все равно не отыщу здесь признаков девочек-близнецов, чьим отцом он официально являлся.

АРХИВЫ «БАНБЕРИ ГЕРАЛЬД»

На следующий день я поездом отправилась в Банбери, в редакцию местной газеты «Банбери геральд». Молодой сотрудник любезно продемонстрировал мне архив. Это слово может произвести эффект на тех, кто никогда не имел дела с архивами, но я до того провела много времени в подобных местах и потому не выказала удивления или разочарования, очутившись перед обыкновенным стенным шкафом в полуподвале редакции.

– Меня интересует статья о пожаре в Анджелфилде, – коротко пояснила я. – Это было лет шестьдесят назад.

Молодой человек отыскал в шкафу коробки с номерами газет за данный период.

– И еще я хотела бы просмотреть статьи в вашем литературном разделе примерно сорокалетней давности.

– Литературный раздел? Никогда не слышал, чтобы в «Геральд» был литературный раздел.

С этими словами он передвинул стремянку, извлек из недр шкафа еще несколько коробок и присовокупил их к предыдущей партии, размещенной на длинном столе под окном.

– Здесь вам будет удобно, – заявил он, ободряюще улыбнулся и оставил меня одну.

В обнаруженной мною заметке сообщалось, что причиной пожара в Анджелфилде стал, по всей видимости, несчастный случай. Быстрому распространению огня способствовало то обстоятельство, что в здании хранились запасы бензина или керосина – по тем временам дело обычное. На момент пожара в доме не было никого, кроме двух племянниц хозяина. Обе сумели спастись и были доставлены в больницу. Сам хозяин предположительно находился за границей. (Слово «предположительно» меня насторожило. Я быстро сверила даты: оставалось еще шесть лет до официального признания его умершим.) В заключение автор статьи вскользь упомянул об архитектурной ценности здания и о том, что в своем нынешнем состоянии оно непригодно для жилья.

Я сняла копию со статьи и проглядела несколько последующих номеров в расчете на дополнительную информацию, но безрезультатно. Сложив газеты на место, я занялась другими коробками.

«Скажите мне правду» – такова была просьба молодого репортера в

старомодном костюме, бравшего у мисс Винтер интервью для «Банбери геральд» около сорока лет назад. И она до сих пор не забыла его фразу.

Однако ничего похожего на это интервью я не нашла. В газете действительно не было литературного раздела, если не считать таковым цикл нерегулярно публиковавшихся рецензий на новые книги под рубрикой «Вам это должно понравиться». Рецензентом выступала некая мисс Дженкинсон. Дважды в ее статьях мне попадалось имя Виды Винтер. Мисс Дженкинсон явно принадлежала к числу ее поклонниц, судя по восторженному тону рецензий (в целом весьма толковых и обстоятельных). При этом не возникало сомнений в том, что мисс Дженкинсон никогда лично не встречалась с мисс Винтер, а также в том, что она никак не могла быть тем самым молодым человеком в мешковатом коричневом костюме.

Закончив просмотр газет, я аккуратно разместила их по коробкам.

Молодой репортер оказался фикцией. Он сыграл роль наживки, вроде той мухи, что насаживает на крючок рыболов. И я на нее клюнула. Что ж, этого и следовало ожидать. Подтверждение того, что Джордж, Матильда, Чарли и Изабелла были реальными лицами, вселило в меня определенные надежды, однако репортер, с которого, собственно, все и началось, таковым лицом не являлся.

Я надела шляпку и перчатки и покинула редакцию «Банбери геральд».

Шагая по улице и выискивая взглядом кафе, я воспроизводила в памяти текст письма мисс Винтер. Я вспомнила, какое сильное впечатление произвели на меня тогда слова репортера из письма, как будто эхом отозвавшиеся под сводами мансарды. И вот теперь выяснилось, что этот человек был всего лишь выдумкой. Я должна была это предвидеть. Я имела дело с великой мастерицей сочинять байки. Фантазеркой. Профессиональной лгуньей. Стоит ли удивляться тому, что задевшая меня за живое просьба – «Скажите мне правду» – была произнесена не настоящим человеком, а плодом ее воображения?

Я никак не ожидала, что мое разочарование по этому поводу окажется столь болезненно-острым.

РУИНЫ

Из Банбери я выехала на автобусе.

– Анджелфилд? – переспросил меня водитель – В Анджелфилд регулярных рейсов нет. Во всяком случае, пока. Может быть, все изменится, когда там построят отель.

– Так там идет строительство?

– Хотят снести какую-то старую развалину и на ее месте поставить отель. Тогда и автобусы в те края станут ходить, а сейчас лучшее, что вы можете сделать, это доехать до «Зайца и гончих», что на Чениз-роуд, а оттуда уже добираться пешком. Это будет порядка мили.

Деревня Анджелфилд не поражала своими размерами. Через нее тянулась единственная улица, названию которой, написанному на деревянной табличке, нельзя было отказать в изысканной простоте и логичности: «Улица». Я прошла с дюжину стоявших друг против друга одноэтажных домиков. Тут и там попадалась какая-нибудь отличительная деталь – большое тисовое дерево, детские качели, деревянная скамья, – но в остальном все эти строения с их аккуратными крышами, белыми фронтонами и несложными узорами кирпичной кладки были практически неразличимы.

Окна домов смотрели в поля, разграфленные живыми изгородями, над которыми кое-где возвышались отдельные деревья. Далее виднелся луг с пасущимися овцами и коровами, а за ним темнел лес – судя по моей карте, в той стороне находился олений парк. Дорога была немощеной, но этот недостаток искупался полным отсутствием транспортного движения. Более того, я не встретила здесь ни единого человека вплоть до момента, когда, миновав крайний дом, вышла к почтовой конторе, находившейся под одной крышей с деревенской лавкой.

Двое детишек в желтых макинтошах вышли из лавки и наперегонки помчались по дороге впереди невысокой светловолосой женщины, вероятно их матери, которая задержалась у почтового ящика, пытаясь наклеить марки на конверт и при этом не уронить зажатую под мышкой газету. Мальчик остановился перед мусорным баком, подвешенным к придорожному столбу, запихнул в его щель конфетную обертку и хотел взять такой же фантик у своей младшей сестры, но та воспротивилась: «Я сама! Я сама!» Она встала на цыпочки и потянулась к щели, игнорируя запретительные окрики брата. Налетевший ветер выхватил бумажку из

пальцев и понес ее через дорогу.

– Я же тебе говорил!

Они вместе рванулись в погоню за фантиком и одновременно застыли, увидев меня. Две светлых челки разом колыхнулись над двумя парами карих глаз. Два рта раскрылись в одинаковых гримасах удивления. Не близнецы, конечно, но сходство разительное. Я поймала конфетную обертку и протянула ее детям. Девочка сделала шаг вперед, но ее более осмотрительный брат вытянутой рукой – на манер шлагбаума – преградил ей путь и позвал:

– Мам!

Светловолосая женщина у почтового ящика видела эту сценку.

– Все в порядке, Том. Пускай возьмет, – сказала она. Девочка взяла бумажку, не глядя на меня.

– Скажите «спасибо», – напомнила мать.

Дети выдавили из себя слова благодарности и с явным облегчением помчались к матери. Она приподняла девочку, которая на сей раз успешно запихнула бумажку в контейнер. Покончив с мусором, женщина вновь повернулась ко мне и на секунду задержала любопытный взгляд на моем фотоаппарате.

Анджелфилд не был тем местом, где я могла бы оставаться неприметной.

Сдержанно улыбнувшись, она пробормотала: «Приятной вам прогулки» – и поспешила за своими детьми, которые уже вовсю мчались по улице.

Я посмотрела им вслед.

На бегу дети дружно закладывали виражи, как будто связанные невидимой прочной нитью. Они меняли направление, резко притормаживали или ускорялись – и все это с какой-то телепатической синхронностью. Они напоминали двух танцоров, выделяющих па под одну и ту же неслышную для посторонних мелодию, или пару сухих листьев, одновременно подхваченных порывом ветра. В этом было нечто жутковатое и в то же время очень знакомое. Я бы охотно понаблюдала за ними дольше, но, подумав, что столь пристальное внимание может им не понравиться, повернулась и продолжила свой путь.

Через сотню-другую шагов показались ворота усадьбы. Их створки были не просто закрыты, но прочно связаны с землей и друг с другом побегами плюща, который вился меж узорами металлических решеток. Над воротами высилась белокаменная арка, опиравшаяся на две сторожевые будки с окошками. В одном из них я разглядела лист бумаги и, не устояв

перед искушением, через мокрый бурьян продралась к самому окну. Но то оказался лишь призрак официального документа. Цветная эмблема строительной компании еще сохранилась, но собственно текст превратился в два бледно-серых пятна, имевших форму прежних параграфов, а под ними – чуть более темный намек на подпись. Разобрать содержание документа, за многие месяцы выцветшего на солнце, не представлялось возможным.

Я приготовилась к долгому путешествию вдоль периметра усадьбы в поисках другого входа, но успела сделать всего несколько шагов и обнаружила деревянную калитку, запиравшуюся на щеколду. Через минуту я уже находилась по ту сторону стены.

Аллея когда-то была посыпана гравием, остатки которого сейчас просматривались сквозь жидкую щетину травы. Плавно изгибаясь, дорога вывела меня к часовне из светлого песчаника и крытому проходу на кладбище; далее она продолжала забираться вправо и терялась меж кустов и деревьев, скрывавших всю перспективу. Садовые растения давно уже перебрались через бордюры; ветви разросшихся кустов боролись за каждый дюйм свободного пространства, а уровнем ниже аналогичную битву вели меж собой буйные сорняки.

Я осмотрела часовню. Подвергшаяся перестройке в Викторианскую эпоху, она тем не менее сохраняла строгость своего изначального средневекового облика. Небольшой аккуратный шпиль указывал в небеса без очевидного намерения их проткнуть, столь характерного для его более монументальных собратьев. Часовня находилась в верхней точке кривой, которую образовывала аллея; с каждым последующим шагом обзор расширялся, и наконец впереди замаячила каменная громада – Анджелфилд-Хаус. Я остановилась как вкопанная.

Здание представало перед визитерами в неудобном ракурсе. Приближаясь к нему по аллее, вы первым делом натыкались на его угловую часть и были вынуждены гадать, с какой стороны расположен фасад. Казалось, дом, прекрасно сознавая, что гостей следует принимать лицом к лицу, в самый последний момент не удержался и, повернувшись к ним боком, уставился окнами фасада на олений парк и лесистые холмы за ним. Таким образом, гостей встречали не радушные объятия, а жесткое плечо хозяина.

Ощущение неловкости только усиливалось при наружном осмотре здания. Архитектура его была неоправданно асимметричной. Три выступа фасада – каждый в четыре этажа высотой – и двенадцать их огромных окон являли собой единственную попытку придать облику дома гармоничный

вид. Остальные окна в стенах между выступами не только разнились по форме и размерам, но и располагались в полном беспорядке: каждое из них почему-то было сдвинуто относительно своих соседей как по вертикали, так и по горизонтали. Балюстрада над третьим этажом пыталась обнять и хоть как-то скрепить весь этот сумбур, но на ее пути тут и там возникали разнокалиберные окна или эркеры, и она прерывалась, чтобы вновь объявиться уже по другую сторону препятствия. А над всем этим вздымалась ломаная линия крыши с коллекцией башенок и дымовых труб на любой вкус.

Руины? Медового цвета камень стен казался столь же чистым и свежим, как в тот день, когда его извлекли из каменоломни. Конечно, более вычурная кладка башенок местами была выщерблена, как и балюстрада, но все равно это здание никак нельзя было назвать руинами. Устремленное в небесную голубизну, с кружащими над башнями птицами и с зеленой лужайкой перед входом, оно не создавало впечатления заброшенности.

Но потом я надела очки, и все встало на свои места.

В окнах не было стекол, а оконные рамы сгнили либо выгорели при пожаре. То, что я сперва приняла за обычные тени над окнами в правом крыле здания, оказалось пятнами копоти. И птицы, нырявшие с высоты вниз, исчезали не за домом, а внутри него. Там не было крыши. Это был не дом, а лишь его остов.

Я сняла очки, и вновь мне явилась картина неплохо сохранившегося особняка елизаветинских времен. Возможно, безлунной ночью на фоне темно-фиолетового неба этот дом смотрелся бы мрачно и угрожающе, но сейчас, в ярком свете дня, он был сама невинность.

На подходе к дому аллею перегораживал забор с табличкой «Опасно. Не входить!». Заметив место, где секции забора не были скреплены, а просто примыкали друг к другу, я оттянула одну из них, пролезла в образовавшуюся щель и прикрыла ее за собой.

Обогнув жесткое плечо здания, я вышла к его фасаду. Между первым и вторым выступами стены располагалась массивная двустворчатая дверь, к которой вел широкий ряд ступеней. По бокам крыльца на низких пьедесталах стояли две огромные кошки, вырезанные из какого-то темного гладкого материала. Работа была выполнена мастерски, вплоть до изображения отдельных шерстинок, и, машинально погладив одну из кошек, я вздрогнула, ощутив под рукой холодный камень там, где подсознательно ожидала почувствовать мягкий и теплый мех.

Судя по расположению и размерам черных пятен, эпицентр пожара находился в районе нижнего окна третьего выступа. Я взобралась на

отвалившуюся от стены глыбу и заглянула внутрь. Впечатление от увиденного было жутким и тягостным. Понятие «комната» предполагает наличие каких-то универсальных, легко узнаваемых признаков. Так, моя квартира в мансарде магазина, моя детская комната в доме родителей и моя спальня в доме мисс Винтер сильно отличались друг от друга, но в них присутствовали элементы, общие для всех подобных мест у всех народов мира. Даже примитивный шалаш имеет крышу, предохраняющую от непогоды, и отверстие для входа и выхода, так что вам не составит труда отличить внутренность шалаша от окружающего пространства. Но здесь различие между внешним и внутренним практически отсутствовало.

Балки перекрытий обрушились – иные под косым углом, вонзившись концами в груды камней и обгорелых останков не поймешь чего, заполнявших комнату до уровня подоконника. В местах скрещения балок примостились старые птичьи гнезда. Должно быть, птицы занесли сюда семена, а снег и дождь, которые, как и солнечные лучи, свободно проникали в сердце руин, создали условия для их прорастания; я разглядела по-зимнему голые стебли златоцвета и чахлые за недостатком солнца побеги бузины. По стенам, как рисунок обоев, расползлся плющ. Просунув голову в окно, я взглянула вверх. Сравнительно неповрежденные стены уходили ввысь, но от потолка комнаты сохранились только четыре необвалившиеся балки. Далее все шло тем же порядком: отдельные балки на уровне разных этажей пересекали пустое пространство, а в самом конце этого туннеля был виден свет. Голубое небо.

Даже привидение не смогло бы существовать в такой обстановке.

А ведь когда-то здесь были ковры, мебель, картины на стенах. Канделябры и люстры освещали то, что ныне освещалось только солнцем. Что это была за комната: гостиная, музыкальный зал, столовая?

Я оглядела груды не поддававшегося опознанию мусора. Какая-то деталь привлекла мое внимание. Сначала я приняла ее за одну из упавших вертикально балок, однако она заметно уступала им по толщине. К тому же она подозрительно плотно прилегала к стенке. Далее виднелась еще одна такая же. И еще. Обгорелые деревянные брусья располагались с одинаковыми промежутками и имели пазы в местах, где с ними прежде были стыкованы поперечины. А в самом углу даже сохранились остатки одной из таких поперечин.

И тут меня осенило.

Эти брусья с перекладинами были в прошлом книжными стеллажами. Здесь, на месте поросших сорняками руин, когда-то находилась библиотека.

Минуту спустя я уже была внутри здания, забравшись туда через окно.

Осторожно, нащупывая ногой опору, я обследовала комнату, заглядывая во все углы и щели, но уцелевших книг здесь не было. Я, собственно, и не думала их найти – никакая книга не способна пережить такое бедствие. Но воздержаться от попытки было выше моих сил.

Я сфотографировала оконный проем, остатки книжных полок и массивной дубовой двери.

Выбирая удобную позицию, чтобы поместить в кадре разверстый зев огромного камина, я полуприсела – и вдруг замерла в этой позе. Сердце забилося учащенно. Что это было сейчас? Я что-то услышала? Или почувствовала? Может, сместился какой-то предмет в глубине кучи под моими ногами? Нет. Все было тихо. Медленно я приблизилась к пролому в стене, достаточно широкому, чтобы через него можно было пройти.

Я оказалась в холле. Вот и двустворчатая парадная дверь, которую я видела снаружи. Каменная лестница не пострадала при пожаре; остатки перил были перевиты плющом. В целом лестница впечатляла – плавным изгибом она спускалась со второго этажа, постепенно расширяясь книзу. Нечто вроде изящной перевернутой запятой.

Лестница вела на галерею, некогда тянувшуюся по всей ширине холла. Теперь же от одного конца галереи остались только торчавшие вкривь и вкось головешки половиц да гора обломков на каменном полу первого этажа. Однако другой ее конец с виду был в приличном состоянии. На всякий случай держась подальше от перил, я осторожно прошла по галерее и вступила в коридор. Здесь над головой имелся потолок; уцелели также доски пола и двери комнат. Я очутилась в той части дома, что избежала полного разрушения. Ее даже можно было счесть пригодной для жилья.

Сделав несколько снимков, я двинулась по коридору, пробуя ногой половицы, прежде чем переносить на них вес тела.

За первой дверью открылся провал, ветви деревьев и голубое небо. Ни стен, ни потолка, ни пола – только простор и свежий воздух.

Я закрыла дверь и, убеждая себя не нервничать, продолжила путь вдоль коридора. Шаг за шагом я достигла второй двери, повернула ручку, и дверь легко распахнулась.

Какое-то движение!

Моя сестра!

Я едва не бросилась к ней.

Едва.

Но это было всего лишь зеркало. Тусклое от грязи и испещренное темными пятнами, похожими на чернильные.

Я взглянула на пол, куда только что собиралась ступить. Пола не было, только двадцать футов пустоты и каменные плиты внизу.

Я уже убедилась, что это был обман зрения, но сердце продолжало колотиться в бешеном ритме. Я вновь подняла глаза и увидела ее. Существо с бледным лицом и неясными контурами фигуры, замершее в дверном проеме.

Она тоже меня увидела. Она стояла, протянув ко мне руку, как будто предлагая сделать шаг ей навстречу. В конечном счете разве это не был простейший способ с ней воссоединиться? Только один шаг.

Как долго простояла я там, глядя на эту фигуру?

– Нет, – прошептала я, но ее рука по-прежнему была поднята в призывном жесте. – Извини.

Рука медленно опустилась.

Затем она поднесла к лицу камеру и сфотографировала меня.

Напрасный труд. Снимки, сделанные сквозь зеркало, никогда не получаются. Я это знаю. Я пробовала.

И вот я уже стояла, взявшись за ручку третьей двери. Правило трех, как говорила мисс Винтер. Но мне сейчас было не до ее историй. Я потеряла интерес к ее жуткому дому с открытыми всем дождям внутренностями и зеркалами-ловушками.

Я решила уйти. Может, сфотографировать напоследок часовню? Но даже этого мне не хотелось. Я пойду напрямик в сельский магазин. Я позвоню оттуда в город и закажу такси. Доберусь до станции, а дальше поездом домой.

Так я и поступлю, через минуту-другую. Пока же мне хотелось немного постоять вот так, упершись лбом в поверхность двери и держась за ее ручку, нисколько не интересуясь тем, что может находиться по ту сторону, и только ожидая, когда перестанут течь слезы и уймется сердцебиение.

Я ждала.

И вот ручка двери под моими пальцами начала поворачиваться. Сама собой.

ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ВЕЛИКАН

Я побежала.

Я перескакивала через дыры в половицах коридора и преодолевала по три ступеньки лестницы одним прыжком. В какой-то момент я потеряла равновесие, попыталась ухватиться за перила, вместо этого поймав рукой стебли плюща, и лишь чудом не рухнула с высоты. Куда бежать дальше? В библиотеку? Нет, в другую сторону. В проход под аркой. Бузина и златоцвет хватали меня за одежду, я несколько раз падала на четвереньки, но тут же вскакивала и продолжала бег по руинам старого дома.

Но вот я упала уже плашмя, со всего маху, и вопль ужаса слетел с моих губ.

– Бедняжка. Я, должно быть, тебя испугал. Ох, бедняжка... – раздалось за моей спиной.

Я повернула голову и взглянула назад сквозь арочный проем.

С галереи на меня смотрел – нет, не ходячий скелет или монстр из моих кошмаров. На меня смотрел великан. Он легкими шагами спустился с лестницы, уверенно минуя многочисленные препятствия в виде камней и куч мусора, и встал надо мной. На лице его была написана глубочайшая озабоченность.

– Вот ведь незадача.

Он был ростом под два метра и очень широк в плечах – настолько широк, что внутреннее пространство здания как бы съежилось в перспективе за его спиной.

– Я совсем не хотел... Я только подумал... Ведь ты вроде бы... Но теперь это уже не суть важно... Ты не ушиблась, моя милая?

Я ощущала себя съежившейся до размеров ребенка. Впрочем, и в этом человеке при его чудовищных габаритах было нечто детское. Его пухлая круглощекая физиономия не допускала наличия морщин, а плешь на макушке была обрамлена венцом серебристо-белых кудрей. Глаза его были почти так же круглы, как оправа его очков. И эти прозрачно-голубые глаза лучились добротой и участием.

Я, должно быть, выглядела сильно потрясенной. И наверняка была очень бледна. Он опустился на колени рядом со мной и взял меня за руку.

– Ну и ну, шмякнулась ты будь здоров... Если бы только я... но я никогда... Пульс явно частит. Да уж...

У меня болела голень. Я нащупала свободной рукой прореху на колене

брюк и, поднеся пальцы к глазам, увидела кровь.

– Ох ты, милая моя... Что-то с ногой? Не иначе как сломана. Ты можешь ею пошевелить?

Я успешно пошевелила ногой, и на лице человека изобразилось огромное облегчение.

– Слава тебе, господи! Я бы себе никогда не простил. Подожди немного, и я... я сейчас вернусь... одна минута...

И он поспешно удалился. Его ноги безупречно протанцевали между многочисленными препятствиями и поскакали вверх по лестнице, тогда как его торс спокойно плыл над ними, словно не имея никакого отношения к череде стремительных движений, совершаемых нижней частью тела.

Я сделала глубокий вздох и стала ждать.

– Чайник скоро закипит, – объявил он, вернувшись.

В его руке я увидела стандартный пакет первой помощи, белый с красным крестом, из которого он извлек пузырек йода и марлевый тампон.

– Я всегда говорил: «Кто-то когда-нибудь здесь точно покалечится» – и на такой случай много лет держал эту аптечку.

Лучше перестраховаться, верно? Ох ты, бедняжка... – Он страдальчески поморщился, прижигая мое пораненное колено йодом. – Потерпи чуть-чуть, моя милая.

– У вас здесь есть электричество? – спросила я. От всего происходящего у меня шла кругом голова.

– Электричество? В этих-то руинах? – Мой вопрос его поразил и, вероятно, навел на мысль о сотрясении мозга, сказавшемся на моей способности рассуждать здраво.

– Мне показалось, вы что-то говорили о закипающем чайнике.

– А, понимаю! У меня есть походная плитка. Раньше я пользовался термосом, но... – Он тряхнул головой. – Чай из термоса не так вкусен, ты согласна? Сильно болит?

– Уже лучше.

– Молодец. А шмякнулась ты здорово!.. Но вернемся к чаю: с лимоном и сахаром тебя устроит? Молока, увы, нет. Как и холодильника.

– С лимоном будет в самый раз.

– Отлично. Погода нынче ясная, так что будем пить чай на свежем воздухе.

Он направился к парадной двери и отодвинул засов. Со скрипом – хотя и не таким сильным, как можно было ожидать, – створки разошлись в стороны. Я начала подниматься с пола.

– Не шевелись!

Великан протанцевал обратно и склонился надо мной, после чего я взлетела в воздух и была плавно вынесена наружу. Он усадил меня бочком на спину одной из каменных кошек, которыми я восхищалась часом ранее.

– Подожди здесь, я скоро вернусь и угощу тебя превосходным чаем! – сказал он, удаляясь обратно в дом.

Я видела, как его широкая спина всплыла по лестнице и исчезла в коридоре второго этажа.

– Тебе удобно?

Я кивнула.

– Чудесно! – Он улыбался так, словно это и впрямь было чудом. – Думаю, нам пора познакомиться. Меня зовут Лав. Аврелиус Альфонс Лав. Или просто Аврелиус.

Он смотрел на меня выжидающе.

– Маргарет Ли.

– Маргарет. – Он расплылся в улыбке. – Великолепно. Просто великолепно. Угощайся.

Он поместил какой-то сверток между ушей черной кошки и медленно, уголок за уголком, его развернул. На салфетке лежали два больших куска темного кекса. Я взяла свою долю и впилась в нее зубами. Кекс оказался идеальным угощением для такого холодного дня: щедро приправленный имбирем, сладкий и пряный одновременно. Великан налил чай в изящные фарфоровые чашки, поднес мне сахарницу, а затем извлек из нагрудного кармана синий бархатный футляр и открыл его. Внутри на подкладке лежала серебряная чайная ложка, ручку которой украшала вытянутая буква «А» в виде стилизованного ангела. Я взяла ложечку, помешала свой чай и вернула ему.

Я отдала должное еде и питью, а радушный хозяин меж тем устроился на спине второй кошки – или, скорее, котенка, каковым тотчас обернулся в сравнении с ним сей монументальный зверь. Он ел молча, аккуратно и сосредоточенно. При этом он поглядывал на меня, стараясь определить, нравится ли мне угощение.

– Очень вкусно, – сказала я. – Полагаю, это домашняя выпечка?

Расстояние между двумя кошками достигало десятка футов, и, обращая друг к другу, мы были вынуждены слегка повышать голос, что придавало беседе налет театральности, словно мы работали на публику. И у нас действительно была публика. На опушке парка в лучах солнца стоял олень, с любопытством нас разглядывая. Спокойный и настороженный одновременно, он был абсолютно неподвижен, только ноздри трепетали

при дыхании. Обнаружив, что я его заметила, он не попытался бежать – вероятно, решил, что меня можно не опасаться.

Мой сотрапезник вытер пальцы салфеткой, встряхнул ее, очищая от крошек, и сложил вчетверо.

– Понравилось? Этот рецепт мне дала миссис Лав. Я научился печь этот кекс, когда был еще ребенком. Миссис Лав великолепно готовила. И вообще чудесная была женщина. Увы, сейчас ее с нами нет. Конечно, она прожила долгую жизнь, но хотелось надеяться... Стало быть, не суждено.

– Понимаю, – сказала я, хотя на самом деле поняла далеко не все.

Кто была миссис Лав – его жена? Однако он сказал, что пек ее кексы еще в детстве. Если же это была его мать, почему он назвал ее «миссис Лав»? Две вещи, впрочем, были очевидны: то, что он ее любил, и то, что она умерла.

– Мне очень жаль, – сказала я.

Он принял мои соболезнования с печальным выражением лица, но уже через секунду оно прояснилось.

– Думаю, это можно считать достойным памятником в ее честь, как потвоему? Я говорю про кекс.

– Безусловно. А как давно вы ее потеряли? Он задумался, вспоминая.

– Примерно лет двадцать тому. Хотя мне кажется, что прошло много больше. Или меньше. Это ведь как посмотреть.

Я кивнула. Наши взгляды на время во многом совпадали.

Несколько секунд прошли в молчании. Взглянув в сторону парка, я увидела новых оленей, которые выходили из-за деревьев на залитую солнцем опушку. Боль в ноге стихала. Я чувствовала себя гораздо лучше.

– Скажи мне... – начал великан и запнулся. Чувствовалось, что он собирается с духом, прежде чем задать вопрос. – У тебя есть мама?

Я вздрогнула от неожиданности. Посторонние люди в общении со мной, как правило, не доходят до стадии личных вопросов.

– Мне не стоило об этом спрашивать? Прости меня, но... Как бы это сказать? Семейная тема, она ведь... Конечно, если ты против таких разговоров... Извини.

– Ничего, я не против, – сказала я.

И я действительно была не против. Возможно, сказалась серия полученных мною потрясений или же странная обстановка, в которой я находилась, но я чувствовала, что могу свободно говорить о своих личных делах с этим человеком и что все мною сказанное не выйдет за пределы этого места и не начнет свободно гулять по свету. Поэтому я ответила на его вопрос.

– Да, у меня есть мама.

– Мама! О, это так... это так... – Тоска и жажда были в его глазах. – Иметь маму – что может быть прекраснее! – наконец воскликнул он.

Это прозвучало как приглашение к дальнейшим откровенностям.

– У вас, я так понимаю, нет мамы? – спросила я.

Лицо его исказилось, как от боли.

– К сожалению... Я всегда мечтал иметь... Как и отца... Ни братьев, ни сестер. Никакой родни вообще. В детстве я часто воображал, что у меня большая семья. Я придумал себе семью: много-много поколений. Смешно, правда? – При этом ничто в выражении его лица не располагало к смеху. – Что до настоящей мамы... То есть которую бы я знал... Понятно, что матери есть у всех. Другое дело: не все знают свою мать. И я всегда надеялся, что однажды... Такое ведь может случиться, почему бы нет? Я до сих пор надеюсь.

– А-а, – только и смогла произнести я.

– Все это, конечно, глупые переживания. – Он пожал плечами с намерением подчеркнуть несерьезность сказанного, однако этот его жест вышел неубедительным. – Но мне и вправду очень хотелось иметь маму.

– Мистер Лав...

– Аврелиус. Пожалуйста, называй меня так.

– Знаете, Аврелиус, и с матерями не всегда все так просто и славно, как вам, вероятно, представляется.

– Да? – Похоже, это явилось для него откровением. Он смотрел на меня очень внимательно. – Ссоры?

– Не совсем.

Он нахмурил лоб.

– Взаимное непонимание? Я покачала головой.

– Еще хуже? – изумился он.

В поисках ответа на эту загадку он обозрел небеса и лес, но ничего там не нашел и напоследок заглянул мне в лицо.

– Тайны, – сказала я.

– Тайны! – Его глаза округлились еще больше, окончательно уподобившись по форме оправе очков. Он покачал головой, безуспешно пытаясь вникнуть в смысл мною сказанного. – Сожалею, – сказал он наконец, – но я ничем не могу тебе помочь. Я вообще мало что знаю о семьях. Почти ничего. Невежество мое безгранично. Мне очень жаль, что у тебя так вышло с тайнами. Но я уверен, что ты совершенно права.

Взгляд его был полон сострадания. Он достал из кармана и протянул мне аккуратно сложенный носовой платок.

– Извините, – сказала я, утирая слезы. – Это, наверно, последствия шока.

– Ничего удивительного.

Пока я пользовалась его платком, он смотрел в сторону оленьего парка. Небо начало темнеть. Проследив за его взглядом, я увидела мелькающие среди деревьев светлые пятна: стадо оленей уходило в лес.

– Когда вы повернули дверную ручку, я подумала, что это призрак, – сказала я. – Или ходячий скелет.

– Скелет? Я – ходячий скелет?! – Он фыркнул, и все его огромное тело затряслось от смеха.

– Но вы оказались великаном.

– Именно так! Великаном! Отсмеявшись, он добавил:

– Здесь и правда водится призрак. По крайней мере, так говорят.

«Знаю, я ее видела», – чуть было не произнесла я, хотя мое видение не имело ничего общего с тем, на что намекал он.

– А вам он не попадался? – спросила я его.

– Нет, – вздохнул великан. – Даже тени призрака, и то не видел.

Мы замолчали, думая каждый о своем.

– Становится холодно, – заметила я.

– Как твоя нога?

– Более-менее. – Я слезла со спины кошки и попробовала опереться на больную ногу. – Да, ходить могу вполне.

– Превосходно. Чудесно.

В надвигавшихся сумерках наши голоса стали звучать приглушенно.

– А кто такая миссис Лав?

– Одна добрая женщина, которая взяла меня на воспитание. Она дала мне свое имя. Она научила меня готовить. Я обязан ей всем.

Я понимающе кивнула.

– Думаю, мне пора, – сказала я, вешая на плечо фотоаппарат. – Хочу сделать несколько снимков часовни, пока еще достаточно светло. Большое спасибо за чай.

– Я тоже собираюсь уходить. Было очень приятно с тобой повидаться, Маргарет. Ты сюда еще приедешь?

– Вы живете в этом доме? – спросила я с сомнением.

Он рассмеялся. Его смех был таким же плотным и вязким, как его фирменный кекс.

– Боже мой, конечно нет! Мой дом в тех краях. – Он махнул рукой в сторону леса. – Но сюда я навещаюсь частенько для... скажем так: для размышлений.

– Дом хотят снести. Полагаю, вы это знаете?

– Знаю. – Он рассеянно погладил каменный кошачий мех. – Обидно, правда? Я буду скучать по этому месту. Честно говоря, я сначала подумал, что ты из той компании – строительный инспектор или что-то в этом роде. Но я ошибся.

– Нет, я не инспектор. Я пишу книгу о людях, которые когда-то здесь жили.

– О девочках Анджелфилдов?

– Да.

Аврелиус задумчиво покачал головой.

– Они были двойняшками, можешь себе представить? На мгновение взгляд его стал отрешенным.

– Ты здесь еще появишься, Маргарет? – спросил он, когда я взялась за свою сумку.

– Непременно.

Он полез в карман и вытянул оттуда визитную карточку: «Аврелиус Лав. Традиционная английская выпечка для свадеб, крестин и вечеринок». Он указал на адрес и номер телефона.

– Позвони мне, как соберешься приехать снова. Завернешь ко мне в гости, и я угощу тебя чем-нибудь вкусным.

Пожимая мою руку на прощание, Аврелиус легонько похлопал по ее тыльной стороне – этаким непринужденный старомодный жест. Затем его массивная фигура взлетела по ступеням крыльца, и тяжелая дверь затворилась, лязгнув засовом с внутренней стороны.

Медленно шагая по аллее к часовне, я размышляла о человеке, с которым только что подружилась. На меня это было совершенно не похоже. Перед входом на кладбище я вдруг подумала: «А что если он – это я сама? Вдруг он плод моего воображения? Может, после знакомства с мисс Винтер я – уже не совсем я?»

МОГИЛЫ

Я покинула старый дом слишком поздно; фотографировать при таком освещении не имело смысла. Посему я решила осмотреть кладбище. Оно было старым, как и сама усадьба, но небольшим ввиду скромных размеров местной общины. Я нашла могилы Джона Коупенса («Вознесен во Сады Господни» – гласила эпитафия) и женщины по имени Марта Данн («Верна во службе Господу»), которую, судя по датам на плите, можно было отождествить с Миссиз. Я переписала имена, даты и эпитафии в свой блокнот. На одной из могил я увидела свежие цветы – букет ярких оранжевых хризантем – и подошла поближе, чтобы узнать, за чьей могилой так ухаживают. Захоронение принадлежало «Незабвенной Джоан Мэри Лав».

Меня удивило отсутствие среди прочих фамилии Анджелфилдов. Но удивление длилось недолго. Как и следовало ожидать, господ не хоронили на церковном дворе за компанию с простолюдинами. Их куда более помпезные надгробия – со статуями или рельефными портретами и пространными эпитафиями – находились внутри часовни.

Там царила угрюмая полутьма. Узкие стрельчатые окна зеленоватого стекла, утопленные в кладке стен, отбрасывали тусклый свет на арки и колонны, на белые сводчатые перекрытия и черные стропила, на полированное дерево скамей.

Когда мои глаза привыкли к такому освещению, я принялась один за другим осматривать надгробные памятники, сгрудившиеся в тесном пространстве часовни. Здесь были похоронены все Анджелфилды, скончавшиеся на протяжении нескольких веков, и каждому из них посвящалась хвалебная эпитафия, высеченная на плите дорогого мрамора. Я решила отложить расшифровку всех этих надписей на следующий приезд; сейчас же меня интересовали конкретные представители рода.

Семейная склонность к надгробному многословию иссякла на Джордже Анджелфилде. Чарльз и Изабелла – ибо кому, как не им, надлежало решать этот вопрос – предпочли не вдаваться в подробности, описывая для потомков жизненный путь своего отца, и ограничились одной фразой: «Избавлен от земных скорбей, ныне он со своим Спасителем». Роль Изабеллы в этом мире и ее кончина нашли отражение в стандартной формуле: «Любимая мать и сестра, она ушла в лучший мир». Тем не менее я занесла в блокнот и эти слова, после чего прикинула по датам ее возраст.

Младше меня! Она умерла хоть и не столь трагически юной, как ее муж, но все равно в прискорбно раннем возрасте.

Чарли я нашла с большим трудом. Обследовав все надгробия в часовне и уже собираясь уходить, я в последний момент заметила среди них небольшой темный камень. Скромные размеры и неброский цвет камня как будто указывали на желание скрыть его от глаз посетителей. Высеченные на нем слова не имели позолоты, и, будучи не в состоянии их разглядеть, я прибегла к методу Брайля, определяя каждую букву на ощупь:

ЧАРЛИ АНАЖЕАФИЛА
ОН УШЕЛ ВО МРАК НОЧИ
МЫ ЕГО НИКОГДА НЕ УВИДИМ

Никаких дат на камне не было.

По спине моей пробежал холодок. Кто был автором этих слов? Вида Винтер? И что за ними скрывалось? Я, во всяком случае, уловила в них некую двусмысленность. Была это боль утраты? Или торжество расставания с мрачным прошлым?

Покинув часовню и направляясь по аллее к ограде усадьбы, я вдруг почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Аврелиус уже давно ушел, но тогда кто это мог быть? Пресловутый призрак дома Анджелфилдов? А может, пустые глазницы самого дома? Хотя, скорее всего, это был просто олень, наблюдавший за мной из тени деревьев.

– Жаль, что ты не нашла времени хоть на пару часов заглянуть домой, – вечером того же дня сказал мне в магазине отец.

– Но ведь сейчас я дома! – ответила я, изображая недоумение, хотя прекрасно поняла, что речь идет о моей матери.

Говоря по правде, я с трудом выносила неестественно оживленную, стерилизованную атмосферу ее жилища. Я привыкла обитать в тени и подружилась со своей печалью, но в этом доме моя печаль не приветствовалась. Мама, возможно, смогла бы полюбить общительную и веселую дочь, чья жизнерадостность помогла бы ей бороться с собственными страхами. А моя молчаливость ее только пугала, и я, зная это, старалась как можно реже с ней видеться.

– Я очень спешу, – объяснила я отцу. – Мисс Винтер хочет поскорее

закончить эту работу. И потом, до Рождества остается всего несколько недель. Я вернусь к тому времени.

– Да, – сказал он, – скоро Рождество.

Отец выглядел грустным и встревоженным. Я знала причину этого и сожалела, что ничем не могу здесь помочь.

– Я прихвачу с собой несколько книг. Их список оставлю на картотеке.

– Конечно. Нет проблем.

Среди ночи я пробуждаюсь с ощущением, будто край моей постели проседает под чьей-то тяжестью. Сквозь одеяло я чувствую, как мне в бок упирается нечто похожее на человеческий локоть.

Это она! Наконец-то она пришла!

Мне остается только открыть глаза и ее увидеть. Но тут меня парализует страх. Какой она окажется? Вроде меня – высокой, тонкой и темноглазой? Или (этого я и боюсь) она пришла ко мне напрямую из могилы? Что это за жуткое существо, соединения – или воссоединения – с которым я так жду и страшусь?

Понемногу страх рассеивается.

Я просыпаюсь уже в реальности.

Нажим на мое одеяло исчез вместе с ночным кошмаром. Я не знаю, радоваться этому или огорчаться.

Встав и одевшись, я быстро собираюсь и в предрассветных сумерках спешу на вокзал, чтобы успеть к первому поезду, идущему на север.

Развитие сюжета

ПОЯВЛЯЕТСЯ ЭСТЕР

Когда я покидала Йоркшир, ноябрь был еще в полной силе, но возвращалась я уже на его спаде. Дело шло к декабрю.

Для меня декабрь ассоциируется с частыми головными болями и окончательной утратой и без того неважного аппетита. Декабрь не дает мне спокойно наслаждаться чтением. Он пробуждает меня среди ночи во влажной промозглой темноте. Мои внутренние часы включают первого декабря, отмеряя минуты, часы и дни, в числе которых есть один особый – годовщина сотворения и затем разрушения моей жизни: мой день рождения. Я не люблю декабрь.

В этом году мои дурные предчувствия усугублялись дурной погодой. Тяжелое низкое небо нависало над землей, превращая день в бесконечные вечерние сумерки. По прибытии я застала Джудит снующей по дому и собирающей все обычно неиспользуемые торшеры и настольные лампы, чтобы разместить их в библиотеке, гостиной и в комнатах, отведенных для меня. В ход шло все, что могло изгнать унылый сумрак из углов, из-под стульев, из складок портьер и занавесок.

Мисс Винтер не задавала вопросов по поводу моего отсутствия; она также ничего не сказала мне о своем самочувствии, но признаки его ухудшения даже за столь короткий период были видны невооруженным глазом. Кашемировая шаль висела на ее истончившемся теле, как на вешалке, а изумруды и рубины на ее пальцах казались увеличенными за счет исхудавших рук. Белая линия посреди ее пробора заметно расширилась; седина ползла вверх по каждому волоску, сводя его резкий медно-красный цвет к бледному оттенку оранжевого. Но, несмотря на физическую слабость, мисс Винтер была полна той особой душевной энергии, которая не желает считаться с болезнями и возрастом. Войдя в библиотеку, я еще не успела занять свое место и раскрыть блокнот, как она продолжила с того самого момента, на котором в прошлый раз прервала историю, словно та успела заполнить ее до краев и неудержимо рвалась наружу.

После того как Изабеллу поместили в сумасшедший дом, местные

жители начали поговаривать, что, мол, негоже оставлять ее дочерей совсем без присмотра. Им тогда было только тринадцать лет, и они явно нуждались в благотворном женском влиянии. Может, стоило пометить их в какую-нибудь школу-интернат? Но какая школа согласится принять подобных воспитанниц? Этот вариант признали негодным, и тогда решено было пригласить в Анджелфилд гувернантку.

Вскоре нашлась подходящая кандидатура. Звали ее Эстер. Эстер Барроу. Имя не слишком красивое, так ведь и сама она не была чудом красоты.

Все это устроил доктор Модели. Чарли, замкнувшийся в своем горе, едва ли осознавал, что творится вокруг него, а мнение Джона-копуна и Миссиз, простых слуг, никто не собирался принимать в расчет. Доктор обратился к мистеру Ломаксу, адвокату семьи Анджелфилд, и эти двое при содействии управляющего банком предприняли необходимые шаги в нужном направлении. Вопрос был решен.

На нашу долю досталось лишь беспомощное, пассивное ожидание, которое каждый переносил по-своему. Миссиз испытывала смешанные чувства. Она с инстинктивным подозрением относилась к незнакомой женщине, которая вот-вот должна была вторгнуться в ее епархию, и страшилась увольнения за непригодность, каковая была очевидна и ей самой. В то же время она надеялась, что новая прислуга сумеет хотя бы отчасти дисциплинировать девочек и восстановить порядок в этом доме, где давно уже и думать забыли о таких вещах, как воспитанность и здравомыслие. Миссиз так стосковалась по налаженному домашнему быту, что накануне приезда гувернантки даже начала повышать голос и отдавать распоряжения, на которые мы, разумеется, не обращали никакого внимания.

Джон-копун был не столь противоречив в своих чувствах; говоря проще, он был настроен враждебно. Он угрюмо молчал, не реагируя на многословные рассуждения Миссиз о возможных переменах в усадьбе, и явно не разделял ее осторожного оптимизма по этому поводу. «Если она окажется подходящим человеком...» – говорила Миссиз или: «Кто знает, может, оно и к лучшему...». Но Джон смотрел в окно кухни и не поддерживал разговор. На предложение доктора встретить гувернантку на станции и привезти ее в усадьбу он ответил откровенной грубостью: «Мне недосуг таскаться через все графство из-за каких-то треклятых мамзелей», так что доктору поневоле пришлось взять это дело на себя. После трагической истории с фигурным садиком Джон стал уже не тот, что прежде, а в свете грядущих перемен он окончательно ушел в себя, часами

просиживая в одиночестве и предаваясь мрачным раздумьям. Его пугало появление новой пары глаз в этом доме, где годами никто ни за кем не приглядывал. В этой связи Джон-копун предвидел большие проблемы.

Все мы в той или иной степени испытывали страх. Все, за исключением Чарли. И когда этот день настал, один лишь Чарли остался верен себе. Он окопался в дальних комнатах, не появляясь на людях и только изредка напоминая о факте своего существования потрясавшим весь дом стуком и грохотом. Мы настолько привыкли к этим звукам, что давно уже перестали их замечать. В своей тоске по Изабелле Чарли утратил всякое представление о реальности, и прибытие гувернантки прошло для него незамеченным.

В то утро мы убивали время в одной из комнат на втором этаже. Ее можно было бы назвать спальней, если бы кровать не затерялась где-то под грудой хлама, накопившегося здесь за долгие годы. Эммелина ногтями выковыривала серебряные нити из вышивки на портьере. Справившись с очередной нитью, она прятала ее в карман, чтобы позднее добавить к тайному складу всяких блескучих безделок под своей кроватью. От этого сосредоточенного занятия ее отвлекли посторонние звуки. Кто-то приближался к дому. Вряд ли она сообразила, что это может означать, но звуки ее обеспокоили, ибо она, как и все мы, была отравлена чувством тревожного ожидания, распространившимся по усадьбе.

Итак, Эммелина первой заметила подъехавший экипаж. Сверху мы наблюдали за тем, как из него вышла женщина и, четким движением оправив юбку, огляделась по сторонам. Она посмотрела на парадную дверь, затем налево, направо и наконец – слегка отклонив назад корпус – вверх, прямо в нашу сторону. Возможно, она приняла увиденное за игру света и тени в складках колеблемой сквозняком портьеры. В любом случае нас она разглядеть не могла.

Но мы-то видели ее прекрасно. Мы смотрели через дырку в портьере, только что проделанную Эммелиной. Никакого определенного мнения о ней у нас в первый момент не сложилось. Эстер была среднего роста и среднего телосложения. Ее волосы были не особо светлыми, но и не темными. Под стать волосам был и цвет лица: не смуглый и не слишком бледный. Одежда – от туфель до шляпки – имела столь же неопределенную окраску. В ее лице не было сколько-нибудь приметных черт. И тем не менее мы таращились на нее до рези в глазах. Каждая пора на ее коже, каждая деталь ее прически и одежды была как будто подсвечена. Некое излучение распространялось и от ее ручной клади. Казалось, вся она вместе с принадлежащими ей вещами находится внутри удивительного сияющего

кокона, и это сразу отличало ее от остальных людей.

Мы не могли понять, в чем тут фокус. Ничего подобного нам прежде видеть не приходилось.

Со временем, конечно, мы все узнали.

Эстер была аккуратисткой – вычищенная, вымытая, ухоженная и отполированная до кончиков ногтей.

Можете себе представить, что она подумала об Анджелфилде.

Проведя в доме с четверть часа, она велела Миссиз позвать нас. Мы, естественно, пропустили ее призыв мимо ушей и стали ждать, что будет дальше. Мы ждали долго. И еще дольше. Ничего не произошло. Так она обставила нас в первый раз, но мы не знали, что это было еще только самое начало. Умение ловко прятаться теряет всякий смысл, если тебя никто не ищет. А она и не думала нас искать. Тихо сидя в комнате, мы скоро заскучили, а потом нас начало разбирать любопытство. Мы внимательно прислушивались к звукам на первом этаже: голосу Джона-копуна, шуму передвигаемой мебели, стуку молотка. А потом все стихло. Когда нас позвали к обеду, мы не вылезли из своего укрытия. В шесть вечера Миссиз позвала опять:

– Девочки, идите ужинать с вашей новой гувернанткой.

Мы не появились. И нас по-прежнему никто не искал. Становилось очевидным, что вновь прибывшая являла собой силу, с которой приходилось считаться.

Между тем обитатели дома стали готовиться ко сну. Мы слышали шаги на лестнице, голос Миссиз:

– Надеюсь, вам здесь будет удобно, мисс.

И голос гувернантки – сталь в бархатных ножнах – ей в ответ:

– Я в этом абсолютно уверена, миссис Данн. Спасибо вам за заботу.

– Что касается девочек, мисс Барроу...

– Об этом не беспокойтесь, миссис Данн. С ними будет все в порядке. Спокойной ночи.

Медленно, шаркая, Миссиз сошла по лестнице, и снова все стихло.

Наступила ночь, весь дом спал. Кроме нас. Давнишние попытки Миссиз приучить нас к тому, что ночью полагается спать, провалились точно так же, как и все другие ее попытки к чему-либо нас приучить. Темноты мы не боялись. Подкравшись к двери новой гувернантки, мы не расслышали ничего, Кроме легкого поскребывания мыши под половицей. Тогда Мы двинулись на кухню, к кладовой для продуктов.

Дверь кладовки не открылась. Ее врезной замок на нашей памяти ни разу не использовался по назначению, но теперь это произошло, на что

указывал и запах свежей смазки.

Эммелина в своей обычной манере – безучастно и терпеливо – ждала, когда дверь откроется, уверенная, что через минуту-другую мы получим свой хлеб с маслом и джемом.

Паниковать было еще рано. Ключ от двери наверняка находился в кармане фартука Миссиз. Она всегда держала там большую связку ключей – заржавленных, давно не бывших в употреблении ключей от всех замков в доме.

Однако заветный карман оказался пустым.

Эммелина начала нервничать из-за непредвиденной задержки.

Новая гувернантка бросила нам вызов. Но таким манером ей было нас не одолеть. На худой конец мы всегда могли пожить чем-нибудь в домах окрестных жителей.

Дверь черного хода не поддавалась толчкам и рывкам. Она была заперта с той стороны на висячий замок.

Разбитое окно в гостиной теперь было заколочено досками, а окна столовой закрыты ставнями. Оставался только один шанс. Мы направились к главному входу. Эммелина недоуменно плелась позади. Она проголодалась. К чему вся эта возня с дверьми и окнами? Когда она сможет наконец поесть? Лунного света, проникавшего в холл через витраж, оказалось достаточно, чтобы разглядеть смазанные маслом тяжелые засовы, задвинутые в верхней части дверных створок, на недоступной для нас высоте.

Мы лишились свободы.

Эммелина подала голос.

– Ням-ням, – сказала она.

Это означало, что она голодна. А когда Эммелина была голодна, ее срочно требовалось накормить. Все проще простого. Мы попали в беду. Прошло еще какое-то время, прежде чем умишко Эммелины осознал: ее желудок не получит пищи, в которой он сейчас настоятельно нуждался. Когда осознание пришло, она широко разинула рот и завопила.

Ее вопль вознесся по каменной лестнице, свернул налево по коридору, преодолел еще один лестничный марш и через щель под дверью проник в спальню новой гувернантки.

Вскоре послышался еще один звук. Не шарканье старческих ног Миссиз, но быстрые и четкие, как стук метронома, шаги Эстер Барроу. Частое, но отнюдь не торопливое «клик-клик-клик». Вниз по лестнице, потом по коридору к галерее...

Укрыться в складках портьеры было делом одной секунды, а еще через

несколько мгновений Эстер вышла из коридора на галерею. Только что пробило полночь. Она остановилась наверху лестницы – маленькая плотная фигура, не толстая и не тонкая, крепко стоящая на ногах, совершенно невозмутимая. В туго перепоясанном голубом халате, с безукоризненной прической – создавалось впечатление, что она не ложилась вовсе, а коротала ночь, сидя в кресле. Ее тонкие волосы плотно прилегали к черепу, а в чертах лица с коротким широким носом не было и намека на аристократичность. Она была невзрачной, чтоб не сказать дурнушкой, но эта невзрачность в варианте Эстер выглядела совсем не так, как у любой другой женщины. Она притягивала к себе взгляд.

Эммелина еще секунду назад рыдала от голода у подножья лестницы, но, когда перед ней предстала во всем своем величии и блеске Эстер Барроу, она прекратила плакать и воззрилась на это явление, мигом успокоившись, как будто вместо гувернантки к ней самостоятельно вышел буфет, полный бутербродов и пирожных.

– Рада тебя видеть, – сказала Эстер, спускаясь по лестнице. – Как поживаешь? Ты Аделина или Эммелина?

Эммелина открыла рот, но ничего не ответила.

– Впрочем, это не важно, – сказала гувернантка. – Не хочешь поужинать? А где твоя сестра? Может, и она будет не прочь перекусить?

– Ням, – произнесла Эммелина с одобрительной интонацией, и было непонятно, относилось это одобрение к ужину или непосредственно к Эстер.

Эстер оглядела холл в поисках второй близняшки. На портьере ее взгляд не задержался – портьера как портьера, ничего особенного, – и тогда она вновь обратилась к Эммелине.

– Пойдем со мной, – улыбнулась она и вынула ключ из кармана голубого халата. Это был чистый серебристо-голубой ключ, отполированный до блеска, и он дразняще сверкнул в голубоватом луче лунного света.

Эффект сработал.

– Блестит, – сказала Эммелина и, не задумываясь о том, что это за вещь и в чем заключается ее магия, последовала за ключом – и за Эстер – по холодному коридору в сторону кухни.

А в пыльных складках портьеры муки голода уступили место гневу. Эстер и ее ключ! Эммелина! Это было как в случае с детской коляской. Это была любовь.

Такова была первая ночь; Эстер одержала победу.

Неопрятность старого дома, вопреки ожиданиям, никак не

воздействовала на чистоплотную гувернантку. Все происходило как раз наоборот. Те немногие лучи света, которым удавалось проникнуть сквозь оконную грязь и пыль, концентрировались исключительно на Эстер. Она притягивала их к себе и затем отражала в окружающий сумрак, тем самым его оживляя и освежая. Мало-помалу исходящее от нее сияние распространялось по всему дому. В первый день по приезде Эстер это затронуло только ее собственную комнату. Она сняла занавески и погрузила их в лохань с мыльной водой. После стирки вывешенные на улице занавески явили свету узор из красных и желтых роз, наличие которого на них дотоле невозможно было заподозрить. Пока они сохли, Эстер занялась оконным стеклом, очистив его с помощью газетной бумаги и уксуса, а когда через окно внутрь стало проникать достаточно света, приступила к уборке всего помещения, от пола до потолка. К вечеру она создала в четырех стенах маленький островок чистоты. И это было только начало.

Вооружившись мылом и отбеливателем, она энергично и упорно навязывала старому дому свои понятия о гигиене. Там, где бесцельно бродили поколения его обитателей, ничего вокруг не замечавших и одержимых только своими нечистыми мыслишками, вдруг появилась Эстер – великое чудо генеральной уборки. Тридцать лет подряд течение жизни в этом доме отмерялось медленным полетом пылинок в слабом луче кое-как проникавшего сюда солнца. Теперь минуты и секунды летели в такт быстрым шагам Эстер, а пылинки изгонялись прочь решительными взмахами влажной тряпки.

После наведения чистоты пришло время наводить порядок, и первым ощутил на себе перемены сам дом. Новая гувернантка совершила полный обход помещений – от подвала до чердака – и осталась очень недовольна увиденным. Ни один чулан, ни один укромный уголок не ускользнул от ее внимания; с блокнотом и карандашом она обследовала все комнаты, отметила все дождевые лужи на полах и все расшатанные оконные рамы, опробовала на прочность все двери и половицы, подобрала ключи ко всем замкам и снабдила их соответствующими ярлычками. Уходя из очередного помещения, она запирала за собой дверь. Хотя это был всего лишь предварительный осмотр, она попутно что-нибудь меняла в каждой из комнат: тут аккуратно сворачивала и укладывала на стул одеяла, грудой валявшиеся на полу, там подбирала книгу, чтобы потом вернуть ее в библиотеку, или поправляла перекошенную портьеру. Все это делалось очень быстро, но притом не производило впечатления спешки. Казалось, ей достаточно было окинуть взглядом помещение, как потемки рассеивались, беспорядок начинал сам по себе стыдливо оправляться, а привидения в

панике бежали прочь. Таким образом, все комнаты в доме подверглись «эстеризации».

Правда, чердак несколько притормозил это победное шествие. В первый момент у нее натурально отвисла челюсть при виде чудовищного состояния крыши. Но даже при столкновении с этим хаосом дух ее остался неколебим. Захлопнув рот, она плотнее сжала губы и застрочила карандашом в блокноте с удвоенной скоростью. На следующий день прибыл плотник. Мы раньше видели его в деревне: этакий увалень с неторопливой походкой, растягивавший гласные звуки, чтобы дать губам отдых перед произнесением следующего за ними согласного. Он подряжался одновременно на шесть Или семь дел и редко доводил до конца хотя бы одно из них; большую часть дня он проводил с сигаретой в зубах, озирая фронт предстоящих работ и фаталистически покачивая головой. Плотник поднялся по ступеням крыльца в своей обычной развалисто-ленивой манере, но уже после пяти минут беседы с Эстер мы слышали стук его молотка, с пулеметной скоростью вбивающего гвозди. Она умела побуждать людей к действию.

Прошло всего несколько дней, и у нас уже были регулярные приемы пищи, регулярные отходы ко сну и регулярные подъемы по утрам. А еще через несколько дней мы имели чистые тапочки для ходьбы по дому и начищенную обувь для прогулок на улице. Наши шелковые платья были выстираны, заштопаны и убраны в шкаф в ожидании мифических «особых случаев», а для повседневного ношения мы получили новенькие поплиновые платья – темно-синие с белыми поясами и воротничками.

Эммелина расцвела при новом порядке вещей. Ее вкусно и до отвала кормили в урочные часы и временами позволяли играть – но только под строгим надзором – с чудесными блестящими ключиками Эстер. По душе ей пришлось и мытье. Сперва она вопила и брыкалась, когда Эстер и Миссиз запикивали ее в ванну, но впоследствии, увидев себя в зеркале – чистенькую, свежую, с расчесанными и перевязанными зеленым бантом волосами, – она впала в состояние восторженного транса. Ей понравилось быть чистой. В присутствии Эстер Эммелина все время косила глазом в ее сторону, рассчитывая на улыбку. А когда Эстер ей улыбалась – что бывало нередко, – Эммелина смотрела на ее лицо как зачарованная. Довольно быстро она научилась улыбаться в ответ.

В той или иной степени перемены затронули всех обитателей Анджелфида. Миссиз, невзирая на ее протесты, была отправлена к окулисту и с его помощью обрела былую остроту зрения. Она пришла в такой восторг при виде дома в его нынешнем очищенном состоянии, что

сбросила груз лет, прожитых в сумеречной серости, и начала с энтузиазмом содействовать Эстер в утверждении этого прекрасного нового мира. Даже Копун, который неохотно подчинялся распоряжениям Эстер и избегал встречаться с ее ярким всевидящим взглядом, даже он не устоял перед благотворным влиянием, которое она оказывала на жизнь усадьбы. Однажды утром, не сказав никому ни слова, он взял свои ножницы и впервые со времени катастрофы вошел в фигурный садик. Там он присоединил свои усилия к тем, что были уже предприняты самой природой, и начал устранять последствия давнего варварского насилия.

В меньшей степени влияние Эстер сказалось на Чарли. Он ее сторонился, что вполне устраивало обоих. Она не имела намерения заниматься чем-либо помимо своей работы, а ее работой были мы – наши мозги, наши тела и наши души, – тогда как наш официальный опекун находился вне сферы ее обязанностей, и она предоставила его самому себе. Она была не Джен Эйр, а он не был Рочестером^[14]. Под могучим напором этой светлой энергии Чарли ретировался в бывшие детские комнаты на втором этаже, где за плотно закрытыми дверьми он и его воспоминания продолжали тихо загнить в располагающих к этому грязи и убожестве. Для него «эффект Эстер» свелся к улучшенному питанию и наведению порядка в его финансах, которые до той поры находились в честных, но нетвердых руках Миссиз и расхищались бессовестными торгашами и прочими искателями легкой наживы. Вряд ли он заметил эти перемены к лучшему, а если даже и заметил, то вряд ли придал им значение.

Эстер держала детей под строгим контролем и вне поля зрения Чарли; если подумать, одно это уже заслуживало его благодарности. При Эстер обиженные соседи перестали являться в дом с жалобами на близнецов, а Чарли был избавлен от необходимости совершать вылазки на кухню, чтобы перехватить сэндвич, и – самое главное – он мог все свое время, каждую его минуту, проводить в своем воображаемом мире с Изабеллой, только с Изабеллой, всегда с Изабеллой. Потерю внешнего пространства он компенсировал расширением внутренней свободы. Он никогда не слышал Эстер; он никогда ее не видел; мысли о ней никогда не приходили ему в голову. В этом плане она его полностью устраивала.

Итак, это был полный триумф Эстер. Пусть лицо ее было невзрачно, как сырая картофелина, но зато она умела добиваться своего, и не было на свете такой задачи, с которой она бы не справилась, стоило ей взяться за дело всерьез.

Мисс Винтер замолчала, глядя в пустой угол комнаты, где ее прошлое являлось ей более реальным и живым, чем мне – мое настоящее. Печаль и страдание смутно угадывались в выражении ее лица. Сознывая, насколько тонка нить, связывающая ее с прошлым, я боялась нарушить эту связь своим неуместным вмешательством, но в то же время жаждала услышать продолжение истории.

Пауза, однако, затягивалась.

– А вы? – осторожно напомнила я. – Как к ней относились вы?

– Я? – Она растерянно моргнула. – Мне она нравилась. В том-то вся беда.

– Беда?

Она снова моргнула, чуть изменила позу в кресле и посмотрела на меня иным, уже острым и ясным взглядом. Связующая нить оборвалась.

– Думаю, на сегодня достаточно. Вы можете идти.

КОРОБКА ЖИЗНЕЙ

Начиная с истории об Эстер, я втянулась в прежний ритм работы. По утрам я слушала рассказы мисс Винтер, все реже делая пометки в блокноте, а потом в своей комнате, вооружившись двенадцатью карандашами и верной точилкой, по памяти записывала все услышанное. Переходя с кончика карандаша на бумагу, слова начинали звучать во мне голосом мисс Винтер; позднее, вслух перечитывая написанное, я чувствовала, как мое лицо невольно воспроизводит ее мимику. Моя левая рука опускалась и поднималась в унисон с ее выразительными жестами, тогда как моя правая недвижно лежала на колене, подобно ее искащенной кисти. Мое сознание превращало слова в живые картинки. Эстер, чистая и аккуратная, представала в ореоле серебристого света, который все разрастался, захватывая сначала ее комнату, а затем и весь дом вместе с его обитателями. Миссиз превращалась из полуслепой старой развалины в женщину с ясным и внимательным взглядом. Эммелина под влиянием сверкающей ауры Эстер трансформировалась из грязной, вечно голодной бродяжки в милую и ласковую девочку-пышечку. Исходящее от Эстер сияние достигало даже фигурного сада, где оно пробуждало и гнало в рост молодые побеги на Изувеченных самшитовых кустах. Был там, конечно, и Чарли, блуждавший во тьме за пределами светлого круга, слышимый, но невидимый. Упрямый садовник Джон-копун также находился на периферии света, не желая выходить под его лучи. И еще там была Аделина, девочка с таинственной и темной душой.

Еще ранее, работая над биографическими очерками, я завела «коробку жизней» – в ней хранились карточки с данными обо всех людях, имевших отношение к той или иной теме: имя, род занятий, даты жизни, места проживания и т. п. Иногда я могла вообразить, что таким образом доставляю радость покойникам. («Взгляни, – как будто говорили они друг другу, глядя на меня с той стороны зеркала, – она заносит нас в свои карточки! А ведь мы уже двести лет как в могиле!») Если же зеркало было затянуто мглой и я чувствовала себя заброшенной и одинокой по эту его сторону, карточки казались мне картонными надгробиями, холодными и безжизненными, а коробка, соответственно, олицетворяла собой кладбище. Круг действующих лиц в рассказах мисс Винтер был крайне узок, и это приводило меня в смятение всякий раз, когда я просматривала картотеку. Я получала только текст истории, но испытывала острую нехватку сведений о

ее героях.

В этот раз я начала заполнять новую карточку.

Эстер Барроу
Гувернантка
Анджелфилд – Хаус
Родилась:?
Умерла:?

Я остановилась и стала производить подсчеты. Девочкам тогда было тринадцать. Эстер была в расцвете сил, о чем свидетельствовали ее живость и энергия. Сколько ей было – около тридцати? Или, может, меньше – двадцать пять? То есть всего на двенадцать лет старше близняшек... Возможно ли?.. А почему нет? Мисс Винтер умирала на восьмом десятке, но это еще не значило, что кто-то старше ее дюжиной лет к этому времени обязательно должен быть мертв.

Существовал только один способ это узнать.

Я сделала еще одну запись в карточке и подчеркнула эти слова:

НУЖНО ЕЕ НАЙТИ.

Не потому ли, что я решила найти Эстер, она той же ночью явилась мне во сне?

Невысокая фигура в чистеньком голубом халате с туго завязанным поясом стояла наверху лестницы, покачивая головой и неодобрительно глядя на покрытые копотью стены, выдранные половицы и побеги плюща, ползущие вверх по каменным ступеням. Она находилась в самом центре хаоса, но пространство в непосредственной близости от нее было залито мягким умиротворенным светом. Я подошла ближе, притягиваемая к ней, как ночная бабочка к огню. Но когда я вступила в магический световой круг, ничего не изменилось. Я по-прежнему оставалась затемненной. Быстрые глаза Эстер оглядывали помещение, примечая все детали, и наконец остановились на каком-то предмете позади меня. Там моя сестра-близнец, подумала я во сне. Меня же взгляд Эстер миновал без задержки. Она меня не увидела.

Я проснулась со знакомым ощущением жгучего зуда в боку и с ходу попыталась проанализировать свой сон и выяснить причину охватившего меня страха. В самой Эстер – в ее взгляде, скользнувшем по моему лицу, – не было ничего пугающего. Меня устрасило не то, что я увидела, а то, кем

я была во сне. Если Эстер не смогла меня разглядеть, значит, я была призраком. А если так, то я была мертва. Как иначе это можно истолковать?

Я встала с постели и прошла в ванную, чтобы в плеске воды избавиться от наваждения. Старательно отворачиваясь от зеркала, я смотрела на свои руки под струей из крана, но и это зрелище повергло меня в ужас. Я знала, что эти руки одновременно существуют и там, по ту сторону зеркала, где они мертвы. И глаза, глядящие на эти руки, тоже мертвы в Зазеркалье. А мое сознание, порождающее эти мысли, – разве оно не мертво, как и все остальное? Я уже не могла противиться жуткому страху. Что я за странное, противоестественное существо? Как это подло со стороны природы: разделить человека надвое еще до его рождения, а затем убить одну из половинок! Кем я стала после этого? Наполовину покойница, которая днем влачит существование в мире живых, а по ночам ее душа блуждает в попытках соединиться со второй половинкой в призрачном чистилище...

Я приготовила горячее какао, надела халат, накинула на плечи одеяло и села писать письмо отцу. Как дела в магазине, как там мама, как он сам и – после этого вступления – что нужно сделать, чтобы разыскать человека? Существуют ли частные детективы в действительности, или они есть только в книгах? Далее я сообщила ему все немногое, что знала об Эстер. Есть ли смысл начинать поиски, располагая столь скудной информацией? Возьмется ли за такую работу частный детектив? А если не он, то кто еще может за это взяться?

Я перечитала письмо. Оно получилось достаточно спокойным и деловым, ничем не выдавая мои страхи. Рассветало. Жжение в боку прекратилось. Скоро Джудит должна была принести завтрак.

ЗА САМШИТОВЫМ КУСТОМ

Не было на свете такой задачи, с которой не справилась бы новая гувернантка, стоило ей взяться за дело всерьез. Во всяком случае, так оно казалось на первый взгляд. Однако со временем начали возникать затруднения. Первой ласточкой стала ее нелепая конфронтация с Миссиз. По завершении генеральной уборки Эстер заперла большинство комнат на замок, но спустя несколько дней все они вновь оказались открытыми. Она тут же вызвала Миссиз.

– Зачем оставлять незапертыми комнаты, которыми никто не пользуется? – спросила она. – Вы же знаете, к чему это приводит: девочки забираются туда и переворачивают все вверх дном, а нам с вами приходится снова наводить порядок.

Миссиз полностью с ней согласилась, и Эстер посчитала этот вопрос исчерпанным. Но спустя неделю комнаты снова были открыты. На сей раз она не удовлетворилась невнятным бормотанием и согласными кивками Миссиз и решительно потребовала объяснений.

– Дом нужно иногда проветривать, – объяснила Миссиз. – Если этого не делать, тут разводится плесень.

Эстер прочла ей краткую лекцию, в доходчивых выражениях рассказав о циркуляции воздуха в помещениях и причинах возникновения плесени. Покончив с этим, она отослала Миссиз, убежденная, что недоразумение разрешилось.

Но еще через неделю повторилась та же история. Теперь уже Эстер не торопилась вызывать Миссиз. Вместо этого она начала размышлять. Похоже, все это делалось неспроста. И она решила осторожно понаблюдать за Миссиз, дабы выяснить, что стоит за этим периодически повторяющимся отпиранием дверей.

Вторая проблема была связана с садовником. Эстер чувствовала, что Джон-копун относится к ней с подозрением, но не особо волновалась по этому поводу. Она совсем недавно появилась в доме, и ей нужно было своими поступками убедить его обитателей в том, что она старается для их же блага, а отнюдь не во вред. Она не сомневалась, что со временем завоеует доверие Джона. Но, хотя он как будто начал привыкать к ее присутствию, процесс этот шел на редкость медленно. И вот однажды его недоверчивое отношение к ней проявилось новым и самым неожиданным образом. Началось все с того, что Эстер обратилась к нему по самому

банальному поводу. По ее словам, она заметила в саду деревенского мальчишку, которому в это время дня полагалось находиться в школе.

– Что это за ребенок? – спросила она. – Кто его родители?

– Меня это не касается, – буркнул Джон-копун с раздражением, неприятно ее поразившим.

– Я и не думаю вас в чем-то упрекать, – сказала она примирительно. – Просто мальчик должен ходить в школу. Думаю, тут вы со мной согласны. Если вы скажете мне, кто он такой, я завтра же переговорю с его родителями и с учительницей.

Джон-копун неопределенно пожал плечами и направился к выходу из комнаты, но Эстер была не из тех, от кого так легко отделаться. Она встала на его пути и повторила свое требование. Разве она была не вправе так поступить? Вполне обоснованное требование, к тому же сформулированное в корректных выражениях. Почему бы Джону не пойти ей навстречу в таком пустяке?

Однако Джон уперся.

– Дети из деревни сюда не ходят, – сказал он угрюмо.

– Но этот ведь пришел, – стояла она на своем.

– Дети боятся сюда ходить.

– Глупости! Чего им тут бояться? Я отчетливо разглядела мальчика в широкополой шляпе и в брюках, которые ему явно велики. Его нетрудно опознать по этим приметам, и я не сомневаюсь, что вам он известен.

– Таких детей я не видел, – резко прозвучало в ответ, и Джон снова сделал попытку уйти.

Но Эстер упорно преграждала ему путь.

– Но вы не могли его не заметить...

– Тут надобен особый склад ума, мисс, чтоб видеть то, чего на самом деле нет. Я человек простой и трезвый, и я не пытаюсь разглядеть что-нибудь там, где ничего быть не может. На вашем месте, мисс, я поступил бы так же. Всего хорошего.

С этими словами он удалился, и Эстер больше не пыталась его задержать. Она стояла, покачивая головой и недоумевая, что это вдруг на него нашло. Этот дом, похоже, был полон загадок. Впрочем, она всегда любила разгадывать загадки. И сейчас она твердо решила докопаться до сути происходящего.

В подобных ситуациях Эстер привыкла полагаться на свою незаурядную интуицию и проницательность. Однако сейчас эти качества не давали ей заведомого преимущества, ибо она не знала, с кем ведет игру.

Взять хотя бы ее манеру ненадолго предоставлять близняшек самим себе, чтобы заняться другими делами, включенными в ее повестку дня. Она расчетливо выбирала время для таких перерывов, учитывая настроение девочек и степень их усталости, а также периодичность фаз активизации и расслабления, отмеченную ей у своих подопечных. Когда результаты такого анализа указывали на то, что в ближайший час дети будут отдыхать от шумных игр, она решалась оставить их без присмотра. На один из таких «тихих часов» Эстер наметила особое мероприятие: она пригласила в усадьбу доктора, чтобы с ним побеседовать. Серьезно и по секрету.

Наивная Эстер. Секреты невозможно хранить в доме, где есть дети.

Она встретила доктора у парадного входа.

– Сегодня прекрасный день. Не хотите прогуляться по саду?

И эти двое направились к фигурному садику, не подозревая, что за ними следят.

– Вы сотворили чудо, мисс Барроу, – начал доктор. – Эммелина совершенно преобразилась.

– Отнюдь.

– Именно так, уверяю вас. Вы превзошли все мои ожидания. Должен сказать, я весьма впечатлен.

Эстер наклонила голову и чуть отвернулась, став к нему вполоборота. Приняв это за проявление скромности и подумав, что смутил ее своей похвалой, доктор вежливо умолк и переключил внимание на недавно подстриженные кусты, давая гувернантке возможность прийти в себя. Не будь он столь увлечен разглядыванием геометрических фигур, доктор мог бы поймать ее брошенный искоса взгляд и осознать свою ошибку.

Ее ответ вовсе не был претензией на скромность, как это представлялось доктору. Это была констатация факта. Разумеется, Эммелина преобразилась. А как же могло быть иначе, если за дело взялась Эстер? Все под ее контролем, и никаких чудес. Так что слово «отнюдь» относилось к первой части его фразы и подчеркивало неуместность ссылок на чудо там, где правила бал закономерность.

Эстер ничуть не удивил покровительственный тон доктора – в этом мире люди не рассчитывают встретить признаки гениальности в простой гувернантке. И все же она была несколько разочарована. Ведь доктор был единственным человеком в Анджелфилде, способным ее понять и оценить по достоинству. Однако он ее не понимал.

Она повернулась лицом к доктору и обнаружила перед собой его спину. Держа руки в карманах, распрямив плечи и задрав голову, доктор созерцал верхушку тисового дерева на фоне голубого неба. Его коротко

постриженные волосы начинали седеть, а на макушке розовело круглое пятно дюйма полтора в поперечнике.

– Джон понемногу восстанавливает сад после того, что натворили здесь близнецы, – сказала Эстер.

– Почему они это сделали?

– В случае с Эммелиной ответ очень прост: ее заставила Аделина. А вот что касается мотивов Аделины, тут ответить намного сложнее. Я сомневаюсь, что она сама это знает. Зачастую она действует импульсивно и не отдает себе отчета в содеянном. Каковы бы ни были мотивы их поступка, его последствия стали тяжелым ударом для Джона. Его семья ухаживала за этим садом на протяжении многих поколений.

– Какая жестокость! И потрясает тем сильнее, что это сделали дети.

Украдкой от доктора Эстер состроила гримасу. Было очевидно, что он слабо разбирается в детской психологии.

– Конечно, это жестоко, – сказала она. – Впрочем, дети способны на самые неожиданные проявления жестокости. Просто мы не хотим этого в них замечать.

Они медленно прогуливались по садику, любясь зелеными фигурами и говоря о работе Эстер. И все это время, держась на безопасном расстоянии, но в пределах слышимости, за ними следовала маленькая шпионка, перебегая от куста к кусту. Они сворачивали то влево, то вправо, а иногда делали поворот кругом и возвращались по собственным следам; это была игра перемещений, нечто сродни сложному танцу.

– Я полагаю, вы удовлетворены результатами своей работы с Эммелиной, мисс Барроу?

– Да. Еще год-другой под моим наблюдением, и Эммелина избавится от дурных привычек и станет милой, воспитанной девочкой. Умницей она не будет, но можно рассчитывать на то, что когда-нибудь она сможет вести нормальную жизнь отдельно от своей сестры. И я вполне допускаю, что она выйдет замуж. Мужчины не ищут в женщинах ум, а внешне Эммелина очень привлекательна.

– Хорошо, очень хорошо.

– Но с Аделиной все далеко не так просто.

Они остановились перед самшитовым обелиском с глубокой, еще не полностью заросшей раной на одном боку. Гувернантка поглядела на коричневый ствол в глубине пореза и дотронулась до одного из молодых, ярко-зеленых побегов, протянувшихся к солнцу от старых ветвей.

– Аделина ставит меня в тупик, доктор Модели, – со вздохом сказала она. – Я бы хотела посоветоваться с вами как с врачом.

Доктор отвесил легкий полупоклон:

– Всегда к вашим услугам. Что именно вас беспокоит?

– Я впервые имею дело с таким трудным ребенком. – Она сделала паузу. – Извините, что я вас задерживаю, но у меня не получится в двух словах описать все те странности, что я в ней заметила.

– Тогда расскажите все по порядку. Я никуда не спешу.

Доктор жестом предложил ей сесть на низкую скамью, позади которой живая изгородь образовывала причудливую арку вроде тех, что можно увидеть в изголовье искусно сработанной старинной кровати. Усевшись, они увидели прямо перед собой одну из самых крупных геометрических фигур сада.

– Эта штука называется тетраэдр, – заявил доктор. Эстер никак не отреагировала на его комментарий и приступила к объяснению:

– Аделина – замкнутый и агрессивный ребенок. Ее раздражает мое присутствие в доме, и она всячески противится моим попыткам навести здесь порядок. Она не соблюдает режим питания: отказывается принимать пищу до тех пор, пока не доведет себя до голодного изнурения, и лишь тогда соглашается поесть, да и то самую малость. Купать ее приходится, применяя силу, причем мы вдвоем едва удерживаем в ванне эту худышку. Все мои попытки сблизиться она отвергает с ходу. Мне кажется, она попросту лишена многих нормальных человеческих чувств, и, между нами говоря, доктор Модели, я сомневаюсь, что из нее когда-нибудь выйдет полноценный член общества.

– Как у нее с интеллектом?

– Она очень хитра и изобретательна. Но в ней невозможно пробудить интерес к чему-либо, что выходит за рамки ее желаний и склонностей.

– А как с учебой?

Вы, конечно же, понимаете, что понятие «учеба» применительно к этим девочкам не имеет ничего общего с образованием обычных детей. У нас нет уроков арифметики, латыни или географии. Тем не менее я внесла в распорядок дня занятия – по два часа утром и после обеда – и стараюсь донести до них информацию путем рассказывания историй.

– Она понимает смысл и цель этих уроков?

– Честное слово, я не знаю, как ответить на ваш вопрос, доктор Модели. Она ведь совершенно неуправляема. Ее приходится заманивать в класс хитростью, а иногда я вынуждена привлекать Джона, чтобы он тащил ее силой. При этом она яростно сопротивляется, хватаясь за что попало, или, наоборот, застывает как деревянная, расставив руки и ноги, так что ее с трудом удастся пропихнуть в дверь. Усадить ее за письменный стол

практически невозможно. Обычно Джон просто оставляет ее на полу. Во время урока она не смотрит на меня и не слушает, что я говорю, а погружается в какие-то свои мысли.

Доктор внимательно слушал рассказ, кивая.

– Да, это действительно трудный ребенок. Я понимаю, вас очень тревожит ее поведение и вы опасаетесь, что ваши усилия не приведут к столь же успешному результату, как в случае с ее сестрой. И все же, простите меня, мисс Барроу, – продолжил он с обаятельной улыбкой, – но я не верю, что вы поставлены в тупик. Мало кто из студентов-медиков, имея на руках те же данные, смог бы составить более связный и грамотный отчет о ее поведении и психическом состоянии.

Гувернантка прямо взглянула ему в лицо.

– Я еще не дошла до самого главного.

– Вот как?

– Существуют методики, которые в прошлом давали хорошие результаты в работе с такими детьми, как Аделина. У меня есть и свои оригинальные подходы, проверенные на практике, и я не замедлила бы их применить, если бы не...

Эстер запнулась, и на сей раз у доктора хватило такта воздержаться от комментариев и дождаться продолжения. И она продолжила, тщательно подыскивая и взвешивая каждое слово:

– У меня создалось впечатление, что разум Аделины окутан мглой, которая отделяет ее не только от остальных людей, но и от самой себя. Временами эта мгла становится более прозрачной, а порой и совсем рассеивается, и тогда я вижу перед собой другую Аделину. Но потом вновь наползает мгла, и все возвращается в прежнее состояние.

Эстер смотрела на доктора, оценивая его реакцию. Он сосредоточенно морщил лоб, однако выше, у корней редящих волос, его кожа была все такой же гладкой и розовой.

– Как она выглядит в периоды просветлений? – спросил он.

– Внешние признаки едва заметны. Мне потребовалось несколько недель, чтобы их изучить. После этого я еще некоторое время проверяла свои наблюдения и только потом обратилась к вам.

– Понимаю.

– Прежде всего это ее дыхание. По смене его ритма я догадываюсь, что, хотя она и притворяется погруженной в себя, на самом деле она меня слушает. И еще ее руки...

– Руки?

– Обычно ее пальцы полусогнуты и напряжены, вот так... – Эстер

продемонстрировала. – Но иногда это напряжение ослабевает. – И она вновь показала свою ладонь, расслабив и распрямив пальцы. – Это происходит, когда моя история притягивает ее внимание, нейтрализуя защитную реакцию, и она на время забывает о своей позе демонстративного неприятия. Я работала со множеством трудных детей, доктор Модели. У меня большой опыт по этой части, и на основе своего опыта я могу утверждать: в ее сознании происходит какая-то внутренняя борьба.

Доктор задумался и не спешил с ответом. Эстер, похоже, испытала удовлетворение от того, что он отнесся к ее словам столь серьезно.

– С чем, на ваш взгляд, связаны эти просветления? – спросил доктор.

– Трудно сказать наверняка... Впрочем...

Он склонил голову набок, показывая, что внимательно слушает.

– Это, возможно, ничего не значит, но некоторые истории...

– Истории?

К примеру, «Джен Эйр». Несколько дней подряд я пересказывала им сюжет этого романа и тогда заметила эти признаки. То же самое было с Диккенсом. А исторические и нравоучительные произведения не давали такого эффекта. Доктор нахмурил брови.

– И это происходит регулярно? То есть история Джен Эйр всякий раз вызывает в ней изменения, о которых вы говорили?

– Нет. В том-то и проблема.

– М-да... И что вы намерены делать дальше?

– Есть, конечно, традиционные способы обуздания эгоистичных и упрямых детей. Навязав ей строгий режим и заставив подчиняться распорядку, со временем можно будет изменить ее поведение. Однако такой режим, вытравливающий любые отклонения от нормы, неминуемо причинит ущерб той...

– Той девочке, что иногда является из мглы?

– Именно так. По сути, для той девочки ничего не может быть хуже.

– А вы полагаете, что у той девочки есть хорошие перспективы?

– Пока об этом судить рано. Но я сделаю все для того, чтобы она не исчезла окончательно. Кто знает, что из нее может выйти со временем?

Они посидели в молчании, разглядывая геометрический куст самшита и размышляя об этой проблеме, тогда как проблема собственной персоной, сидя за тем же кустом, следила за ними сквозь просветы между ветвями.

Наконец доктор заговорил:

– Среди известных мне видов психических расстройств нет ни одного с симптомами, которые вы только что описали. Хотя причиной тому может

быть мое невежество. – Он сделал паузу, ожидая услышать вежливый протест, однако ничего не дождался. – М-да. В данной ситуации я считаю разумным для начала провести тщательный медицинский осмотр, чтобы оценить общее состояние ее здоровья, как физического, так и психического.

Как раз об этом я и подумала, – сказала Эстер. – Вот... – Она порылась в своем кармане. – Вот мои заметки. Тут вы найдете описание всех выявленных мною симптомов, а также кое-какие предварительные выводы. Надеюсь, после осмотра вы задержитесь на полчаса, чтобы сообщить мне свое мнение? И тогда мы с вами решим, что предпринять на следующей стадии.

Доктор смотрел на нее с изумлением. Она вышла из своей роли гувернантки и держалась так, словно была его коллегой по консилиуму!

Эстер спохватилась и замолкла.

Секунду-другую после этого она колебалась: не дать ли обратный ход? Или уже слишком поздно? И она приняла решение. Если идти вперед, то до конца.

– Кстати, это не тетраэдр, – сказала она, кивая на куст. – Эта штука называется октаэдр.

Доктор встал со скамьи и направился к фигурному кусту. «Один, два, три, четыре...» – чуть слышно бормотал он в процессе счета.

Шпионка замерла. Что если он, подсчитывая грани и вершины фигуры, обойдет вокруг куста и наткнется на нее?

Однако он досчитал до шести и на этом остановился. Он понял, что Эстер была права.

Затем наступила странная пауза, когда эти двое молча смотрели друг на друга. На лице доктора отражалось смятение чувств. Что это за женщина? По какому праву она вдруг заговорила с ним таким тоном? Перед ним на скамье сидела невзрачная, с похожим на сырую картофелину лицом, провинциальная гувернантка. Или он ошибался?

Она в свою очередь смотрела на доктора, ясно видя терзающие того сомнения.

Казалось, мир сместил наклон своей оси; оба с чувством неловкости одновременно отвели глаза.

– Медицинский осмотр... – начала она.

– В среду после полудня вас устроит? – спросил доктор.

– Хорошо, в среду после полудня.

И мир с облегчением вернулся на круги своя.

Они проследовали по дорожке до дома, где доктор тотчас откланялся.

А между тем маленькая шпионка, сидя под самшитовым кустом,

грызла ногти и задавалась вопросами.

ПЯТЬ НОТ

Наждачная пелена усталости застилала мои глаза. Сознание мое истончилось, как бумажный лист. Я провела за работой весь день и половину ночи и теперь боялась отойти ко сну.

Но что это: усталый мозг хочет сыграть со мной шутку? Мне слышались звуки мелодии. Впрочем, это вряд ли можно было назвать мелодией. Просто пять отдельных нот. Я открыла окно, чтобы убедиться. Так и есть. Звук определенно доносился из сада.

Я умею понимать слова. Дайте мне фрагмент какого-нибудь рассказа, и я угадаю, что было в тексте до него и что будет после. Или, в крайнем случае, сведу к минимуму число возможных вариантов. Но язык музыки мне чужд. Откуда могли быть выдернуты эти пять нот – из припева колыбельной или, может, из похоронного марша? Я не могла в этом разобраться. Без начала и завершения темы, без ярко выраженной мелодии невозможно было определить, что Связывает вместе эти звуки. Всякий раз после первой ноты возникало мгновение тревожной тишины, словно эта нота не была уверена, прозвучит ли следующая или она уже затерялась в ночи, подхваченная порывом ветра. То же повторялось с третьей и четвертой нотами. И с пятой, которая не имела продолжения, заставляя думать, что рано или поздно непрочная связь между пятеркой нот будет нарушена и этот фрагмент рассыплется точно так же, как до того рассыпались остальные части мелодии, унесенные ветром, подобно сорвавшимся с дерева осенним листьям.

Странные звуки упрямо не желали раздаваться в те минуты, когда я напряженно прислушивалась, и тотчас возникали из ниоткуда, как только я переставала о них думать. Я вдруг вспомнила, что и раньше по вечерам, сидя за рабочим столом или уже находясь в постели, на границе между сном и явью, не раз улавливала подсознанием те же отдаленные ноты, тот же бессмысленный монотонный напев.

Однако сейчас я слышала их не в полудреме, а наяву. Прозвучала первая нота, но ее продолжение сгнуло в налетевшем шквале. «Концерт окончен», – сказала я себе и собралась укладываться в постель. Но тут же сквозь шум дождя до меня одна за другой долетели еще три ноты.

Ночь была очень темной. Настолько темной, что я, совершенно не видя деревьев сада, могла угадать их расположение только по звукам дождя: барабанная дробь – это по стеклу, мягкие глухие всплески – это полосы

ливня на лужайке, журчание – это в водостоке, быстрое «кап-кап-кап» – это вода, падающая на землю с ветвей. А за всеми этими звуками, под ними и между ними, раздавались – если только это был не сон и я не сошла с ума – все те же пять нот. Ла-ла-ла-ла-ла...

Надев ботинки и плащ, я вышла из дома в темноту.

Я не могла разглядеть даже собственную руку, поднесенную к лицу. Дождь как раз притих, и я слышала только хлюпанье своих ботинок по лужайке. Но вот прозвучали ноты, резкие и немелодичные, – это был не музыкальный инструмент, а, скорее, плохо имитирующий его пронзительно-визгливый человеческий голос.

Очень медленно, короткими шагами, я двинулась в направлении звуков. Пройдя по дорожке вдоль бордюра, я свернула к садовому пруду – во всяком случае, так мне представлялось. Вскоре, однако, я потеряла ориентацию: ступила на рыхлую почву там, где, по моим расчетам, должна была находиться аллея, а еще через несколько шагов зацепилась полкой плаща за низкие колючие кусты, оказавшиеся на месте тисового дерева. С того момента я начала ориентироваться только по звукам, которые, подобно нити Ариадны, указывали мне путь в темном лабиринте. Они повторялись через неравные промежутки времени, и всякий раз, услышав их, я делала несколько шагов в ту сторону, чтобы снова замереть в ожидании повтора. Как долго продолжалось это блуждание во мраке? Четверть часа? Полчаса? Знаю лишь, что в конце пути я наткнулась на ту самую дверь, через которую прежде покинула дом. Таким образом я прошла – или была проведена – по кругу.

В наступившем молчании ощущалась законченность. Ноты угасли, зато с удвоенной силой возобновился дождь.

Я не вошла в дом, а села на скамейку, опустив голову на скрещенные руки. Дождевые капли падали на мою спину и волосы, стекали за воротник.

С моей стороны было глупостью гоняться по саду за какой-то иллюзией. Я почти уверила себя в том, что эти ноты мне просто почудились. Постепенно мои мысли сменили направление. Как скоро может прийти письмо отца и поможет ли он с поисками Эстер? Я подумала об Анджелфилде и об Аврелиусе – каково ему будет, когда старый дом снесут? Затем я вспомнила о тамошнем привидении и о моей призрачной сестре, исчезнувшей в ослепительно белом пятне фотовспышки. Напоследок я решила завтра же позвонить маме, однако это меня мало к чему обязывало: решения, принятые глухой ночью, обычно теряют силу при свете дня.

И вдруг – мурашки по спине, реакция тревоги.

Чье-то присутствие. Здесь. Сейчас. Совсем рядом.

Я вскинула голову и огляделась.

Тьма была непроглядной. Она поглотила без остатка все живое и неживое, включая росший поблизости огромный дуб; мир свелся к ощущению наблюдающих за мной глаз и бешеному стуку моего сердца.

Это не могла быть мисс Винтер. Только не здесь. Только не в этот час.

Тогда кто?

Я почувствовала это прикосновение еще до того, как оно произошло. Что-то мягко прижалось к моему правому боку...

Это был кот, Призрак.

Он еще раз потерся щекой о мои ребра и мяукнул, с некоторым опозданием заявляя о своем присутствии. Я погладила его, прислушиваясь к тому, как постепенно успокаивается сердечный ритм. Кот издал довольное мурлыканье.

– Ты же совсем промок, – сказала я ему. – Идем, глупенький. Нельзя торчать на улице в такую ночь.

Он проследовал за мной в мою комнату и вылизал себя насухо, пока я заматывала мокрую голову полотенцем. После этого мы вместе забрались в постель. На этот раз – возможно, благодаря коту – я спала без сновидений.

Следующий день выдался мрачным и серым. По завершении очередной встречи с мисс Винтер я отправилась на прогулку по саду. В гнетущих дневных сумерках я попыталась повторить путь, проделанный мною прошлой ночью. Вначале это было несложно: я прошла по огражденной бордюрами дорожке и повернула в сторону пруда. Но дальше я потерялась. В моей памяти осталась рыхлая почва под ногами, но все ближайшие клумбы были в полном порядке: никаких следов ног. Тогда я двинулась наобум и сделала по саду круг, который мог приблизительно соответствовать – а мог и не соответствовать вовсе – маршруту моих ночным странствий.

Я не заметила ничего необычного. Если не считать встречи с Морисом, который, вопреки обыкновению, со мной заговорил. Я застала его тщательно заравнивающим взрыхленный пяточок земли. Услышав мои шаги позади себя, он распрямил спину, ворчливо бросил через плечо: «Ох уж эти лисицы» – и продолжил заниматься своим делом.

Я вернулась в дом и начала переносить на бумагу содержание утреннего интервью.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Вдень, назначенный для медицинского осмотра, в усадьбу прибыл доктор Модели. Чарли, как обычно, не появился на людях. Эстер предупредила его о визите доктора уже проверенным способом – записка на подносе перед дверью его комнаты – и, не получив ответа, сделала единственно правильный вывод: ему на это было наплевать.

Пациентка на тот момент пребывала в мрачном, но не агрессивном настроении. Она позволила отвести себя в комнату, выделенную для осмотра, и покорно снесла процедуру выслушивания с помощью стетоскопа и постукивания молоточком по конечностям. Просьбу открыть рот и высунуть язык она не выполнила, но, однако же, и не укусила доктора, когда тот пальцами разжал ее челюсти, дабы проникнуть взором в ротовую полость. Она вообще избегала смотреть на доктора и его инструменты, как будто ее ничуть не касалась вся эта возня с медосмотром. На задаваемые вопросы она отвечала молчанием.

Доктор Модели выявил у пациентки дефицит веса и вшивость; в остальном же она была совершенно здорова физически. Куда сложнее обстояло дело с проверкой состояния ее психики. Была ли она умственно неполноценной, как утверждал Джон-копун? Или причиной ее отклонений от нормы стало отсутствие родительской заботы и дисциплинирующего контроля? К последней версии склонялась Миссиз, всегда старавшаяся оправдать и обелить близнецов.

Этим отнюдь не исчерпывались версии, которые держал в уме доктор, проводя обследование дикой близняшки. Накануне вечером, сидя с трубкой в зубах у камина, он вслух рассуждал на эту тему (ему нравилось иметь бессловесного слушателя в лице жены, что подстегивало докторское красноречие), перечисляя все известные ему примеры отвратительного поведения пациентки. В числе таковых значились: кражи вещей и младенцев из домов поселян, уничтожение фигурного сада, регулярные избиения Эммелины, опасные игры со спичками. Он как раз говорил о возможных объяснениях этого феномена, когда раздался тихий голос его жены:

– А может, она просто нечестива по своей сути? Доктор был так удивлен этим вмешательством в ход его рассуждений, что ничего не ответил.

– Это только предположение, – поспешила добавить жена, легким

взмахом руки дезавуируя предыдущую фразу.

Нет, конечно же, она ни в коей мере не навязывала супругу свое мнение; однако сам по себе тот факт, что она это мнение высказала, уже придавал словам докторши немалый вес.

Кроме того, была еще и Эстер.

– Вы должны иметь в виду, – говорила она доктору накануне, – что до настоящего времени, за отсутствием существенного влияния со стороны родителей или иных лиц, развитие девочки полностью определялось ее близнецовым статусом. Сестра является единственным постоянным и значимым элементом в ее восприятии мира, которое формировалось через призму их взаимоотношений.

И она была, безусловно, права. Доктор не знал, из какой книги она почерпнула всю эту премудрость, но в том, что она подошла к решению проблемы во всеоружии, сомневаться не приходилось. Слушая ее пронзительный голосок, он не переставал удивляться, ибо в этом голосе, при всем его типично женском тембре, явственно ощущались мужская властность и сила. Она умела четко формулировать свои мысли. У нее была занятная манера высказывать собственное мнение таким же авторитетным тоном, каким она перед тем излагала теорию какого-нибудь научного светила, ссылаясь на него в порядке аргументации. А делая паузу в конце очередного пассажа, чтобы глотнуть воздуха, она бросала на доктора быстрый взгляд – в первый раз его смутивший, а потом начавший забавлять, – которым либо позволяла ему вставить слово, либо давала понять, что она еще не закончила.

– Мне нужно дополнительно изучить этот случай, – сказал доктор, когда они с Эстер встретились по окончании медосмотра. – При этом, разумеется, я буду принимать в расчет такое важное обстоятельство, как наличие у нее сестры-близнеца.

Эстер кивнула.

– Я смотрю на это следующим образом, – сказала она. – С некоторой долей условности мы можем говорить о перераспределении между близнецами набора унаследованных ими качеств и черт характера. Если обычный здоровый человек в зависимости от обстоятельств способен испытывать самые разные эмоции и демонстрировать различные модели поведения, близнецы делят весь комплекс эмоций и поведенческих моделей на двоих; в результате каждому из них достается неполный набор. Один близнец может быть агрессивным и неуправляемым, а другой – податливым и пассивным. Один любит чистоту; другому в радость поваляться в грязи. У одного волчий аппетит, а другой готов по несколько

дней морить себя голодом. И если такой выбор – при том что мы не знаем, насколько сознательно он был сделан, – является для Аделины определяющим фактором ее индивидуальности, стоит ли удивляться тому, что она отказывает себе в тех чертах характера, которые при разделе пришлось на долю ее сестры? – Вопрос был риторическим; она взглядом попросила доктора помолчать и, переведя дыхание, продолжила: – Теперь оценим характеристики той самой «девочки из мглы». Она слушает истории, которые не оставляют ее равнодушной; она способна понимать нормальный язык, а не только тот, на котором говорят между собой близнецы. Это предполагает желание общаться с другими людьми. Но кому из двоих досталась функция общения с окружающими? Эммелине! Вот почему Аделина старается подавить эту сторону своей личности.

Эстер взглянула на доктора, сигнализируя, что настала его очередь говорить.

– Весьма оригинальная идея, – осторожно сказал он. – Гораздо легче было бы предположить обратное, не так ли? Разве, имея дело с близнецами, мы не ожидаем увидеть в них больше сходств, чем различий?

– Но не в данном случае, как показали наблюдения, – быстро возразила она.

– М-да...

Эстер молчала, давая ему время поразмыслить. В процессе раздумий он устремил невидящий взор на голую стену, тогда как она озабоченно следила за выражением лица доктора, пытаясь предугадать его реакцию. Наконец он созрел для вынесения вердикта.

– Ваша теория представляется мне чрезвычайно интересной, – сказал он, стараясь улыбкой смягчить неприятный эффект от своих последующих слов, – но я не припоминаю ни одного авторитетного источника, в котором говорилось бы о подобном распределении черт характера между близнецами.

Она проигнорировала его улыбку и сказала спокойно:

– А ничего подобного и нет в авторитетных источниках. В противном случае об этом упоминалось бы у Лоусона.

– Вы читали Лоусона?

– Разумеется. Я не стала бы выступать со своим мнением, не ознакомившись предварительно с основными научными трудами по данной теме.

– О-о, – вырвалось у доктора.

– Правда, Харвуд при описании перуанских мальчиков-близнецов высказывается в сходном смысле, но там он остановился на уровне

предположений и не сделал никаких выводов.

– Я припоминаю работу, о которой вы говорите... – Доктор оживился. – Да! Здесь, безусловно, прослеживается связь. Не мешало бы также свериться на сей предмет с исследованием Брейзенби.

– Я не смогла достать его полный текст. Вы не дадите мне почитать?

Так оно все и началось.

Впечатленный остротой ума и точностью наблюдений Эстер, доктор охотно предоставил ей полный текст исследования Брейзенби. Вскоре она вернула его с приложением списка вопросов и замечаний. Между тем доктор существенно пополнил свою научную библиотеку, выписав ряд книг и статей о близнецах, включая новейшие исследования авторитетных специалистов, в том числе иностранных. Через неделю-другую он пришел к выводу, что сэкономит время, сначала отдавая эти работы на изучение Эстер, а сам ограничиваясь просмотром ее очень толково составленных резюме. Когда они таким образом осилили всю доступную литературу по данной тематике, пришло время вернуться к объекту наблюдений. Каждый из них составил отчет, он – медицинский, она – психологический; на полях ее рукописи красовались многословные комментарии доктора, и еще больший объем примечаний, сделанных почерком гувернантки, сопровождал докторский текст (порой это были целые статьи, написанные на отдельных листах и присовокупленные к соответствующим страницам отчета).

Они читали; они думали; они писали; они встречались; они обменивались мнениями. Так продолжалось до тех пор, пока они не узнали все, что только можно было узнать о близнецах. Однако им так и не удалось найти ответ на один очень важный вопрос.

– Все эти труды, – сказал доктор однажды вечером в библиотеке, – всего лишь бумага. А на практике мы нисколько не продвинулись. – Нервным движением он погладил себя по макушке. В этот день он обещал жене вернуться домой к половине восьмого и сейчас уже непозволительно запаздывал. – Вопрос стоит так: подавляя «девочку во мгле», Аделина делает это из-за Эммелины? Судя по всему, ответ на это находится за пределами современных научных знаний.

Он вздохнул и бросил на стол карандаш с видом человека, готового признать свое поражение.

– Вы совершенно правы.

Раздражение в голосе гувернантки было вполне извинительным: доктору потребовалось шесть недель для того, чтобы прийти к заключению, которое она могла бы представить ему еще в самом начале,

пожелай он только ее выслушать.

– Есть только один способ это выяснить, – сказала она негромко.

Он удивленно приподнял брови.

– Результаты наблюдений убеждают меня, что здесь имеется достаточный материал для самостоятельного исследования. Конечно, будучи простой гувернанткой, я не могу рассчитывать на публикацию в солидном научном журнале. Едва взглянув на мой послужной список, они там сочтут, что перед ними просто глупая женщина, которая лезет не в свое дело. – Она пожала плечами и скромно опустила глаза. – Возможно, они правы. И в то же время... – Она подняла взгляд на доктора. – В то же время для специалиста, обладающего нужной квалификацией и опытом, этот проект открывает очень перспективное поле деятельности.

Сперва доктор выглядел изумленным, а затем в его глазах появилось мечтательное выражение. Шутка сказать: самостоятельное исследование! А ведь эта идея не так уж нелепа. Ему вдруг пришло в голову, что после всего прочитанного им за последние месяцы он, вполне вероятно, является самым сведущим в Англии специалистом по проблемам психологии близнецов. Какой еще врач мог знать столько, сколько знал об этом доктор Модели? И, что не менее важно, кто еще располагал такими превосходными живыми объектами для научных наблюдений? Так почему бы и нет?

Она позволила ему немного помечтать, а когда убедилась, что ее предложение упало на благодатную почву, добавила:

– Конечно, в этом деле вам потребуется ассистент, и я буду рада оказать вам посильную помощь.

– Очень мило с вашей стороны, – кивнул он. – Поскольку вы непосредственно общались с девочками... Практический опыт... это очень ценно... это неоценимо...

Из усадьбы доктор приплыл домой на облаке и даже не заметил, что его ужин давно остыл, а жена пребывает в дурном расположении духа.

По окончании этого разговора Эстер собрала со стола бумаги и покинула комнату; ее четкие шаги и стук закрываемой двери прозвучали вполне удовлетворенно.

Библиотека казалось пустой, однако это было не так.

Наверху шкафов, растянувшись под самым потолком, лежала девочка и, грызя ногти, задавалась вопросами.

Самостоятельное исследование.

«Подавляя „девочку во мгле“, Аделина делает это из-за Эммелины».

Не требовалось большого ума для того, чтобы предугадать

дальнейшее.

Они сделали это посреди ночи.

Эммелина не проснулась, когда они извлекали ее из постели. Она, должно быть, уловила сквозь сон запах душистого мыла и чувствовала себя вполне комфортно в надежных руках Эстер, когда ее выносили из комнаты в коридор. Как бы то ни было, она не осознавала, что происходит. Ее пробуждение состоялось лишь несколько часов спустя.

С Аделиной все было иначе. Быстро реагирующая на любые изменения, она проснулась тотчас после исчезновения сестры и бросилась к двери комнаты, но та была уже заперта проворной рукой Эстер. В одно мгновение она все поняла. Их разделили. Она не кричала, не била кулаками по двери, не ковыряла ногтями замок. Ее энергия и агрессивность разом улетучились. Она сползла по двери на пол, сжалась в комок и в этом положении провела остаток ночи. Голые доски больно давили ей на ребра, но она не ощущала боли. Комната не отапливалась, а на ней была лишь тонкая ночная рубашка, но она не ощущала холода. Она вообще ничего не ощущала. Она была уничтожена.

Когда утром к ней пришли, она не услышала звука поворачиваемого в замке ключа и не среагировала на отворяемую дверь, которая бесцеремонно сдвинула ее в сторону. Глаза ее были пусты, кровь отлила от кожи. Тело ее так похолодело, что ее можно было принять за мертвую, если бы не шевеление губ, беззвучно повторявших заклинание, которое могло быть только именем: «Эммелина, Эммелина, Эммелина...»

Эстер подняла Аделину с пола. Это оказалось совсем не трудно. В свои четырнадцать лет она была кожа да кости. Когда иссякла сила ее воли, все прочее уже не представляло проблемы. Ее спустили по лестнице так легко, словно она была пуховой подушкой, которую несли проветрить на свежем воздухе.

Джон молча правил экипажем. Он мог одобрять или не одобрять происходящее, но это ничего не меняло. Решения здесь принимала Эстер.

Аделине сказали, что ее везут к сестре, но они могли бы и не утруждать себя этой ложью; в ее нынешнем состоянии Аделину можно было везти куда угодно, она все равно не стала бы сопротивляться. У нее был совершенно потерянный, отсутствующий вид. Без сестры она была никто и ничто. Таким образом, они привезли в докторский дом одну лишь видимость Аделины, ее внешнюю оболочку.

Оставив ее у доктора, они вернулись в усадьбу и перенесли спящую Эммелину из комнаты Эстер обратно в детскую спальню. Она проснулась

через час и была очень удивлена, не обнаружив рядом своей сестры. Ее удивление усиливалось с каждым часом и к полудню переросло в мучительное беспокойство. Она обыскала весь дом. Она обыскала сад. В своих поисках она достигала окраины деревни и даже, насколько хватило смелости, забиралась вглубь леса.

В пять часов пополудни Эстер нашла ее стоящей на обочине дороги и смотрящей в ту сторону, где находился дом доктора. Она не решалась идти дальше. Эстер положила ей руку на плечо и, приобняв, повела девочку к усадьбе. Временами Эммелина останавливалась и порывалась пойти в обратном направлении, но Эстер твердо пресекала эти попытки. Эммелина покорялась, хотя в каждом ее движении сквозили недоумение и растерянность. После чаепития она долго стояла у окна, глядя вдаль. С приближением сумерек она все сильнее нервничала, а когда Эстер заперла входные двери и начала укладывать ее в постель, Эммелину охватило отчаяние.

Всю ночь она проплакала. Этим рыданиям, казалось, не будет конца. Эммелине потребовалось двадцать четыре часа, чтобы осознать то, что Аделина поняла в первые же секунды. На рассвете она утихла и впала в забытие.

Разделение близнецов – это нечто совершенно особенное. Представьте себе, что вы пережили страшное землетрясение, после которого совершенно не узнаете окружающий мир. Изменился ландшафт. Изменилась линия горизонта. Изменился даже цвет солнца. Сами вы, правда, остались живы, но это уже совсем другая жизнь. Потому неудивительно, что люди, выжившие в подобных катастрофах, часто сожалеют, что не погибли вместе с остальными.

Мисс Винтер сидела, глядя в пространство. Ее знаменитые медно-красные волосы теперь поблекли до абрикосового цвета. Она перестала пользоваться лаком для волос; завитки и кольца сменились лежавшими как попало спутанными прядями. Но черты лица ее сохраняли твердость, и она по-прежнему держалась очень прямо, как будто противостояла напору ветра, ощущаемому только ею одной. Она медленно перевела взгляд на меня.

– С вами все в порядке? – спросила она. – Джудит сказала, что у вас плохой аппетит.

- Я всегда мало ем.
- И вы очень бледны.
- Должно быть, от усталости.

В тот день мы закончили рано, поскольку обе не были настроены продолжать.

ВЫ ВЕРИТЕ В ПРИВИДЕНИЯ?

При нашей следующей встрече мисс Винтер выглядела иначе. Она дольше обычного сидела с закрытыми глазами, восстанавливая в памяти события прошлого. Пока она таким образом готовилась продолжить рассказ, я отметила, что она впервые появилась передо мной без накладных ресниц. Веки ее, как и прежде, были густо подкрашены, но без этих длинных, похожих на паучьи лапки ресниц она неожиданно стала напоминать школьницу, тайком баловавшуюся с маминой косметичкой.

События развивались не так, как предполагали гувернантка и доктор. Они были готовы встретить и преодолеть яростное сопротивление Адалины, а в случае с Эмmeliной рассчитывали на ее привязанность к Эстер, что должно было примирить девочку с исчезновением ее сестры. Короче говоря, они ожидали, что в новой обстановке близнецы будут вести себя примерно так же, как это было до их разделения. Но уже в самом начале эксперимента они с удивлением обнаружили, что их подопечные превратились в пару безжизненных тряпичных кукол.

Впрочем, не совсем безжизненных. Кровь продолжала вяло циркулировать в их венах; они покорно глотали суп, которым их кормили с ложки игравшие роль сиделок Миссиз – в одном доме, и жена доктора – в другом. Но наличие глотательного рефлекса еще не означает наличие аппетита. Днем их глаза были открыты, но ничего не видели вокруг, а по ночам, хотя они и лежали с закрытыми глазами, это никак нельзя было назвать спокойным сном. Они были порознь; они были одиноки; они потеряли сами себя. Их подвергли ампутации, при том что ампутированы были не части их тел, а их души.

Усомнились ли экспериментаторы в правильности своих действий? Не омрачило ли ход исследования зрелище апатичных, утративших интерес к жизни сестер-близнецов? Ведь Эстер и доктор не были осознанно жестокими. Они были просто парочкой глупцов, ослепленных собственной ученостью и своими амбициозными планами.

Доктор проводил медицинские тесты. Эстер вела наблюдения. И каждый день они встречались, чтобы сверить свои записи и обсудить то,

что они поначалу оптимистично именовали «прогрессом». Они сидели рядышком за письменным столом в кабинете доктора или в библиотеке дома Анджелфилдов, склонив головы над отчетами, в которых была зафиксирована каждая подробность из жизни сестер. Поведение, питание, сон. Их озадачивали безразличное отношение к еде и постоянная сонливость пациенток – это при отсутствии у них нормального сна. Они выдвигали теории в объяснение произошедших перемен. Эксперимент продвигался совсем не так успешно, как ожидали его высоколобые авторы, – по сути, он с самого начала обернулся провалом, – но эти двое предпочитали не думать о возможных губительных последствиях, предпочитая поддерживать друг в друге веру в то, что совместными усилиями они смогут сотворить чудо.

Доктор получал огромное удовлетворение, впервые за последние десятилетия занимаясь учеными изысканиями на пару с человеком столь выдающихся способностей. Он восхищался умением своей протеже на лету подхватывать новую идею и тут же находить ей нестандартное применение. Вскоре он уже начал думать о ней не как о протеже, а как о полноправном соавторе. Эстер в свою очередь испытывала приятное возбуждение от этих интеллектуальных упражнений, дававших обильную пищу ее уму и льстивших ее самолюбию. После своих ежедневных встреч они расходились, сияя от удовольствия. Так что их слепота была вполне объяснима. Разве могли они предположить, что столь приятное и полезное для обоих занятие в то же время наносит огромный вред их подопечным? Не исключено, впрочем, что иной раз вечером, сидя за составлением дневного отчета, кто-нибудь из экспериментаторов мог на секунду оторваться от своих записей и, обнаружив в углу комнаты застывшего ребенка с безжизненными глазами, испытать нечто вроде смутного сомнения. Это не исключено. Но если такое и случалось, они не писали об этом в своих отчетах и не говорили при личных встречах.

Совместная работа над грандиозным проектом настолько захватила обоих, что они совершенно не замечали отсутствия реальных достижений. Аделина и Эммелина пребывали в полузабытьи; «девочка из мглы» не появлялась. Но жрецов науки это ничуть не смущало: они продолжали священнодействовать над таблицами и диаграммами, выдвигать все новые версии и проводить все новые тесты с целью их проверки. После очередной неудачи они говорили, что успешно доказана бесперспективность поиска в данном направлении, и тотчас хватались за свежую идею, открывавшую перед ними самые радужные перспективы.

Миссиз и жена доктора также участвовали в этой деятельности, но их

роль сводилась лишь к заботе о физическом состоянии подопытных девочек. Трижды в день они по ложечке вливали суп в их безвольные рты. Они их одевали и купали, расчесывали им волосы и стирали их одежду. У каждой из этих женщин были свои причины неодобрительно относиться к проекту, но они – каждая по своим причинам – не спешили высказывать это неодобрение вслух. Что до Джона-копуна, то он держался в стороне от всего этого. Его мнения никто не спрашивал, что не мешало ему каждый день твердить на кухне Миссиз: «Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Вот увидишь. Это все не к добру».

В один из моментов ученая пара была близка к тому, чтобы сдаться. Ни одна из их идей не сработала, и они, сколько ни ломали головы, уже не могли придумать ничего нового. И как раз в этот критический момент Эстер заметила обнадеживающие признаки в поведении Эммелины. Девочка повернула голову в сторону окна. В руке у девочки была замечена какая-то блестящая безделушка, с которой она не пожелала расстаться. Подслушивая под дверью (что нельзя считать дурной манерой, когда это делается во имя науки), гувернантка выяснила, что, оставшись в одиночестве, девочка бормочет что-то себе под нос на невразумительном языке близняшек.

– Она себя утешает, воображая, что разговаривает с сестрой, – сказала Эстер доктору.

Тогда доктор также начал оставлять Аделину в одиночестве на несколько часов и проводил эти часы, подслушивая под дверью с блокнотом и ручкой на изготовку. Однако он ничего не услышал.

Эстер и доктор пришли к выводу, что в более тяжелом случае Аделины следует набраться терпения, и поздравили друг друга с позитивными тенденциями в поведении Эммелины. Они с энтузиазмом отметили улучшение ее аппетита и первые шаги, сделанные ею по собственной инициативе. Вскоре она уже бродила по дому и саду без определенной цели, что с ней нередко случалось и до начала эксперимента. На этом основании Эстер и доктор заключили, что дело продвигается успешно.

То, что они назвали успехом всего-навсего возврат Эммелины к старым привычкам, свидетельствовало о существенном понижении первоначальной планки. Однако и здесь отнюдь не все шло как по маслу. Взять хотя бы тот ужасный день, когда острый нюх привел девочку к шкафу с одеждой, которая принадлежала ее сестре. Она подносила одежду к лицу, вдыхая почти выветрившийся знакомый запах, а потом в восторге напялила на себя эти обноски. Это было очень нехорошо; но худшее ждало впереди. Одета таким образом, она вдруг заметила себя в зеркале и

устремилась к нему, вообразив, что видит Аделину. Звон был достаточно громок, чтобы достигнуть слуха Миссиз, и та, примчавшись со всей возможной скоростью, обнаружила Эммелину в слезах – но не от боли, а от вида своей зеркальной сестры, которая разбилась на кусочки и истекала кровью.

Эстер забрала это старое тряпье и велела Джону его сжечь. В качестве дополнительной предосторожности она приказала Миссиз повернуть все зеркала лицевой стороной к стене. Эммелина была озадачена этой переменой, но и только. В дальнейшем подобные инциденты не повторялись.

Она совсем не разговаривала, если не считать шепота на языке близняшек за закрытыми дверьми спальни. По-английски же ни Миссиз, ни Эстер не слышали от нее ни единого слова. Эта проблема требовала основательного обсуждения. И гувернантка с доктором имели долгую беседу в библиотеке, в конечном счете придя к заключению, что нет никаких поводов для беспокойства. Эммелина могла говорить по-английски, и она заговорит, дайте только срок. Ее нежелание разговаривать, как и печальное происшествие с зеркалом, разумеется, несколько портили общую картину, но такие досадные сбои неизбежны в процессе научного изыскания. Зато каковы были сдвиги! Когда Эммелину сочли достаточно окрепшей, чтобы выходить за пределы усадьбы, было отмечено, что она уже не так много времени проводит на дороге, стоя у невидимой черты, которую она не смела перешагнуть, и глядя в сторону докторского жилища. Прогресс был налицо.

А собственно, был ли прогресс? Они получили далеко не то, на что изначально рассчитывали. Это не шло ни в какое сравнение с тем прогрессом, который был достигнут Эстер в первые же дни ее пребывания в усадьбе. Но это было все, что они имели сейчас, и они старались выжать максимум из минимальных подвижек. Возможно, они втайне даже испытывали облегчение. Ибо к чему привело бы успешное завершение проекта? Оно лишило бы их повода к продолжению совместной работы. А в глубине души оба этого не желали.

Они бы никогда не прервали эксперимент по собственной воле. Никогда. Чтобы положить этому конец, потребовалось вмешательство извне. Вмешательство иной силы.

– Что это была за сила?

Я все-таки не удержалась от вопроса, хотя время уже истекло и лицо мисс Винтер начало приобретать бледно-серый оттенок, что указывало на окончание действия лекарства.

Несмотря на боль, в ее зеленых глазах промелькнул задорный огонек, когда она наклонилась вперед, как будто собираясь открыть мне ужасный секрет.

– Вы верите в привидения, Маргарет?

Верю ли я в привидения? Что я могла на это ответить? Я молча кивнула.

Мисс Винтер с удовлетворенным видом откинулась на спинку кресла, а у меня возникло ощущение, что мой кивок сообщил ей гораздо больше, чем можно было предположить.

– А Эстер в них не верила. Оно и понятно: привидения антинаучны. И это неверие дорого ей обошлось при встрече с одним из них.

Дело было так.

В один прекрасный день она рано управилась со своими делами в усадьбе и, располагая свободным временем, решила прогуляться до докторского дома кружным путем. Небо сияло голубизной, воздух был чист и свеж. Эстер испытывала необычайный прилив энергии (при этом затрудняясь определить ее источник) и чувствовала себя готовой к великим и смелым свершениям.

Огибающая поля тропа взбежала на пригорок, откуда Эстер открылся чудный вид на округу. Она преодолела уже половину пути до дома доктора и продолжала идти бодрым шагом; сердце ее билось быстрее, но признаков усталости не было и в помине. Напротив, она чувствовала себя способной одним усилием мысли подняться в воздух и полететь... но тут она узрела такое, что ноги ее моментально приросли к земле.

Неподалеку в поле резвились Эммелина и Аделина. Ошибки быть не могло: две копны рыжих волос, две пары черных туфель, одна из девочек в синем поплиновом платье (так этим Утром Миссиз нарядила Эммелину), а вторая в зеленом.

Это было невероятно!

Однако Эстер обладала аналитическим складом ума. Если она их видела, значит, они там были. Наверняка существовало какое-то

объяснение. Аделина могла сбежать от доктора – выйти из ступора так же внезапно, как в него впала, и, воспользовавшись открытым окном либо оставленной на виду связкой ключей, незаметно покинуть дом. Скорее всего, так оно и случилось.

Что Эстер могла сделать в этой ситуации? Пытаться подойти к близнецам было бессмысленно. В открытом поле они заметят ее издали и пустятся наутек еще до того, как она преодолеет половину дистанции. И она направилась к дому доктора. Бегом.

На одном дыхании преодолев остаток пути, она нетерпеливо забарабанила в дверь. Ей открыла миссис Модели, всем своим видом выражая недовольство по поводу столь безобразного шума, однако Эстер было не до извинений – прошмыгнув мимо хозяйки, она устремилась к кабинету доктора и вошла в него без стука.

Доктор изумленно уставился на свою соратницу, чье лицо покраснелось после кросса по пересеченной местности, а прическа, всегда такая аккуратная, пришла в полный беспорядок. Эстер запыхалась и потому не сразу смогла заговорить, беззвучно открывая и закрывая рот.

– Что случилось? – С этим вопросом мистер Модели встал из-за стола и, приблизившись, положил руки на ее плечи.

– Аделина! – выдохнула она. – Вы ее упустили! Доктор недоуменно поднял брови и развернул Эстер лицом к дальнему углу комнаты.

Там сидела ко всему безучастная Аделина. Эстер резко обернулась к доктору:

– Но я только что ее видела! Вместе с Эммелиной! На поле Оутсов, недалеко от лесной опушки... – Она начала говорить громко и убежденно, но последнюю фразу произнесла уже растерянным полусшепотом.

– Присядьте и успокойтесь. Вот, выпейте воды, – засуетился доктор.

– Значит, она убегала из дому. Как это ей удалось? И как она сумела так быстро вернуться? – вслух размышляла Эстер.

– В последние два часа она не покидала эту комнату. После завтрака ее ни на минуту не выпускали из виду.

Он смотрел в глаза Эстер, чувствуя, как ему передается ее волнение.

– Должно быть, вы видели другую девочку. Кого-нибудь из деревенских, – предположил он, стараясь говорить спокойно-участливым «докторским» тоном.

– Но... – Эстер недоверчиво качнула головой. – На ней было одно из платьев Аделины. И эти рыжие волосы...

Она еще раз взглянула на Аделину, чьи широко открытые глаза не выражали никаких эмоций. На ней, однако, было не зеленое платье, всего

несколько минут назад замеченное в поле гувернанткой, а темно-синее. Ко всему прочему, волосы ее были не распущены, а заплетены в две косички.

Эстер перевела обескураженный взгляд на доктора. Она все еще тяжело дышала. Рационального объяснения тому, что она увидела в поле, не существовало. Это было антинаучно! Но Эстер твердо знала, что этот мир целиком и полностью основан на научных принципах. Оставалось еще одно объяснение.

– Я сошла с ума, – прошептала она. Зрачки ее расширились, ноздри трепетали. – Я видела привидение!

Из ее глаз потекли слезы.

На доктора непривычное зрелище его коллеги в столь расстроенных чувствах оказало не менее странное действие. Если изначально Эстер с ее блестящим аналитическим умом вызывала интерес и восхищение только у доктора Модели, ученого медика, то плачущая слабая женщина пробудила чувства иного рода в мистере Модели, мужчине, который не замедлил выразить эти самые чувства посредством объятий и страстного поцелуя, запечатленного на ее губах.

Эстер не воспротивилась.

Подслушивание под дверьми нельзя считать дурной манерой, когда это делается во имя науки, а супруга доктора демонстрировала образцовый научный подход к делу, когда это касалось изучения повадок ее благоверного. Поцелуй, явившийся полной неожиданностью для доктора и для Эстер, отнюдь не стал таковой для миссис Модели, с некоторых пор ожидавшей чего-нибудь в этом роде.

Она с грохотом распахнула дверь и, пылая праведным гневом, ворвалась в кабинет.

– Будьте любезны сию же секунду покинуть этот дом, – сказала она Эстер. – И пришлите Джона с коляской, чтобы он забрал девочку.

В отношении мужа она ограничилась обещанием:

– А с тобой я поговорю позже.

На этом эксперимент завершился. Как и многое другое.

Джон привез Аделину обратно. В доме доктора он не виделся ни с ним самим, ни с его супругой, но получил подробную информацию о недавних событиях от служанки.

По возвращении он уложил Аделину в ее старую постель в спальне близняшек и удалился, оставив дверь приоткрытой.

Эммелина, в это время бродившая по лесу, внезапно насторожилась, понюхала воздух и двинулась напрямик к усадьбе. Она проникла в дом с

черного хода, без промедлений направилась к лестнице, одолела ее, шагая через две ступеньки, вошла в детскую и закрыла дверь с той стороны.

А что же Эстер? Никто не видел, как она вернулась в усадьбу, и никто не слышал, как она ее покинула. Но когда на следующее утро Миссиз постучалась в ее дверь и, не дождавшись ответа, вошла внутрь, она обнаружила лишь очень чистую и аккуратную комнатку без каких-либо следов присутствия гувернантки.

Я вышла из-под обаяния истории и возвратилась в стекольно-зеркальное пространство библиотеки мисс Винтер.

– И куда она делась потом? – спросила я. Мисс Винтер слегка поморщилась.

– Не знаю. Да и какое это имеет значение?

– Но куда-то ведь она уехала.

Рассказчица покосилась на меня неодобрительно.

– Мисс Ли, не советую вам уделять слишком много внимания второстепенным персонажам. Это не их история. Они появляются в нужный момент и в нужный момент исчезают, чтобы больше не появиться. С них довольно и этого.

Я сунула карандаш за спиральный корешок блокнота и направилась к двери, но, дойдя до нее, обернулась и спросила:

– А откуда она приехала?

– Ради бога – это же всего лишь гувернантка! Ее эпизод завершен, а в остальном она несущественна.

Но я решила не отступать:

– Она должна была представить какие-то сведения о себе: место предыдущей работы или свой домашний адрес. Может быть, ее направило к вам агентство?

Мисс Винтер закрыла глаза, и на ее лице появилось страдальческое выражение.

– Все эти подробности должны быть известны мистеру Ломаксу, адвокату семьи Анджелфилдов. Не вижу, какую из этого можно извлечь пользу. Впрочем, если вам так угодно... Его офис находится в Банбери, на Маркет-стрит. Я распоряжусь, чтобы он ответил на все интересующие вас вопросы.

Тем же вечером я написала письмо мистеру Ломаксу.

ПОСЛЕ ЭСТЕР

Когда на следующее утро Джудит принесла поднос с моим завтраком, я отдала ей письмо для мистера Ломакса, а она достала из кармана фартука письмо, адресованное мне. Я узнала почерк отца.

Отцовские письма всегда дарили мне утешение и поддержку, и данное письмо не стало исключением. Отец надеется, что у меня все в порядке. Как продвигается моя работа? Он только что прочитал один удивительный датский роман девятнадцатого века, о чем расскажет подробнее, когда я вернусь домой. На недавнем аукционе он приобрел никого более не привлекающую пачку писем восемнадцатого века – вдруг они меня заинтересуют? Частные детективы? Можно обратиться и к ним, но есть другой вариант: один из отцовских знакомых профессионально занимается генеалогическими исследованиями и способен провести такой поиск не хуже, а то и лучше, чем какой-нибудь частный сыщик. К тому же этот исследователь в долгу у отца, поскольку периодически пользуется нашей коллекцией ежегодников. Тут же был указан адрес на тот случай, если я захочу прибегнуть к его услугам. И в конце письма традиционная фраза, по сути пустая формальность: «Сердечный привет от мамы».

Интересно, была ли эта фраза произнесена в действительности? Допустим, как-нибудь за завтраком отец между прочим сказал: «Сегодня напишу письмо Маргарет», а она – небрежно? или с искренним чувством? – откликнулась: «Передай ей привет от меня».

Нет, я не могла себе представить такую сцену. Скорее всего, отец сделал эту приписку по собственной инициативе, без ее ведома. Но зачем? Чтобы доставить мне удовольствие? В надежде на то, что эти слова когда-нибудь прозвучат на самом деле? Ради кого из нас – ради меня или ради мамы – он предпринимал эти тщетные попытки нас сблизить? Задача была в принципе невыполнима. Мы с мамой ходили на два материка, очень медленно, но неотвратно удалявшиеся друг от друга; и мой отец, построив между нами мост, был вынужден постоянно добавлять все новые звенья к этой непрочной конструкции, дабы поддерживать хоть какую-то межконтинентальную связь.

В магазин пришло письмо на мое имя, и отец присовокупил его к своему посланию. Это был ответ от старого профессора, к которому я обратилась по отцовской рекомендации.

Дорогая мисс Ли.

Я и не знал, что у Айвена Ли есть дочь, но, поскольку теперь я это знаю, очень рад с вами познакомиться – и тем более рад возможности оказать вам услугу. В общих чертах вы правильно понимаете суть такой процедуры, как официальное признание умершим: это правовая презумпция, применяемая к лицу, чье местонахождение остается неизвестным так долго и при таких обстоятельствах, что единственным разумным объяснением этому может быть лишь его смерть. К данной процедуре прибегают главным образом для того, чтобы наследники пропавшего человека могли вступить во владение его имуществом.

Я навел справки и обнаружил кое-какие документы, которые имеют отношение к интересующему вас конкретному случаю. Насколько я могу судить, этот мистер Анджелфилд жил настоящим отшельником; точная дата и обстоятельства его исчезновения неизвестны. Тем не менее стараниями некоего мистера Ломакса, действовавшего в интересах наследников (двух его племянниц), все необходимые в таких случаях формальности были соблюдены. Унаследованное ими поместье было оценено в солидную сумму, хотя она и уменьшилась вследствие пожара, от которого сильно пострадал дом, ставший непригодным для проживания. Впрочем, все это вы можете узнать из прилагаемой копии документа.

Вас может удивить, что за одного из наследников расписался поверенный, но это обычная практика в ситуациях, когда человек по какой-либо причине (например, из-за тяжелого заболевания) является недееспособным.

Мое внимание особо привлекла подпись второй из наследниц. В оригинале она очень неразборчива, и мне пришлось порядком повозиться с расшифровкой. Что это – неужели я наткнулся на разгадку одной из самых тщательно охраняемых тайн последнего времени? Вы, вероятно, знали об этом заранее? Смею предположить, что это и стало причиной вашего интереса к данному случаю.

Но не беспокойтесь! Я человек благоразумный и умею хранить чужие тайны. Передайте вашему отцу, что, если он даст мне хорошую скидку с «*Iustitiae Naturalis Principia*», я буду немее рыбы!

Ваш покорный слуга,
Уильям Генри Кадуалладр

Я обратилась к копии документа, сделанной добросовестным профессором Кадуалладром. Как он и отметил, за Эммелину расписался мистер Ломаке. По крайней мере это означало, что она не погибла при пожаре. А строкой ниже стояло имя, которое я надеялась увидеть: «Вида Винтер». После него в скобках было указано: «ранее известная как Аделина Марч».

Вот оно, подтверждение.

Вида Винтер – это Аделина Марч.

Значит, она говорила мне правду.

С этой мыслью я направилась в библиотеку, где прослушала, делая пометки в блокноте, рассказ мисс Винтер о том, что случилось после ухода Эстер.

Первую ночь и первый день после воссоединения Аделина и Эммелина оставались у себя в комнате. Все это время они пролежали в одной кровати, обнявшись и глядя друг другу в глаза. Миссиз и Джон-копун по молчаливому согласию не тревожили девочек, относясь к ним как к идущим на поправку больным. В сущности, они таковыми и являлись. Близнецы получили тяжелую травму и теперь понемногу приходили в себя, лежа нос к носу и глаза в глаза. Не сказав за это время ни слова. Ни разу не улыбнувшись. Моргая в унисон. Посредством этого растянувшегося на сутки обмена взглядами нарушенная связь была восстановлена и рана затянулась. Но, как и все глубокие раны, она оставила после себя шрам.

А между тем Миссиз недоумевала, что же случилось с Эстер. Джон, не желая разрушать ее иллюзии относительно гувернантки, ничего не рассказал о случившемся в доме доктора, но это молчание лишь заставляло ее строить все новые и новые предположения.

– Уж доктору-то она наверняка сказала, куда и зачем уезжает, – заявила в конце концов Миссиз. – Я спрошу у него, когда она должна вернуться.

Теперь Джон был вынужден заговорить.

– Не вздумай его об этом спрашивать! – грубо отрезал он. – Не спрашивай его ни о чем! Да и доктор к нам больше не явится.

Миссиз отвернулась от него в еще большем недоумении. Что такое со

всеми случилось? Куда подевалась Эстер? Почему Джон так расстроен и зол? И доктор, дотоле ежедневно навещавшийся в усадьбу, – почему он вдруг перестанет сюда приходить? Все это было выше ее понимания. В последние дни ее все чаще посещало и подолгу не покидало чувство, что с этим миром творится что-то неладное. Неоднократно она, вдруг встряхнувшись посреди дня, обнаруживала, что несколько прошедших часов не оставили никакого следа в ее памяти. Порой она не могла понять некоторые фразы, явно имевшие смысл для других. А когда она просила ей это пояснить, в глазах людей мелькало странное выражение и они спешили закончить разговор. Безусловно, с миром творилось что-то неладное, и внезапное исчезновение Эстер было лишь частью этого глобального процесса.

Джон-копун сочувствовал переживаниям Миссиз, но при этом радовался, что Эстер покинула усадьбу. Ему это принесло большое облегчение. Он теперь в любое время свободно заходил в дом и вечерами подолгу засиживался на кухне у Миссиз. С его точки зрения, потеря гувернантки была на самом деле не потерей, а избавлением. Эстер внесла лишь одну позитивную перемену в жизнь Джона, побудив его вновь заняться фигурным садиком, но это было сделано непрямым путем, без нажима, и впоследствии он легко убедил себя в том, что возрождение сада началось исключительно по его собственной инициативе. Окончательно поверив, что Эстер уже не вернется, он снова стал расхаживать по всему дому в рабочих сапогах и чистил их прямо у плиты, упершись ногой в край кухонного стола, – а кто мог ему это запретить?

Между тем приступы ярости у затворника Чарли сменились тоскливой депрессией. Порой было слышно, как он, шаркая ногами, медленно передвигается по своим комнатам; а приложив ухо к двери, можно было разобрать нескончаемые рыдания и всхлипы вроде тех, что через силу выдавливает из себя упрямо не желающий успокоиться двухлетний ребенок. Быть может, до той поры Эстер каким-то таинственным – но притом, безусловно, научным – способом умудрялась воздействовать на Чарли через закрытые двери, не позволяя ему погрузиться на самое дно отчаяния? Такая возможность отнюдь не исключена.

Исчезновение Эстер отразилось не только на людях – на него тотчас отреагировал и дом как таковой. Это прежде всего проявилось в наступившей здесь тишине. Исчез дробный стук ее каблучков на лестницах и в коридорах, а вскоре стих и грохот молотков рабочих, занимавшихся починкой крыши. Мастер-кровельщик, узнав об отъезде гувернантки, логично рассудил, что теперь некому будет подсунуть Чарли счет за

выполненную работу, которая таким образом останется неоплаченной. Посему он упаковал инструменты и отбыл, позднее еще раз появившись в усадьбе лишь для того, чтобы забрать свою стремянку.

С первого же дня тишины старый дом вернулся на привычную стезю упадка и разрушения, как будто и не было кратковременного перерыва в этом растянувшемся на многие годы процессе. Началось, как водится, с мелочей: снова из всех щелей полезли грязь и труха, каждый предмет в каждой комнате стремительно обрастал слоем пыли, окна покрылись налетом жирной копоти. Привнесенные гувернанткой перемены были очень поверхностными, и сохранение их требовало постоянных усилий. А поскольку все мероприятия Миссиз по поддержанию чистоты разбивались о ее бессилие, старый дом вновь проявил свою истинную сущность. Очень скоро здесь уже не было ни одной вещи, прикосновение к которой не оставило бы на ваших пальцах грязных пятен.

Сами эти вещи также взялись за старое. Первыми пошли вразброд ключи: они вываливались из замочных скважин и отцеплялись от связки, чтобы найти себе новое пристанище где-нибудь в щели между половицами. Серебряные подсвечники, еще не успевшие потерять блеск после проведенной Эстер тотальной чистки, перекочевали с камина под кровать Эмmeliны, пополнив собой ее коллекцию «всего, что блестит». Книги постепенно перемещались с библиотечных полок на верхние этажи, чтобы пристроиться где-нибудь в темном закоулке. Портьеры обрели способность самостоятельно двигаться, упрямо наползая на оконные проемы. Даже мебель пришла в движение, пользуясь тем, что никто за ней не присматривал: в одном месте возникал и уверенно расширялся просвет между диваном и стенкой, в другом кресло отъезжало в сторону на пару-другую футов. Снова начало заявлять о себе домашнее привидение.

Состояние крыши в процессе ремонта имеет обыкновение сперва ухудшаться, чтобы только потом улучшиться. Соответственно, дыры, проделанные кровельщиком на предварительной стадии работ, намного превосходили размерами те, которые он был призван залатать. Теперь ясным днем можно было валяться на чердачном полу, нежась в лучах солнца, и это было приятно. Иное дело, когда зарядили дожди. Вода протекала с чердака в комнаты верхнего этажа; доски пола начали гнить, и перемещаться здесь надо было очень осторожно, избегая опасных участков с проседающими половицами. Все шло к тому, что пол скоро провалится и через дыры будут видны помещения этажом ниже. А сколько времени потребуется для того, чтобы провалились полы всех этажей вплоть до библиотеки? А что будет, когда провалится и библиотечный пол? Наступит

ли тот день, когда можно будет, стоя в погребке, разглядеть небо сквозь все этажи дома?

Пути воды, как и пути Господни, неисповедимы. Проникнув внутрь дома, она хоть и подчиняется закону тяготения, но делает это на свой лад. Она находит тайные лазейки в полостях стен и между перекрытиями, вдруг начиная капать или течь тонкими струйками в самых неожиданных местах. По всему дому были расстелены тряпки, дабы впитывать влагу, но их никогда не выжимали. Кастрюли и тазы, расставленные там и сям под капелью, переполнялись гораздо раньше, чем кто-нибудь вспоминал, что их надо бы опорожнить. От стен целыми пластами отваливалась штукатурка; сырость разъедала строительный раствор. На чердаке некоторые перегородки при нажатии рукой шатались, как больной зуб.

А что в это время происходило с близнецами?

После тяжелейшей раны, которую им нанесли Эстер и доктор, девочки были уже не те, что прежде. Шрам от нее остался у обеих на всю жизнь, ибо даже время не могло полностью излечить их от последствий того насильственного разделения. Однако полученная травма сказалась на них по-разному. Аделина, впадшая в полную прострацию сразу после того, как у нее забрали сестру, абсолютно ничего не помнила о дальнейших событиях. Для нее перерыв между утратой и повторным обретением Эмmeliны мог с одинаковым успехом измеряться годами или секундами. Теперь это уже не имело значения, поскольку все закончилось, и она снова вернулась к жизни.

С Эмmeliной же дело обстояло иначе. Она не погружалась в спасительную амнезию и, как следствие, страдала сильнее и дольше. В первые недели разлуки каждая секунда была для нее исполнена мучительной боли. Это было сродни ощущениям человека, которому после ампутации перестали давать обезболивающие препараты, и он, терпя страшные муки, удивляется лишь одному: как его организм может переносить такое и не умереть. Но постепенно, микроскопическими шажками, она начала оправляться. И вот настал момент, когда боль покинула большую часть ее тела, угнездившись только в самом сердце. А потом дошла очередь и до сердца – время от времени Эмmeliна начала испытывать и другие чувства, помимо безысходного горя. Таким образом она сумела адаптироваться к отсутствию сестры. Она научилась существовать отдельно от Адeлины.

Теперь они снова были вместе, однако в Эмmeliне произошла серьезная перемена, чего Аделина на первых порах не заметила.

Сначала была только радость воссоединения. В первые два дня

близняшки не разлучались ни на минуту. Меж кустов и деревьев фигурного садика они вели нескончаемую игру в «я тебя вижу, а ты меня нет», повторявшую их недавний опыт расставания и последующей встречи. Аделине никогда не надоедала эта игра, но Эммелина вскоре начала терять к ней интерес. Возродились и былые противоречия: Эммелина хотела идти в одну сторону, Аделина – в другую, что приводило к стычкам. Как всегда, Эммелина уступала, но отныне ее собственное «я» не оставляло эти уступки без внимания и мирилось с ними лишь до поры до времени.

Прежде чуть ли не боготворившая Эстер, она теперь нисколько не скучала по пропавшей гувернантке. Ее любовь растаяла без следа еще в ходе эксперимента, когда она хоть и далеко не сразу, но осознала, что именно Эстер похитила у нее сестру. Кроме того, Эстер настолько увлеклась составлением отчетов и ежедневными консультациями с доктором Модели, что, вероятно сама того не заметив, начала пренебрегать Эммелиной. Очутившись в непривычном одиночестве, Эммелина нашла новые способы отвлечься от своих печалей. Она научилась играть сама с собой и не собиралась отказываться от этих самостоятельных игр только потому, что Аделина снова была рядом.

И вот однажды – это было на третий день после их встречи – Эммелина внезапно прервала игру в прятки и незаметно для сестры ушла из сада в бильярдную, где у нее была припрятана колода карт. Разлегшись на зеленом сукне посреди стола, она начала играть сама с собой. Это была самая примитивная, детская разновидность пасьянса. Эммелина каждый раз выигрывала, поскольку правила данной игры не допускали возможности ее проигрыша. И каждый раз она очень радовалась своей победе.

В середине игры она подняла голову и насторожилась. Она ничего не услышала, но часть ее сознания, постоянно настроенная на сестру, сигнализировала, что та ее зовет и ищет. Эммелина проигнорировала этот призыв. Она была занята. Она увидится с Аделиной попозже, а сейчас ей нужно закончить игру.

Спустя час, когда взбешенная Аделина ворвалась в бильярдную, Эммелина, как обычно, оказалась не в состоянии себя защитить. Аделина вскочила на стол и, совершенно обезумев от ярости, накинулась на сестру.

Эммелина и не пыталась сопротивляться. Она не издала ни звука ни в момент нападения, ни в ходе самой экзекуции.

Наконец уставшая Аделина прекратила избиение и несколько минут разглядывала сестру. Зеленое сукно было забрызгано кровью, карты разлетелись по всей комнате. Эммелина лежала, сжавшись в комок; ее

плечи судорожно дергались в такт неровному дыханию.

Аделина повернулась и вышла из бильярдной.

Эммелина оставалась все там же, на столе, до тех пор, пока ее не разыскал Джон-копун несколько часов спустя. Он отвел ее к Миссиз, которая промыла рану на голове, наложила компресс на подбитый глаз и обработала кровоподтеки настойкой орешника.

– Этого бы не случилось, будь здесь Эстер, – сказала она. – Когда же она наконец вернется?

– Она не вернется никогда, – сказал Джон, с трудом сдерживая раздражение. Ему, как и Миссиз, было больно смотреть на Эммелину.

– Но я не понимаю, почему она уехала так внезапно, не сказав никому ни слова. Что такое могло случиться? Наверно, что-то очень срочное. Может, какие-то неприятности в ее семье...

Джон покачал головой. Он уже в сотый раз слышал эти рассуждения Миссиз, которая продолжала надеяться на возвращение Эстер. Вся округа знала, что Эстер не вернется. Служанка семейства Модели была свидетельницей скандала и еще много чего за ним последовавшего. Она и не думала держать это в тайне, и очень скоро в деревне не осталось ни одного человека, не слыхавшего историю о том, как дурнушка гувернантка закрутила амуры с доктором.

Рано или поздно слухи об этой «интрижке» (как ее со вкусом именовали деревенские) должны были достичь ушей Миссиз. Когда это наконец случилось, старая женщина была возмущена и поначалу решительно отказалась верить, что Эстер – ее Эстер – способна на такие поступки. По прибытии домой она пересказала эту «клевету» Джону и в ответ услышала подтверждение из его уст. Джон напомнил ей, что в тот самый день он ездил к доктору забирать Аделину. Он лично общался со служанкой вскоре после случившегося.

– Сама посуди, – говорил он Миссиз, – когда б не этот конфуз, с какой еще стати ей удирать вот так сразу, никого не предупредив?

– Что-нибудь с ее семьей... – упрямо бормотала Миссиз. – Срочное дело...

– Почему же тогда она не прислала письмо? Она могла бы нам написать, если бы собиралась вернуться, верно? Ты получала от нее хоть какую весточку?

Миссиз покачала головой.

– Ну так вот, – заключил Джон с уже не скрываемым удовлетворением, – она сделала то, что ей делать не следовало, и опосля ударилась в бег. Больше она сюда не вернется, тут и думать нечего.

Миссиз продолжала потерянно качать головой. Она не знала, чему верить. Этот мир определенно катился в тартарары.

ОН ИСЧЕЗ!

Один лишь Чарли пребывал в неведении относительно всех этих событий. Правда, и в его быту кое-что изменилось. Полноценные завтраки, обеды и ужины, которые по заведенному Эстер порядку регулярно возникали на подносе под его дверью, сменились корявыми сэндвичами, холодными котлетами и засохшими блинами яичницы, приносимыми время от времени, когда Миссиз вспоминала о его существовании. Впрочем, для Чарли это не имело никакого значения. Если он испытывал голод и еда оказывалась под дверью, он мог съесть кусок вчерашней котлеты или черствого хлеба, а если еды под дверью не было, то обходился без нее. Его мучил жуткий, неутолимый голод совсем иного рода. В этом была суть его жизни, и никакие появления или исчезновения Эстер ничего не могли в этом изменить.

Однако изменения, и очень серьезные, все-таки произошли, хотя Эстер была тут совершенно ни при чем.

В усадьбу очень редко, но все же приходили письма; еще реже кто-нибудь вскрывал их для прочтения. Через несколько дней после разговора с Джоном, сославшись на отсутствие писем от Эстер, Миссиз, проходя через холл, заметила конверты, пылившиеся на коврике под щелью почтового ящика. Она их подобрала и занялась просмотром почты.

Первое письмо было от банкира, предлагавшего Чарли заманчивый инвестиционный проект.

Второе содержало счет за выполненную часть работы по ремонту крыши.

Может, третье письмо было от Эстер?

Нет. Оно пришло из психиатрической лечебницы. Изабелла умерла.

Миссиз ошеломленно уставилась на бумагу. Умерла! Изабелла! Возможно ли это? В письме что-то говорилось о гриппе с осложнениями.

Такую новость нельзя было не сообщить Чарли, но Миссиз пришла в ужас при одной мысли об этом. «Сперва посоветуюсь с Копуном», – решила она и отложила письма в сторону. Но к вечеру, когда Джон сидел за кухонным столом, а она подливала ему свежий чай, в памяти Миссиз уже не осталось и намек на давешнее письмо. Этот эпизод присоединился ко множеству других, вполне сознательно ею прожитых и прочувствованных, но потом напрочь вылетевших из ее слабой старческой головы. А спустя еще несколько дней Миссиз, пронося через холл подгоревшие тосты и

бекон – завтрак для Чарли, – вновь заметила те же письма, машинально их подняла и поместила на поднос рядом с едой, при этом ничего не вспомнив про их содержание.

В последующие дни ничего не происходило, только пыль становилась все толще, слой саж на окнах густел, игральные карты все дальше выползали из распечатанной колоды на столе в гостиной, а Миссиз все чаще и легче забывала о том, что Эстер существует на свете.

В безмятежной тиши тех дней первым, кто проявил беспокойство, оказался Джон-копун.

Он всю жизнь работал под открытым небом и не привык заниматься делами по дому. Тем не менее он знал, что свежий чай следует наливать в предварительно вымытую чашку и что готовую еду негоже класть на тарелку, где перед тем лежал кусок сырого мяса. Он видел, как идут дела на кухне у Миссиз, и прекрасно все понимал. Посему, когда гора грязной посуды в мойке достигала внушительных размеров, Джон засучивал рукава и скрепя сердце брался не за свое дело. Забавно было видеть его в сапожищах и картузе стоящим над раковиной и неуклюже орудующим посудной тряпкой, особенно если сравнить с тем, как ловко и аккуратно он обращался с глиняными горшками для рассады у себя в оранжерее. В последнее время он стал замечать, что количество тарелок и чашек на кухне сокращается, и, если так пойдет дальше, они могут скоро исчезнуть совсем. Куда же девалась вся эта посуда? Первое, что в этой связи припомнил Джон, была картина ползущей вверх по лестнице Миссиз с подносом еды для Чарли. А когда он в последний раз видел ее приносящей сверху пустые тарелки? Это было очень давно.

Джон поднялся к комнатам Чарли и обнаружил перед запертой дверью длинную шеренгу тарелок и чашек. Чарли даже не притронулся ко всей этой снеди, от которой теперь исходил густой неприятный запах. Тучи мух с гудением вились над тарелками. Сколько дней подряд Миссиз таскала сюда еду, не замечая, что предыдущие порции остались нетронутыми? Подсчитав тарелки и чашки, Джон помрачнел. Ему все стало ясно.

Стучать в дверь он посчитал бесполезным. Вместо этого он сходил в сарай и принес оттуда брусok дерева, достаточно увесистый, чтобы послужить в качестве тарана. Грохот ударов в дубовую дверь, треск дерева и скрежет петель, выдираемых из косяков, были достаточно громкими, чтобы привлечь туда всех нас, включая даже Миссиз.

Когда наполовину сорванная с петель дверь наконец распахнулась, мы слышали басовитое жужжание мух, а из комнаты потянуло таким страшным зловонием, что Эмелина и Миссиз попятились обратно к

лестнице. Джон прикрыл рот ладонью и сильно побледнел.

– Стой на месте, – приказал он мне и вошел внутрь.

Я последовала за ним, держась на два-три шага позади.

Мы осторожно продвигались по комнате, переступая через кучи мусора и гниющие остатки пищи и распугивая полчища жирных мух. Чарли вел скотский образ жизни. Покрытые плесенью тарелки попадались повсюду: на полу, на камине, на столе и на стульях. Дверь спальни была приоткрыта. Джон толкнул ее концом деревяшки, которую все еще держал в руках; изнутри выскочила и пробежала по нашим ногам спугнутая крыса. Перед нами предстало кошмарное зрелище. Еще больше мух, еще больше разложившейся еды, и, хуже того, – без сомнения, Чарли был болен. На половом коврикe виднелось пятно засохшей, облепленной мухами рвотной массы, а на столике рядом с кроватью лежали окровавленные носовые платки и старая штопальная игла Миссиз.

Постель была пуста – только смятые серые простыни, заляпанные кровью и всякой гадостью.

Мы молчали, стараясь не дышать и лишь по необходимости втягивая тухлый воздух через рот, отчего возникали позывы к рвоте. Но это было еще не самое худшее. Оставалось проверить последнее из трех помещений. Джон помедлил, сделал над собой усилие и наконец решился открыть дверь ванной комнаты. Но еще до того, как она распахнулась и отвратительный запах ударил в ноздри, я кожей почувствовала эту мерзость, и все мое тело покрылось холодным потом. Крышка унитаза была опущена, но из-под нее во все стороны выпирало то, что она безуспешно пыталась скрыть. Однако это были пустяки по сравнению с ванной. Взглянув туда, Джон резко попятился и сбил бы меня с ног, не отскочи я назад одновременно с ним. Наполнявшая ванну темная масса человеческих выделений источала столь жуткую вонь, что мы с Джоном не выдержали и пустились наутек – через залежи крысиного помета и тучи навозных мух в коридор, потом вниз по лестнице и на улицу.

Здесь меня стошнило. После всего увиденного желтая лужица моей рвоты на зелени травы буквально ласкала взор – она казалась такой чистой, свежей и даже пахла приятно.

– Ничего-ничего, – пробормотал Джон и похлопал меня по спине ощутимо дрожавшей ладонью.

Между тем Миссиз, которая последовала за нами на своей предельной скорости, пересекла лужайку и уставилась на нас вопрошающе. Что мы могли ей сказать?

Мы нашли кровь Чарли. Мы нашли его дерьмо. Мы нашли его

блевотину. Однако мы не нашли самого Чарли.

– Его там нет, – сказали мы Миссиз. – Он исчез.

Возвращаясь к себе в комнату, я размышляла об этой истории. Она представляла интерес сразу в нескольких отношениях.

Само собой, исчезновение Чарли стало важным поворотом сюжета. Я вспомнила о ежегодниках и озадачившей меня тогда аббревиатуре: ОПУ. Но, кроме того, здесь появилась еще одна существенная деталь. Догадалась ли она, что я это заметила, при том что внешне я ничем не выдала свою реакцию? Сегодня мисс Винтер впервые употребила в рассказе местоимение «я».

В комнате меня дожидался поднос, на котором помимо сандвичей с ветчиной лежал большой коричневый конверт.

Мистер Ломаке, адвокат, ответил на мой запрос без промедления, с обратной почтой. В конверте я нашла вежливую сопроводительную записку, копию контракта Эстер, которую я отложила в сторону после беглого просмотра, рекомендательное письмо от леди Блейк из Неаполя, перечислявшей незаурядные достоинства гувернантки, и – самое интересное – письменное согласие Эстер взяться за предложенную ей работу в Анджелфилде. Сей документ был написан кудесницей собственноручно.

Уважаемый доктор Модели.

Благодарю Вас за любезное предложение занять должность гувернантки в Анджелфилде.

Я буду готова приступить к своим обязанностям 19 апреля, как это указано в Вашем письме.

Я навела справки и выяснила, что ближайшая к Вам железнодорожная станция находится в Банбери. Не могли бы Вы дать мне совет, как лучше всего добраться оттуда до Анджелфилда? Мой поезд прибывает в Банбери в половине одиннадцатого утра.

Искренне Ваша,
Эстер Барроу

Твердо выведенные заглавные буквы указывали на решительность и силу характера, а равномерный наклон строчных – на последовательность и стабильность. Легкость и целеустремленность ощущались в плавных петельках «§» и «у». Размер букв был средний: достаточно крупный, чтобы читающий мог их без труда разобрать, но не слишком большой – для экономии бумаги и чернил. Написание простое и строгое – никаких завитушек, росчерков и тому подобных украшений. Красота этого почерка заключалась в его упорядоченности: каждая буква знала свое место, не налезая на соседей и не отрываясь от них. Все добротное, четко и правильно. Это была сама Эстер в буквенном виде.

В правом верхнем углу письма был указан обратный адрес в Лондоне.

«Отлично, – подумала я, – теперь я смогу тебя отыскать».

Я взяла лист бумаги и, прежде чем приступить к работе над историей мисс Винтер, написала письмо специалисту по генеалогии, о котором упомянул отец. Письмо вышло довольно длинным: для начала мне пришлось объяснить, кто я такая (ибо он наверняка не знал, что у Айвена Ли есть дочь), а затем по возможности ненавязчиво ввернуть фразу о ежегодниках, этим намеком обосновав свое право на ответную услугу с его стороны. Далее я изложила все, что мне было известно о Эстер: Неаполь, Лондон, Анджелфилд. Что же до сути моего послания, то она сводилась к двум словам: «найдите ее».

ПОСЛЕ ЧАРЛИ

Мисс Винтер никак не прокомментировала мою переписку с адвокатом, хотя я не сомневалась, что ее об этом проинформировали и что я не получила бы запрошенные документы без ее предварительного согласия. Я беспокоилась, не сочтет ли она мои действия нарушением изначальной договоренности, попыткой «забежать вперед»; однако на другой день после получения мною письма от мистера Ломакса и отправки запроса исследователю генеалогий она ничего на сей счет не сказала и сразу продолжила свое повествование, как будто этот почтовый обмен ее ни в коей мере не касался.

Исчезновение Чарли стало вторым за последнее время. Или третьим, если добавить сюда Изабеллу, но, поскольку она перестала оказывать какое-либо влияние на нашу жизнь еще двумя годами ранее, ее вряд ли стоило принимать в расчет.

На Джона это второе исчезновение подействовало гораздо сильнее, чем уход Эстер. Чарли мог быть отшельником, чудаком или психопатом, но при всем том он оставался владельцем усадьбы. Четыре раза в год, после шести или семи напоминаний, он ставил закорючку на чеке, и банк выделял нужную сумму на ведение домашнего хозяйства. И вот владелец как в воду канул. Что теперь будет с хозяйством? Как они смогут получить деньги?

Джон пережил несколько воистину кошмарных дней. Он посчитал необходимым привести в порядок загаженные апартаменты Чарли – «иначе мы все тут подхватим заразу» – и героически взялся за этот неблагодарный труд. Не в силах подолгу выносить ужасный смрад, он периодически выбирался наружу и сидел на ступеньках, жадно хватая ртом воздух, как спасенный утопающий, наконец добравшийся до твердой земли. А вечерами он подолгу принимал ванну, расходуя целый кусок мыла за один раз и до покраснения отскребая кожу мочалкой. Он промывал с мылом даже свои ноздри.

А вскоре ему пришлось взять на себя приготовление пищи. В последнее время периоды затмения все чаще наступали Миссиз непосредственно у кухонной плиты, в результате чего картошка сначала

разваривалась до кашеобразного состояния, а потом превращалась в горстку углей на дне кастрюли. В доме постоянно пахло горелым. И вот в один прекрасный день мы увидели у плиты Джона. Его руки, которыми он прежде только выкапывал клубни из земли, теперь эти клубни мыли и чистили, а потом гремели крышками стоявших на огне кастрюль и сковородок. Отныне мы ели нормально приготовленные мясо и рыбу с гарниром из вареной или жареной картошки и пили горячий, крепко заваренный чай. Между тем Миссиз покойно сидела в своем любимом кресле в углу кухни и, судя по всему, уже не помнила, что когда-то стряпня и уборка входили в ее обязанности. А по вечерам, после мытья посуды, они с Джоном вели долгие беседы за кухонным столом. Темы были всегда одни и те же. Джон тревожился о будущем: как им прожить в отсутствие хозяина дома?

– Не волнуйся, когда будет нужно, он спустится сверху и все уладит, – говорила Миссиз.

– «Спустится сверху»? – Джон только вздыхал и качал головой, ибо слышал это далеко не в первый раз. – Ты опять все забыла, Миссиз. Его нет наверху. Он исчез.

– Исчез, ха-ха! – Миссиз воспринимала его слова как шутку.

Когда она впервые узнала об исчезновении Чарли, этот печальный факт прошел через ее сознание, но не сумел в нем прочно закрепиться. Существовавшая в ее мозгу сложная система ходов, коридоров и лестничных маршей, посредством которых связывались или разъединялись отдельные мысли, обветшала и пришла в полную негодность. Ухватив мысль с одного конца, она пыталась проследить ее движение, однако мысль выбирала непростые маршруты – она лезла через дыры в стенах, спотыкалась о неожиданные препятствия и озадаченно замирала перед глубокими провалами в полу: «Что же здесь было раньше? А разве это не?..» Думая о затворнике Чарли, тоскующем по навсегда утерянной сестре, она незаметно для себя проваливалась во времени, переносясь мыслями к его отцу, когда тот после смерти жены заперся в библиотеке.

– Я знаю, как его оттуда выманить, – сказала она, хитро подмигнув Джону. – Надо принести ему малютку. Это проверенный способ. Я сейчас же пойду в детскую и возьму ее из колыбели.

Джон не стал напоминать ей о смерти Изабеллы, зная, что это лишь вызовет очередной всплеск горестного изумления и массу последующих вопросов. «Психушка?! – воскликнет потрясенная Миссиз. – Но почему мне никто не сказал, что мисс Изабеллу забрали в психушку? А каково будет ее несчастному отцу?! Он же любит ее до безумия. Эта новость его

убьет!» Далее последуют многочасовые блуждания в запутанных лабиринтах времени, оплакивание давних утрат так, будто они случились только вчера, при полном забвении сегодняшних проблем. Джон проходил через все это неоднократно и предпочел на сей раз обойтись без душераздирающих сцен.

Миссиз выбралась из кресла и, с трудом переставляя ноги, отправилась в бывшую детскую комнату к малютке, которая за годы, начисто выпавшие из ее памяти, успела вырасти, выйти замуж, родить близняшек и умереть. Джон ее не остановил, зная, что она все равно забудет, куда и зачем шла, еще не достигнув лестницы. Когда она повернулась к нему спиной, он опустил голову на руки и тяжело вздохнул.

Что делать? Его беспрестанно мучили мысли о Чарли, о Миссиз и обо всей этой ситуации. К концу недели, когда комнаты Чарли были очищены от скверны, его ежевечерние раздумья вслух оформились в некое подобие плана. Никаких известий от Чарли не поступало. Никто не видел, как он покинул дом, и никто за пределами усадьбы не знал о его исчезновении. Учитывая его замкнутый образ жизни, представлялось маловероятным, что кто-то посторонний заметит его отсутствие. Раз за разом Джон задавал себе вопрос: обязан ли он сообщить кому-нибудь – скажем, доктору или адвокату – о случившемся? И каждый раз ответом было «нет». Чарли имел полное право покинуть свой дом, когда ему заблагорассудится, и не обязан был уведомлять слуг о том, куда направляется. Джону очень не хотелось привлекать к этому делу доктора, чье предыдущее вмешательство в их жизнь обернулось одними неприятностями, а что касалось адвоката...

Дальше его рассуждения продвигались медленно и со скрипом. Если Чарли так и не объявится, кто еще, как не адвокат семьи, должен будет контролировать все операции с его банковским счетом? Джон где-то слышал, что в случае неоправданно затянувшегося отсутствия человека об этом следует известить адвоката или представителей власти, однако... Его нежелание связываться с чужаками можно было понять. Много лет они здесь жили в отрыве от окружающего мира. За все это время одна лишь Эстер явилась к ним со стороны – и к чему это привело? Кроме того, Джон инстинктивно не доверял юристам. Он ничего не имел против мистера Ломакса лично – при посещениях Анджелфилда тот показал себя воспитанным и благоразумным джентльменом, – однако ему было нелегко смириться с мыслью, что их проблемы будет решать какой-то профессиональный крючкотвор, сующий нос в чужие дела исключительно ради того, чтобы на этом заработать. И потом, когда исчезновение Чарли станет таким же общеизвестным фактом, каким ранее было его

затворничество, где гарантия, что адвокат согласится подписывать за него счета, чтобы Джону и Миссиз было чем расплачиваться в деревенской лавке? Даже скудных знаний Джона о юристах и юриспруденции было достаточно, чтобы понять, насколько это все непросто. Он представил себе, как мистер Ломаке в порядке ревизии тщательно осматривает дом, открывает все двери, роется в шкафах и заглядывает в каждый темный закоулок, нарушая покой призрачных обитателей Анджелфилда. Однажды начавшись, это уже никогда не закончится.

В этой связи Джона беспокоило еще одно обстоятельство. Посетив усадьбу, адвокат наверняка заметит неадекватное состояние Миссиз и вызовет доктора, после чего она может пойти по стопам Изабеллы – проще говоря, ее упрячут в богадельню.

Так стоило ли обращаться к адвокату? Нет. Они только что с трудом перенесли одно вторжение извне, и не стоило сейчас напрашиваться на другое. Пусть все идет своим чередом, а там будет видно.

Причин торопить события не было. Со времени последнего денежного поступления прошло всего несколько недель, так что на жизнь им пока хватало. Кроме того, Эстер сбежала, не успев получить причитающуюся ей плату, с учетом которой (если, конечно, Эстер ее не востребует) они располагали вполне приличной суммой. Крупных затрат на провизию не предвиделось: овощей и фруктов из сада хватило бы на целую армию, а в лесу пока еще не перевелись фазаны и куропатки. А если они окажутся в бедственном положении (Джон употребил именно этот термин, вряд ли вдумываясь в его смысл, ибо разве не таковым было их нынешнее положение, – о каких еще новых бедствиях тут можно говорить?), он имел на примете одного человека, который всегда был готов заплатить пару шиллингов за бутылку старого вина, немалый запас какового хранился в погребе.

– Сколько-то продержимся, – заверил он Миссиз, дымя сигаретой на кухне. – Если будем экономить, денег хватит месяца на четыре. А как выкручиваться дальше, ума не приложу. Ну да ладно, там поглядим.

Он обращался к ней исключительно для самоуспокоения, ибо давно уже не рассчитывал услышать в ответ что-нибудь вразумительное. Однако привычка беседовать с Миссиз укоренилась в нем так глубоко, что отказаться от нее в одночасье он не мог, и потому каждый вечер сидел напротив старухи за кухонным столом, делясь своими мыслями, тревогами и видами на будущее. А когда она ему отвечала – как правило, невпопад, а то и вовсе бессмысленным набором слов, – Джон честно ломал голову, пытаясь уловить связь между своим вопросом и ее ответом. Но лабиринт ее

мыслей был слишком запутан, а тонкая логическая нить, ведущая от одного слова к другому, то и дело обрывалась, исчезая во мраке беспамятства.

Он копался в огороде, выращивая овощи; он готовил еду; он кормил Миссиз, мелко нарезая мясо и вилкой поднося кусочки к ее рту. Он убирал из-под ее носа остывший чай и вместо него ставил чашку со свежесваренным. Он не был плотником по профессии, но занимался и плотницкой работой, прибивая новые доски поверх сгнивших половиц. Он старался вовремя сливать дождевую воду из кастрюль и тазиков на верхних этажах; он залезал на чердак и, скребя затылок, оглядывал дыры в крыше. «Надо будет это поправить», – говорил он себе под нос, но дожди тогда шли нечасто, а до снегопадов было еще далеко, и эта работа могла подождать. У Джона и без того дел было невпроворот. Он стирал простыни и одежду, которые по высыхании становились жесткими и липкими от мыла, потому что он забывал их прополаскивать. Он свеживал кроликов и ошипывал фазанов на жаркое. Он мыл посуду и чистил кухонную раковину. Он знал, что нужно делать по дому, поскольку сотни раз видел, как все это проделывала Миссиз.

Изредка он на полчаса заглядывал в фигурный садик, но уже не мог по-настоящему насладиться любимым занятием, постоянно тревожась, как бы чего не случилось дома в его отсутствие. В любом случае правильный уход за кустами требовал намного больше времени, чем мог себе позволить Джон. Закончилось тем, что он полностью сосредоточился на огороде, оставив сад на произвол судьбы.

Постепенно новый порядок вещей утвердился, и нам такая жизнь в целом была по душе. Винный погреб оправдал себя как стабильный источник финансирования; мы жили хотя и скромно, но не бедствовали. И нас вполне устраивало отсутствие Чарли – без него всем было лучше. Не возвратившийся и не найденный, не живой и не мертвый, он никому не мог причинить зла.

Посему я решила сохранить в тайне то, что мне было известно.

В глубине леса есть старая лачуга. Простояв нежилой добрую сотню лет, она совсем затерялась в зарослях крапивы и колючих кустарников. Раньше здесь часто бывали Чарли с Изабеллой, а после того, как Изабеллу упрятали в сумасшедший дом, Чарли продолжал ходить сюда один. Я это знала, потому что выследила его, когда он сидел там, шмыгая носом и выцарапывая ржавой иглой любовные послания на собственных костях.

Когда Чарли исчез из дому, я недолго думала, где его искать, и направилась к той лачуге. Я продралась сквозь густую поросль,

закрывавшую вход, из которого тянуло сладковатым запахом гнили, и там в полутьме увидела Чарли. Он валялся в углу, а рядом лежал пистолет. Полголовы было снесено выстрелом, но я опознала его по уцелевшей половине, хотя ту сплошь облепили какие-то белые личинки. Да, это был Чарли – и не в лучшем виде.

Я кинулась прочь оттуда, не обращая внимания на крапиву и колючки. Мне хотелось как можно скорее избавиться от этого зрелища, но оно продолжало стоять у меня перед глазами, и даже на бегу я не переставала ощущать на себе жуткий взгляд его единственной глазницы.

Мне надо было как-то успокоиться.

И я вспомнила об одном местечке неподалеку – о маленьком доме посреди леса. Пару раз я воровала там еду. К этому дому я и направилась. На четвереньках, стараясь не производить шума, я подползла к самому окну и осторожно перевела дыхание. В двух шагах от меня шла своим чередом жизнь обычных людей. Привстав, я осторожно заглянула в окно и увидела женщину в кресле, занятую вязанием. Она не знала, что я нахожусь рядом, но на меня ее присутствие подействовало успокаивающе – так, наверно, могут успокаивать только добрые бабушки из детских сказок. Я смотрела на нее и чувствовала, как понемногу избавляюсь от навязчивого видения мертвого Чарли, пока это видение не растаяло окончательно.

Я вернулась в Анджелфилд и никому не рассказала об увиденном. Нам нравилось жить так, как мы жили. А ему теперь было все равно, не так ли?

Чарли стал первым из моих призраков.

Похоже, автомобиль доктора сделался деталью местного пейзажа. В мой первый приезд к мисс Винтер доктор посещал ее раз в три дня; потом он стал появляться через день, потом ежедневно, а теперь бывал здесь дважды на дню. При встречах с мисс Винтер я пыталась судить о состоянии дел по ее внешнему виду. Факты мне были известны. Я знала, что она больна. Я знала, что она умирает. Но, рассказывая мне свою историю, она неизменно оживлялась, как будто черпала свежие силы из источников, над которыми были не властны болезни и возраст. Как следствие, я не отмечала в ней существенных перемен, объясняя это постоянством и хорошим качеством врачебного ухода.

Однако незаметно для меня состояние ее серьезно ухудшалось. Ибо чем еще можно было объяснить неожиданное заявление Джудит? Однажды

утром она сказала мне, что мисс Винтер чувствует себя неважно и не сможет со мной встретиться. Более того, по ее словам, мисс Винтер будет вынуждена дня на два прервать нашу серию интервью, так что я могу воспользоваться этой передышкой по своему усмотрению.

– Передышка? Еще недавно я с таким трудом вырвала у нее три дня для своих личных дел, а теперь она сама отправляет меня в отпуск? И это за считанные недели до Рождества!

Обычно бесцветное лицо Джудит залилось краской, но она ничего не добавила к своему сообщению. Стало быть, возникли какие-то проблемы, и мое присутствие здесь в эти дни было нежелательным.

– Я соберу свои вещи, – сказала я отрывисто, почти грубо.

– У Мориса сегодня выходной, но доктор Клифтон согласился отвезти вас на станцию.

Бедная Джудит. Она ненавидела ложь и совсем не умела притворяться.

– Могу я перед отъездом повидать мисс Винтер?

– Мисс Винтер? Боюсь, что она...

– Не хочет меня видеть?

– Она не может с вами увидеться. – Это прозвучало искренне и с явным облегчением, поскольку на сей раз она говорила чистую правду. – Поверьте мне, мисс Ли, она просто не может.

То, что скрывала от меня Джудит, скрывал также и доктор Клифтон, несомненно бывший в курсе событий.

– По какому адресу в Кембридже находится магазин вашего отца? – интересовался доктор по пути на станцию. – У вас там есть книги по истории медицины?

Я отвечала односложно, занятая не столько его, сколько своими собственными вопросами, каковых накопилось немало, и вскоре он оставил попытки завязать разговор. К тому времени, когда мы достигли Харрогейта, в салоне автомобиля установилось гнетущее молчание, над которым незримо витал деспотический дух мисс Винтер.

СНОВА АНДЖЕЛФИЛД

Днем ранее, сидя в поезде, я представляла себе шум и суету, которые застану по прибытии на место: крики команд, размашистая жестикуляция рабочих, рассекающие небо стрелы кранов, грохот рушащейся каменной кладки. Однако, подойдя к воротам усадьбы, я не услышала ничего похожего на характерные шумы рабочей площадки. Собственно, из-за ограды не доносилось никаких звуков вообще.

Анджелфилд и его окрестности были окутаны плотным туманом; я двигалась практически вслепую, нащупывая ногами путь, притом что сами эти ноги (не говоря уже о тропе впереди) я видела лишь урывками. В этой ситуации мне пришлось положиться на свою память – благо воспоминания о прошлом визите были еще свежи, и, кроме того, я в общих чертах представляла себе план усадьбы по описаниям мисс Винтер.

И память меня не подвела: я вышла к фигурному садику в том самом месте, где рассчитывала его найти. Кусты и деревья, смазанными тенями маячившие в тумане, казались плоскими, как театральные декорации. Два ближайших куста напоминали огромные шляпы-котелки, подвешенные в воздухе, поскольку нижняя часть их стволов терялась в молочной мгле. Прошло не менее шестидесяти лет с тех пор, как их в последний раз подстригали; за это время кусты, конечно же, разрослись и утратили былую форму. Однако туман позволял дать волю фантазии – я легко вообразила, что стоит ему рассеяться, как живая геометрия фигур предстанет во всей своей математически выверенной красе и за фигурным садиком откроется вид не на мертвые руины или рабочую площадку, а на целый и невредимый дом.

Полсотни лет, столь же эфемерные, как и эти висящие в воздухе водяные пары, увы, должны были растаять с первым лучом зимнего солнца.

Я поднесла запястье к глазам, чтобы разглядеть стрелки часов. У меня была назначена встреча с Аврелиусом, но как найти его в таком тумане? Я могла блуждать здесь до бесконечности и не заметить его на расстоянии вытянутой руки.

– Ау! – позвала я.

– Ау! – откликнулся мужской голос. Невозможно было определить, где он находится.

– Где вы?! – крикнула я и тут же представила себе Аврелиуса

озирающимся в поисках какого-нибудь ориентира.

– Возле дерева! – Голос его доходил до меня, как сквозь вату.

– Я тоже, – ответила я. – Но не думаю, что мы говорим об одном и том же дереве. Мне кажется, вы от меня далеко.

– А мне кажется, ты где-то рядом.

– Правда? Может, вы будете стоять на месте и что-нибудь говорить, а я пойду на ваш голос?

– Верно! Превосходный план! Но мне надо сначала придумать, о чем говорить. Это совсем не просто: говорить что-нибудь только ради того, чтобы говорить, хотя иной раз можно долго говорить ни о чем, и это получается как-то само собой... Пожалуй, поговорю о погоде. Нынче она совсем не задалась. Такой мутной хмари на моей памяти еще не было...

Пока он рассуждал подобным образом, я продвигалась через пелену на звук его голоса.

И вдруг я и увидела это. Мимо меня бесшумно и плавно скользила какая-то бледная тень. Это не мог быть Аврелиус. Мое сердце забилося в учащенном ритме, когда я протянула руку, испытывая страх и надежду одновременно. Но призрачная фигура обогнула меня и растворилась в тумане.

– Аврелиус! – Мой голос ощутимо дрожал.

– Да?

– Вы все еще там?

– Конечно, я здесь. Где же мне еще быть?

Его голос звучал совсем не в той стороне, куда удалилась фигура. Что это было? Понятно, что не Аврелиус. Может, оптический обман? В тумане такое случается. Я стояла неподвижно, надеясь на возвращение фантома и страшась того, что я могла увидеть.

– Ага, вот ты где! – пророкотал голос за моей спиной. Аврелиус. Я обернулась, и его ручки приветственно сдавили мои плечи. – Боже праведный, Маргарет! Да на тебе лица нет! Этак можно подумать, что ты встретила привидение!

Мы гуляли по саду. В пальто Аврелиус казался еще массивнее и шире, чем он был на самом деле. Шагая рядом с ним в своем светло-сером – под стать туману – плаще, я казалась самой себе крошечной и невесомой, почти иллюзорной.

– Как продвигается твоя книга?

– Пока это только наброски. Записи интервью. И уточнение фактов.

– И сейчас ты приехала уточнить факты, я угадал?

– Да.

– Что тебя интересует?

– Ничего конкретного, просто хотела сделать несколько снимков. Жаль, что погода сегодня не на моей стороне.

– Все образуется, вот увидишь, не пройдет и часа. Этот туман долго не продержится.

Мы шли по дорожке между рядами конусообразных кустов, которые так разрослись вширь, что сформировали подобие живой изгороди.

– А почему вы сюда ходите, Аврелиус?

Ряды кустов закончились, и какое-то время мы продолжали идти сквозь облачную пустоту. Затем впереди выросла стена из тисовых деревьев высотой в два роста Аврелиуса, и мы пошли вдоль нее. Я заметила искорки в каплях росы на траве и ветвях – предвестие скорого появления солнца. И действительно, туман понемногу редел; с каждой минутой видимость улучшалась. Тисовая стена провела нас вокруг поляны, и мы вновь оказались на той дорожке, по которой пришли сюда.

Когда мой вопрос настолько отдалился во времени, что я уже начала сомневаться, задавала ли я его вообще, Аврелиус ответил:

– Я здесь родился.

Я замерла на месте. Аврелиус продолжил идти, не заметив, какой эффект произвели на меня его слова. Мне пришлось пробежаться трусцой, чтобы его догнать.

– Аврелиус! – Я взялась за рукав его пальто. – Это правда? Вы здесь родились?

– Да.

– Когда?

– В мой день рождения, – произнес он с какой-то тоскливой улыбкой.

– Но когда конкретно? – настаивала я, не дав себе труда подумать.

– В один из дней января, скорее всего. А может быть, в феврале. Или в конце декабря. Примерно шестьдесят лет назад. К сожалению, более точных сведений у меня нет.

Только теперь я вспомнила, что он рассказывал в прошлый раз о миссис Лав и о том, что у него не было матери. А в каких случаях о приемном ребенке ничего не известно, включая даже день его рождения? Догадаться было несложно.

– Если я правильно поняла, вы были найденышем?

– Именно так. Самое подходящее слово. Найденыш.

Я молчала, не зная, что сказать дальше.

– Ничего, к этому можно привыкнуть, – сказал Аврелиус утешающе, и

я разозлилась на себя и свое неуместное молчание: дошло до того, что он просит меня не расстраиваться из-за его же собственных бед.

– А сами вы к этому привыкли?

Он окинул меня внимательным взглядом, явно сомневаясь, стоит ли со мной откровенничать.

– Сказать по правде, не привык.

Мы продолжили прогулку, ступая тяжело и медленно, как пара инвалидов. Туман рассеялся, и вместе с ним исчезло волшебное очарование фигурного садика, который наяву обернулся просто группой неухоженных кустов.

– Значит, это миссис Лав... – начала я.

– Да, это она меня нашла.

– И ваши родители...

– Неизвестны.

– Но притом вы знаете, что родились здесь, в этом доме? Аврелиус засунул руки глубоко в карманы пальто; плечи его напряглись.

– Я не рассчитываю на то, что другие это поймут. И я не могу это доказать. Но я это знаю. – Он быстро взглянул на меня и, уловив в моих глазах поддержку, решился развить свою мысль: – Иногда ты просто знаешь о себе какие-то вещи, которые ты, по идее, никак не можешь помнить. Вещи, которые случились еще до того, как ты начал что-то понимать и запоминать. Я не могу это объяснить.

Я кивнула, и Аврелиус продолжил:

– В ту самую ночь, когда меня нашли, здесь был большой пожар. Мне об этом рассказала миссис Лав, когда мне было уже лет девять. Она подумала, что это не простое совпадение, потому что от моей одежды в ту ночь пахло дымом. Вскоре после ее рассказа я пошел взглянуть на старый дом и с той поры продолжаю сюда ходить. Позднее я отыскал статью о пожаре в архиве местной газеты. Дело, собственно, в том...

Его голос звучал негромко и ровно, однако легкая смена тембра указывала на то, что сейчас он произнесет нечто чрезвычайно для него важное – нечто столь бережно хранимое в тайниках сердца, что он вынужден скрывать это под напускным равнодушием из боязни не встретить понимания и сочувствия в слушателе.

– Дело в том, что я узнал это место сразу же, как только сюда пришел. «Это мой дом, – сказал я себе тогда. – Здесь я родился». И я был в этом совершенно уверен. Я просто знал это, и все.

Под конец Аврелиус не сумел выдержать нарочито небрежного тона, и его голос предательски дрогнул.

– Конечно же, мне никто не поверит. У меня нет серьезных доказательств – только совпадение дат и упоминание миссис Лав о запахе дыма. И еще моя убежденность.

– Я вам верю, – сказала я.

Аврелиус прикусил губу и насторожился, искоса поглядывая на меня.

Необычный туман, в котором сегодня произошла наша встреча, и откровенные признания Аврелиуса, – все это настроило меня на доверительный лад. Неожиданно мне захотелось поговорить о вещах, о которых я никому до сих пор не рассказывала. Нужные слова моментально возникли у меня в голове и начали выстраиваться во фразы – длинные шеренги фраз, сгорающих от нетерпения, готовых сию же секунду сорваться у меня с языка. Создавалось впечатление, будто все они годами дожидались именно этого момента, заранее планируя свой выход.

– Я вам верю, – повторила я, чувствуя, как все сильнее рвутся наружу слова. – Такое бывает и со мной. То же самое чувство: как будто ты помнишь вещи, которые ты не должен и не можешь помнить. Нечто, лежащее за пределами человеческой памяти...

И вдруг я снова увидела это! Краем глаза: быстрое, едва уловимое движение.

– Вы заметили это, Аврелиус?

Он вслед за мной оглядел ряд кустов, некогда бывших самшитовыми пирамидами.

– Нет. А что я должен был заметить?

Оно исчезло. А может, и не появлялось вовсе. Я обернулась к Аврелиусу, но вся моя решимость уже улетучилась. Подходящий для откровенности момент был упущен.

– А ты знаешь свой день рождения? – спросил Аврелиус.

– Да, знаю.

Сложившиеся в моей голове фразы распались на отдельные слова и канули обратно в подсознание, где они пребывали в спячке все предыдущие годы.

– Можно, я запишу дату? – спросил он обрадованно. – Тогда я смогу послать тебе поздравительную открытку.

Я попыталась улыбнуться.

– Мой день рождения будет скоро.

Аврелиус раскрыл записную книжку-календарь в синей обложке.

– Девятнадцатого декабря, – сказала я, и он сделал пометку карандашом, который в его огромной руке смотрелся как зубочистка.

КАК МИССИС ЛАВ РАСПУСКАЛА ВЯЗАНИЕ

На смену туману вскоре пришел дождь. Поднимая на ходу капюшоны, мы поспешили к часовне и, ненадолго задержавшись на паперти, чтобы отряхнуть с одежды дождевые капли, вошли внутрь.

Мы уселись в первом ряду скамей, перед самым алтарем, после чего я довольно долго – пока не закружилась голова – разглядывала белый сводчатый потолок.

– Расскажите о том, как вас нашли, – попросила я. – Что вы об этом знаете?

– Я знаю об этом только со слов миссис Лав. Ее историю я помню почти наизусть. Если хочешь, могу пересказать. – Я кивнула. – Да, еще у меня есть кое-какое наследство – оно осталось с тех времен.

– Наследство?

– Правда, я не уверен, можно ли его так назвать. Это не совсем то, что люди обычно имеют в виду, говоря о наследстве... Хотя чего там описывать. Я тебе его покажу, только попозже.

– Это было бы здорово!

Да... Видишь ли, я тут подумал, что девять утра – это, выходит, вскоре после завтрака, то есть чуток рановато для новой трапезы, и... – Он было замялся, но со следующей фразой лицо его прояснилось. – И тогда я сказал себе: пригласи Маргарет в гости к одиннадцати часам. Свежая выпечка и кофе – как тебе это? К одиннадцати ты как раз успеешь проголодаться. Заодно взглянешь на мое наследство. Хотя там и смотреть-то особо не на что.

Я охотно приняла его приглашение.

Аврелиус извлек из кармана очки и стал рассеянно протирать стекла носовым платком.

– Теперь, значит, история... – Он набрал полные легкие воздуха и медленно выдохнул. – Я постараюсь передать все так, как мне рассказывала миссис Лав.

На лице его появилось безучастное выражение: как это водится у настоящих рассказчиков, он исчезал, уступая место собственно повествованию. И он начал рассказ, и с первых же его слов мне послышался голос самой миссис Лав, восставшей из тлена, чтобы поведать свою историю.

В ту ночь стояла крошечная тьма, и во тьме ярилась буря. Ветер выл, раскачивая верхушки деревьев, а дождь хлестал по окнам с такой силой, что стекла в любой миг могли не выдержать и расколоться. Я сидела у камина и вязала носок из серой шерсти. Это был второй носок из пары, и я уже довязала его до пятки. И тут меня ни с того ни с сего охватила дрожь. Это притом что я вовсе не мерзла. Ящик у камина был полон дров, еще засветло принесенных из сарая, и я только что подбросила в огонь очередное полено. Словом, мне не было холодно, но как раз перед тем я сказала себе: «Ну и ночь! Не хотела бы я оказаться на месте бедолаги, которого такая ночь застанет вдали от жилья». Должно быть, от этой самой мысли меня и проняла дрожь.

В доме было тихо; только трещали дрова в камине, позвякивали спицы да еще раздавались порой мои вздохи. Мои вздохи, ты спрашиваешь? Да, мои вздохи. Я вздыхала, потому что была несчастна. В тот вечер меня одолели воспоминания, а для одинокой женщины пятидесяти лет в этом нет ничего приятного. Я имела крышу над головой и жаркий огонь в камине, я только что хорошо поужинала – казалось бы, что еще нужно, чтобы чувствовать себя в ладу со всем миром? Однако я так себя не чувствовала. Я сидела и вздыхала над своим вязаньем, а дождь знай себе лил и лил. Наконец я поднялась и достала из буфета кусок кекса с изюмом – чудесного кекса, в самую меру пропеченного и к тому же пропитанного бренди. Меня он хорошо взбодрил. Но когда я доела кекс и вернулась к вязанью, у меня прямо упало сердце. И знаешь почему? Я дважды вывязала пятку на одном носке!

Это меня встревожило. И даже очень встревожило, потому что обычно я вяжу внимательно и аккуратно. Я не торопыга и не разиня, какой всегда была моя сестра Китти, и я пока еще не ослепла, как это случилось под старость с нашей бедной матушкой. Прежде я только два раза допускала подобную оплошность.

В первый раз я вывязала лишнюю пятку еще в молодости. То был солнечный весенний день. Я сидела у открытого окна, в саду все цвело и благоухало. Я тогда вязала носок из синей шерсти. Для одного... Словом, для моего жениха. Имя его я тебе называть не буду, в этом нет нужды. И вот сидела я у окна, да и замечталась. Глупые девичьи грезы: белые воздушные платья, горы пирожных и прочая дребедень. Потом взглянула на вязанье, а там у меня две пятки! Резинка, потом пятка, а дальше стопа и – вторая

пятка. Ну и хохотала же я!.. А что, не огорчаться же, в самом деле? Невелика проблема: распустить часть носка и довязать его правильно.

Я уже вынула спицы из вязанья, когда гляжу: по дорожке через сад сломя голову бежит Китти, и лицо у нее не то чтобы бледное, а даже вроде как зеленоватое. «Что это с ней стряслось?» – думаю я. А она как увидела меня в окошке, так и стала на месте столбом. И вот тут я поняла, что беда приключилась не с Китти, а со мной. Она открыла рот, но сперва даже мое имя выговорить не могла. И по щекам – слезы ручьями. А потом она выпалила все одним духом.

Это был несчастный случай. Мой жених пошел в лес со своим братом. Хотели пострелять куропаток. А это было запрещено. Кто-то их заметил, они перепугались и – наутек. Дэниел, его брат, первым добежал до приступки у изгороди и перемахнул на ту сторону. А у моего жениха приклад ружья возьми да и застрянь между жердин! Ему бы остановиться и вытащить его не торопясь, но позади уже слышен топот. Вот он в панике и дернул ружье за ствол. Дальше, думаю, нет нужды рассказывать. Сам знаешь, что бывает в таких случаях.

Я распустила вязанье. Все петли одну за другой, ряд за рядом. Это совсем не трудно. Вытащи спицы, потяни за нитку, и все само расползется. Петля за петлей, ряд за рядом. Я распустила вторую пятку, но на этом не остановилась: дальше пошла стопа, первая пятка, резинка... Петля за петлей распускаются быстро, стоит лишь потянуть ниточку. И вот уже больше нечего распускать – только синяя пряжа кучкой лежала у меня на коленях.

На то, чтобы связать носок, надо не так уж много времени, а распустить его можно и вовсе в момент.

Так что мне осталось только смотать шерсть в клубок, чтобы потом связать из нее что-нибудь другое. Но я, хоть убей, не помню, что я сделала с той синей шерстью.

Во второй раз история с двойной пяткой случилась, когда я уже начала стареть. Мы с Китти тогда сидели в этом доме перед камином. Прошел полный год со дня смерти ее мужа, и чуть меньше года – с того дня, когда Китти переселилась ко мне. Я видела, что она понемногу оправляется. Она стала чаще улыбаться и проявлять интерес к разным вещам. И уже не заливалась слезами всякий раз, как услышит его имя. Мы сидели друг против друга, и я вязала ночные носки для Китти; это были мягкие носочки из ягнячьей шерсти, розовые – под цвет ее халата. У Китти на коленях лежала книга, но она больше смотрела не в нее, а по сторонам. Я поняла это, когда она сказала: «Джоан, ты вяжешь пятку по второму разу».

Я взглянула на вязанье – так и есть!

«И как это меня угораздило?» – удивилась я. Она сказала, что будь это ее вязанье, тут и удивляться было бы нечему. С ней такое случалось постоянно: то вывяжет две пятки, а то и вовсе ни одной. Своему мужу она связала несколько носков без пяток – прямых, как шланг. Мы посмеялись. «Но на тебя это совсем не похоже, – сказала она. – Обычно ты не бываешь такой рассеянной».

«Однажды такое со мной уже было, – сказала я. – Всего один раз». И я напомнила ей историю с моим женихом. Рассказывая, я аккуратно распустила часть носка со второй пяткой и стала довязывать его правильно. Я не отрывала глаз от работы, чтобы снова не напортачить, потому как уже темнело. И вот я закончила рассказ, а она молчит. Я решила, что она задумалась о своем муже. В конце концов, я сетовала на свою давнюю утрату, а ведь ее утрата по сравнению с моей была совсем свежей.

Стало уже слишком темно, и я решила довязать носок на другой день. «Китти!» – позвала я. Никакого ответа. «Китти?» Я сначала подумала, что она спит. Но это был не сон.

Она казалась такой умиротворенной. На лице ее застыла улыбка, как будто она радовалась скорой встрече со своим мужем. В то самое время, когда я возилась с этим носком и вспоминала давно минувшие дни, она тихо ушла, чтобы соединиться с ним на том свете.

Теперь ты, надеюсь, понимаешь, почему я встревожилась в ту грозную ночь, обнаружив двойную пятку на своем вязанье. Когда это случилось в первый раз, я потеряла жениха. Во второй раз я потеряла сестру. И вот третий раз. Но мне уже некого было терять. Осталась только я сама.

Я взглянула на носок. Серая шерсть. Простенькая вязка. Он предназначался для меня.

«А стоит ли горевать?» – подумала я. У меня в этом мире уже не осталось близких людей, и моя смерть никого не заставит страдать. Это само по себе немалое утешение. В конце концов, я прожила достаточно долгую жизнь, не то что мой бедный жених. Мне вспомнилось счастливое выражение лица Китти сразу после ее ухода. «Может, оно и к лучшему», – сказала я себе.

Я начала распускать вторую пятку. Ты можешь спросить: «Разве теперь это имело значение?» Понимаешь, я не хотела, чтобы меня нашли с этим дурацким носком. Я представила, как люди судачат: «Старуха под конец выжила из ума. Ее нашли с вязаньем на коленях, и представляешь: на том носке было вывязано сразу две пятки». Нет, я не хотела давать им

повод для пересудов. И я стала распускать вязанье, в душе готовясь к близкой смерти.

Не знаю, сколько времени прошло, но вдруг я услышала какой-то шум за дверью. Похоже на писк маленького зверька. Сперва я не обратила на него внимания, потому что в мыслях уже была далеко, на полпути между жизнью и смертью. Но звук не умолкал. Мне показалось, что он обращен прямо ко мне. И то сказать: к кому еще можно было обратиться в этой глуши, да еще в такую ночь? Я подумала, может, это заблудившийся котенок. И хотя мне было не до каких-то там котят – я готовилась к встрече с Творцом, – мысль о том, что он сидит под дверью, испуганный и промокший, мешала мне настроиться на нужный лад. И я сказала себе: «Если ты собралась помирать, это еще не причина для того, чтобы отказывать Божьей твари в тепле и пище». И потом, скажу тебе честно, мне подумалось, что было бы неплохо в свою последнюю минуту иметь рядом какое-то живое существо. Я встала и пошла к двери.

Представь себе мое удивление, когда я выглянула наружу!

Там, под навесом крыльца, тихо попискивая на кошачий манер, лежал завернутый в какую-то холстину младенец! Ты, бедняжка, совсем замерз, вымок и проголодался. Сперва я просто не поверила своим глазам. А когда я взяла тебя на руки, ты увидел меня и сразу перестал плакать.

Я не стала задерживаться снаружи – тебя надо было срочно обогреть и накормить. Потому я лишь быстро огляделась вокруг, стоя на крыльце. Я никого не увидела и не услышала. Только ветер шумно трепал деревья на краю леса. Не помню, заметила ли я тогда же столб дыма от пожара в Анджелфилде или узнала о нем уже позднее. В тот момент мне было не до каких-то там пожаров.

Я подхватила тебя поудобнее, вошла в дом и закрыла дверь.

Два раза мне случалось вывязать у носка лишнюю пятку, и оба раза ко мне приближалась смерть, унося мои близких. Когда я сделала это в третий раз, ко мне явилась жизнь. Это научило меня не слишком доверяться приметам и совпадениям. После той ночи мне уже было недосуг размышлять о смерти.

У меня был ты, и надо было думать о тебе.

С той поры мы зажили счастливо.

Последние фразы Аврелиус произнес хриплым, неожиданно севшим

голосом. Его рассказ звучал как заклинание или молитва – эти слова он слышал сотни раз, будучи ребенком, и потом многократно повторял про себя на протяжении десятилетий.

Когда история подошла к концу, мы посидели в молчании, созерцая алтарь. Дождь снаружи еще не прекратился, хотя и стал реже. Сидевший рядом со мной Аврелиус был недвижим, как монумент, хотя в душе его вряд ли царил монументальный покой.

Я сейчас могла бы сказать очень многое, однако я не сказала ничего. Я просто ждала, когда он окончательно вернется в настоящее время из своего далекого прошлого. Когда это наконец произошло, он заговорил:

– Как видишь, это не моя история. Само собой, она и обо мне тоже, но она не моя. Это история миссис Лав. Там есть ее жених, ее сестра Китти, ее вязанье. И ее кекс. И только когда она думает, что все уже закончилось, там появляюсь я, и все начинается снова. Но моя собственная история должна быть другой, по крайней мере в самом ее начале. Потому что до того, как она открыла дверь... До того, как она услышала звук снаружи... До того... – Он сбился с мысли, сокрушенно махнул рукой и начал заново: – Потому что, если кто-то нашел младенца, нашел вот так, одного под дождем, это значит, что до того... обстоятельства... по необходимости...

Еще один резкий взмах руки аннулировал и эту попытку. Его взгляд блуждал по потолку часовни, словно надеясь отыскать там нужный глагол, без которого невозможно было Достроить фразу.

– Если миссис Лав меня нашла, это значит, что до того какой-то другой человек... какая-то мать должна была...

Глагол наконец нашелся, однако фраза не продвигалась дальше. Лицо его исказилось в мучительной гримасе, а руки, взметнувшиеся было в жесте отчаяния, теперь застыли в позиции, предполагавшей мольбу или молитву.

Порой лицо и тело человека способны передать движения его души настолько точно, что вы, согласно ходячему выражению, можете читать этого человека, как раскрытую книгу. И я прочла безмолвное послание Аврелиуса: «Будь со мной, мама».

Я дотронулась до его руки, и статуя ожила.

– Нет смысла ждать, когда кончится дождь, – тихо сказала я. – Он, похоже, зарядил на весь день. Мои снимки обождут до другого раза. Думаю, мы вполне можем идти.

– Да, – сказал он надтреснутым голосом. – Вполне можем.

НАСЛЕДСТВО

Напрямик через лес до моего дома полторы мили, – сказал он. – По дороге идти много дольше.

Мы прошли олений парк и приближались к опушке леса, когда сквозь шум дождя до нас донеслись голоса. На аллее женщина увещевала детей: «Я же тебе говорила, Том. В такую погоду они не будут работать». Пара детишек разочарованно остановилась при виде неподвижных кранов и прочей бездействующей техники. Они были в одинаковых зюйдвестках и макинтошах, так что было трудно разобрать, кто тут мальчик, а кто девочка. Отставшая было женщина теперь нагнала их, и макинтоши собрались в тесный кружок, что-то обсуждая.

Аврелиус с умилением и завистью наблюдал за этой семейной сценкой.

– Я встречала их раньше, – сказала я. – Вы их знаете?

– Это мать с детьми. Живут на Улице, в доме с качелями. Карен занимается оленями.

– Здесь разрешена охота?

– Нет. Она просто за ними присматривает.

Он снова взглянул на семью, а затем тряхнул головой, как будто избавляясь от наваждения.

– Миссис Лав была ко мне очень добра, – сказал он, – и я ее любил. Но это другое дело...

Со взмахом руки он отвернулся и пошел в лес, бросив через плечо:

– Идем. Нам пора домой.

Семейство в макинтошах, видимо, пришло к аналогичному решению: развернувшись, они зашагали в сторону деревни.

Мы с Аврелиусом шли через лес в ненапряженном, дружеском молчании.

За отсутствием на деревьях листвы в лесу было довольно светло. Почерневшие от дождя голые ветви резко выделялись на фоне бледного водянистого неба. Время от времени отодвигая рукой преграждавшую путь ветку, Аврелиус стряхивал на нас порцию капель в дополнение к той влаге, что моросила с небес. Мы перешагнули через упавшее дерево, в дупле которого, заполненном темной дождевой водой, плавали куски гнилой коры.

И наконец:

– Мой дом, – объявил Аврелиус.

Впереди показалось небольшое каменное строение. Обычный сельский дом, простой и добротный, он был лишен каких-либо архитектурных изысков, но при том радовал взор соразмерностью пропорций и строгой чистотой линий. Аврелиус повел меня вокруг дома. Сколько тому было лет: сто или, может, двести? Я затруднялась определить. Это был один из тех домов, для которых мало что значит лишняя сотня лет. Правда, позади него обнаружилась недавняя пристройка, размерами почти не уступавшая старому дому и целиком отведенная под кухню.

– Вот мое святилище, – сказал Аврелиус, открывая передо мной кухонную дверь.

Массивная электропечь из нержавеющей стали, белые стены, два больших холодильника – это была настоящая кухня для настоящего повара.

Хозяин усадил меня за столик по соседству с небольшим книжным шкафом, который был набит кулинарными книгами и справочниками на разных языках: английском, французском, итальянском. Одна из книг лежала на столе. Это был солидный гротеск со сглаженными от частого употребления углами страниц; его обложка была обернута коричневой бумагой, которая стала полупрозрачной за многие годы соприкосновения с жирными пальцами. На лицевой стороне красовалась надпись «РИЦЕПТЫ», сделанная неуклюжим ученическим почерком. Спустя несколько лет автор уже другими чернилами исправил вторую букву на «Е».

– Можно взглянуть? – спросила я.

– Конечно.

Я раскрыла и начала перелистывать книгу. Бисквитные пирожные, рулет с финиками и грецкими орехами, сдобные булочки, имбирный кекс, ватрушки, домашние торты, сладкие пироги... С каждой последующей страницей правописание и почерк автора понемногу выправлялись.

Аврелиус повернул регулятор на передней панели плиты и начал готовить ингредиенты для выпечки. Движения его были быстрыми и точными. После того как все было разложено в правильном порядке, он, уже не глядя, протягивал руку за ножом или ситом. У себя на кухне он напоминал шофера за рулем автомобиля, чья рука заученным до автоматизма движением переключает скорости, в то время как глаза неотрывно следят за дорогой. Так же независимо действовали и руки Аврелиуса, каждая четко зная свою задачу, тогда как его взгляд был сосредоточен на миске, в которой смешивались ингредиенты. Он просеивал муку, нарезал кубиками сливочное масло, выжимал сок из апельсина – и

все это у него получалось легко и естественно.

– Видишь тот чулан? – спросил он. – Слева от тебя. Открой его.

Я открыла дверку, думая, что ему понадобилось что-то из кухонной утвари.

– Там висит сумка.

Это был, скорее, вещевой мешок незнакомого мне фасона: стенки не были сшиты, как у обычных сумок, а просто стягивались вверху, образуя складки, и скреплялись пряжкой. Длинный кожаный ремень позволял носить сумку через плечо. Кожа ремня высохла и растрескалась, пряжка заржавела, а холщовые борта сумки – когда-то, вероятно, цвета хаки – со временем обрели нейтральный, серовато-пыльный «цвет ветхости».

– Что это? – спросила я.

Он на секунду поднял взгляд от миски.

– Это сумка, в которой меня нашли.

И вернулся к своему занятию.

Сумка, в которой его нашли? Я посмотрела на нее, потом на Аврелиуса. Даже сейчас, согнувшись над кухонным столом, он был выше шести футов. Я вспомнила, как при нашей первой встрече приняла его за какого-то великана из старой сказки. Ныне эта сумка с ремнем была ему маловата даже в качестве поясного кошелька, а шестьдесят лет назад он уместился в ней целиком! Мысль об этом вызвала у меня легкое головокружение; я опустилась обратно на стул и подумала о человеке, который когда-то давно поместил на эту холстину младенца, сложил борта, застегнул пряжку, перекинул ремень через плечо и темной дождливой ночью направился к дому миссис Лав. Я провела пальцами по тем местам, которых она касалась. Холст, пряжка, ремень. Таким путем я надеялась ее почувствовать, найти подсказку, знак или код – невидимый, но доступный восприятию на ощупь. Безрезультатно.

– Дурацкая штукавина, верно? – сказал Аврелиус.

Я услышала, как он задвинул в печь противень, прикрыл дверцу и, подойдя, стал за моим плечом.

– Открой ее сама – у меня руки в муке.

Я расстегнула пряжку, и борта сумки распались в разные стороны, образовав на полу подобие круглого коврика. В самом центре лежал комок из бумаги и тряпок.

– Мое наследство, – объявил Аврелиус.

С виду это был обычный хлам, которому место в мусорном баке, но Аврелиус вперил в него горящий взгляд, каким может смотреть маленький мальчик на драгоценный клад.

– В этих вещах моя история, – сказал он. – Эти вещи говорят мне, кто я есть. Надо только... надо уметь их понять. Всю жизнь я пытался решить эту загадку. Я думал, я искал правильный подход... ниточку, за которую надо потянуть, чтобы все стало на свои места. Взять хотя бы это...

Он указал на скомканную льняную тряпку, в прошлом белую, а ныне грязно-желтую. Я извлекла ее из кучи и расправила. Это была детская рубашонка с вышитым узором из белых цветов и звезд и четырьмя перламутровыми пуговицами. Широкая, испачканная мукой ладонь Аврелиуса зависла над ней, не решаясь прикоснуться. Ее рукав сейчас годился ему разве что на палец.

– Вот в это я был одет, – сообщил Аврелиус.

– Она очень старая.

– Еще бы. Мы с ней одного возраста.

– Она даже старше вас.

– Ты так думаешь?

– Взгляните на эту штопку. И вот здесь. Ее чинили много раз. А эта пуговица не подходит к остальным трем. Рубашку до вас носили другие дети.

Он переводил взгляд с одежды на меня и обратно, жадно впитывая новую информацию.

– А что ты скажешь об этом? – Он указал на мятую бумажку: то была страница печатного текста, вырванная из книги.

Я взяла ее и прочла вслух:

– «...сначала не догадываясь о его намерениях; но, когда я увидела, что он встал и замахнулся книгой, чтобы пустить ею в меня, я испуганно вскрикнула и невольно отскочила...»

Аврелиус подхватил фразу, не заглядывая в листок, а цитируя по памяти:

– «...однако недостаточно быстро: толстая книга задела меня на лету, я упала и, ударившись о косяк двери, расшибла голову».

Разумеется, я тотчас узнала этот текст. Как могло быть иначе, если я с детских лет читала его бесчисленное количество раз?

«Джен Эйр»^[15], – сказала я.

– Быстро же ты угадала. Так и есть. Я справлялся у библиотекаря. Написала Шарлотта... фамилию не помню. Но зато я помню, что у нее была куча сестер.

– А вы читали этот роман?

Читал, но до конца не добрался. Там о маленькой девочке. Она потеряла родителей и живет у своей тети. Я сперва было подумал, что тут

есть какой-то намек. Но ее тетя оказалась мерзкой женщиной, совсем не похожей на миссис Лав. Это один из ее кузенов швырнул в девочку книгой – там, на странице. А потом она идет в школу – жуткая школа, и кормят очень плохо, но зато у нее появляется подруга. – Он улыбнулся, припоминая сюжет. – Но потом эта подруга умирает. – Лицо его потемнело. – Ну а дальше... дальше я читать не стал. Я не увидел там никакой связи с моей историей. – Он пожал плечами. – А ты прочла ее до конца? Что потом случилось с этой девочкой? Может, связь все-таки есть?

– Она устраивается гувернанткой в одно имение и влюбляется в своего нанимателя. Но у того есть жена – сумасшедшая, которую он прячет от людей. Потом Джен уезжает, а жена поджигает дом. Когда она возвращается, жена уже мертва, а мистер Рочестер ослеп. И тогда Джен выходит за него замуж.

– А-а... – Он наморщил лоб, пытаясь разобраться в этой загадке, но скоро сдался. – Нет, по-моему, все это бессмысленно. Разве только начало: дитя без матери. Но потом... Хотя бы кто мне разъяснил, что все это значит. Может хоть кто-нибудь сказать мне правду?

Он снова взглянул на измятую страницу.

– Быть может, дело не во всей книге, а только в самой странице? Может, тут есть какой-то тайный смысл? Взгляни сюда.

Он открыл свой рецептурный grossбух в самом его конце. Внутренняя сторона обложки была сплошь покрыта столбиками корявых букв и цифр.

– Я подумал: а вдруг это тайный код? – пояснил он. – И я пробовал его расшифровать. Я выбирал первые буквы каждого слова, первые буквы каждой строки. Потом брал вторые буквы. Потом я пробовал заменять одни буквы другими. – Говоря так, он тыкал пальцем в разные столбики; глаза его засверкали, как будто он все еще надеялся разглядеть в них то, что ускользало от его внимания раньше.

Я понимала, что его затея безнадежна.

– А как насчет этого?

Я взяла следующую вещь и невольно вздрогнула от отвращения. Некогда это было птичье перо, от которого теперь остался только высохший, надломленный в нескольких местах стержень и часть щетинок, слипшихся в грязно-коричневые шипы.

Аврелиус пожал плечами и покачал головой, изображая полное отсутствие идей, и я с облегчением выпустила перо из пальцев.

Оставался еще один предмет.

– Это... – начал Аврелиус и замолчал.

Я увидела клочок бумаги, криво оторванный от листа, с расплывшимся

пятном в том месте, где некогда было написано слово.

– Я думаю... – Он запнулся. – То есть миссис Лав подумала... В общем, мы с ней вместе решили, что... – Он с надеждой взглянул на меня. – ...Что тут написано мое имя... Его размыло дождем, – продолжил он, – но вот здесь... – Он подвел меня к окну и жестом предложил проверить бумагу на просвет. – Видишь, в начале что-то похожее на «а». А вот тут, в самом конце, вроде как «с». Конечно, за эти годы она поблекла, но если хорошенько взглядеться... Ты видишь буквы?

Я уставилась на пятно.

– Ты их видишь?

Я неопределенно качнула головой.

– Ага, ты увидела! Их не так уж трудно разглядеть, если ты знаешь, на что смотришь, верно?

Я продолжала смотреть, но его призрачные буквы оставались для меня неразличимыми.

– Вот почему миссис Лав остановилась на имени Аврелиус, – сказал он. – Хотя с таким же успехом это может быть Альфонс. – Он невесело усмехнулся. – Кроме этих вещей, там была еще только ложка. Впрочем, ее ты уже видела. – Он достал из кармана ложечку, которой я размешивала чай, когда мы с ним сидели верхом на каменных кошках у входа в Анджелфилд-Хаус.

– Есть еще сама сумка, – напомнила я. – Что вы скажете о ней?

– Сумка как сумка... – Он поднес ее к носу и втянул воздух. – Когда-то она пахла дымом, но запах давно выветрился. – Он передал сумку мне, и я в свою очередь приблизила ее к лицу. – Убедилась? Дымом уже не пахнет.

Он направился к печи, открыл дверцу и вытащил противень с золотистым печеньем, а затем наполнил чайник и поставил на поднос чашки с блюдцами, сахарницу, молочник и две тарелочки.

– Держи. – Он вручил мне поднос и распахнул дверь, ведущую в старую часть дома. Я увидела небольшую гостиную, уютные кресла и диван с цветастыми подушками. – Чувствуй себя как дома. Я сейчас принесу остальное.

Он уже мыл руки над кухонной раковиной и продолжал говорить, стоя ко мне спиной:

– Я быстро, вот только соберу эти вещи.

Я прошла в гостиную и села в кресло у камина, предоставив ему убирать на место свое бесценное, не поддающееся расшифровке наследство.

Когда я покидала его дом, у меня было такое чувство, будто я упустила что-то важное. Что-нибудь в словах Аврелиуса? Да, несомненно. Какая-то деталь или случайный намек, которые на секунду привлекли мое внимание, но тут же были смыты новой волной информации. Впрочем, сильно огорчаться не стоило. Я знала, что со временем все вспомню.

В этом лесу есть просторная поляна. Она занимает вершину холма, крутой склон которого порос мелким кустарником, а большие деревья вновь появляются лишь у его подножья и таким образом не мешают обзору. Усадьба отсюда видна как на ладони.

Здесь я и сделала остановку на обратном пути. Анджелфилд-Хаус – или, точнее, его останки – являл собой печальное зрелище. Большая темно-серая клякса на фоне пасмурного неба. Верхние этажи в левом крыле здания были обрушены. Первый этаж пока уцелел, как и проем парадного входа с ведущими к нему ступенями, но дверных створок уже не было. Погода в этот день не располагала к пребыванию под открытым небом, и я внутренне содрогнулась, представив себя на месте полуразрушенного дома. Даже каменные кошки его покинули. Хотелось верить, что они нашли себе неплохое пристанище. Правое крыло особняка пока оставалось незатронутым, однако, судя по расположению подъемного крана и экскаватора, его дни или даже часы были сочтены. Я поймала себя на мысли: «А есть ли нужда во всей этой тяжелой технике?» Казалось, дом и так потихоньку растворяется в дожде. Немногие еще стоявшие стены выглядели бутафорскими, словно были сделаны из папье-маше и могли растаять в любой момент, прямо у меня на глазах.

Фотоаппарат висел у меня на шее под плащом. Я извлекла его, сильно сомневаясь, что сделанный при такой погоде снимок сможет отобразить эфемерные контуры уходящего в небытие здания. Но попробовать стоило.

Наводя длиннофокусный объектив, я вдруг заметила у самого края рамки какое-то движение. Нет, это был не призрак. К усадьбе вернулись все те же дети. Они нашли что-то в высокой траве и, склонившись, увлеченно разглядывали этот предмет. Что там могло быть: ежик? Или змея? Заинтересовавшись, я подстроила резкость.

Кто-то из двоих сунул руку в траву и поднял находку. Ею оказалась желтая строительная каска. Со счастливой улыбкой мальчишка (теперь я увидела, что это был мальчик) скинул свою зюйдвестку и заменил ее каской, после чего встал по стойке «смирно» – грудь вперед, руки по швам,

шея напряжена в попытке удержать на месте несоразмерно большой, норовящий сползти вбок или на глаза головной убор. И, как только он принял эту позу, произошло маленькое чудо. Солнечный луч нашел просвет в дождевых тучах и осветил мальчика в момент его торжества. Я щелкнула затвором фотоаппарата, запечатлев всю сцену: мальчик в каске, желтый знак «Посторонним вход воспрещен» над его левым плечом, а позади него справа – мрачные руины старого дома.

Солнце исчезло, и я поспешила спрятать фотоаппарат, предохраняя его от сырости. Когда я снова взглянула в ту сторону, дети, держась за руки, уже проходили изгиб аллеи и приближались к воротам усадьбы. Одинаково одетые, они шли в ногу, и края их длинных макинтошей развевались на ветру, так что издали казалось, будто они скользят над самой землей, готовые вот-вот подняться ввысь и улететь.

«ДЖЕН ЭЙР» И ПЛАМЯ ПЕЧИ

По возвращении в Йоркшир я так и не узнала причину моей кратковременной ссылки. Джудит приветствовала меня смущенной улыбкой. Серость этих дней проникла и под ее кожу, собралась в тенях под ее глазами. Она пошире раздвинула портьеры в моей комнате, открыв дополнительный доступ свету, но это мало что изменило.

– Проклятая погода! – в сердцах воскликнула она, и мне показалось, что ее терпение уже достигло предела.

Эти дни тянулись, как вечность. Ночная тьма сменялась сумерками, которые трудно было назвать днем; тяжелые тучи висели низко над землей; мы постепенно теряли чувство времени. Однажды мисс Винтер с опозданием явилась на очередную встречу в библиотеке. Она была очень бледна; глаза ее потемнели – я посчитала это следствием только что перенесенного очередного приступа.

– Я предлагаю сделать график наших свиданий более гибким, – сказала она, занимая свое обычное место в круге света.

– Как вам будет удобно, – сказала я.

Из разговора с доктором я знала о ее тяжелых бессонных ночах и научилась определять по ее виду, когда эффект от обезболивающего начинает ослабевать или когда оно еще не начало действовать в полную силу. Мы условились: впредь, вместо того чтобы каждое утро к девяти часам приходить в библиотеку, я буду ждать у себя в комнате стук в дверь как сигнал, что мисс Винтер готова к встрече.

В последующие дни стук раздавался между девятью и девятью. Потом мы стали встречаться позже. А когда доктор опять изменил дозировку, она стала звать меня рано утром, до при этом наши беседы стали менее продолжительными. Затем мы перешли к двум-трем встречам в день по ее усмотрению. Порой это происходило в периоды облегчения, и тогда рассказ мог быть долгим и обстоятельным. А иногда она звала меня непосредственно во время приступов, и тогда рассказывание историй играло роль анестезирующего средства.

Прекращение регулярных встреч в девять утра окончательно выбило меня из временного режима. Я выслушивала ее историю, я записывала ее историю, я видела ее историю во сне, а когда я просыпалась, ее история служила постоянным фоном для моих мыслей. Это было все равно что жить внутри книги. Я не вылезала из истории даже в моменты приема

пищи, поскольку обычно ела приносимые Джудит блюда за столом в своей комнате, не отрываясь от записей. Овсяная каша означала, что сейчас утро; суп и салат означали середину дня, а бифштекс или мясной пирог – вечер. Помню, как однажды я озадачилась при виде тарелки с яичницей. Какое время суток она означала? Так это и не выяснив, я проглотила несколько кусочков и отодвинула тарелку в сторону.

На протяжении этого неопределенно долгого периода времени произошло несколько событий, не имевших прямого отношения к истории мисс Винтер, но при этом заслуживающих упоминания.

Вот одно из них.

Как-то раз я пришла в библиотеку с намерением взять «Джен Эйр» и обнаружила здесь целую полку, заставленную разными изданиями этого романа. Передо мной была коллекция фанатика: тут попадались и дешевые современные издания, не имевшие никакой букинистической ценности, и издания столь редкие, что я затруднялась даже приблизительно определить их возможную стоимость, а также множество книг, находившихся в ценовом промежутке между этими двумя крайностями. Та книга, которую я начала листать, была из категории «середнячков»: качественное, но не особо редкое издание конца девятнадцатого века. Когда я ее просматривала, в библиотеке появилась мисс Винтер, сопровождаемая Джудит, которая помогла ей пересесть из инвалидной коляски в кресло перед камином.

Когда Джудит вышла, мисс Винтер поинтересовалась:

– Что вы читаете?

– «Джен Эйр».

– Вам нравится этот роман?

– Очень. А вам?

– Мне тоже.

Я заметила, что она дрожит.

– Может, подбросить еще дров, чтобы вам было теплее? Она прикрыла веки, видимо пережидая прокатившуюся по телу волну боли.

– Да, пожалуйста.

Когда огонь в камине разгорелся вовсю, она сказала:

– Вы сейчас не очень заняты? Присядьте, Маргарет.

После минутной паузы она заговорила вновь:

– Представьте себе ленту конвейера – очень длинного конвейера, а в конце его огромную пылающую печь. И на этой ленте лежат книги. Все ваши любимые книги – все экземпляры этих книг, какие только есть в этом мире. Рядами и штабелями. «Джен Эйр», «Вильетт», «Женщина в белом»...

– «Миддлмарч», – подкинула я.

– Благодарю вас. «Миддлмарч». И вообразите рычаг с двумя позициями: «включено» и «выключено». В настоящий момент конвейер выключен. Но рядом с ним стоит человеческое существо, положив руку на рычаг и собираясь перевести его в положение «включено». У вас есть шанс его остановить: в вашей руке пистолет. Все, что вам нужно, это нажать на курок. Как вы поступите?

– По-моему, это глупо.

– Он поворачивает рычаг. Конвейер запущен.

– Слишком уж дикий пример. Такое трудно себе представить.

– Первой в печь полетела «Шерли»^[16].

– Я не люблю такие игры.

– Жорж Санд горит ярким пламенем.

Я вздохнула и закрыла глаза.

– На подходе «Грозовой перевал». И вы позволите ему сгореть?

Я ничего не могла с собой поделать: мысленно я видела обе эти книги, я видела, как они одна за другой летят в пасть печи, и меня передернуло, как от резкой боли.

– Как вам будет угодно. Он в печи. Туда же и «Джен Эйр»?

«Джен Эйр». У меня внезапно пересохло во рту.

– Вам нужно всего лишь спустить курок. Я никому об этом не скажу. Никто не узнает. – Она ждала. – Книги падают в печь. Пока только первые экземпляры. Но их еще много. У вас в запасе несколько мгновений.

Я начала бессознательно теревить неровно обрезанный кончик ногтя на среднем пальце.

– Они продолжают падать.

Мисс Винтер смотрела на меня, не отрывая глаз.

– Половина их уже в печи. Думайте, Маргарет. Очень скоро в мире не останется ни одного экземпляра «Джен Эйр». Думайте быстрее.

Она напряженно прищурилась.

– Две трети погибло. Всего лишь один человек, Маргарет. Один жалкий, ничтожный, несущественный человечиска.

Я моргнула.

– Это будет только справедливо. Не забывают, этот тип уничтожает книги. Разве его гнусная жизнь заслуживает такой жертвы?

Я моргнула еще дважды.

– Ваш последний шанс.

Я продолжала быстро моргать. «Джен Эйр» исчезла из этого мира.

– Маргарет! – вскричала мисс Винтер.

Лицо ее перекосилось, а левая рука раздраженно стучала по

подлокотнику кресла. Даже правая, искалеченная кисть подергивалась на ее колене.

Впоследствии, описывая эту сцену, я признала ее сильнейшим спонтанным проявлением чувств, замеченным мной у мисс Винтер. Странно, что причиной такого всплеска эмоций стала всего-навсего умозрительная ситуация, игра воображения.

А какие чувства испытала по этому поводу я? В первую очередь стыд. Я солгала. Конечно же, я любила книги гораздо больше, чем людей. Конечно же, я ценила «Джен Эйр» выше жизни какого-то незнакомца, держащего руку на переключателе. Конечно же, собрание сочинений Шекспира было для меня намного важнее любой человеческой жизни. Конечно же. Но в отличие от мисс Винтер я стыдилась признать это открыто.

Перед тем как покинуть библиотеку, я еще раз подошла к полке с томами «Джен Эйр» и отыскивала книгу, подходившую по всем признакам: год издания, сорт бумаги, тип шрифта. Вернувшись в свою комнату, я быстро пролистала книгу до нужного мне места.

«...сначала не догадываясь о его намерениях; но, когда я увидела, что он встал и замахнулся книгой, чтобы пустить ею в меня, я испуганно вскрикнула и невольно отскочила, однако недостаточно быстро: толстая книга задела меня на лету, я упала и, ударившись о косяк двери, расшибла голову».

Книга была в целости и сохранности. Значит, страницу Аврелиуса вырвали не из этого экземпляра. Чего и следовало ожидать. Если допустить, что та страница попала к миссис Лав из Анджелфилда, то сама книга должна была сгореть вместе с домом.

Какое-то время я просидела в бездействии, размышляя о «Джен Эйр», о библиотеке, о печи, о пожаре и пытаюсь совместить все эти элементы в различных комбинациях, но ничего путного из этого не вышло.

Еще один эпизод, относящийся к тому же периоду времени, связан с фотографией. Однажды утром я увидела на подносе с моим завтраком бандероль, надписанную отцовским почерком. Это была пачка моих фотоснимков Анджелфилда (я посылала отцу кассету с пленкой, чтобы он отдал ее в фотоателье). Сверху лежало несколько довольно четких снимков, сделанных при моем первом посещении усадьбы: кусты, прорастающие из груды мусора в бывшей библиотеке, побеги плюща на ступеньках лестницы... Я задержалась на снимке в спальне, где произошла моя встреча с зеркальным призраком: над камином виднелось лишь отраженное пятно фотовспышки. Тем не менее я отделила эту фотографию от остальных и

заложила ее между страниц моей книги.

Следующая группа снимков была сделана во время второго визита в Анджелфилд, когда мне не повезло с погодой. Здесь я увидела лишь непонятные сочетания расплывчатых пятен. Моя память сохранила красивый серебристый налет на темных тенях предметов и плывущий кисейными слоями туман, дополняемый облачками пара из моего рта, но фотокамера ничего подобного не зафиксировала. В тусклых пятнах на снимках невозможно было угадать камень, стену, дерево или куст. Просмотрев с полдюжины таких фото, я сунула всю пачку в карман джемпера и поспешила в библиотеку: пришел вызов на очередное свидание с мисс Винтер.

Посреди ее рассказа возникла внезапная пауза. Я, как обычно, находилась между сном и явью, в мире ее близнецового детства, занося в память звуки ее голоса. В какой-то момент я уловила изменение интонации, однако не сразу поняла, что это был обращенный ко мне вопрос. Тогда-то и возникла пауза.

– Что? – растерянно переспросила я.

– Я о вашем кармане, – повторила она. – Что у вас в кармане?

– А... это фотографии, – пробормотала я, еще не завершив переход от истории к реальности. – Снимки Анджелфилда.

К тому времени, когда я окончательно вернулась в реальный мир, фотографии были уже в руках мисс Винтер.

Сначала она, водрузив на нос очки, внимательно изучала каждую, пытаюсь разгадать значение туманных пятен. Снимок следовал за снимком в сопровождении легких вздохов или пофыркиваний, которые, как и критически поджатые губы, указывали на то, что ее худшие ожидания полностью оправдываются. Затем она увеличила темп просмотра, здоровой рукой перебирая пачку и после беглого взгляда бросая фотографии на столик рядом с собой.

Как зачарованная, я наблюдала за этой горкой забракованных снимков, пополняемой с одинаково краткими интервалами. Они шлепались небрежно один на другой, скользили по гляncу и растекались на поверхности стола с характерным шелестящим звуком: «Чушь... чушь... чушь...»

И вдруг ритм нарушился. Мисс Винтер сидела, напряженно выпрямившись и вперив взор в одну из фотографий. «Наверно, увидела привидение», – подумала я. Выдержав долгую паузу и делая вид, что не замечает моего взгляда, она убрала фото в конец пачки и продолжила просмотр в прежнем темпе. Когда все остальные снимки переместились на

столик и очередь вновь дошла до этого, она взглянула на него лишь мельком и отправила в общую кучу.

– Я бы ни за что не догадалась, что это Анджелфилд, – сказала она холодно, – но если вы так утверждаете...

Неловким движением она подцепила со столика бесформенную грудку и протянула ее мне. Фотографии выскользнули из ее пальцев и рассыпались по полу.

– Моя рука. Извините, – проворчала она, когда я наклонилась, чтобы собрать снимки, однако я не была обманута этой уловкой.

Затем она продолжила свой рассказ с того места, где остановилась.

Позднее я еще раз просмотрела фотографии. Хотя, намеренно их уронив, она нарушила порядок, в котором они лежали на столике, мне не составило труда вычислить ту единственную, которая произвела на нее столь сильное впечатление. Среди этой однообразной серости явно выделялся только один снимок. Я присела на край постели, вспоминая момент, когда он был сделан: луч солнца, ненадолго прорвавшийся сквозь завесу туч и высветивший мальчика, который застыл по стойке «смирно», будто специально позируя перед фотокамерой и чувствуя, что стоит ему чуть-чуть шевельнуться, и непослушная каска сползет набекрень.

Что привлекло ее в этой фотографии? Я попыталась разглядеть детали заднего плана, но полуразрушенный дом представал лишь бесформенным серым пятном за правым плечом мальчика. Ближе к нему более-менее отчетливо виднелись только решетчатое ограждение стройки и уголок желтого запрещающего знака.

Может, ее заинтересовал сам мальчишка?

Я потратила полчаса на изучение фото, но так и не приблизилась к разгадке и в конце концов спрятала его в ту же книгу, где лежал снимок моей призрачной сестры: вспыхнувшая пустота в раме старинного зеркала.

За исключением этих эпизодов с фотографиями и воображаемым сожжением «Джен Эйр», мало что прорывалось извне под опустившийся на меня плотный покров истории мисс Винтер.

Да, помнится, был еще кот. Быстро усвоив, что я не соблюдаю никакого суточного режима, он мог в любое время поскрестись в мою дверь в твердой уверенности, что здесь его примут, погладят и угостят остатками рыбы или яичницы. Он завел привычку сидеть на моем столе, наблюдая за тем, как я работаю. Я могла часами не отрываться от записей, блуждая в темном лабиринте истории Виды Винтер, но при этом меня ни на секунду не покидало ощущение его присутствия рядом, а когда я совсем уже забывала себя, именно кошачий взгляд проникал в лабиринт и

оказывался той путеводной нитью, которая помогала мне вернуться в свою комнату, к моим карандашам, листам бумаги и точилке. Иногда кот спал на моей постели, и я держала шторы приоткрытыми, чтобы он, проснувшись ночью, мог посидеть на подоконнике, наблюдая за таинственными движениями во тьме, неразличимыми для человеческого глаза.

И это все. Кроме упомянутых событий, мне больше нечего вспомнить. Все остальное – это бесконечные сумерки и история.

КРУШЕНИЕ

Изабелла исчезла. Эстер исчезла. Чарли исчез. Теперь мисс Винтер поведала мне о новых потерях.

Я сидела на чердаке, привалившись спиной к скрипучей перегородке. Я наваливалась на нее изо всех сил, а потом отпускала. Перегородка скрипела и прогибалась. Снова и снова. Я искушала судьбу. Интересно, думала я, что случится, если упадет эта стенка? Рухнет ли вслед за ней вся крыша? А перекрытия ниже? Я представляла себе массу черепицы и стропил, пробивающую полы и уносящую вниз кровати и прочую мебель, как во время землетрясения. А что будет потом? Как далеко зайдет это падение и где оно остановится? Я раскачивала стенку, дразнила ее, провоцировала на падение, но она не падала. Меня удивляла такая стойкость в мертвой, насквозь прогнившей стене.

В другой раз я проснулась среди ночи от какого-то звука. Он уже угас, но я продолжала всем телом ощущать его отголоски. Я выскочила из постели и помчалась на лестницу. Эммелина следовала по пятам за мной.

Мы выскочили на галерею одновременно с появлением Джона, который спал на кухне и также был разбужен странным звуком. Вот что мы увидели: в центре холла стояла Миссиз в ночной рубашке и смотрела вверх. У ее ног лежал большой камень, а в потолке над ее головой зияла дыра. В воздухе висело густое облако пыли. Клубы ее кружились, частью поднимаясь, частью опускаясь, словно не могли определиться, где им осесть и оседать ли вообще. Куски штукатурки и дерева продолжали сыпаться сверху со звуком, напоминающим дробный топот мышиных лапок; я чувствовала, как Эммелина позади меня подпрыгивает всякий раз, когда кирпич или доска обрушивались на потолок над нашими головами.

Каменные ступени были холодными, а щепки и острые осколки кирпичей впивались в босые пятки, когда я спускалась по лестнице. В эпицентре этого разгрома, окутанная клубами пыли, стояла Миссиз, похожая на привидение. Пыльно-серые волосы, пыльно-серые руки и лицо, пыльно-серые складки ее длинной ночной рубашки. Она стояла неподвижно и смотрела вверх. Я стала рядом с ней и взглянула туда же. Мы

видели дыру в потолке, а над ней еще одну такую же и еще одну этажом выше. Мы видели клочья обоев в спальне второго этажа, голую обрешетку на третьем и бледно-серые стены в мансарде. А над всем этим, прямо над нашими головами, мы видели дыру в крыше и ночное небо. Звезд видно не было.

Я взяла ее за руку.

– Идем, – сказала я. – Ни к чему тут стоять.

Я повела ее прочь, и она слушалась меня, как малое дитя.

– Я уложу ее в постель, – сказала я Джону.

Он кивнул и сказал: «Да». Голос его звучал глухо и пыльно. У него едва хватало сил смотреть на Миссиз. Он медленно поднял руку, указывая на пробитый потолок. Это был жест утопающего, подхваченного сильным течением и уже смирившегося со своей участью.

– Я это поправлю, – сказал он.

Спустя час, когда Миссиз была уже умыта, переодета в чистую рубашку и уложена в постель, я застала Джона там же, где его оставила. Он замер, не сводя взгляда с точки, в которой недавно стояла Миссиз.

Когда на следующее утро Миссиз не появилась на кухне, я отправилась ее будить, но она уже не могла проснуться. Ее душа покинула нас, улетев через дыру в крыше.

– Мы ее потеряли, – сказала я на кухне Джону. – Она умерла.

Выражение его лица не изменилось. Он по-прежнему смотрел в пространство, словно не расслышал моих слов.

– Да, – наконец произнес он почти беззвучно. – Да.

У меня было такое чувство, что наш мир пришел к концу. Мне хотелось только одного: сидеть неподвижно, как Джон, ничего не предпринимая и глядя в никуда. Но время отнюдь не остановилось. Я слышала стук своего сердца, отмеряющего секунду за секундой. Я испытывала все возрастающие голод и жажду. Мне было так грустно, что я легко примирилась бы с собственной смертью, однако вместо этого я была скандальным и абсурдным образом жива – и даже слишком жива, потому что, могу поклясться, явственно ощущала, как растут мои волосы и ногти.

При всей тяжести на сердце, я не могла, подобно Джону, отдаться на волю судьбы. Эстер исчезла; Чарли исчез; Миссиз исчезла; Джон в известном смысле исчез тоже, хотя я надеялась, что он еще вернется. И теперь настал черед той самой «девочки из мглы»: ей пора было выходить на первый план. Время игр закончилось, надо было взрослеть.

– Я заварю чай, – сказала я.

Это прозвучал не мой прежний голос. Другая девочка – толковая,

умелая, нормальная девочка – брала бразды правления в свои руки. Она, похоже, знала, что нужно делать. Впрочем, я не так уж сильно этому удивилась. Разве я до того не проводила большую часть своего времени, следя за другими людьми – следя за Эстер, следя за Миссиз, следя за жителями деревни?

И вот сейчас я тихонько наблюдаю за тем, как эта нормальная девочка ставит на огонь чайник, отмеряет порцию чая из жестянки, заваривает его и разливает в чашки. Она положила два кусочка сахара Джону и три кусочка мне. Все было готово. Я отхлебнула из чашки и, когда горячий сладкий чай достиг моего желудка, наконец-то перестала дрожать.

СЕРЕБРЯНЫЙ САД

Еще до пробуждения я почувствовала: что-то изменилось. Спустя мгновение, еще не открыв глаза, я поняла, что это было. Это был свет.

Исчез тоскливый сумрак, населявший мою комнату с самого начала месяца; исчезли таившиеся по углам хмурые тени; исчезло ощущение безысходности. Светлый прямоугольник окна излучал мерцающее сияние, которое проникало повсюду в моей комнате. Я так давно его не видела, что испытала бурный прилив радости, как будто закончилась не просто ночь, но и вся зима. Это действительно напоминало приход весны.

Кот сидел на подоконнике, глядя на пейзаж по ту сторону стекла. Услышав, как я пошевелилась, он спрыгнул на пол и подбежал к двери, просясь наружу. Я быстро оделась, и мы с котом проследовали вниз по лестнице на кухню, а оттуда в сад.

Я осознала свою ошибку, только когда вышла за порог. Это был не день, и это было не солнце. Сад заливал яркий лунный свет, серебря ветви деревьев и поверхности скульптур. Я остановилась и поглядела на луну. Ее огромный, идеально круглый диск сиял посреди безоблачного небосвода. Завороженная этим зрелищем, я могла бы простоять тут до рассвета, но меня отвлек кот, нетерпеливо потерявшийся о мою ногу. Я наклонилась, чтобы его погладить, однако он сразу после моего прикосновения побежал вперед по дорожке, а через несколько ярдов стал и оглянулся, как будто приглашая меня следовать за ним.

Я подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и пошла за котом.

Он повел меня по тропе, огражденной живыми изгородями из тиса; кусты слева были ярко освещены луной, а правая изгородь терялась в тени. Затем мы свернули к розарию, где голые ветви напоминали беспорядочно наваленные кучки хвороста, а окружавшие их самшитовые изгороди изгибались в причудливом елизаветинском стиле и, под разными углами попадая под лунный свет, местами отливали серебром, а местами зияли черными провалами теней. Я несколько раз останавливалась, привлеченная то блеском одинокого листика плюща, выигрышно повернутого по отношению к луне, то видом древнего дуба, с изумительной ясностью очерченного лунными штрихами на фоне ночного неба. Однако кот не позволял мне надолго задерживаться; он уверенно и целенаправленно шел впереди, задрав хвост трубой и сигнализируя им, как туристический гид тростью-указкой: «Сюда! Следуй за мной!» Он вскочил на каменный

парапет фонтана и двинулся по нему, игнорируя завлекательную игру напоминающих серебряные монетки лунных бликов на поверхности воды. Поравнявшись с арочным входом в зимний сад, он спрыгнул с парапета и напрямик устремился к арке.

Тут кот приостановился, поглядел направо, налево. Наконец, что-то заметив, он скользнул в том направлении, и я потеряла его из виду.

Заинтригованная, я также дошла до арки и осмотрелась.

Зимний сад выглядит очень по-разному в зависимости от сезона и от времени суток. Обычно он оживает при свете дня, тогда как ночному гостю нелегко оценить его прелести по достоинству. Сейчас было слишком темно, чтобы увидеть распластанные низко над черной землей листья чемерицы; слишком рано для цветения подснежников; слишком холодно для того, чтобы волчегодник начал испускать свой легкоузнаваемый аромат. Правда, уже близился срок виргинской лещины, чьи ветви очень скоро должны были покрыться трепещущими желто-оранжевыми кисточками, но пока что ее главным украшением являлись сами эти ветви, перевитые в изящном кружевном узор.

А внизу, под этими ветвями, я разглядела контуры согнувшейся человеческой фигуры.

Я замерла на месте.

Фигура деловито ковырялась в земле, выдыхая клубы пара и сопя от усердия.

Очень медленно и долго тянулась та секунда, в течение которой я попыталась осмыслить факт присутствия еще одного человеческого существа ночью в саду мисс Винтер. Некоторые варианты я отбросила сразу, не тратя ни доли секунды на их обдумывание. Это не мог быть Морис. Хотя его появление здесь и представлялось более вероятным, нежели чье-либо еще, но сейчас я видела перед собой не его жилистую фигуру и характерные для него скупые, выверенные движения. Это не могла быть Джудит. Аккуратная, сдержанная Джудит с ее безупречно чистыми ногтями, гладко зачесанными волосами и начищенными туфлями – и вдруг копается в грядке посреди ночи? Исключено. Итак, эти две кандидатуры отпали с ходу.

Посему на протяжении всей этой долгой секунды я добрую сотню раз прокрутила в голове только две мысли: «Это мисс Винтер» и «Это не может быть мисс Винтер».

Это была мисс Винтер, потому что – потому что это была она. Я ее узнала. Я ее почувствовала. Несомненно, это была она.

Это не могла быть мисс Винтер. Мисс Винтер была разбита болезнью

и передвигалась только в инвалидной коляске. Мисс Винтер не смогла бы выдернуть сорняк из грядки, не говоря уже о том, чтобы, сидя на корточках, рыть землю с такой неистовой энергией.

Значит, это была не мисс Винтер.

Кто же тогда это был в таком случае?

Первая секунда замешательства медленно прошла. Следующая секунда промелькнула, как вспышка.

Фигура прекратила свою возню... поднялась... повернулась... И я все поняла.

Глаза мисс Винтер – яркий, неестественно зеленый цвет.

Но лицо не мисс Винтер.

Это было даже не лицо, а просто кусок плоти, покрытый шрамами, испещренный темными пятнами и прорезанный глубокими трещинами – гораздо глубже обычных морщин. Щеки напоминали два печеных яблока неодинакового размера. Губы были перекошены, причем с одного края они сохранили безупречный изгиб, намекавший на былую красоту, тогда как на другой половине лица их заменяли туго закрученные белые жгуты шрамов.

Эммелина! Сестра-близнец мисс Винтер! Она жива! Она обитает в этом доме!

В голове у меня все смешалось; кровь гулко стучала в моих висках. Она смотрела на меня не мигая; при этом чувствовалось, что ее наша встреча потрясла не так сильно. Однако и для нее потрясение не прошло бесследно. Мы обе застыли, словно пригвожденные к месту.

Она первой пришла в себя. Подняв черную, покрытую грязью руку в подобии предостерегающего жеста, она хриплым, скрипучим голосом выдала серию каких-то невразумительных звуков.

Моя реакция была замедленной; в замешательстве я даже не смогла произнести ее имя до того, как она развернулась и торопливо пошла прочь, горбясь и наклоняя тело вперед. Откуда-то из тени появился кот и, преспокойно потянувшись, последовал за ней, не обращая на меня внимания. Они прошли под аркой и исчезли. Я осталась в одиночестве перед клочком изрытой земли.

Ох уж эти лисицы!

После их ухода я могла бы убеждать себя, что все это мне привиделось. Что я ходила во сне и что под влиянием историй мисс Винтер мне приснилась ее сестра, которая шепотом передала мне какое-то зашифрованное послание. Однако я знала совершенно точно, что это произошло на самом деле. И хотя она была уже вне пределов видимости, до меня доносилось ее пение. Все тот же раздражающе монотонный фрагмент

из пяти нот: «Ла-ла-ла-ла-ла».

Я стояла и слушала, пока звуки не растаяли вдали.

И, только теперь почувствовав, как замерзли мои руки и ноги, я направилась в дом.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Много лет назад я изучила фонетический алфавит. Все началось с таблицы из учебника по лингвистике в отцовском магазине. Я проявила к нему интерес совершенно случайно – просто однажды воскресным днем я не знала, чем себя занять, и тут меня привлек необычный вид этих значков. В таблице помимо знакомых мне букв попадались весьма странные символы. Там были прописные «N», отличающиеся по значению от строчных «n», и прописные «V», которые означали совсем не то, что маленькие «v». К некоторым буквам были прицеплены забавные петельки и хвостики, другие перечеркивались горизонтальной чертой. Мне понравилась эта игра, и я заполнила много тетрадных страниц всевозможными сочетаниями, когда, например, «t» своей последней ножкой переходила в «n»), а «V» балансировала на верхушке «o», как цирковая собачка на мяче. Когда отцу попались на глаза мои каракули, он разъяснил мне, как графически обозначаются те или иные звуки речи. Я узнала, что с помощью международного фонетического алфавита можно записывать любые слова, которые при этом будут выглядеть как математические формулы, или как секретные шифры, или как надписи на давно исчезнувших языках.

Я как раз нуждалась в исчезнувшем языке – языке, на котором я могла бы общаться с теми, кто исчез. И я много-много раз писала одно и то же особенное слово. Имя моей сестры. Это был мой талисман. Я складывала клочок бумаги с ее именем в сложную фигурку и всегда носила его с собой. Зимой он жил в кармане моего пальто; летом он щекотал мне ногу, будучи запрятан в носок или гольф. Ночью я засыпала, сжав его в кулаке. Я очень бережно относилась к этим бумажкам, но все же порой их теряла и тогда заменяла новыми, а нередко через какое-то время находились и старые. Когда мама однажды заметила бумажку в моей руке и попыталась ее отнять, я проглотила талисман, хотя она все равно бы не смогла прочесть фонетические знаки. Но в другой раз, увидев, как отец подобрал с пола замызганный клочок и развернул его, я не попыталась ему помешать. Когда он прочел надпись, лицо его окаменело, а в его поднятом на меня взгляде была глубокая скорбь.

Он собрался заговорить. Он даже открыл рот, но я поднесла палец к губам, приказав ему молчать. Я не хотела, чтобы он произносил вслух ее имя. Разве он не пытался отгородиться от нее, оставить ее во тьме? Разве

он не пытался ее забыть? Разве он не пытался утаить ее от меня? После всего этого он не имел на нее никаких прав.

Я взяла бумажку из его пальцев и, не сказав ни слова, покинула комнату. Присев у окна на втором этаже, я сунула этот замызганный клочок в рот, немного подержала там, почувствовав его сухой древесный привкус, и проглотила. Десять лет мои родители замалчивали ее имя, старались стереть его из своей памяти. Теперь я решила оградить его от них моим собственным молчанием. И всегда его помнить.

Если не считать моей способности с грехом пополам произнести слова приветствия, прощания и извинения на семнадцати языках или повторить наизусть греческую азбуку в прямом и обратном порядке (при том что я не свяжу и двух слов по-гречески), фонетический алфавит так и остался одним из многих источников тайных и бесполезных знаний, унаследованных от моего книжного детства. В то время я его выучила и использовала только для развлечения, а в последующие годы ни разу не пыталась применить его на практике. Поэтому, когда я вернулась из сада в свою комнату и, вооружившись карандашом, начала по памяти транскрибировать череду шипящих, фрикативных, взрывных и вибрирующих звуков, из которых состояла произнесенная Эммелиной фраза, мне пришлось изрядно попотеть, восстанавливая былые навыки.

После трех или четырех попыток я села на край постели, разглядывая цепочку записанных символов. Насколько точной была транскрипция? Меня начали терзать сомнения. Хорошо ли я запомнила сочетание звуков? Между моментом, когда он прозвучали, и моим возвращением в дом прошло около пяти минут. Кроме того, меня могли сбить с правильного пути первые неудачные попытки записи. В конце концов, я вполне могла напутать что-нибудь со знаками фонетического алфавита, которым уже очень давно не пользовалась.

Я шепотом прочла написанное на бумаге. Потом повторила уже быстрее, с нажимом, и подождала, не отзовется ли эхом в моей памяти голос Эммелины, произносящий свою фразу. Ничто не отозвалось. Это была всего лишь неточная транскрипция чего-то неясно расслышанного и плохо зафиксированного в памяти. Пустая трата времени.

Я написала на том же листе тайное имя. Мое заклинание, мой талисман.

Оно никогда не срабатывало и не могло сработать. Сестра никогда не придет ко мне. Я обречена на одиночество.

Я скатала из бумаги шарик и раздраженным щелчком отправила его в угол комнаты.

СТРЕМЯНКА

Моя история, кажется, вам наскучила, мисс Ли? Это был уже не первый подобный вопрос, заданный мне на следующий день после прогулки под луной. Слушая рассказ мисс Винтер, я безуспешно пыталась подавить зевоту и то и дело терла пальцами слипающиеся глаза.

– Извините, я просто устала.

– «Просто устала»?! – воскликнула она. – Да вы похожи на полуожившую мумию! Вам нужно лучше питаться. Что вообще с вами происходит?

Я пожала плечами:

– Просто усталость. Ничего страшного.

Мисс Винтер поджала губы, глядя на меня внимательно и строго, однако я ничего не добавила, и она продолжила свой рассказ.

Прошло еще шесть месяцев. Мы ограничили свое жизненное пространство немногими помещениями: кухней (по ночам служившей Джону спальней), гостиной и библиотекой. Мы с Эммелиной спали в казавшейся относительно безопасной комнате на втором этаже, пробираясь в нее из кухни по черной лестнице. Мы перетащили туда матрасы из своей прежней спальни, а двигать тяжелые старинные кровати нам оказалось не под силу. Дом был слишком велик для столь малого количества обитателей, и мы отступили в ту его часть, которую еще могли поддерживать в относительно приличном состоянии. Тем не менее мы не могли совсем забыть об остальном доме, который, подобно отмирающему органу, медленно разлагался по ту сторону запертых дверей.

Эммелина почти все время проводила за изобретением новых карточных игр. «Поиграй со мной. Ну, пожалуйста, поиграй», – без конца приставала она. Иногда я соглашалась. Это были странные игры с постоянно меняющимися правилами; игры, понятные только ей одной. Неудивительно, что она всегда выигрывала, и это приводило ее в восторг. Она по-прежнему любила мыться и часами нежилась в ванне, используя ту воду, что я нагревала для стирки и мытья посуды. Я ей не препятствовала, рассудив, что это только к лучшему, если хоть кто-то из нас может

чувствовать себя довольным и счастливым.

Перед тем как мы заперли двери и отгородились от остального дома, Эмелина перерыла шкафы Изабеллы и забрала ее барахло – платья, туфли, духи, украшения, – завалив своей добычей нашу новую спальню. Это было все равно что ночевать в примерочной кабинке. И она носила эти платья, хотя иные из них отстали от моды лет на десять, а иные – вероятно, принадлежавшие матери Изабеллы, – на все тридцать-сорок. По вечерам Эмелина развлекала нас своими эффектными появлениями на кухне в очередном наряде. В этих платьях она казалась старше своих пятнадцати лет; в ней появлялась женственность. Я вспоминала подслушанный разговор между доктором и Эстер («Я вполне допускаю, что она выйдет замуж») и одну фразу из рассказа Миссиз об Изабелле и пикниках («Это была девушка, при виде которой каждый мужчина хотел до нее дотронуться»), и мне становилось тревожно. Но когда она, плюхнувшись на стул, вытаскивала из дряхлого шелкового ридикюля колоду карт и совсем по-детски просила с ней сыграть, я отчасти успокаивалась. На всякий случай я все же следила за тем, чтобы она не появлялась в своих нарядах вне дома.

Джон по-прежнему ходил как в воду опущенный. И все же он как-то сподобился на совершенно невероятную выходку: нашел себе молодого помощника для садово-огородных работ.

– Не волнуйтесь, – сказал он, сообщив нам эту новость. – Это всего лишь Амброс, сын старого Проктора. Он парень тихий и смирный. Я привлек его ненадолго – только на то время, пока буду приводить в порядок дом.

Если так, то это могло означать «навсегда».

Помощник явился. Он был очень молод, но превосходил Джона ростом и шириной плеч. Они постояли, держа руки в карманах и обсуждая фронт работ, а затем юнец приступил к делу. Он трудился размеренно и спокойно; монотонный звук вонзающейся в землю лопаты вскоре начал действовать мне на нервы.

– Зачем он здесь? – спросила я Джона. – Нам не нужны чужаки.

Но по каким-то неясным причинам для Джона этот юнец не был чужаком. Возможно, потому, что он явился из мира, к которому принадлежал и сам Джон, – из непонятного мне мира мужчин.

– Он славный парнишка, – всякий раз говорил Джон в ответ на мои возражения. – Он хорошо работает. Он не задает лишних вопросов. Он не болтлив по натуре.

– Он может вообще не иметь языка, но глаза-то у него есть.

Джон пожимал плечами и смущенно отводил взгляд.

– Я ведь не всегда буду с вами, – сказал он в конце одного из таких разговоров. – Все это не может продолжаться вечно. – Он одним широким жестом обозначил дом, его обитателей и ту жизнь, которую мы здесь вели. – Когда-нибудь все изменится.

– Изменится?

– Вы подрастаете. Скоро вы будете иначе смотреть на многие вещи. Одно дело быть детьми, но когда вы станете взрослыми...

Но я уже ушла, не дослушав. Я не желала знать то, о чем он собрался мне поведать.

Эммелину я нашла в спальне, где она отдирала блески от бального шарфика и складывала их в свою коробку-сокровищницу. Я присела рядышком, но она была слишком поглощена этим занятием, чтобы реагировать на мой приход. Ее пухлые, суживающиеся к концам пальцы упорно теребили блеску, пока та не отделялась от материи. Дело продвигалось медленно, но Эммелине было некуда спешить. Ее лицо, склоненное над шарфиком, было само спокойствие. Губы сжаты; взгляд сосредоточенный и в то же время отсутствующий. Периодически ее верхние веки опускались, прикрывая зеленую радужную оболочку, но, сомкнувшись с нижними веками, тотчас взлетали, открывая все ту же невозмутимую зелень.

«Разве я похожа на нее?» – подумала я. Разумеется, я знала, что мои глаза в зеркале практически неотличимы от ее глаз. Я знала, что у нее на шее под копной рыжих волос есть точно такой же, как у меня, тугой и непослушный завиток. Я знала, какое впечатление производили на поселян наши с ней нечастые появления на единственной деревенской улице рука об руку, да еще в одинаковых платьях. При всем том я не была похожа на Эммелину. На моем лице никогда не появлялось это безмятежное выражение, а если бы даже и появилось, то уже в следующий миг его сменила бы нетерпеливая и раздраженная гримаса; я начала бы сердито кусать губы и резким жестом откидывать назад волосы. Я не смогла бы так долго корпеть над каким-то дурацким шарфиком, как это делала Эммелина. Я бы в полминуты зубами выдрала все эти несчастные блески, если бы мне это было зачем-нибудь нужно.

«Ты ведь меня не покинешь? – спросила я ее мысленно. – Я тебя не покину, тут ты можешь быть спокойна. Мы с тобой останемся здесь навсегда. Вместе. Что бы там ни говорил Джон-копун».

– Хочешь поиграть? – вслух сказала я.

Она была поглощена своим занятием и даже не подняла головы.

– Давай поиграем в свадьбу, – предложила я. – Ты, если хочешь, можешь быть невестой. Ну же! Можешь надеть... да хотя бы это... – Я извлекла из кучи нарядов в углу комнаты кусок прозрачной ткани. – Сойдет за фату.

Она не ответила, а когда я опустила фату ей на голову, лишь откинула ее с глаз и продолжила разделку шарфа.

Тогда я переключилась на ее коробку с мишурой. Среди прочего здесь были и ключики Эстер, сохранившие свой чудный блеск, при том что Эммелина, насколько я могла судить, уже давно забыла их прежнюю обладательницу. Здесь были драгоценности Изабеллы и цветные золотинки от конфет, которыми ее угощала Эстер; острый осколок стекла от зеленой бутылки и ленточка с золотой каймой, когда-то принадлежавшая мне (подарок Миссиз из времен, для меня незапамятных). Где-то здесь же затерялись и серебряные нити, которые Эммелина выковыривала из портьеры в день приезда Эстер. А из-под груды ювелирных изделий, стекляшек и всякого блестящего мусора выглядывал какой-то предмет из кожи, казавшийся здесь неуместным. Я наклонила голову и присмотрелась. Ага, теперь понятно, чем эта вещь ее привлекла. Золотые буквы: «ЕВН». Что такое «ЕВН»? Или кто такой «ЕВН»? Взглянув под другим углом, я заметила еще кое-что. Замочек. И крошечный ключ. Ну еще бы! Такое сочетание – золотые буквы плюс ключик – гарантировали этой вещи почетное место в сокровищнице Эммелины. И тут меня осенило. «ЕВН»! «ДНЕВНИК» – вот что это такое!

Я протянула руку.

Молниеносным движением – ее невнимательность могла быть обманчивой – Эммелина перехватила мою кисть прежде, чем я успела дотронуться до дневника. Потом, все так же не глядя на меня, она опустила крышку коробки.

На коже моей руки остались белые отметины в тех местах, где ее сдавили пальцы Эммелины.

– Я собираюсь от тебя уйти, – сказала я в порядке эксперимента. При этом голос мой звучал не очень убедительно. – Да. Я оставлю тебя здесь. Я хочу вырасти и жить сама по себе.

Не дождавшись ответа, я встала и удалилась, преисполненная гордого достоинства и жалости к себе.

Она пришла ко мне лишь в конце дня. Я сидела на подоконнике в библиотеке, спрятавшись за толстой портьерой, но она без колебаний направилась прямо к моему убежищу. Я слышала ее шаги и звук отдергиваемой портьеры, но не повернулась. Прижав лоб к холодному

стеклу, я наблюдала за стекавшими по нему каплями дождя. Они вздрагивали под порывами ветра и двигались зигзагами, попутно поглощая более мелкие капли и оставляя на поверхности стекла серебристый след. Она стала рядом и положила на мое плечо ладонь, которую я тут же сбросила сердитым движением. Я не повернулась к ней и не заговорила. Тогда она взяла мою руку и что-то надела мне на палец.

Я подождала, пока она уйдет, и только потом посмотрела. Перстень. Она подарила мне перстень.

Я повернула его камнем внутрь и поднесла раскрытую ладонь к окну. Свет пробудил в камне жизнь. Он был ярко-зеленый, как мои глаза. И как глаза Эммелины. Она подарила мне перстень. Я крепко сжала кулак и ощутила камень в его сердцевине.

Джон слил дождевую воду из ведер; он почистил картошку; он сходил на ферму за молоком и маслом. После каждой из этих операций он делал передышку. Силы его восстанавливались очень медленно, и я с беспокойством гадала, сможет ли он в очередной раз подняться из-за стола, чтобы приступить к следующему из намеченных дел.

– Может, сходим в фигурный садик? – спросила я его однажды. – Ты покажешь мне, как подстригать кусты.

Он не ответил. Не знаю, расслышал ли он меня вообще. Через несколько дней я повторила свой вопрос. С тем же успехом. Но в последующие дни я задавала его снова и снова.

Наконец он повел меня в сарай и, взяв садовые ножницы, заточил их плавными и ловкими движениями, как в старые времена. Затем взял высокую стремянку, вынес ее наружу и продемонстрировал мне, как закрепляется стопорная скоба. Он установил лестницу у каменной стенки сада, и я попрактиковалась, закрепляя скобу, поднимаясь и спускаясь по ступенькам.

– На мягкой земле в саду она будет не так устойчива, – сказал Джон. – Здесь надобна сноровка. Ты сперва должна пообвыкнуться.

После серии упражнений мы наконец направились в фигурный садик. Он подвел меня к средних размеров лохматому кусту, и я сразу начала устанавливать лестницу, но Джон крикнул: «Нет, не спеши!» Он трижды обошел вокруг куста, оглядывая его со всех сторон, а затем сел на землю и закурил. Я села рядом с ним, и он дал мне сигарету.

– Никогда не стриги куст, стоя против солнца, – сказал он. – И не стриги, стоя к солнцу спиной, когда на куст падает твоя тень. – Он помолчал и сделал несколько затяжек. – Остерегайся облаков. Плывающее облако может сбить тебя с правильной линии. Возьми за привязку что-нибудь неподвижное: крышу или забор. По ним и сверяйся. И никогда не спеши. Три раза проверь и только потом начинай стрижку.

Говоря так, он не отрывал взгляда от куста, и я в этом следовала его примеру.

– Надо почувствовать весь куст целиком: когда подстригаешь его спереди, ты должна чувствовать, каков он сзади, и наоборот. И не стриги только у себя под носом. Работай ножницами на всю длину руки, одним долгим движением.

Мы докурили сигареты и раздавили окурки подошвами ботинок.

– Запомни, как выглядит куст на расстоянии, и держи эту картинку в голове, когда будешь стоять к нему вплотную.

Теперь я была готова.

Он заставил меня трижды устанавливать лестницу, только с третьей попытки посчитав, что она стоит достаточно надежно. Я взяла ножницы и полезла наверх.

Я проработала три часа подряд. Сначала я побаивалась высоты и слишком часто смотрела вниз; мне приходилось делать над собой усилие, чтобы подняться еще одной ступенькой выше. Каждый раз, перемещая стремянку, я подолгу возилась, придавая ей устойчивое положение. Но постепенно вошла во вкус и уже не замечала, на какой высоте нахожусь, все внимание сосредоточив на форме подстригаемого куста. Джон стоял поблизости и время от времени делал замечания: «Следи за своей тенью!» или «Помни о другой стороне куста!» – но по большей части только смотрел и дымил сигаретой. Наконец я в последний раз спустилась на землю, сняла стопорную скобу, сложила лестницу и только теперь ощутила, как ноют руки после работы с тяжелым секатором. Впрочем, это были пустяки.

Отступив подальше, я оглядела результат своих трудов. Я трижды обошла вокруг куста. На душе было радостно. Я справилась.

Джон кивнул.

– Совсем неплохо, – произнес он. – Из тебя выйдет толк.

В тот день я пошла в сарай за стремянкой, намереваясь подстричь одну из больших «шляп», однако лестницы на месте не оказалось. Юнец, которого я избегала, возился в огороде, разрыхляя землю граблями. С мрачным видом я направилась к нему.

– Где стремянка? – Это был первый раз, когда я с ним заговорила.

Вопрос был задан резким тоном, однако он ответил вежливо:

– Ее взял мистер Коупенс. Он что-то ремонтирует с той стороны дома.

Я вытащила сигарету из пачки, которую Джон оставил в сарае, и закурила, свирепо косясь на юнца, который, судя по его завистливым взглядам, был бы не прочь составить мне компанию. Потом я заточила секатор, а заодно и садовый нож – просто потому что мне нравилось точить. И все это время в одном ритме с движением точила двигались грабли, рыхлившие почву. Наконец, взглянув на солнце, я решила, что сегодня уже поздно приступать к стрижке «шляпы». И только после этого я пошла искать Джона.

Стремянка лежала на земле в ненормально вывернутом положении: металлическая пластина, ограничивавшая предел ее расхождения, была «с мясом» выдрана из деревянной стойки. Рядом с лестницей лежал Джон. Он не пошевелился, когда я тронула его за плечо; тело было теплым – благодаря солнцу, которое согревало его раскинутые руки и окровавленную голову. Он смотрел прямо в чистое небо, однако голубые глаза были подернуты странной дымкой.

Разумная девочка внутри меня куда-то исчезла. Внезапно я осталась только самой собой – бестолковым, никчемным дитем.

– Что же мне делать? – прошептала я. – Что мне делать?! – Меня испугал звук собственного голоса.

Растянувшись на земле, сжимая рукой безжизненную ладонь Джона и чувствуя, как мне в висок все глубже впивается какой-то камешек, я следила за уходящим временем. Показателем этого была тень от выступа стены, которая медленно ползла по гравию, подбираясь к лестнице. Вот она накрыла самую дальнюю от меня ступеньку, затем другую, третью, добралась до стопорной скобы.

Стопорная скоба. Почему Джон ее не проверил прежде, чем забираться на лестницу? Нет, он не мог допустить такую оплошность. Он, конечно же, все сделал правильно. Но если он все проверил, то почему... Как же так?

Думать об этом было невыносимо.

Ступенька за ступенькой, тень подбиралась все ближе. Она достигла ног Джона, потом его зеленой рубашки, потом его волос – как же они поределели за последнее время! Почему я так плохо о нем заботилась?

Думать об этом было невыносимо. Но как я могла об этом не думать? Я перенесла взгляд с седой головы Джона на глубокие борозды, прорезанных ножками лестницы, когда она уходила из-под его ног. Никаких других следов заметно не было. Гравий – это не песок, не снег и не свежевскопанный грунт – на нем не видны отпечатки ног. Если кто-то подкрался к лестнице, сделал черное дело и преспокойно ушел, то следов он не оставил. С таким же успехом это мог совершить призрак.

Холод объял все. Гравий. Руку Джона. Мое сердце.

Я поднялась и покинула Джона, не оглянувшись. Я обошла дом, направляясь к огороду. Юнец был еще там; он как раз убирал грабли и метлу в сарайчик. Он уставился на меня, когда я приблизилась. А потом, когда я остановилась, твердя себе: «Только не падай! Только не падай!» – он бросился вперед, чтобы меня подхватить. Я видела его словно издалека. И я не упала в обморок, хотя была к этому очень близка.

Зато, когда он подбежал, я услышала собственный голос – слова, которые и я не думала произносить, сами собой вырвались из моего сдавленного рыданием горла:

– Ну почему мне никто не поможет?!

Ноги мои подкосились, но он успел поймать меня под мышки и осторожно опустил на траву.

– Я вам помогу, – сказал он. – Я помогу.

Картина смерти Джона-копуна и опустошенное лицо мисс Винтер все еще стояли перед моими глазами по возвращении из библиотеки, и потому я оставила без внимания ожидавший меня конверт.

Я прочла только после того, как завершила свои записи. Как оказалось, оно и не стоило спешки.

Дорогая мисс Ли.

После того содействия, которое на протяжении многих лет оказывал мне Ваш отец, я буду рад вернуть хотя бы часть долга его дочери.

Мне пока не удалось выяснить, куда отправилась и чем занималась мисс Эстер Барроу после ее службы в Анджелфилде, но я нашел ряд документов, связанных с ее жизнью и деятельностью в предшествующий период. Сейчас я работаю над

составлением отчета, который Вы получите в ближайшие недели.

Поиск еще далеко не завершен. В настоящее время я продолжаю изучение итальянского этапа ее биографии, и у меня есть все основания полагать, что какая-нибудь из выявленных подробностей наведет меня на верный след.

Не отчаивайтесь! Если эта гувернантка вообще может быть найдена, я обязательно ее найду.

Искренне Ваш,
Эммануэль Дрейк

Я убрала письмо в ящик стола, после чего надела пальто и перчатки.

– Идем погуляем, – сказала я Призраку.

Он последовал за мной. От задней двери я свернула на тропинку, идущую вокруг дома. Местами кусты росли вплотную к стене, и тропа, огибая их, отклонялась все дальше от здания, незаметно уводя меня вглубь садового лабиринта. Не поддаваясь на эту уловку, я двинулась напрямик через заросли, следя за тем, чтобы стена дома все время была в пределах видимости слева от меня. Кусты становились все гуще, и мне пришлось обмотать лицо шарфом, чтобы не поцарапаться; молодая ветвистая поросль путалась у меня в ногах. Сопровождавший меня кот отстал, не горя желанием продираться сквозь эти дебри.

Медленно я продвигалась вперед. И я нашла то, что искала. Окно, затянутое побегами плюща и отгороженное от сада такой плотной стеной вечнозеленых растений, что никакой свет из него невозможно было бы заметить со стороны.

А по ту сторону окна сидела за столом сестра мисс Винтер. Напротив расположилась Джудит, которая ложку за ложкой вливала суп в кривую прорезь меж ее изуродованных губ. Внезапно она остановилась, не донеся очередную порцию от тарелки до рта, и поглядела в мою сторону. Она не могла меня увидеть сквозь густую листву, но, вероятно, почувствовала мой взгляд. После краткой паузы она возобновила процедуру кормления. Но за те секунды, что ложка оставалась неподвижной, я успела разглядеть на ее ручке эмблему: вытянутую букву «А» в виде стилизованного ангела.

Аналогичную эмблему я видела совсем недавно. «А» – ангел – Анджелфилд^[17]. Эммелина пользовалась точно такой же ложкой, что досталась в наследство Аврелиусу.

Прижимаясь спиной к стене и освобождаясь от цеплявшихся за волосы веток, я кое-как выбралась из гущи кустарника на тропу. Поджидавший меня здесь кот проследил за тем, как я отряхиваю рукава и плечи от сухих

листьев и мелких сучков.

– Ну что, обратно в дом? – предложила я, и он с радостью принял это предложение.

Мистер Дрейк не сумел найти для меня Эстер. Зато я самостоятельно нашла Эммелину.

ВЕЧНЫЕ СУМЕРКИ

У себя в кабинете я вела записи; в саду я бродила без всякой цели; в своей спальне я гладила кота и отгоняла кошмарные сны, стараясь побольше бодрствовать. Та светлая лунная ночь, когда я встретила Эммелину, теперь казалась мне чем-то далеким и нереальным, ибо завеса туч снова плотно сомкнулась, и мы погрузились в бесконечные сумерки. Со смертью Миссиз и Джона-копуна в истории мисс Винтер появилась новая пугающая нотка. Кто мог опрокинуть лестницу – Эммелина? Гадать не имело смысла; оставалось только следить за развитием действия. Между тем с каждым новым декабрьским днем маячивший за моим окном призрак становился все более отчетливым. Его приближение меня пугало; отдаваясь, он повергал меня в отчаяние; и всякий раз его вид вызывал во мне уже знакомое смещение чувств – страха и томительного ожидания.

В то утро – а может быть, день или вечер, поскольку время суток не имело значения – я пришла в библиотеку раньше мисс Винтер и дожидалась ее, стоя у окна. Моя бледная сестра-близнец прижала кончики своих пальцев к моим, притягивая меня умоляющим взглядом, затуманивая оконное стекло своим холодным дыханием. Чтобы соединиться с ней, мне нужно было всего лишь разбить эту хрупкую преграду.

– На что вы смотрите? – раздался позади меня голос мисс Винтер.

Я медленно повернулась.

– Сядьте! – резко скомандовала она. И затем: – Джудит, подбросьте еще дров в огонь и, будьте добры, принесите этой девушке что-нибудь поесть.

Я села на стул.

Джудит принесла чашку какао и тосты. Мисс Винтер продолжила рассказ, а я слушала, прихлебывая горячий напиток.

«Я вам помогу», – сказал он. Но что он мог сделать? Он был слишком молод.

Я избавилась от юнца, послав его за доктором Модели, а сама тем временем заварила крепкий сладкий чай и выпила подряд несколько чашек. Мне нужно было многое обдумать, и обдумать быстро. К тому времени, как

опустел заварочный чайник, мои глаза были уже сухими. Пришла пора действовать.

Я успела подготовиться к их приходу. Услышав на аллее шаги юнца и доктора, я вышла им навстречу.

– Эммелина, бедное дитя! – воскликнул доктор и протянул руки в сочувственном жесте, словно хотел меня обнять.

Я сделала шал назад, и он остановился.

– Эммелина?

Он растерялся, мучительно соображая. Или Аделина? Но как такое возможно? Нет, это исключено. Он не рискнул произнести мое имя.

– Извините, – пробормотал он неловко.

Я не помогла ему выйти из затруднения. Вместо этого я расплакалась.

Не по-настоящему. Мои истинные слезы – а у меня их накопилось много – оставались при мне. Я знала, что вскоре – этим вечером, завтра или, может, через несколько дней – я заплачу по-настоящему и буду плакать часами, оставшись одна. Плакать о Джоне. Плакать о себе. Я буду громко рыдать, вопить сквозь слезы, как плакала в раннем детстве, когда только Джон мог меня утешить, гладя по голове своей шершавой, пахнувшей табаком и сырой землей ладонью. Это будут горячие и тяжелые слезы, и когда они иссякнут (если иссякнут), мои глаза превратятся в две красные воспаленные щелки, через которые я едва смогу видеть мир.

Но мои настоящие слезы не предназначались для доктора и ему подобных. Его я удостила лишь поддельных, обильно струившихся из моих зеленых глаз, как кристаллики алмазов, чудесным образом порождаемые изумрудами. И это сработало. Если вы ослепите мужчину взглядом ярко-зеленых глаз, он легко поддастся гипнозу и ни за что не догадается, что эти самые глаза внимательно следят за каждым его действием.

– Боюсь, я уже ничем не могу помочь мистеру Коупенсу, – сказал он после осмотра тела.

Я не привыкла к официальной фамилии Джона; она резала мне слух.

– Как это произошло? – Доктор посмотрел вверх на балюстраду, где Джон собирался что-то подправить, а затем склонился над упавшей стремянкой. – Соскочила стопорная скоба?

Сейчас я уже могла относительно спокойно глядеть на мертвое тело.

– Может, он поскользнулся? – предположила я. – Потерял равновесие, ухватился за лестницу и потянул ее за собой?

– Никто не видел, как он упал?

– Наши комнаты на другой стороне дома, а этот был в огороде.

Юнец стоял чуть поодаль, избегая смотреть на труп.

– М-да... У него не было семьи, насколько я помню.

– Он жил здесь один.

– Понятно. А где ваш дядя? Я должен с ним поговорить.

Я не знала, что именно Джон поведал юнцу насчет Чарли.

Пришлось разыграть все с листа.

Со слезами в голосе я сообщила доктору, что наш дядя уехал.

– Уехал?! – озадачился доктор.

Юнец никак не среагировал. Значит, для него эта информация не стала сюрпризом. Он стоял, разглядывая носки своих ботинок и гравий, лишь бы не смотреть на мертвеца. «Тюфяк», – успела подумать о нем я, прежде чем продолжить вслух:

– Дядя вряд ли появится здесь в ближайшие дни.

– А когда он должен появиться?

– Дайте вспомнить, сколько дней назад он уехал... – Я наморщила лоб, делая вид, что считаю в уме дни, а затем, переведя взгляд на труп, вдруг покачнулась, как будто у меня подкосились ноги.

Доктор и юнец тут же подхватили меня с двух сторон.

– Ничего-ничего, – бормотал доктор. – Обсудим это попозже.

Я позволила им провести меня вокруг дома до заднего крыльца.

– Я не знаю, что мне с этим делать, – сказала я, когда мы огибали угол.

– С чем именно? – уточнил доктор.

– Я о похоронах.

– Вам не придется ничего делать. Я свяжусь с похоронным бюро, а об остальном позаботится священник.

– Но как быть с деньгами?

– Все оплатит ваш дядя, когда вернется. Кстати, куда он уехал?

– А если он задержится надолго?

– Вы полагаете, он может задержаться?

– Не исключено. Он ведь такой... непредсказуемый.

– Да, это верно.

Юнец открыл кухонную дверь, и доктор довел меня до кресла, в которое я не села, а буквально рухнула.

– Денежными вопросами займется адвокат, если возникнет такая необходимость. А где же ваша сестра? Она знает о случившемся?

– Она спит, – сказала я, не моргнув глазом.

– Что ж, это даже к лучшему. Не будем пока ее будить, ладно?

Я кивнула.

– Теперь, когда вы с ней остались одни, надо подумать о том, кто будет

о вас заботиться.

– Заботиться о нас?

– Но вы ведь не можете жить здесь сами по себе... Тем более после такой трагедии. Со стороны вашего дяди было очень неосмотрительно покидать поместье, не подыскав замену умершей экономке. А теперь и садовник... Мы должны срочно кого-то найти.

– Разве это так необходимо? – Я сверкнула глазами сквозь слезы (если уж на то пошло, не одна только Эммелина умела быть женственной).

– Но вы, несомненно...

– Когда в прошлый раз кто-то пытался о нас позаботиться... Вы помните нашу бывшую гувернантку?

Я исподлобья бросила на него взгляд, столь быстрый и столь язвительный, что он, скорее всего, решил, будто ему это померещилось. Его чувства такта хватило на то, чтобы покраснеть и отвести взгляд. Когда же он вновь посмотрел в мою сторону, здесь была только пара изумрудных глаз, сочившихся бриллиантовыми слезами.

Юнец прочистил горло, готовясь вставить слово.

– Моя бабушка могла бы их навещать, сэр. Не то чтобы здесь жить, а просто раз в день приходить ненадолго.

Доктор Модели задумался. В конце концов, это был выход из положения, а ему необходимо было найти какой-то выход.

– Что ж, Амброс, я думаю, такой вариант нас устроит. По крайней мере, на первое время. Надеюсь, – повернулся он ко мне, – ваш дядя вернется через несколько дней, и тогда уже не потребуется, как вы сказали... э-э-э...

– Конечно. – Легким движением я поднялась из кресла. – Если вы договоритесь с похоронным бюро, я возьму на себя священника. – Я протянула ему руку. – Спасибо, что так быстро пришли.

Бедняга окончательно потерялся. Ему пришлось вслед за мной встать со стула, и я на секунду почувствовала в своей ладони его пальцы. Они были влажными от пота.

Доктор еще раз попытался отыскать в моем лице подсказку: Аделина или Эммелина? Эммелина или Аделина? Отчаявшись угадать имя, он все же нашел приемлемое обращение:

– Я сожалею о том, что случилось с мистером Коупенсом. Очень сожалею, поверьте мне, мисс Марч.

– Благодарю вас, доктор. – Я вовремя скрыла улыбку, принявшись утирать слезы.

Небрежно кивнув юнцу, доктор Модели покинул дом. Теперь осталось

разобраться со вторым. Дав доктору время отойти подальше, я открыла дверь кухни и жестом пригласила юнца проследовать вон.

– Кстати, – сказала я, когда он переступал порог, интонацией показывая, что с ним говорит хозяйка дома, – вашей бабушке нет никакой нужды здесь появляться.

Он взглянул на меня очень странно. Он явно сумел увидеть не только зеленые глаза, но и ту девочку, что скрывалась за ними.

– Очень хорошо, если так, – сказал он, мимолетным движением дотронувшись до козырька своей кепки, – потому что у меня нет бабушки.

«Я вам помогу», – сказал он тогда, но он был слишком молод для помощника. Впрочем, он умел водить машину, а это уже какое-то подспорье.

На следующий день он повез нас к адвокату в Банбери; я разместилась на переднем сиденье, а Эммелина сзади. Проведя четверть часа в приемной под присмотром секретарши, мы наконец были приглашены в кабинет мистера Ломакса. Он взглянул на меня, потом на Эммелину и сказал:

– Мне незачем спрашивать, кто вы такие.

– Мы попали в затруднительное положение, – объяснила я. – Наш дядя отсутствует, а наш садовник умер. Несчастный случай. Поскольку у него нет родственников и он всю жизнь работал на нашу семью, будет справедливо, если мы оплатим его похороны. Однако у нас...

Тут я заметила, что его взгляд перебегает с меня на Эммелину и обратно.

– Извините мою сестру. Она себя неважно чувствует.

Эммелина действительно имела странный вид. Я позволила ей надеть один из этих нелепых старомодных нарядов, а сияющая красота ее глаз не оставляла в них места для таких скучных пустяков, как проблески разума.

– Понимаю, – сказал мистер Ломаке и сочувственно понизил голос. – До меня доходила кое-какая информация в этом смысле.

В ответ на эту любезность я перегнулась через стол и также заговорила доверительным тоном:

– Вы, разумеется, знаете кое-что и о нашем дяде... Вам ведь приходилось иметь с ним дело? Там тоже все далеко не просто. – И, устремив на адвоката самый чистый и открытый взгляд, какой только сумела изобразить, я добавила уже громче: – Вы не представляете, как мне

приятно в кои-то веки пообщаться со здравомыслящим человеком!

Он срочно прокрутил в голове все слухи, в последнее время доходившие до него из Анджелфилда. Тамошние жители поговаривали, что одна из близняшек не в себе. «Зато вторая сестричка, как видно, не промах», – заключил он.

– Это удовольствие взаимно, мисс... Простите, вы не могли бы напомнить мне фамилию вашего отца?

– Вы имеете в виду фамилию Марч. Но мы привыкли к тому, что нас именуют по материнской фамилии. В деревне нас называют «близняшки Анджелфилд». Мистера Марча никто уже не помнит, а мы с сестрой и подавно. Мы ведь никогда его не видели. И мы не поддерживаем отношений с его родными. Я часто думала о том, чтобы официально сменить нашу фамилию.

– Это можно устроить. Почему бы нет? Не предвижу здесь никаких проблем.

– Отложим это до следующего раза. Сейчас мы хотим...

– Да, разумеется. Насчет организации похорон можете не беспокоиться. Насколько я понял, вы не знаете, когда вернется ваш дядя?

– Вряд ли это случится скоро, – сказала я, покривив душой лишь отчасти.

– Ничего страшного. Если он не вернется вовремя, чтобы оплатить расходы, я устрою все от его имени, а позднее представлю ему счет.

Мое лицо успешно выразило то самое облегчение, которое он ожидал увидеть. Воспользовавшись его минутной расслабленностью (как-никак он сделал доброе дело, сняв бремя с сиротских плеч, и имел полное право насладиться сознанием собственного благородства), я забросала его вопросами, выясняя, как лучше всего поступить девушке вроде меня, имеющей на руках сестру вроде моей и на неопределенное время лишившейся своего опекуна. Он коротко обрисовал ситуацию с юридической точки зрения, и я тотчас прикинула, какие шаги и в какой последовательности мне следует предпринять.

– Впрочем, все это только теория и не имеет отношения к вашему случаю, – поспешно добавил он, сообразив, что слишком увлекся составлением для меня плана действий; сейчас он охотно взял бы назад три четверти сказанного. – Ваш дядя скоро будет дома, и все уладится само собой.

– Будем надеяться, – сказала я.

Мы уже были у двери, когда мистер Ломаке вспомнил нечто важное:

– Кстати, он не оставил никакого адреса?

– Вы же знаете моего дядю!

– Да, так и я думал. Но вы хотя бы приблизительно знаете, где он может находиться?

Мистер Ломаке мне понравился, но это ничуть не мешало мне ему врать. Ложь – вторая натура для девчонки вроде меня.

– Да... то есть нет...

Он насторожился.

– Потому что если вам неизвестно, куда он отправился... – Адвокат вернулся мыслями к тем юридическим тонкостям, которые только что мне поведал.

– Я знаю лишь то, что он нам сказал.

Мистер Ломаке выжидающе поднял брови.

– Он сказал, что едет в Перу.

Глаза мистера Ломакса округлились, а его челюсть слегка отвисла.

– Но мы-то с вами понимаем, что это не может быть правдой, – заключила я. – Он ведь не мог на самом деле уехать в Перу?

И, послав ему напоследок самую светлую и ободряющую из своих улыбок, я закрыла дверь, предоставив адвокату в одиночестве ломать голову на мой счет.

Настал день похорон, а у меня до сих пор так и не нашлось времени поплакать. Каждый день что-нибудь происходило. Сначала это был визит священника, потом явились деревенские насчет венков и цветов; приходила даже миссис Модели, которая была холодно-вежлива, как будто на мне лежала часть вины за предосудительный поступок Эстер.

– Миссис Проктор, бабушка того юноши, просто чудо что за женщина, – сообщила я ей. – Передайте вашему мужу благодарность за то, что он ее пригласил.

Хотя я подозревала, что юный Проктор все это время за мной наблюдает, мне так и не удалось застать его за этим занятием.

Похороны Джона тоже были неподходящим местом для плача. Пожалуй, даже наименее подходящим из всех. Ибо я была мисс Анджелфилд, а кем был он? Всего лишь садовником.

В конце заупокойной службы, пока священник проникновенно и без малейших шансов на успех обрабатывал Эммелину – «Не следует ли вам почаще посещать церковь? Милость Господня ко всем Его детям воистину

безгранична» и так далее в том же духе, – я прислушалась к беседе мистера Ломакса и доктора Модели, которые стояли в нескольких шагах за моей спиной и ошибочно полагали себя вне пределов слышимости.

– Весьма разумная юная особа, – говорил адвокат доктору. – Правда, я не думаю, что она полностью осознала всю сложность ситуации, – вы в курсе, что местонахождение их дяди пока не установлено? Но я уверен, что она справится и с этой проблемой. Я взял на себя решение финансовых вопросов, поскольку она беспокоилась об оплате похорон садовника. У этой девушки доброе сердце и ясная голова.

– Да, – промямлил доктор.

– До недавних пор я пребывал в убеждении – заметьте, я сам не знаю, на чем оно основывалось, – что обе девочки... э-э... не совсем адекватны. Но после встречи с ними я убедился, что одна из них, к счастью, в полном порядке. Разумеется, вы, будучи их врачом, гораздо лучше меня осведомлены на сей счет.

Я не смогла разобрать ответное бормотание доктора.

– Что значит «из мглы»? – удивился адвокат. – О какой мгле вы говорите?

На сей раз ответа не последовало, и адвокат задал новый вопрос:

– Никак не пойму: кто из них кто? Мне не удалось это выяснить во время встречи с ними конторе. Как зовут ту, что в здравом уме?

Я слегка повернула голову таким образом, чтобы краем глаза видеть собеседников. Доктор смотрел на меня с тем же глубоко озадаченным видом, какой не покидал его на протяжении всей службы. Куда подевалась та заторможенная, полусонная кукла, которая два месяца провела в его доме? Еще совсем недавно эта девочка была не в состоянии произнести хотя бы слово по-английски и донести ложку до собственного рта, не говоря уже о том, чтобы заниматься организацией похорон и по-деловому совещаться с юристами. Растерянность доктора было нетрудно понять.

Он поглядел на меня, потом на Эммелину, потом опять на меня.

– Я полагаю, это Аделина, – прочла я по губам его тихий ответ и с улыбкой представила, как в одночасье рушится карточный домик научных теорий и экспериментов доктора Модели.

Поймав его взгляд, я подняла руку и помахала обоим. Обычное проявление благодарности за то, что оказали мне поддержку и пришли проводить в последний путь практически незнакомого им человека. Именно так воспринял этот мой жест адвокат. Ну а доктор, я думаю, истолковал его на свой лад.

Позднее. Спустя много часов.

Похоронная церемония завершилась. Наконец-то я могу поплакать.

Однако мне это не удастся. Мои так долго сдерживаемые слезы окаменели.

Теперь они останутся со мной навсегда.

ОКАМЕНЕВШИЕ СЛЕЗЫ

Извините... – начала Джудит и запнулась. Я отметила совсем не характерное для нее дрожание рук. – Доктор не сможет прибыть раньше, чем через час, – его вызвали к другому пациенту. Не могли бы вы...

Я затянула пояс халата и поспешила за ней – Джудит двигалась очень быстро, чуть ли не бегом. Мы спускались и поднимались по лестничным маршам, сворачивали в боковые коридоры и наконец вновь очутились на первом этаже, но в той части дома, где я не бывала прежде. По всей видимости, это были личные апартаменты мисс Винтер. Миновав несколько комнат, мы остановились перед закрытой дверью, и Джудит тревожно оглянулась на меня. Я хорошо понимала причину этой тревоги. Из-за двери доносились гулкие, протяжные, нечеловеческие звуки, перемежаемые пронзительно-хриплыми вздохами. Джудит открыла дверь, и мы вошли внутрь.

Я была поражена. Неудивительно, что звуки так резонировали. В отличие от остальных помещений дома, переполненных мягкой мебелью, гобеленами, коврами и драпировками, это была маленькая полупустая комната с голыми стенами и дощатым полом. В одном ее углу стоял книжный шкаф, на полках которого громоздились кипы желтоватой писчей бумаги. Другой угол занимала узкая кровать с простеньким белым покрывалом. Ситцевые занавески вялыми складками свисали по обе стороны окна, открывая доступ ночной тьме. Мисс Винтер сидела спиной ко мне за низкой школьной партой, согнувшись и опустив голову на крышку. Куда подевались ее огненно-оранжевые и пурпурные одеяния? Сейчас она была одета в скромную белую сорочку. И она дико, истошно рыдала.

Воздух с резким, скребущим звуком задевал ее голосовые связки на вдохе, после чего раздавался жуткий вой, переходивший в утробные звериные стоны. Ее плечи рывками поднимались и опускались; тело сотрясалось; конвульсии волной пробегали от затылка по худой шее, плечам и рукам вплоть до пальцев, которые судорожно стучали по крышке парты. Джудит поспешила заменить подушку, подсунутую под висок мисс Винтер; последняя, казалось, не замечала нашего присутствия.

– Я никогда не видела ее такой, – сказала Джудит и с нарастающей панической ноткой в голосе призналась: – Прямо не знаю, что делать.

Рот мисс Винтер разевался и уродливо кривился, не в силах

справиться с потоком чудовищных звуков.

– Это пройдет, – сказала я, догадавшись, в чем было дело.

Я придвинула стул и села рядом с мисс Винтер.

– Тише, тише, я все знаю... – Я обняла ее за плечи и взяла обе ее руки в свою, а затем нагнулась ближе к ее уху и ровным голосом начала повторять, как заклинание: – Ничего-ничего. Все пройдет. Успокойся, детка. Я с тобой...

Я легонько покачивала ее из стороны в сторону и непрерывно повторяла волшебные успокаивающие слова. Это были не мои собственные слова; их в свое время говорил мне отец. Я знала, что это заклинание подействует, как оно всегда действовало на меня.

– Тише, я знаю, я знаю. Это пройдет...

Конвульсии не прекратились, как и вопли, однако они были уже не такими сильными. В паузах между припадками она, вздрагивая все телом, отчаянно хватала ртом воздух.

– Ты не одна, милая. Успокойся, я с тобой...

Наконец она затихла. Я чувствовала щекой ее лобную кость;

пряди ее волос касались моих губ. Своими ребрами я ощущала слабые, неровные колебания ее грудной клетки при вдохах. Ее руки были как ледышки.

– Ну вот и славно... Вот и славно...

Несколько минут мы просидели в тишине. Я накинула ей на плечи шаль и терла ее руки, чтобы хоть немного их согреть. Лицо ее было ужасно. Веки так распухли, что она едва могла их разлепить; губы вздулись и потрескались. На скуле – в том месте, которым она судорожно билась о крышку парты, – расплывался свежий синяк.

– Он был хорошим человеком, – сказала я. – Очень хорошим. И он вас очень любил.

Она медленно кивнула. Рот ее приоткрылся, губы дрожали. Она хотела что-то сказать? Губы шевельнулись вновь. Скоба? Она сказала «скоба»?

– Это ваша сестра открепила стопорную скобу?

Вопрос был задан, пожалуй, слишком резко, но тогда, после потока слез, размывшего все представления о приличиях, подобная прямолинейность выглядела вполне естественной.

Этот вопрос спровоцировал еще один, завершающий спазм рыданий, но ответ прозвучал уже четко и категорично:

– Не Эмелина. Нет, это была не она.

– Кто же тогда?

Она прикрыла щелки глаз и принялась качать головой из стороны в

сторону. Я замечала похожие движения у зверей в зоопарке, когда их выводит из себя бесконечное пребывание в замкнутом пространстве. Опасаясь очередного припадка, я снова вспомнила, как успокаивал меня отец, когда я была маленькой. Легонько и ласково я начала гладить ее волосы, пока она не затихла, опустив голову на мое плечо.

В конце концов она успокоилась настолько, что Джудит смогла уложить ее в постель. Сонным, каким-то детским голосом она попросила меня побыть с ней; я опустилась на колени рядом с кроватью, наблюдая за тем, как она засыпает. Изредка ее сотрясала дрожь, а сонное лицо искажалось гримасой страха; в такие моменты я гладила ее волосы, пока веки не прекращали трепетать.

Когда же отец утешал меня подобным образом? Из глубин памяти возник один эпизод. Мне тогда было около двенадцати. Воскресным днем мы с отцом сидели на берегу реки и жевали сандвичи, когда рядом объявилась пара близняшек: девочки-блондинки в сопровождении таких же светловолосых родителей – семейка туристов, которые воспользовались хорошей погодой и выбрались на денек в наши края, чтобы полюбоваться старинной архитектурой. Все вокруг тотчас обратили на них внимание, а они держались как ни в чем не бывало, наверняка уже привыкнув к взглядам окружающих. Но не к таким, как мой. При виде их мое сердце возбужденно забилося. Это было все равно что посмотреть в зеркало и увидеть себя завершенной – такой, какой я должна быть на самом деле. Близняшки почувствовали напряженный, горящий взгляд, которым их буквально пожирала незнакомая девочка, и в страхе уцепились за руки родителей. Когда я заметила их испуг, жесткая невидимая рука сдавила мои легкие и небо надо мной потемнело. Очнувшись я в нашем магазине. Я полулежала в кресле у окна; явь и кошмары мешались в моем сознании, а отец сидел рядом на полу, гладил мои волосы и бормотал свое заклинание: «Тише, тише. Это пройдет. Я с тобой...»

Позднее появился доктор Клифтон. Когда я оглянулась и увидела его в дверном проеме, у меня возникло такое чувство, что он стоит там уже довольно долго. Я молча проскользнула мимо него, покидая комнату. На лице его застыло выражение, которого я не смогла прочесть.

ПОДВОДНАЯ КРИПТОГРАФИЯ

Я вернулась в свою комнату; при этом ноги мои двигались так же медленно и тяжело, как и мои мысли. Я совсем запуталась. Из-за чего погиб Джон-копун? Из-за того, что кто-то открепил стопорную скобу на стремянке. Это не мог быть юнец. История мисс Винтер обеспечила ему алиби: в то время, когда Джон вместе с лестницей падал с балюстрады на покрытую гравием дорожку, юнец жадно косился на ее сигарету, не решаясь попросить окурка. Но в таком случае это могла быть только Эммелина. Правда, ничто в предшествующем повествовании не указывало на ее склонность к таким поступкам. Она была безобидным дитем, что сразу отметила Эстер. Да и мисс Винтер выразилась недвусмысленно: «Нет, не Эммелина». Кто же тогда? Изабелла была мертва. Чарли исчез навсегда.

Пройдя через комнату, я остановилась у окна. По ту сторону была крошечная тьма, и на ее фоне я видела только собственное бледное отражение. «Кто?» – обратилась я к нему.

И в наступившей затем тишине я наконец-то вняла голосу, который уже давно звучал у меня в голове, а я упорно не желала к нему прислушаться.

«Аделина», – твердил этот голос.

«Нет!» – сказала я ему.

«Да, – сказал он. – Аделина».

Это было невозможно. Ее горестный плач по Джонку еще звучал у меня в ушах. Мог ли кто-нибудь так скорбеть о гибели человека, которого он собственноручно убил? Мог ли кто-нибудь убить человека, которого он так сильно любил и так горько оплакивал?

Однако голос в моей голове безжалостно перечислял хорошо известные мне эпизоды истории. Акт вандализма в фигурном садике, когда каждое движение секатора или пилы оставляло рану на сердце Джона. Нападения на Эммелину, когда в ход без разбору шли кулаки, ноги и зубы. Младенец, посреди леса вынутый из детской коляски и брошенный на произвол судьбы. Обитатели деревни говорили, что одна из близняшек не в себе. Кого из двоих они имели в виду? Возможно ли такое? Неужели те слезы, которые я только что наблюдала, были порождены чувством вины? Неужели ее мучили угрызения совести? Неужели я обнимала и утешала убийцу? А может, в этом и заключалась главная тайна, которую мисс

Винтер десятилетиями скрывала от мира? Я терзалась мрачайшими подозрениями. Что если истинной целью мисс Винтер было вызвать во мне сочувствие и таким образом снять с себя бремя вины, получить прощение? При этой мысли я невольно вздрогнула.

Только в одном я могла быть совершенно уверена. Она действительно его любила. Могло ли быть иначе? Я вспомнила, как надрывно сотрясало ее истощенное тело в моих объятиях, – только истинная любовь могла породить такое отчаяние. Я вспомнила, как юная Аделина после смерти Миссиз спасла Джона от безысходного одиночества и вернула его к жизни, затеяв возрождение фигурного садика.

Того самого садика, который она же ранее разорила в припадке бессмысленной ярости.

Не стоило торопиться с выводами. Пока что это были всего лишь подозрения.

Я взглядела в темноту за окном. Там находился ее сказочный сад. Может, это была своеобразная дань памяти Джону-копуну? Пожизненное покаяние? Попытка искупить причиненное зло?

Я потеряла воспаленные глаза. Давно пора было в постель, однако я слишком устала и перенервничала, чтобы сейчас заснуть. Если я не отвлекусь от этих мыслей, они так и будут всю ночь вертеться у меня в мозгу. И я решила принять ванну.

Пока она наполнялась, я поискала, чем бы себя занять, и, озираясь вокруг, заметила бумажный шарик, выглядывавший из-под туалетного столика в углу спальни. Я подобрала его и расправила бумагу. Ряд фонетических знаков.

Под шум воды в ванной комнате я сделала несколько новых попыток найти хоть какой-то смысл в этой цепочке символов. Возможно, проблема заключалась в том, что я неверно транскрибировала фразу Эмmeliны. Я воспроизвела в памяти залитый лунным светом сад, прихотливый узор ветвей, ее изуродованное лицо и скрипучий голос, на одном дыхании произносящий эту фразу. Но, как я ни старалась, саму фразу в точности мне вспомнить не удалось.

Я забралась в ванну, оставив клочок бумаги на ее краю. Вода согревала мои ноги и спину, но в области шрама на моем боку она казалась гораздо холоднее. Закрыв глаза, я соскользнула вниз – уши, нос, веки и наконец затылок погрузились под воду, а волосы распушились и поднялись к поверхности.

Вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, я снова ушла вниз. Еще вдох и еще нырок.

Мысли поплыли в моей голове на подводный манер: плавно и расслабленно. Я имела очень смутное представление о языке близняшек, однако знала, что он не был изобретен с чистого листа. В случае с Аделиной и Эммелиной он должен был основываться на английском или французском, либо совмещать элементы обоих языков.

Глоток воздуха. Вода.

Допустим, это намеренно внесенные искажения. В интонации или в гласных. Или просто добавленные лишние слоги, не несущие смысловой нагрузки, а только ее маскирующие.

Воздух. Вода.

Головоломка. Секретный код. Криптограмма. Вряд ли это представляет такую сложность, как египетские иероглифы или микенское линейное письмо Б^[18]. С чего начать расшифровку? Возьмем каждый слог в отдельности. Это может быть целое слово или его часть. Оставим в стороне интонацию и для начала выделим ударение. Поэкспериментируем со звуками, удлиняя, укорачивая и сглаживая гласные. Теперь посмотрим, что этот слог может значить по-английски. Или по-французски. А что будет, если его удалить и поиграть с двумя соседними слогами? Число возможных комбинаций велико, но не бесконечно. Вычислительной машине такое вполне по силам. И человеческому мозгу тоже – на это уйдет год или два.

Мертвые уходят в землю.

Что?! Я резко распрямилась и села в ванне. Эти слова явились ко мне из ниоткуда и гулким эхом отозвались у меня в груди. Что за нелепость! Так не бывает!

Дрожащей рукой я потянулась к краю ванны, схватила бумажку с транскрипцией и поднесла ее к глазам. Увы, моя запись – все эти затейливые символы с загогулинами и точками – была уничтожена. Она попала в лужицу воды, и все знаки расплылись до неузнаваемости.

Я попыталась снова представить себе череду звуков, как представляла их только что, находясь под водой. Но теперь они начисто стерлись из моей памяти. Все, что я смогла вспомнить, было напряженное лицо Эммелины да еще пять нот, которые она напевала, удаляясь по дорожке сада.

Мертвые уходят в землю. Эта фраза явилась ко мне целиком и сразу, не оставив за собой никаких следов. Откуда она взялась? Какие процессы, происходившие в моем подсознании, внезапно вывели эти слова на первый план?

Нельзя же, в конце концов, считать расшифровкой кода невесть что, непонятно как пришедшее тебе в голову!

«Ну же, будь разумной», – сказала я себе.

Спустя минуту, беря с полочки мыло, я уже была твердо настроена выбросить из головы все эти подводные фантазии.

ВОЛОСЫ

В доме мисс Винтер я никогда не смотрела на часы. Мои секунды измерялись словами, а минуты – строчками написанного текста. В среднем одиннадцать слов в строке, двадцать три строки на странице: таков был мой новый хронометраж. Через определенные промежутки времени я отрывалась от записей, чтобы покрутить ручку точильной машинки, наблюдая за длинной извилистой стружкой, неторопливо стекающей на дно мусорной корзины. Для меня каждый такой промежуток соответствовал часу.

Меня настолько поглотила история, которую я выслушивала, а потом записывала, что все остальное перестало для меня существовать. Моя «личная жизнь» как таковая фактически сошла на нет. Мои дневные размышления сменялись ночными снами, в которых также правили бал персонажи мисс Винтер, отодвинувшие на второй план людей из моей реальности. Эстер, Эммелина, Изабелла и Чарли – все они прочно обосновались в этом воображаемом мире, где основным местом действия являлся Анджелфилд.

Честно говоря, меня вполне устраивало такое положение дел. Целиком погрузившись в историю мисс Винтер, я таким образом скрывалась от себя самой. Однако при всей кажущейся успешности этого самообмана я все равно не могла забыть, что на дворе декабрь. В глубине моего сознания, на заднем плане моих сновидений, на полях страниц, которые я исступленно заполняла своими записями, маячил призрак декабря, отсчитывавшего день за днем и подбиравшегося все ближе к очередной годовщине.

На следующий день после ночной истерики мисс Винтер я с ней не виделась. Она была переведена на постельный режим под присмотром Джудит и доктора Клифтона. Я и сама нуждалась в передышке, поскольку очень мало и плохо спала накануне. Но уже через день мисс Винтер позвала меня к себе. Явившись в ту же маленькую спальню, я застала ее в постели.

Зеленые глаза как будто увеличились в размере, занимая еще больше места на ее лице. Никаких следов косметики я не заметила. Судя по ее расслабленно-спокойному состоянию, действие препарата находилось на пике эффективности, однако я заметила в ее спокойствии и нечто новое, вряд ли как-то связанное с медикаментозными процедурами. Она мне не улыбнулась, но взгляд ее на сей раз был непривычно дружелюбен.

– Вам не понадобятся блокнот и карандаш, – сказала она. – Я хочу попросить вас об услуге иного рода.

– Какой услуге?

В спальню вошла Джудит. Она расстелила на полу простыню, после чего привезла из соседней комнаты кресло-каталку и помогла хозяйке перебраться в него из постели. Затем кресло с мисс Винтер было установлено в центре расстеленной простыни и повернуто так, чтобы она сидела лицом к окну. Джудит обернула ее плечи широким полотенцем, распустив поверх него массу оранжевых волос.

Перед тем, как уйти, она вручила мне ножницы, улыбнулась и сказала: «Желаю успеха».

– Так что я должна делать? – спросила я мисс Винтер.

– Подстричь мне волосы, разумеется.

– Подстричь волосы?

– Да. Чему вы удивляетесь? Тут нет ничего сложного.

– Но я никогда этого не делала.

– Просто возьмите ножницы и режьте. – Она вздохнула. – Что получится, то получится. Меня не волнует, как я буду выглядеть. Я просто хочу от них избавиться.

– Но ведь...

– Прошу вас.

Смирившись, я заняла позицию позади ее кресла. После двух дней, проведенных в постели, ее волосы спутались, свились в жгуты и образовали множество мелких тугих узелков. Они были очень сухими на ощупь и ломкими на вид.

– Сначала их надо расчесать, – сказала я.

Продираться через все эти узелки оказалось делом нелегким. Хотя мисс Винтер и не издала ни единого возгласа, я чувствовала, как она вздрагивает при каждом движении расчески. Вскоре я отказалась от своего намерения, решив, что гуманнее будет просто обрезать волосы вместе с узелками.

Очень осторожно я сделала первый надрез в нескольких дюймах от конца волос, чуть ниже ее лопаток. Остро заточенные лезвия ножниц сомкнулись, и оранжевые пряди упали на простыню.

– Покороче, – попросила мисс Винтер.

– Так? – Я дотронулась до нее ножницами, обозначая уровень.

– Еще короче.

Нервным движением я отхватила сразу большой локон. Оранжевая змея скользнула к моим ногам, и мисс Винтер начала свой рассказ.

Через несколько дней после похорон я забрела в бывшую комнату Эстер. Просто так, без особой причины. Я стояла у окна и смотрела вдаль, а мои пальцы рассеянно теребили край шторы и случайно наткнулись на рубец шитья. Аккуратистка Эстер заделала дыру в шторе, однако на краю шва я нащупала свободный кончик нити. И эта нитка почему-то начала меня беспокоить. Я не имела намерения ее тянуть, это вышло само собой... И вот уже вся нить оказалась у меня в руке, выдернутая из шторы и еще сохранявшая изгибы стежков. В шторе снова зияла дыра. Теперь она будет расползаться дальше.

Джона раздражало присутствие Эстер в нашем доме. Он был рад, когда она исчезла. Но если бы она осталась, Джону не пришлось бы лазить по крыше и на балюстраду, занимаясь ремонтом. Если бы Эстер по-прежнему была здесь, никто не затеял бы роковую возню со стопорной скобой. Если бы она была здесь, тот день ничем не отличался бы от других дней, и Джон провел бы его за своими делами в саду. И тогда тень от выступа дома, привычно растекаясь по гравию подъездной аллеи, не встретила бы на своем пути ступеньки опрокинутой лестницы и не накрыла бы распростертое тело Джона, отбирая у него остатки тепла. Тот день прошел бы, как обычно, и в конце его Джон спокойно улегся бы спать и даже во сне не увидел бы себя летящим сквозь пустоту навстречу твердой земле.

Если бы Эстер по-прежнему была здесь.

Зрелище обреченно расползающейся дыры было для меня невыносимым.

В процессе рассказа мисс Винтер я продолжала подстригать ее волосы. Наконец они были обрезаны на уровне ушных мочек.

– Еще короче, – сказала она.

И я снова взялась за ножницы.

Юнец каждый день появлялся в усадьбе. Он перекапывал грядки, сажал овощи, выпалывал сорняки. Я решила, что он трудится в надежде на обещанную плату. Но он продолжил копаться в нашем огороде и после того, как я, получив от адвоката – «на текущие расходы, пока не вернется ваш Дядя» – некоторую сумму, полностью с ним рассчиталась. Я наблюдала за ним из окна второго этажа. Он то и дело бросал взгляд в сторону дома, но я успевала спрятаться. Однажды, впрочем, он успел меня увидеть и помахал рукой. Я ему не ответила.

Каждое утро он приносил к двери кухни овощи, а порой в придачу к ним освежеванного кролика или ошипанную курицу, а по вечерам приходил забирать очистки для компоста. Он подолгу торчал у двери, дымя сигаретой, благо теперь у него завелись карманные деньги.

Я к тому времени уже прикончила все сигареты Джона, и меня раздражало, что юнец может курить, а я лишена этого удовольствия. Я ни разу не высказалась на сей счет, но однажды он, стоя в дверях плечом к косяку, уловил мой взгляд, нацеленный на сигаретную пачку в его нагрудном кармане.

– Может, поменяемся: сигарету на чашку чая? – предложил он.

Он вошел внутрь – впервые со дня смерти Джона – и сел на обычное место Джона, положив локти на стол. Я заняла кресло в углу, где прежде сидела Миссиз. Мы пили чай в молчании; дым от наших сигарет ленивыми клубами и спиралями поднимался к закопченному потолку. После того как мы сделали по последней затяжке и погасили окурки в блюдце, заменявшем пепельницу, он так же молча встал, вышел наружу и занялся своим делом. А на другой день, принеся овощи, он уже без приглашения прошел на кухню прямо к стулу Джона и протянул мне сигарету еще до того, как я поставила на огонь чайник.

Мы с ним никогда не разговаривали. Но ежедневные перекуры с чаепитием вошли у нас в привычку.

Эммелина, просыпавшаяся не раньше полудня, после обеда нередко гуляла вблизи огорода и наблюдала за работой юнца. Я ее за это ругала: «Не забывай, что ты дочь владельца дома, а он простой садовник. Ради бога, веди себя прилично!» Но для нее моя брань была как о стену горох. Эммелина охотно дарила свою лениво-безмятежную улыбку всякому, кто привлекал ее внимание. Я старалась не упускать их из виду, держа в уме слова Миссиз о том, как каждый мужчина хотел дотронуться до Изабеллы, едва ее увидев. Правда, юнец вроде бы не выказывал намерения дотронуться до Эммелины. Он приветливо с ней беседовал, а то и шутил, вызывая ее смех, но не более того. Однако на душе у меня было

неспокойно.

Иногда я следила за ними из окна второго этажа. И вот как-то теплым солнечным днем я увидела Эммелину полулежащей на травке, подперев рукой голову. В этой позе четко обрисовывалась линия ее бедра. Он повернул голову, отвечая на какую-то ее реплику; под его взглядом она мягко перекатилась на спину и ленивым жестом убрала со лба прядь волос. Томная чувственность этих движений навела меня на мысль, что Эммелина вряд ли будет сильно возражать, вздумай он до нее дотронуться.

Но он, ответив Эммелине, повернулся к ней спиной и как ни в чем не бывало продолжил свою работу.

На следующее утро мы с ним курили на кухне, и я нарушила обычное молчание.

– Не трогай Эммелину, – сказала я ему. Он как будто удивился.

– А я ее и не трогал.

– Это хорошо. И впредь не пытайся.

На этом я сочла разговор законченным и погрузилась в молчание, но после затяжки он вновь подал голос:

– Я не хочу трогать Эммелину.

Я слышала, что он сказал. Я слышала, как он это сказал. Я уловила необычную интонацию. Я поняла, что он имел в виду.

Не глядя на него, я затаилась. Потом я медленно выдохнула дым, по-прежнему на него не глядя.

– Она добрее, чем ты, – сказал он.

Моя сигарета не была докурена и до половины, но я раздавила ее на блюде. Затем я подошла к двери кухни и распахнула ее настежь.

В дверном проеме он остановился лицом ко мне. Я стояла холодно и твердо, как скала, глядя прямо перед собой – на верхнюю пуговицу его рубашки.

Его адамово яблоко дернулось вверх-вниз, когда он сглотнул слюну.

– Будь добрее, Аделина, – пробормотал он.

В гневе я вскинула глаза, намереваясь испепелить его взглядом. Но меня ошеломило выражение его лица: нежное и просящее. На какую-то секунду я... я смутилась.

И он попытался этим воспользоваться. Он поднял руку с явным намерением погладить меня по щеке.

Но я оказалась быстрее и ударом кулака отбросила его руку в сторону.

Удар был не болезненным. И я не хотела его обидеть. Но он выглядел обиженным. И разочарованным.

И он ушел.

На кухне сразу же стало очень пусто. Миссиз ушла. Джон ушел. А теперь ушел и этот парень.

«Я вам помогу», – сказал он тогда. Но это было невозможно. Как он мог мне помочь? Как кто-нибудь вообще мог мне помочь?

Простыня была покрыта оранжевыми волосами. Я ходила по ним; они цеплялись к моим туфлям. Все подкрашенные волосы были обрезаны, а то небольшое, что осталось на черепе мисс Винтер, имело чисто-белый цвет.

Я сняла полотенце и смахнула отдельные волоски, приставшие к ее шее.

– Дайте мне зеркало, – сказала мисс Винтер.

Я подала ей зеркальце. Стриженная почти наголо, она сейчас напоминала поседевшего ребенка.

Мисс Винтер уставилась на свое отражение. Долго и мрачно она глядела себе в глаза, а затем положила зеркальце на стол лицевой стороной вниз.

– Именно то, что мне было нужно, – заявила она. – Благодарю вас, Маргарет.

Покинув ее, я вернулась к себе в комнату, думая о том юнце. О нем и Аделине. О нем и Эммелине. И еще я подумала об Аврелиусе: найденыше в чужих обносках, засунутом в холщовый мешок вместе с ложкой из столового набора Анджелфилдов и страницей из «Джен Эйр». Я думала обо всем этом долго, но так ни до чего и не додумалась.

Впрочем, одно открытие я все же сделала – как водится, случайно. Восстанавливая в памяти свой последний разговор с Аврелиусом, я среди прочего припомнила его восклицание: «Может кто-нибудь сказать мне правду?» и почувствовала, как оно перекликается с другой просьбой: «Скажите мне правду». Да-да – тот самый молодой человек в мешковатом коричневом костюме. Теперь стало ясно, почему в архивах «Банбери геральд» не оказалось интервью, которое репортер этой газеты брал у известной писательницы. Такого сотрудника у них попросту не существовало. То был Аврелиус, заявившийся к мисс Винтер под репортерской личиной.

ДОЖДЬ И ТОРТ

Наутро меня разбудил колокольный звон. «Се-го-дня... сегодня... се-го-дня...» – настойчиво вызванивал слышимый только мне одной колокол. Декабрьские сумерки пробрались и в мою душу; я чувствовала себя смертельно усталой. Мой день рождения. Мой день смерти.

Джудит вместе с завтраком принесла конверт от отца. Все как обычно: открытка с цветами, поздравление и небольшая приписка. Он надеется, что у меня все хорошо. Сам он в полном порядке. Приготовил мне в подарок несколько книг. Если я пожелаю, он может выслать их почтой. Мама свою руку к посланию не приложила; отец подписался за них обоих. С любовью, папа и мама. Все не так. Я это знала, и он это знал, но что тут поделаешь?

Вошла Джудит.

– Мисс Винтер спрашивает, не могли бы вы сейчас...

Я успела сунуть открытку под подушку прежде, чем она могла ее разглядеть.

– Конечно, – сказала я и потянулась за карандашом и блокнотом. – Сейчас приду.

– Вы хорошо спали? – спросила мисс Винтер. – Вид у вас бледный. И вы слишком мало едите.

– Со мной все в порядке, – соврала я.

Весь этот день я провела под знаком борьбы двух миров, один из которых упорно просачивался в сферу влияния другого. Это можно было сравнить с чувством, возникающим, когда вы беретесь за новую книгу сразу же после прочтения предыдущей, которая между тем не спешит вас отпускать, – идеи, темы и даже отдельные персонажи той книги еще какое-то время находятся с вами, хотя вы уже начали погружаться в совсем другой мир. В этот день я не могла ни на чем сосредоточиться, выбиваемая из колеи налетающими невесть откуда разрозненными мыслями, неуместными эмоциями и бессвязными обрывками воспоминаний.

Мисс Винтер вдруг прервала изложение своей истории и спросила:

– Вы меня слушаете, мисс Ли?

Я вынырнула из водоворота мыслей и не нашла с ответом. Слушала ли я мисс Винтер? Я и сама этого не знала. В тот момент я не смогла бы повторить ее последние фразы, однако я была уверена, что какая-то часть моего сознания четко фиксировала ход повествования. Когда она задала мне вопрос, я находилась в своего рода нейтральной зоне между разными

мирами. Бывает так, что ваш мозг активно работает, строит смелые предположения и неожиданные комбинации, пускается во все тяжкие, но внешне это никак не проявляется, и окружающим кажется, что вы пребываете в спячке. Вот и теперь я безуспешно пыталась подыскать нужные слова, видя, как нарастает раздражение мисс Винтер. В конце концов я наугад выбрала фразу из числа вертевшихся у меня в голове:

– У вас были дети, мисс Винтер?

– О боже, ну и вопрос! Конечно же, не было. Вы что, спятили?

– А у Эммелины?

– Не забывайте о нашей договоренности. Никаких вопросов.

Она наклонилась вперед, вглядываясь в мое лицо, и спросила уже другим тоном:

– Вам нехорошо?

– Нет, я чувствую себя нормально.

– И тем не менее вы сегодня явно не в форме. На этом наша встреча завершилась.

Следующий час я провела в своей комнате, никак не находя себе места. Я села за стол и взяла карандаш, но не смогла писать; замерзая, отвернула до отказа регулятор отопления, но вскоре мне стало душно, и я сняла джемпер. Я собралась принять ванну, но в этот час не было горячей воды. Я приготовила какао, положив в него лишний кусочек сахара, но после двух-трех глотков его приторная сладость вызвала у меня отвращение. Книжки? Может, они мне помогут? Полки в библиотеке прогибались под тяжестью мертвых слов. Нет, от них помощи не дождешься.

Подсказка пришла с дробью дождевых капель, брошенных порывом ветра в оконное стекло. Выйти наружу – вот что мне сейчас было нужно. Причем выйти не в сад, а за его пределы, подальше отсюда. Прогулка по окрестным болотам.

Я знала, что главные ворота усадьбы сейчас заперты, и не хотела обращаться к Морису с просьбой их открыть. Вместо этого я направилась в дальний конец сада, где в стене имелась калитка. Ею уже очень давно не пользовались, и дверца заросла плющом, просунув руку меж плетями которого, я нащупала засов. Дверь подалась очень неохотно, после чего мне пришлось преодолеть еще более густые заросли с внешней стороны стены,

так что, когда я выбралась на открытое место, вид у меня был порядком растрепанный.

До той поры как-то само собой подразумевалось, что я люблю дождь, однако я и представить не могла, что дожди бывают такими. То, что я любила, было городским дождиком, от которого при желании всегда можно укрыться в складках урбанистического ландшафта, в тепле и сухости окружающих зданий. Но на болотах дождь – вкупе с резким ветром и холодом – был яростен и беспощаден. Его ледяные иглы секли мое лицо; потоки замерзающей на лету воды обрушивались на мои плечи.

С днем рождения.

Если бы я сейчас находилась в нашем магазине, отец рано утром выложил бы на стол подарок в ожидании, когда я спущусь сверху. Это была бы, конечно же, книга или несколько книг, приобретенных им в течение года и отложенных на сей торжественный случай. А в придачу – грампластинка, флакон духов или картина. Все это он красиво упаковывал, перевязывал ленточкой и прятал в ящике своего стола несколькими днями ранее, выбрав время, когда я отлучалась на почту или в библиотеку. Также заранее – скорее всего, во время обеденного перерыва – он покупал открытку и писал поздравление. «С любовью, папа и мама». Разумеется, все это делалось без ее участия. Как и покупка торта. Где-то в нашем магазине (я так и не знаю, где именно, и это является одним из немногих не раскрытых мною секретов) отец хранил особую свечу, которая зажигалась лишь раз в году, на мой день рождения, и я задувала ее, изо всех сил притворяясь довольной и счастливой. А после чаепития с тортом мы возвращались к обычным делам: книжным полкам и каталогам.

Я знала, каким мучительным был для него этот день. Впрочем, по мере моего взросления ему становилось полегче, если сравнивать с детским периодом, когда дни рождения отмечались в доме родителей. Подарки хранились в сарайчике за домом, спрятанные там не от меня, а от мамы, которая не выносила их вида. На такие дни у нее был зарезервирован неизбежный приступ мигрени, что исключало возможность приглашения в гости соседских детей, а равно поход в зоопарк или пикник на свежем воздухе. Игрушки, которые мне дарили в день рождения, всегда были неяркими и унылыми. Торты были не домашними, а покупными; недоеденные куски, прежде чем быть убранными в холодильник, освобождались от свечей и остатков кремовых поздравительных надписей.

С днем рождения? Эти слова отец обычно произносил шепотом, приблизив губы к моему уху. Мы с ним сидели в гостиной и тихо играли в карты; после каждой партии победитель беззвучно изображал ликование, а

проигравший корчил печальные гримасы. И ни единого звука не доносилось из гостиной в мамину спальню над нашими головами. В паузах мой бедный отец курсировал между тихо страдающей спальней вверху и тайным праздником внизу, по пути меняя выражение лица с сочувственного на веселое и обратно.

С днем смерти. В тот же день, когда я появилась на свет, в нашу жизнь вошло горе и поселилось здесь навсегда. Оно, как пыль, оседало повсюду; оно покрывало все наши вещи и нас самих; оно проникало внутрь нас при каждом вдохе. Под покровом этого пыльного савана каждый из нас страдал на свой лад.

Сковавший меня холод притупил чувствительность, и только это помогало мне выносить размышления на самую болезненную тему.

Почему она не смогла меня полюбить? Почему моя жизнь значила для нее меньше, чем смерть моей сестры? Может, она винила меня в смерти сестры? Впрочем, у нее были на то основания. Я действительно выжила только за счет ее гибели. И каждый раз при виде меня мама не могла не вспоминать об этой утрате.

Кто знает, может, ей было бы легче, если бы мы с сестрой умерли обе.

Одурманенная этими мыслями, я шла, не выбирая пути и ничего не замечая вокруг, машинально переставляя одну ногу за другой.

И вдруг на что-то наткнулась.

– Маргарет! Маргарет!

Я слишком замерзла, чтобы как-то отреагировать на возникновение передо мной массивной фигуры в темно-зеленой прорезиненной накидке. Откуда-то из складок этой накидки выдвинулись две здоровенных руки и сжали меня в дружеском объятии.

– Маргарет!

Это был Аврелиус.

– Видела бы ты себя! Вся посинела от холода! – Идем скорее.

Он взял меня за руку и быстро куда-то повел. Едва поспевая за ним, я спотыкалась о неровности почвы и несколько раз чуть не упала. Но вот мы вышли на дорогу, и я увидела автомобиль. Он впихнул меня в кабину; послышались хлопки дверей, зарокотал двигатель, и мои застывшие ноги накрыла волна тепла. Аврелиус достал термос и налил в крышку густо-оранжевый чай.

– Пей!

И я пила чай, горячий и сладкий.

– Ешь!

И я ела сандвич с курицей, который он мне всучил.

Но и сейчас – в теплом салоне машины, за чаем и сэндвичем – мне было холодно, даже холоднее, чем прежде. Мои зубы выбивали дробь, руки неудержимо тряслись.

– Боже ты мой! – тихо восклицал Аврелиус, подавая мне очередной сэндвич. – Ну и ну!

Поев, я почувствовала себя немного лучше.

– Что вы здесь делаете, Аврелиус?

– Я привез тебе вот это.

Он обернулся, достал с заднего сиденья коробку, положил ее мне на колени и с торжествующей улыбкой снял крышку.

Внутри оказался торт. Настоящий домашний торт. А на торте витиеватыми глазурными буквами было написано: «С днем рождения, Маргарет!»

Я слишком замерзла, чтобы плакать. Вместо этого я неожиданно разговорила. Слова хлынули из меня, как поток с тающего ледника: ночное пение, сад, близнецы, младенец, ложка...

– Она знала ваш дом, – бубнила я, в то время как Аврелиус высушивал мои волосы с помощью бумажного полотенца, – то есть дом миссис Лав. Она как-то раз тайком заглянула в окно и решила, что миссис Лав похожа на добрую сказочную бабушку... Вы понимаете, к чему я это говорю?

Аврелиус покачал головой:

– Но мне она рассказывала...

– Она вас обманула, Аврелиус! Когда вы заявили к ней с расспросами в своем нелепом коричневом костюме, она вам наврала. Она мне в этом призналась.

– Постой-постой! – вскричал Аврелиус. – Откуда ты узнала про коричневый костюм? Я тогда и впрямь прикинулся журналистом... – Все мною сказанное не сразу доходило до его сознания. – Говоришь, ложка точь-в-точь как у меня? И она бывала в нашем доме?

– Она ваша родная тетя, Аврелиус. А Эммелина – ваша мать.

Аврелиус перестал сушить мои волосы и уставился через ветровое стекло в направлении дома мисс Винтер.

– Моя мать, – пробормотал он, – там.

Я кивнула.

Еще какое-то время он молча смотрел в ту сторону, а затем повернулся ко мне:

– Отведи меня к ней, Маргарет.

Я вздрогнула и только теперь более-менее пришла в себя.

– Дело в том, Аврелиус... С ней не все ладно.

– Она больна? Тогда ты обязана отвести меня к ней! Сейчас же!

– Не то чтобы больна. – Я замялась: как ему объяснить? – Она пострадала во время пожара. И не только лицо. Ее рассудок пострадал тоже.

Он впитал эту информацию, добавив ее к богатой коллекции своих потерь и разочарований. Когда он заговорил вновь, голос его звучал твердо:

– Отведи меня к ней.

Что продиктовало мне ответ: мое болезненное состояние? Тот факт, что это был мой день рождения? То, что я сама была фактически лишена матери? Все это могло повлиять на мое решение, но определяющим стало выражение его лица, когда он ожидал ответа. Я имела сотню причин для отказа, но все они рассеялись как дым перед этой яростной мольбой.

И я согласилась.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Горячая ванна лишь отчасти разморозила мое тело и совсем не смягчила тупую боль внутри. Я отказалась от мысли провести остаток дня за работой и забралась в постель, навалив на себя все имевшиеся одеяла и покрывала. Но и под ними меня продолжала бить дрожь. Полудрема порождала странные видения. В них присутствовали Эстер и мой отец, сестры-близнецы и моя мать; при этом все люди в них носили чужие лица и каждый был кем-то еще, помимо себя самого; даже мое собственное лицо меня пугало, все время изменяясь: иногда это была я, а в следующий момент уже не я. Потом в моем сне появилось ярко освещенное лицо Аврелиуса, и он был самым собой – все время только самым собой и никем другим. Он улыбнулся мне, и призраки растаяли; тьма сомкнулась надо мной, как воды омут, и я погрузилась в глубокий сон.

Я проснулась с болью в голове, спине, конечностях и суставах. Усталость, никак не связанная с физическим напряжением или недостатком сна, сковывала мое тело и мысли. За окном было темно. Неужели я проспала встречу с Аврелиусом? Но даже эта тревожная мысль заставила меня приподняться и взглянуть на часы лишь через несколько очень долгих минут. За время сна у меня возникло чувство, которое я сначала затруднялась определить, – беспокойство? возбуждение? ностальгия? – но постепенно поняла, что это была надежда. Мое прошлое возвращалось! Моя сестра была уже близко. Сомнений не оставалось. Я не могла ее увидеть, я не могла ее ощутить обычными органами чувств, но какой-то особый орган внутри меня, всегда настроенный на нее и только на нее, безошибочно уловил ее присутствие, наполнив все мое существо темной радостью ожидания.

Впрочем, это еще не значило, что я должна была ждать ее, не сходя с места, забыв об Аврелиусе и нашем уговоре. Моя сестра легко отыщет меня, где бы я ни находилась. Как же иначе – или мы с ней не близнецы? У меня оставалось еще полчаса до встречи с Аврелиусом у садовой калитки. Я кое-как выбралась из постели и, слишком замерзшая и уставшая, чтобы снимать пижаму, натянула шерстяную юбку и свитер поверх нее. В конечном счете укутанная, как ребенок перед походом на рождественский фейерверк, я спустилась в кухню. Джудит оставила для меня холодное мясо, но я к нему не притронулась: есть мне не хотелось. Минут десять я просидела за кухонным столом, стараясь не закрывать глаза из страха, что

за этим последует погружение в сон или потеря сознания, тогда как моя голова все время норовила войти в контакт со столешницей.

За пять минут до назначенного срока я вышла через кухонную дверь в сад.

Не светились ни окна дома, ни звезды в небе. Я брела в непроглядной тьме, то и дело сбиваясь с тропы, о чем тотчас предупреждали мягкий грунт под ногами и цеплявшие за одежду ветви кустов и деревьев. Одна ветка больно хлестнула меня по лицу, и я продолжила путь, прикрывая ладонью глаза. В голове у меня пульсировали странные, болезненно-ликующие звуки. Я поняла: это была ее песнь. Сестра приближалась ко мне.

Наконец я достигла места встречи. Темнота впереди пошевелилась: это был он. Я вытянула вперед руку, которая неловко ткнулась в Аврелиуса и через мгновение оказалась в его руке.

– Ты в порядке?

Я слышала его вопрос, но он доходил до меня откуда-то издалека.

– Мне кажется, у тебя жар.

Слова его были понятны, но для меня они ничего не значили.

Я хотела рассказать ему о ликующей песне в моей голове и о близости моей сестры, которая будет со мной с минуты на минуту. На это указывало и нарастающее жжение в правом боку. Я хотела все это сказать, но поющие звуки внутри меня усилились, встали преградой, не позволили мне заговорить.

Аврелиус отпустил мою руку, чтобы снять перчатку, после чего я ощутила на своем лбу его ладонь, неожиданно прохладную для столь жаркой ночи.

– Тебе нужно быть в постели, – сказал он.

Я потянула его за рукав; это движение вышло слабым, но он послушался и последовал за мной через сад – легко и плавно, как перевозимая на роликах статуя.

Я не помню, чтобы я брала ключи Джудит, но, должно быть, я это сделала. Я также не помню, как мы шли по длинным коридорам туда, где находились комнаты Эммелины. Правда, я помню дверь комнаты, но в моем воспоминании эта дверь медленно открывается сама собой при нашем приближении, что, разумеется, было невозможно. Вероятно, я все же воспользовалась ключом, чтобы ее отпереть, но этот момент выпал из моей памяти, где осталась только картина распаивающейся перед нами двери.

Так же фрагментарны и мои воспоминания о том, что происходило в

комнате Эммелины. Отдельные временные отрезки вообще не оставили следа в памяти, тогда как некоторые эпизоды прокручиваются в полном беспорядке и с умопомрачительной скоростью. Лица пугающе разрастаются, а затем где-то на дальнем плане возникают Эммелина и Аврелиус, напоминающие пару кукольных фигурок. Сама же я неподвижно стою среди всего этого, безучастная к происходящему, поглощенная одной лишь собственной заботой: моей сестрой.

Позднее я попыталась расставить в логической последовательности те образы и сценки, которые воспроизводились памятью вперемешку, как в дурном сне.

Мы с Аврелиусом добрались до той части дома, где жила Эммелина. Звук наших шагов гасили толстые ковры. Мы прошли через одну комнату, затем через другую и оказались в помещении с дверью в его противоположном конце, выходящей непосредственно в сад. Эта дверь была открыта, и в ее проеме спиной к нам стояла седоволосая женщина. Она напевала – или, скорее, мычала – однообразный мотив. Ла-ла-ла-ла-ла. Те самые пять нот, что преследовали меня со времени моего первого появления в этом доме. Вот и теперь они достигли моих ушей, просочившись сквозь высокий пульсирующий звук – напев моей сестры. Стоявший рядом со мной Аврелиус, видимо, ждал, что я объявлю Эммелине о нашем приходе. Однако я не могла говорить. Вселенная свелась к невыносимому давлению звука внутри моего черепа; время растянулось в одну бесконечно долгую секунду; я была поражена немотой. Я закрыла ладонями уши в тщетной попытке приглушить эту какофонию. При виде моего жеста Аврелиус воскликнул: «Маргарет!»

Услышав позади себя незнакомый голос, Эммелина оборачивается.

Зеленые глаза исполнены тоски и боли. Безгубый рот округляется, и глухое монотонное пение перерастает в пронзительный вой, который вонзается мне в голову, как острый нож.

Аврелиус потрясенно переводит взгляд с меня на уродливое лицо женщины – своей матери. Ее вопль кромсает, разрывает на мелкие кусочки воздух в комнате.

На какое-то время я глохну и слепну, а когда ко мне возвращаются слух и зрение, вижу скорчившуюся на полу Эммелину, чей крик уже стих, сменившись жалобным повизгиванием. Аврелиус стоит на коленях над ней. Она беспорядочно машет руками, не то отталкивая его, не то пытаясь за него уцепиться. Наконец ему удается поймать и задержать в своих ладонях ее руку.

Рука в руке. Родная кровь.

Аврелиус обращается в статую скорби.

А в моей голове продолжает греметь яркий мучительный звук.

Моя сестра... моя сестра...

Мир исчезает, я остаюсь одна в агонии шума.

Я могу себе представить, что случилось потом, хотя этого и нет в моих воспоминаниях. Аврелиус осторожно отпускает руку Эммелины, услышав чьи-то шаги за дверью, которая заперта изнутри. Потом раздается удивленное восклицание Джудит, обнаружившей пропажу своих ключей. За то время, что у нее уходит на поиск дубликатов (вероятно, имеющих у Мориса), Аврелиус успевает исчезнуть в саду. Войдя наконец в комнату, Джудит на секунду застывает при виде лежащей на полу Эммелины, а затем, испуганно вскрикнув, устремляется ко мне.

Но к тому времени я уже не понимаю, что происходит. Ослепительная вспышка света – моя сестра – заключает меня в объятия, берет надо мной власть, избавляет меня от моего несчастного сознания.

Наконец-то.

У КАЖДОГО СВОЯ ИСТОРИЯ

Сознание возвращается ко мне вместе с чувством тревоги, внезапным и острым, как взгляд зеленых глаз мисс Винтер. Какие имена я могла произнести в бреду? Кто меня раздевал и укладывал в постель? О чем они могли догадаться по шраму на моем правом боку? Что случилось с Аврелиусом? Что я сделала с Эммелиной? Зрелище ее обезображенного лица сильнее всех прочих воспоминаний терзает меня во время затяжного перехода от сна к реальности.

Проснувшись, я не могу понять, какое сейчас время суток. Джудит находится рядом; она замечает, что я пошевелилась, и подносит к моим губам стакан с питьем. Я пью.

Прежде чем я успеваю заговорить, мною вновь овладевает сон.

Когда я пробудилась во второй раз, у моей постели сидела мисс Винтер с книгой в руках. Ее кресло было, как всегда, заполнено бархатными подушечками, но сама она – с белым пухом волос на черепе и оголившимся без косметики лицом – напоминала скорее непослушного ребенка, из озорства усевшегося на трон великой царицы.

Услышав шорох, она повернула голову в мою сторону.

– Приходил доктор Клифтон. У вас была очень высокая температура.

Я молчала.

– Мы не знали, что у вас день рождения, – продолжила она. – В доме не нашлось ни одной открытки: здесь дни рождения праздновать как-то не принято. Но зато мы принесли вам цветы.

В вазе на столике я увидела букет из волчегородника, еще без листьев, но с нежными розовыми цветками, распустившимися по всей длине ветвей. Они наполняли воздух в комнате сладковатым, пьянящим благоуханием.

– Откуда вы узнали про мой день рождения?

– Вы сами нам это сообщили, когда разговаривали во сне. Я все жду, когда вы расскажете мне вашу историю, Маргарет.

– Мою? У меня нет никакой истории.

– Разумеется, есть. У каждого есть своя история.

– Но не у меня.

Я покачала головой. В памяти отдавалось смутное эхо слов, которые я могла произнести в бреду.

Переложив страницы ленточкой-закладкой, мисс Винтер закрыла

книгу.

– У каждого есть своя история. Это как с семьями. Ты можешь не знать своих родителей, но твоя семья существует независимо от твоего знания или незнания. Ты можешь отдалиться от родственников, порвать с ними всякие отношения, но ты не вправе утверждать, что этих родственников у тебя нет. Точно так же обстоит дело с историями. Словом, – заключила она, – история есть у каждого. Вы не хотите поведать мне свою?

– Нет.

Она склонила голову набок, выжидая, что я скажу еще.

– Я никому не рассказывала свою историю. Если, конечно, считать, что она у меня есть. И я не вижу причин делать это сейчас.

Понимаю, – тихо сказала она, кивая с умудренно-всезнающим видом. – Разумеется, это ваше личное дело. – Она повернула лежавшую на колене правую кисть и посмотрела на свою искаленную ладонь. – Вы вольны ничего не рассказывать, если таково ваше истинное желание. Но молчание не является естественной средой для историй. Им нужны слова. Без них они блекнут, болеют и умирают, а потом их призраки начинают нас преследовать, не давая покоя. – Она перевела взгляд на мое лицо. – Поверьте, Маргарет. Я это знаю по себе.

Большую часть времени я проводила во сне, а по пробуждении находила на столике у кровати какую-нибудь кашу или бульон, приготовленные Джудит. Я съедала ложку или две, не больше. Когда Джудит приходила забрать поднос, она не могла скрыть разочарования моим никудышным аппетитом, но вслух меня не упрекала. Я не испытывала ни боли, ни озноба, ни тошноты. Только беспредельная усталость и угрызения совести лежали тяжким грузом у меня на сердце. Что я сделала с Эмmeliной? А с Аврелиусом? Я мучилась воспоминаниями о той ночи в часы бодрствования; сознание своей вины преследовало меня во сне.

– Что с Эмmeliной? – много раз спрашивала я Джудит. – Она в порядке?

Ответы всегда были уклончивыми: мне следует беспокоиться о себе самой, а не о мисс Эмmeliне. Мисс Эмmeliна уже очень много лет как не в порядке. Для мисс Эмmeliны это обычное состояние.

Ее нежелание объясниться сказало мне все, что я хотела знать. С Эмmeliной дела обстояли плохо. И виновата в этом была я.

В случае с Аврелиусом единственное, что я могла сделать, это ему написать. Как только я немного окрепла, я попросила Джудит принести

бумагу и ручку, села в кровати, подложив под спину подушки, и набросала черновик письма. Однако оно меня не удовлетворило, и я написала другое, а потом еще и еще. Никогда прежде у меня не возникало таких трудностей с подбором слов. Когда мое одеяло было усеяно забракованными черновиками, я, отчаявшись, просто взяла один из них наугад и переписала его набело:

Дорогой Аврелиус.

Как вы себя чувствуете?

Я очень сожалею о том, что случилось. Я не хотела никому причинить боль. Должно быть, я сошла с ума. Когда я смогу вас увидеть? Мы все еще друзья?

Маргарет

Ладно, пусть будет так.

Пришел доктор Клифтон. Он послушал ритмы моего сердца и задал ряд вопросов:

– Бессонница? Нерегулярный сон? Ночные кошмары? Я трижды кивнула.

– Так я и думал.

Он сунул градусник мне под язык, после чего встал со стула и подошел к окну. Стоя ко мне спиной, он спросил:

– Какие книги вы читаете?

Я не могла внятно ответить из-за градусника во рту.

– Вы читали «Грозовой перевал»?

– Угу.

– А «Джен Эйр»?

– Угу.

«Чувство и чувствительность»^[19]?

– Угу.

Он обернулся и посмотрел на меня очень серьезно.

– И, надо полагать, вы прочли эти книги не по одному разу?

Я кивнула; он нахмурился.

– Перечитывали многократно?

Еще один мой кивок; морщины на его лбу стали глубже.

– Начиная с юного возраста?

Его вопросы меня озадачили, но, поскольку они задавались с самым

серьезным видом, я сочла нужным кивнуть еще раз.

Его глаза под темными бровями сузились в щелки. Я уже не сомневалась в его способности так запугать пациента, что тот срочно пойдет на поправку лишь ради того, чтобы скорее избавиться от доктора.

Он склонился надо мной, чтобы взглянуть на показания градусника.

Вблизи люди выглядят не так, как на расстоянии. Темные брови остаются темными, но теперь вы можете разглядеть в них отдельные волоски, оценить их толщину и густоту. Самые крайние и самые тонкие, почти невидимые волоски тянулись от его бровей в направлении висков и ушных раковин. В порах кожи густо чернели точки пробивающейся щетины. А вот и это: чуть заметное колебание ноздрей и подергивание в уголках рта. До сих пор я воспринимала эти мимические спазмы как признак строгости и высокомерного отношения к собеседнику – в данном случае ко мне; однако теперь, увидев его лицо всего в нескольких дюймах от своего, я подумала: а вдруг это нечто иное? Возможно ли такое, что доктор Клифтон втайне надо мной смеялся?

Он извлек градусник из моего рта и, скрестив на груди руки, объявил диагноз:

– Вы страдаете от хвори, которой подвержены многие впечатлительные и романтически настроенные леди. Основными ее симптомами являются частые обмороки, хроническая усталость, отсутствие аппетита, подавленное настроение. С одной стороны, случившийся кризис вполне можно объяснить склонностью к прогулкам по болоту под ледяным дождем при отсутствии надлежащих водонепроницаемых средств защиты, но глубинную причину этого следует искать в какой-то эмоциональной травме. К счастью, в отличие от героинь ваших любимых романов, ваш организм не был ослаблен лишениями, характерными для жизни в прежние, более суровые и менее здоровые столетия. Вы не страдали с юных лет ни от чахотки, ни от полиомиелита, ни от букета различных заболеваний, порождаемых антисанитарией. Посему у вас есть шанс остаться в живых.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я не смогла отвести взгляд, когда он строго произнес:

- Вы плохо питаетесь.
- У меня нет аппетита.
- *L'appetit vient en tapgeant.*
- Аппетит приходит во время еды, – машинально перевела я.
- Совершенно верно. Аппетит к вам вернется, но вы должны будете проделать свою половину пути ему навстречу. Вы должны захотеть, чтобы

он вернулся.

Теперь настала моя очередь хмуриться.

– Курс лечения несложен: хорошее питание, отдых и еще вот это... – Он сделал запись в своем блокноте, а затем вырвал страницу и положил ее на столик у кровати. – При неукоснительном соблюдении режима слабость и хроническая усталость пройдут в течение нескольких дней.

Он убрал в саквояж свое хозяйство и встал, готовясь уйти, но в последний момент обернулся.

– Я еще хотел спросить о снах, которые вас беспокоят, но если вы не желаете беседовать на эту тему...

Я взглянула на него холодно.

– Не желаю.

– Что ж, так я и думал.

Уже в дверях он попрощался со мной взмахом руки и был таков.

Я потянулась к столику за рецептом. Энергичным размашистым почерком на листке было написано: «Сэр Артур Конан Дойль. Рассказы о Шерлоке Холмсе. По десять страниц дважды в день вплоть до окончания курса».

ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ

Следуя указаниям доктора Клифтона, я провела два дня в постели, ела, спала и читала Шерлока Холмса. Правда, я сразу должна сознаться в передозировке предписанного лекарства: я глотала рассказ за рассказом, и уже на второй день Джудит была вынуждена принести мне из библиотеки новый том Конан Дойля. После моего коллапса она неожиданно подобрела и стала более общительной. Я догадалась, что эта перемена была вызвана не столько ее сочувствием больному человеку – хотя она мне, безусловно, сочувствовала, – сколько тем обстоятельством, что отныне присутствие в доме Эммелины перестало быть тайной, и экономка могла свободнее высказывать свои чувства, не сдерживаясь из опасения случайно проболтаться.

– Она вам ничего не говорила насчет тринадцатой сказки? – однажды спросила она.

– Ни слова. А вам?

Она отрицательно покачала головой.

– Никогда. Разве не странно, что самая знаменитая из ее историй, быть может, и не существует вовсе? Я иногда думаю, что она могла бы выпустить книгу, удалив из нее все истории, и даже после этого книга шла бы нарасхват.

Она встряхнула головой, как будто освобождаясь от этих мыслей, и сменила тему:

– Что вы думаете о методах доктора Клифтона?

Когда доктор Клифтон заглянул ко мне проверить, как идут дела, его взгляд задержался на стопке книг рядом с кроватью; он ничего не сказал, а только пошевелил ноздрями.

На третий день, чувствуя себя слабой, как младенец, я поднялась с постели и подошла к окну. Как только я раздвинула шторы, комнату затопил свежий и чистый свет. Снаружи сияло голубизной небо без единого облачка вплоть до самого горизонта, а под ним весело искрился иней на ветвях и траве сада. Казалось, будто за все эти долгие пасмурные дни свет накапливался где-то вверху, и теперь, когда тучи ушли, хлынул на землю с десятикратной яркостью. Я заморгала, ослепленная этим блеском, и ощутила, как застывшая кровь возобновила пока еще вялое течение в моих жилах.

Перед завтраком я вышла в сад. Медленно и осторожно я шагала через

лужайку, сопровождаемая Призраком. Под ногами хрустел снежок; отраженное солнце сверкало в заиндеветой листве. Отпечатки моих ног были хорошо видны на прихваченной морозом серебристой траве, но шедший рядом кот не оставлял никаких следов, подобно настоящему призраку. Сначала холодный сухой воздух резал мне легкие при каждом вдохе, но постепенно дыхание наладилось, и я почувствовала себя бодрее. Правда, нескольких минут прогулки мне оказалось достаточно: морозец прихватил щеки, начал покалывать пальцы рук и ног, и мы с Призраком поспешили вернуться в теплый дом. После завтрака я собралась в библиотеку с намерением устроиться на диванчике поближе к камину и что-нибудь почитать.

Тот факт, что при этом я обратилась мыслями не к сокровищам книжных полок мисс Винтер, а к ее собственной истории, стал показателем явного улучшения моего самочувствия. У себя в комнате я взяла пачку исписанных листов, в последние дни остававшихся нетронутыми, и проследовала в библиотеку, где, сидя на диване с Призраком под боком, провела за чтением всю светлую часть дня. Я читала, читала и читала, заново открывая для себя историю, вспоминая ее загадки и тайны. Но разгадок по-прежнему не было. Дойдя до конца текста, я осталась там же, где находилась перед началом чтения. Была ли смерть Джона подстроена? А если была, то кем? Что в действительности увидела Эстер, когда вообразила, будто видит призрак? И самая необъяснимая из всех тайн: каким образом Аделина – дикая и неуправляемая девчонка, неспособная общаться ни с кем, кроме своей слабоумной сестры, склонная к актам бессмысленной жестокости и садового вандализма, – каким образом она превратилась в мисс Винтер, писательницу с феноменальной самодисциплиной, автора десятков мировых бестселлеров и, помимо прочего, создательницу изысканного садового комплекса?

Отложив в сторону записи, я гладила Призрака и смотрела на огонь, тоскуя по какой-нибудь нормальной истории, где все спланировано с самого начала, где сюжет запутан исключительно для моего развлечения и где я всегда могу узнать, далеко ли до развязки, определив на ощупь примерное число остающихся страниц. Здесь же я не представляла, сколько еще страниц потребуется, чтобы завершить историю Аделины и Эммилины; более того, я не знала, будет ли она завершена вообще, ибо время стремительно истекало, и его просто могло не хватить.

Даже будучи поглощена своими записями, я не переставала удивляться отсутствию мисс Винтер. Джудит на мои вопросы давала один и тот же ответ: она сидит с мисс Эммилиной. А вечером она принесла мне записку

от самой мисс Винтер, которая справлялась о моем здоровье и интересовалась, не смогу ли я немного почитать ей вслух перед ужином.

Явившись в ее спальню, я обнаружила на столике у кровати отобранную для прочтения «Тайну леди Одли». Я открыла роман на заложенной странице и начала читать, но, добравшись до конца главы, остановилась, чувствуя, что мисс Винтер хочет мне что-то сказать.

– Что на самом деле произошло той ночью, когда вам стало плохо? – спросила она.

Обрадованная тем, что мне наконец-то представилась возможность объясниться, я начала говорить, торопливо и нервно.

– К тому времени я уже знала, что Эммелина живет в этом доме. Я слышала ее пение по ночам. Я видела ее в саду. Я нашла ее комнату. И в ту ночь я привела к ней одного человека. Эммелину это потрясло. Меньше всего я хотела ее напугать, но наш приход застал ее врасплох, и она... – Я запнулась.

– Не терзайте себя, тут нет вашей вины. Ее вопли и нервные срывы не новость для меня, Джудит и доктора – мы видели все это уже много раз. Если кого и винить, так это меня: мне следовало раньше сказать вам, что она живет в доме. Это все моя скрытность и привычка перестраховываться. Я поступила глупо, держа вас в неведении. – Она сделала паузу. – Вы можете сказать мне, кого вы приводили сюда в ту ночь?

– У Эммелины был сын, – сказала я. – Это он приходил со мной. Он же был тем самым репортером в коричневом костюме.

Теперь, выложив все, что мне было известно, я не устояла перед искушением задать ей вопросы, ответов на которые у меня пока не было, рассчитывая на встречную откровенность.

– Что Эммелина искала в саду? Когда я ее впервые увидела, она пыталась что-то раскопать. Мне известно, что она делала это много раз. Морис ссылался на лисиц, но я знаю, что это пустая отговорка.

Мисс Винтер хранила молчание и полную неподвижность.

– «Мертвые уходят в землю», – процитировала я. – Вот что она мне сказала. Кто, по ее мнению, закопан в саду? Ее ребенок? Эстер? Кого она разыскивает в земле?

Мисс Винтер что-то пробормотала себе под нос. Сказано было очень тихо, но я тотчас вспомнила скрипучую фразу, произнесенную в саду Эммелиной. Тот же самый набор звуков!

– Это вы слышали? – спросила мисс Винтер. – Она это сказала?

Я кивнула.

– На языке близнецов? Я кивнула еще раз.

Мисс Винтер взглянула на меня с интересом.

– Вы делаете успехи, Маргарет. Признаться, тут вы меня удивили. Однако мы должны сохранять последовательность в изложении истории, а это становится все труднее. Мы непозволительно забегаем вперед. – Она помолчала, взглянула на свою больную руку, а потом на меня. – Я обещала рассказать вам правду, Маргарет. И я это делаю. Но прежде, чем я расскажу вам все до самого конца, должно произойти одно событие. Оно произойдет непременно, надо только дождаться.

– А что должно...

Она покачала головой, не дав мне закончить вопрос.

– Предлагаю вернуться к леди Одли и ее тайне.

После этого я читала еще около получаса, но мне было трудно сосредоточиться на романе; да и мисс Винтер, как мне показалось, слушала не очень внимательно. Когда настало время ужина и Джудит постучала в дверь с этим известием, я закрыла книгу, а мисс Винтер произнесла таким тоном, словно наш разговор и не прерывался чтением:

– Если вы не очень утомились, может, этим вечером зайдете провести Эммелину?

СЕСТРЫ

После ужина я направилась в апартаменты Эммелины. Я впервые появилась там в качестве приглашенного гостя, и первой же отмеченной мною деталью стала какая-то особенная вязкость тишины. Я остановилась в дверях – они обе меня еще не заметили – и теперь поняла, что это вязкое ощущение на самом деле создавалось их шепотом. Они общались на пределе слышимости, когда воздух едва задевает голосовые связки. Слабые взрывные звуки угасали, не пролетев и несколько метров, а приглушенные шипящие вы легко могли бы принять за шум крови у себя в ушах. Временами мне казалось, что их беседа завершена, но вскоре мой слух улавливал новую почти беззвучную тираду – это напоминало зудение мелкой мошки, то подлетающей к самому уху, то отлетающей прочь.

Я кашлянула.

– А, Маргарет... – Мисс Винтер, сидевшая в кресле-каталке у изголовья сестры, жестом пригласила меня занять стул по другую сторону кровати. – Очень мило с вашей стороны.

Я взглядела в лицо Эммелины на подушке. Она почти не изменилась с момента нашей первой встречи: та же смесь красного с белым – пятна от ожогов, рубцы и шрамы; та же упитанная припухлость; те же спутанные пряди седых волос.

Взгляд ее вяло блуждал по потолку; она никак не среагировала на мое присутствие. Но какая-то перемена в ней все же произошла – неуловимая и не поддающаяся четкому определению. Физически она была по-прежнему сильна. Ее рука, лежавшая поверх одеяла, крепко сжимала ладонь мисс Винтер.

– Как вы себя чувствуете, Эммелина? – спросила я, сильно нервничая.

– Ей плохо, – ответила за сестру мисс Винтер.

Сама она тоже изменилась за последние дни. Однако в случае с мисс Винтер болезнь, иссушая ее тело, одновременно все больше открывала ее истинную сущность. С каждой нашей встречей она выглядела все более тонкой, хрупкой и прозрачной, но при том все явственнее был виден заключенный внутри нее стальной стержень.

При всем том ее рука казалась особенно слабой и немощной по контрасту со сжимавшим ее пухлым кулаком Эммелины.

– Может, мне почитать? – спросила я.

– Да, конечно.

Я прочла вслух одну главу.

– Она спит, – прошептала мисс Винтер.

Глаза Эммелины закрылись, дыхание стало глубоким и ровным. Она отпустила руку сестры, и мисс Винтер тут же принялась ее растирать, восстанавливая кровообращение. На ее пальцах начали образовываться синяки.

Уловив направление моего взгляда, она спрятала руки в складках шали.

– Извините за то, что приходится прерывать нашу работу, – сказала она. – В прошлый раз я была вынуждена отослать вас из дому, когда состояние Эммелины резко ухудшилось. И вот сейчас я должна буду проводить все время с ней, так что наш с вами проект опять откладывается. Но теперь это уже ненадолго. Скоро наступит Рождество, и вы, конечно же, захотите провести эти дни со своими родными. А когда вы вернетесь после праздников, будем определяться по ситуации. Я думаю, – она сделала еле заметную паузу, – ...к тому времени мы сможем снова взяться за работу.

Я не сразу поняла смысл сказанного. Слова были вроде бы самими нейтральными, но ее выдал голос. Я быстро взглянула на спящую Эммелину.

– Вы хотите сказать?..

Мисс Винтер вздохнула.

– Пусть вас не обманывает ее внешне крепкий вид. Она уже давно и очень серьезно больна. За все эти годы я привыкла считать, что она уйдет раньше меня. Но когда я сама заболела, прежняя уверенность исчезла. И вот теперь мы с ней мчимся к финишу наперегонки.

Так вот чего мы ждали! Вот какое событие должно было произойти прежде, чем мы сможем закончить историю.

Во рту у меня стало сухо, сердце забилося в каком-то детском испуге.

Она умирает. Эммелина умирает.

– Это по моей вине?

– Вашей вине? При чем тут вы? – Мисс Винтер покачала головой. – Если вы о событиях той ночи, то они ничего не могли изменить. – За этими словами последовал один из ее пронзительных взглядов, которые открывали во мне больше, чем я сама хотела бы открыть. – Почему это вас так сильно огорчает, Маргарет? Моя сестра для вас чужой человек. И я не думаю, что причиной такого расстройства является ваше сострадание ко мне. Скажите, Маргарет, в чем дело?

Тут она была не совсем права. Я ей искренне сострадала, потому что могла, по крайней мере думала, что могу, понять ее состояние. Она вот-вот

должна была составить мне компанию, влившись в ряды «ампутантов». Близнец-одиночка имеет лишь половину души. Пограничная полоса между жизнью и смертью темна и узка, и близнецы-одиночки обитают гораздо ближе к ней, чем большинство других людей. Несмотря на своенравный и раздражительный характер мисс Винтёр, я со временем прониклась к ней симпатией. Особенно мне в ней импонировала та детскость, что не была ею утрачена за долгие годы и все чаще проявлялась теперь. С каждым днем она все более походила на ребенка; на эту смену облика работали и ее новая, короткая стрижка, и исчезновение косметики с ее лица, и освободившиеся от груза перстней истонченные пальцы.

Именно этого ребенка, теряющего свою сестру, я видела в ней сейчас, и ее скорбь была сродни моей. Ее драме предстояло разыграться здесь, в этом доме, в ближайшие дни, и сюжет ее во многом совпадал с тем, который определил всю мою жизнь, хотя со мной это случилось слишком рано, еще в несмышленном возрасте.

Я смотрела на лицо Эммелины. Она приближалась к границе, которая давно уже отделила меня от моей сестры. Вскоре она пересечет эту границу и, будучи потеряна для нас, явится в иной мир. У меня возникло абсурдное желание прошептать ей на ухо несколько слов для моей сестры, которую она должна была скоро встретить. Вот только что я могла ей передать?

Я почувствовала на себе пристальный взгляд мисс Винтер и удержалась от этой нелепой попытки.

– Сколько ей осталось? – спросила я.

– Несколько дней. Быть может, неделя. В любом случае недолго.

В тот вечер я допоздна оставалась с мисс Винтер. Большую часть следующего дня я также провела вместе с ней у постели Эммелины. Мы читали вслух или просто подолгу сидели в молчании, которое прерывалось только визитами доктора Клифтона. Он относился к моему присутствию здесь как к чему-то само собой разумеющемуся и, вполголоса комментируя состояние Эммелины, уделял мне часть той же печально-вежливой улыбки, что была обращена к мисс Винтер. Иногда он задерживался с нами примерно на час, сидя и слушая, как я читаю. Выбор книг был произволен, как и зачитываемые отрывки: я могла начать и остановиться где угодно, хоть на середине предложения. «Грозовой перевал» перемежался фрагментами из «Эммы»^[20], «Бриллиантов Юстасов»^[21], «Тяжелых времен»^[22] или «Женщины в белом». Сюжеты как таковые не имели значения. Искусство в своей полноте и формальной завершенности

неспособно даровать утешение. Другое дело сами по себе слова – они тянулись как связующая нить с жизнью, и их приглушенный ритм служил умиротворяющим фоном для медленных вдохов и выдохов Эммелины.

Но вот и этот день приблизился к концу; на завтра, в сочельник, был назначен мой отъезд. Сказать по правде, уезжать мне не хотелось. Тишина большого дома и возможность уединенных прогулок по прекрасному саду были именно тем, что мне требовалось в данное время. Отцовский магазин и сам отец представлялись мне маленькими и очень далекими; и еще более далекой, как всегда, казалась мама. Ну а что до Рождества... У нас оно особо не отмечалось, слишком близко соседствуя в календаре с моим днем рождения, чтобы мама могла вынести празднование по поводу рождения другого ребенка другой женщиной вне зависимости от того, как давно это произошло. Я подумала об отце, который каждый год просматривал открытки от немногочисленных друзей семьи и оставлял на каминной полке те из них, что изображали безвредных Санта-Клаусов или зимние сценки со снегом и птичками, в то же время пряча подальше изображения Мадонны с младенцем. Каждый год он втайне от мамы собирал небольшую коллекцию таких картинок: счастливая роженица, взирающая на свое единственное, прекрасное, идеальное дитя, которое так же радостно смотрит на свою мать, и вместе они создают образ благостного единения в любви. И каждый год эта коллекция тайком переправлялась в мусорный бак на улице.

Я знала, что мисс Винтер вряд ли будет возражать, если я попрошу разрешения остаться. Возможно, она даже сочтет полезным мое присутствие здесь в предстоящие дни. Но я не стала обращаться к ней с просьбой. У меня не хватило духу. Я видела, как быстро угасает Эммелина, и по мере этого угасания незримая рука все крепче сдавливала мое сердце. Чутье подсказывало мне, что финал драмы близок, и я трусливо воспользовалась приближением Рождества, чтобы сбежать и не быть свидетельницей развязки.

Вечером я отправилась к себе и собрала вещи, а затем вернулась в спальню Эммелины, чтобы попрощаться с мисс Винтер. Сестры больше не шептались; сумрак и тишина неподвижно висели в комнате. На коленях мисс Винтер лежала раскрытая книга, но освещение уже не позволяло читать; вместо этого она печально смотрела в лицо сестры. Эммелина не шевелилась, если не считать ритмичных колебаний одеяла в такт ее дыханию. Глаза ее были закрыты, и она казалась спящей.

– Маргарет... – приветственно прошептала мисс Винтер и указала мне на свободный стул.

Она, похоже, обрадовалась моему появлению. Мы сидели, слушая

дыхание Эммелины; дневной свет тихо таял за окном.

Эммелина, лежа на смертном одре между нами, дышала ровно и спокойно; ее вдохи и выдохи напоминали шорох гальки на морском берегу при слабом волнении.

Мисс Винтер ничего не говорила, и я воспользовалась этим, сочиняя про себя самые невероятные послания, которые я могла бы передать моей сестре с этой готовящейся к отбытию в другой мир путешественницей. Каждый ее выдох, казалось, сгущал наполнявшую комнату атмосферу скорби.

Но вот мисс Винтер, к тому времени видная лишь как темный силуэт на сером фоне окна, пошевелилась.

– Возьмите это, – сказала она, и я догадалась: она что-то протягивает мне во тьме поверх постели.

Я протянула руку навстречу, и мои пальцы сомкнулись на кожаном предмете с металлическим замком. Вроде старинной книги.

– Это одно из сокровищ Эммелины. Ей оно уже не понадобится. А сейчас вам пора уходить. Прочтите это на досуге, а после вашего возвращения мы продолжим историю.

С книгой в руке я прошла через темную комнату, вслепую нащупывая мебель, стены и дверь. За моей спиной, как мелкая галька в морском прибое, шуршало дыхание Эммелины.

ДНЕВНИК И ПОЕЗД

Дневник Эстер оказался в плачевном состоянии. Ключик отсутствовал, но нужды в нем все равно не было, ибо замок сломался и насквозь проржавел, оставляя на пальцах оранжевые пятна при каждом прикосновении. Первые три листа слиплись и приплавились к обложке. Нижнюю строку на каждой странице скрывало коричневое пятно, словно дневник этим концом окунули в какую-то густую жижу. Отдельные листы были грубо выдраны, а на их уцелевших клочках сохранились загадочные сочетания букв: «abn, sg, ta, est...». В дополнение к этим напастям, дневник побывал в воде, из-за чего его страницы коробились, и в закрытом виде он заметно превосходил свою изначальную толщину.

Именно воздействие воды представляло для меня наибольшую проблему. При беглом взгляде на текст я сразу узнала почерк Эстер. Я узнала эти твердые верхушки строчных букв «d» и «h», эти плавные нижние петли, этот равномерный наклон, это экономичное размещение слов на странице. Но при ближайшем рассмотрении текст оказался неясным и размытым. Что, к примеру, означала данная вертикальная черточка: «l» или «t»? А это расплывчатое закругление: «a» или «e»? Или, может быть, «s»? Как следовало понимать данное сочетание: «bet» или «lost»?

Словом, легкого чтения не предвиделось. Впоследствии я расшифровала и переписала набело весь текст, но в тот праздничный день в переполненном поезде я не могла спокойно воспользоваться бумагой и карандашом. Примостившись у окна в углу купе, я уткнулась носом в раскрытый дневник и ломала голову над его содержанием. Сначала я разбирала в среднем одно слово из трех, но постепенно приспособилась, вчиталась в смысл, и слова сами устремились мне навстречу, вознаграждая мои усилия. Вот так, в поезде, в канун Рождества, передо мной оживала Эстер.

Не буду испытывать терпение своих читателей, воспроизводя дневник в том фрагментарном виде, как он явился мне тогда. Следуя духу самой Эстер, я привела этот текст в порядок. Я убрала из него хаос и путаницу. Я заменила сомнения уверенностью, предположения – четкими определениями; я заполнила пустоты и пробелы. Правда, действуя таким образом, я могла иной раз употребить выражение, нехарактерное для стиля Эстер, но гарантирую, что подобные вольности касаются лишь

несущественных деталей. Там, где речь заходит о важных вещах, я тщательно изучала каждую неясность, дабы увериться, что точно передала изначальный смысл.

Я привожу здесь не полный текст дневника, а лишь выдержки из него. Мой выбор был продиктован прежде всего связью данных эпизодов с интересовавшей меня темой – историей мисс Винтер, – а также стремлением дать общую картину жизни Эстер в Анджелфилде.

На расстоянии Анджелфилд-Хаус смотрится весьма эффектно, хотя здание и проигрывает из-за неудачно сориентированного фасада и беспорядочного расположения окон; однако вблизи его аварийное состояние сразу бросается в глаза. Отдельные участки каменной кладки настолько повреждены непогодой, что существует риск их обрушения. Оконные рамы прогнили и растрескались. Крыша выглядит так, словно по ней прошелся ураган. В ближайшее время надо будет провести тщательный осмотр чердака и потолков в мансарде.

Экономка встретила меня в дверях. Она безуспешно пытается скрыть тот факт, что у нее серьезные проблемы со зрением и слухом. В этом нет ничего удивительного, принимая во внимание ее возраст. Той же немощью можно объяснить и крайнюю запущенность практически всех помещений дома, но, по всей видимости, семейство Анджелфилдов не хочет увольнять женщину, всю свою жизнь проведшую у них на службе. Я могу одобрить такое отношение к старым слугам, но не понимаю, почему бы хозяевам не пригласить в помощь экономке кого-нибудь более молодого и трудоспособного.

Миссис Данн рассказала мне о том, как ведется домашнее хозяйство. Семья уже много лет обходится нерационально малым количеством прислуги, и это считается у них в порядке вещей. Я пока еще не выяснила, в чем причина такого самоограничения. Пока мне известно лишь то, что, помимо членов семьи, в усадьбе живут миссис Данн и садовник по имени Джон Коупенс. В приусадебном парке обитают олени (правда, на них уже давно не ведется охота), однако человек, за ними присматривающий, никогда не бывает в доме; он подотчетен тому же поверенному, который заключил со мной договор о найме и который, видимо, выполняет функции управляющего имением, – если предположить, что здесь осуществляется хоть какое-то управление. Текущими финансовыми вопросами ведает

миссис Данн. Когда я высказала предположение, что Чарльз Анджелфилд по крайней мере раз в неделю проверяет счета и квитанции, миссис Данн рассмеялась и спросила, неужели я думаю, что она с ее зрением способна заполнять какие-то там бумаги и составлять счета? Я не могу не признать подобный подход к делу по меньшей мере неразумным. При всем том я отнюдь не склонна считать миссис Данн особой, не заслуживающей доверия. На меня она произвела хорошее впечатление, и я очень надеюсь, что при нашем более близком знакомстве ее кажущаяся скрытность объяснится не чем иным, как все той же старческой немощью. Я составила для мистера Анджелфилда служебную записку, в которой особо отметила преимущества аккуратного ведения счетов и вызвалась взять на себя эту обязанность, если он слишком занят, чтобы лично контролировать свои финансы.

В общих чертах оценив обстановку, я решила, что настало время встретиться с владельцем усадьбы, и только теперь, к своему величайшему изумлению, узнала от миссис Данн, что он круглосуточно находится в комнатах на втором этаже и предпочитает ни с кем не общаться. В ходе последовавших расспросов выяснилось, что он страдает расстройством психической деятельности. Какая жалость! Трудно представить себе что-либо более прискорбное, чем человеческий мозг, по каким-то причинам не могущий нормально функционировать.

Миссис Данн угостила меня чаем (я из вежливости сделала вид, что пью, но позднее выплеснула этот напиток в раковину, поскольку не была уверена в чистоте чашки) и немного рассказала о себе. Ей идет восьмой десяток; никогда не была замужем; всю жизнь провела в этой усадьбе. Миссис Данн знала мать близнецов еще маленькой девочкой, а затем и молодой женщиной. Она подтвердила мою догадку: решение пригласить меня на работу было связано с недавним помещением этой женщины в психиатрическую клинику. Однако отчет миссис Данн о событиях, непосредственно давших повод к применению этой принудительной меры, был изложен в столь туманных выражениях, что я так и не поняла, кто именно – мать близнецов или кто-то другой – нанес удар скрипкой по голове супруги доктора. Впрочем, это не суть важно, поскольку я выяснила главное: мне предстоит иметь дело с семьей, имеющей наследственные психические патологии. Это уже серьезный вызов, и я принимаю его без колебаний – более того, с энтузиазмом. Ибо какое профессиональное удовлетворение может получить гувернантка, наставляя и без того хорошо воспитанных детей? Много ли сложного в осуществлении контроля за детьми, которые и так уже знают, что есть хорошо и что есть плохо? Зато

данная весьма непростая задача может стать для меня тем самым испытанием, к которому я прекрасно готова и которого я ждала уже много лет. Именно здесь я смогу понять, чего на самом деле стоят все мои воспитательные навыки и методы!

Я расспросила экономку и об отце девочек – хотя мистер Марч давно скончался, и дочери его не знали, но в них течет его кровь, и это вполне может проявиться в тех или иных чертах их характера. На сей счет миссис Данн смогла сообщить очень немного и тут же пустилась в пространный рассказ о пикантных подробностях отношений между матерью девочек и их дядей, недвусмысленно намекая на то, что эти отношения носили нетрадиционный и, прямо скажем, скандальный характер... Разумеется, все это вряд ли возможно, – во всяком случае, не у нас в Англии, – и я предпочитаю воспринимать ее болтовню как пустые фантазии. Воображение – это здоровая и полезная вещь, без него не состоялись бы многие великие открытия и изобретения, но надо уметь его обуздывать и направлять на серьезные цели. Если же дать воображению волю, оно может завести вас в непроходимые дебри глупости. У миссис Данн наблюдаются характерные старческие причуды и общее ослабление ума, чем можно объяснить и эти неприличные инсинуации, при том что во многих других отношениях это очень порядочная женщина, которую трудно заподозрить в сочинении грязных сплетен. Придя к такому выводу, я закрыла для себя данную тему.

В момент, когда я пишу эти строки, из коридора доносится шум. Девочки выбрались из своего убежища и теперь крадучись передвигаются по дому. Они привыкли поступать, как им заблагорассудится, но скоро этому придет конец. Когда я наведу здесь порядок, гигиену и дисциплину, это прежде всего пойдет на пользу им самим. Я отнюдь не собираюсь их преследовать, и они зря на это рассчитывают. Мой план заключается в том, чтобы на начальном этапе привести их в недоумение и замешательство.

Накануне днем миссис Данн показала мне помещения на первом этаже. Здесь повсюду грязь и толстый слой пыли, а занавески висят ключьями, но она этого не замечает, наивно полагая, что комнаты выглядят так же, как много лет назад, при деде близнецов, когда в доме еще был полный штат прислуги. Среди прочего я увидела рояль, вряд ли подлежащий ремонту (позднее я посмотрю, что с ним можно сделать), и обширную библиотеку, содержание и ценность которой я выясню по мере удаления покрывающей книжные полки пыли.

Остальные этажи я обследовала в одиночку, дабы не слишком утруждать миссис Данн. За одной из дверей на втором этаже я услышала

возню, шепот и приглушенное хихиканье. Там находились мои подопечные. Они заперли дверь изнутри и притихли, когда я подергала ручку. Я назвала их по именам и, не получив ответа, двинулась дальше, предоставив девочек самим себе. Одно из моих правил заключается в следующем: никогда не бегай за детьми, а добивайся того, чтобы они сами прибегали к тебе по первому зову.

На третьем этаже я застала разруху в ее самом неприглядном виде. Грязь меня уже не могла удивить, но здесь ее дополняла протекающая в комнаты дождевая вода (чего следовало ожидать при таком состоянии крыши). Кое-где гнилые доски пола покрывала плесень. Совершенно недопустимо растить детей в столь нездоровых условиях! Часть половиц вообще отсутствовала, причем у меня возникло впечатление, что их удалили намеренно. Следует незамедлительно проинформировать мистера Анджелфилда о необходимости срочных ремонтных работ. Я укажу ему на опасность того, что кто-нибудь однажды провалится сквозь пол на нижний этаж или, по меньшей мере, вывихнет себе лодыжку, попав ногой в дыру. Коробки практически всех дверей покособились, а дверные петли нуждались в смазке. Куда бы я ни шла, мое продвижение сопровождалось скрипом дверей и половиц, а также колыханием занавесок из-за сквозняков, источники которых я затруднялась определить.

По завершении обхода я направилась на кухню. Миссис Данн уже начала заниматься ужином, а поскольку у меня не было желания есть из нечистых тарелок пищу, приготовленную в подозрительного вида кастрюлях, я приступила к мытью посуды, гора которой скопилась в кухонной раковине, перед тем приведя в надлежащее состояние саму раковину (думаю, она лет десять не подвергалась такой основательной чистке). Одновременно я наблюдала за миссис Данн. Надо признать, она делает все, что может.

Девочки не пожелали спуститься к ужину. Я позвала их только один раз. Миссис Данн вознамерилась их уговаривать, но я ей объяснила, что у меня свои методы обращения с такими детьми и она должна меня в этом поддерживать.

К ужину прибыл доктор. Глава семьи за столом не объявился – как мне ранее дали понять, дожидаться его не имело смысла. Я подумала, что доктора может обидеть такое невнимание со стороны хозяина, однако он, похоже, воспринял это как само собой разумеющееся. Так что мы ужинали вдвоем, а миссис Данн в меру своих сил прислуживала нам за столом, что ей более-менее удавалось лишь при активной помощи с моей стороны.

Доктор – интеллигентный и культурный человек. Будучи инициатором

моего приглашения в Анджелфилд, он искренне надеется, что со временем близнецы станут походить на нормальных детей. Он очень пространно описал мне трудности, с которыми я здесь столкнусь, и я выслушала его, стараясь сохранять на лице выражение вежливого интереса. Разумеется, любая опытная гувернантка после нескольких часов пребывания в новом доме может составить себе четкое представление об ожидающей ее задаче, но доктор, будучи мужчиной, неспособен понять, насколько это утомляет: выслушивать подробные разъяснения относительно вещей, которые ты сам знаешь ничуть не хуже говорящего. Мои осторожные намеки – легкое покашливание и суховатый тон при ответах на некоторые его вопросы – не возымели должного действия. К сожалению, его наблюдательности и чувству такта далеко до его энергии и аналитических способностей. Мне трудно критиковать его за то, что он заведомо считает собеседника глупее себя. Безусловно, доктор умен, и в здешнем убогом окружении он должен ощущать себя, как большая рыба в маленьком пруду. Хотя он держится подчеркнуто скромно, я сразу его раскусила, поскольку сама предпочитаю точно такой же способ маскировки. Как бы то ни было, в этой работе мне потребуется помощь доктора, и я должна сделать его своим союзником, закрывая глаза на некоторые его недостатки.

Снизу доносится шум. Вероятно, девочки обнаружили, что дверь кладовой заперта. Это их огорчит и разозлит, но я не вижу другого пути приучить детей питаться в отведенное для этого время. А порядок в доме немислим без упорядоченного приема пищи.

Завтра я начну с большой уборки в моей спальне. Этим вечером я только вытерла пыль влажной тряпкой, но не стала спешить с мытьем пола – его очередь наступит лишь после того, как я отмою стены и выстираю занавески. Так что сегодня придется провести ночь среди этой грязи, но уже завтра я лягу спать в чистой комнате. Это будет неплохое начало. Если я берусь восстановить порядок и дисциплину в этом доме, мне прежде всего нужны чистые личные апартаменты, где я буду размышлять и строить планы. Человек не может ясно мыслить и дальновидно действовать, находясь в антисанитарных условиях.

В холле слышны крики близнецов. Пора идти знакомиться со своими подопечными.

В последнее время я была так занята реформами в усадьбе, что мне

некогда было вести дневник, однако я должна находить для этого время, потому что, ведя записи, я одновременно систематизирую и развиваю свою методику.

С Эммелиной дело продвигается успешно; ее модель поведения во многом совпадает с тем, что я наблюдала у других трудных подростков. На мой взгляд, ее отклонение от нормы не так сильно, как мне сообщали ранее, и я надеюсь со временем довести ее до приличной кондиции. Это ласковая и физически крепкая девочка; она быстро усвоила правила гигиены и привычку к регулярным приемам пищи (кстати, у нее отменный аппетит); ее послушания нетрудно добиться с помощью ласки и мелких поощрений. Когда она поймет, что симпатия окружающих сама по себе является вполне достаточной наградой за хорошее поведение, я начну постепенно отходить от методов прямого поощрения. Умницей она не станет никогда – я знаю пределы своих возможностей и берусь только за реально выполнимые задачи.

В целом я удовлетворена первыми результатами своей работы над Эммелиной.

Ее сестра представляет собой гораздо большую проблему. Мне и прежде доводилось наблюдать акты детского вандализма, так что склонность Аделины к разрушению не явилась для меня сюрпризом. Меня удивило другое: обычно разрушительные действия у детей являются побочным продуктом обиды и раздражения, но никак не самоцелью. Подобные проявления, которые я наблюдала у других своих подопечных, чаще всего объяснялись необходимостью дать выход гневной энергии, а нанесение при этом вреда людям и вещам не было преднамеренным. Однако поступки Аделины не укладываются в эту модель поведения. Во всех известных мне инцидентах (какие-то из них я наблюдала лично, о других мне рассказывали) Аделина действовала целенаправленно, возбуждая в себе гнев единственно для того, чтобы в нем черпать разрушительную энергию. Ведь физически она очень слаба – кожа да кости, ест очень плохо. Миссис Данн рассказала мне об одном происшествии в саду, когда Аделина повредила множество фигурных кустов. Ужасный поступок! Я видела этот сад: он действительно очень красив. Его можно было бы восстановить, но Джон после того случая совершенно пал духом и перестал как следует ухаживать не только за фигурными кустами, но и за прочими насаждениями. Я постараюсь возродить в нем интерес к этому делу. Если он снова займется садом, это принесет пользу как ему, так и всем окружающим, улучшив внешний вид усадьбы и общую атмосферу в доме.

Кстати, заведя разговор о Джоне, я вспомнила одну вещь: надо будет побеседовать с ним насчет мальчишки. Сегодня днем, находясь в классной комнате, я подошла к окну с намерением его закрыть, потому что шел дождь, – незачем пускать в дом лишнюю сырость, тем более что подоконник уже наполовину сгнил. Если бы я не оказалась так близко к стеклу, почти касаясь его носом, я скорее всего не заметила бы этого мальчишку. Он согнулся над цветочной клумбой, выпалывая сорняки. Я обратила внимание на его брюки взрослого размера, подрезанные у щиколоток и державшиеся на подтяжках. Широкополая шляпа скрывала его лицо, и я могла определить возраст мальчика только по фигуре – на вид ему было одиннадцать или двенадцать лет. Мне известно, что в сельских районах детей рано приобщают к труду, хотя до сих пор я считала, что данная практика распространена скорее на фермах, нежели в декоративных садах. Вообще я одобряю такой подход, позволяющий с юных лет овладевать профессиональными навыками, но этим нужно заниматься в свободное от учебы время, а мальчик его возраста в середине дня должен быть на уроках. Я поговорю на эту тему с Джоном. Надеюсь, он понимает, что детям следует регулярно посещать школу.

Но вернемся к главной теме: что касается жестокости Аделины по отношению к сестре, для меня в этом нет ничего нового – подобные вещи я наблюдала и прежде. Чувства ревности и вражды между родственниками встречаются довольно часто, а у близнецов такое соперничество бывает еще более обостренным. Со временем я сумею минимизировать агрессивность Аделины, а пока нужна повышенная бдительность, чтобы пресекать ее нападения на сестру. К сожалению, такой постоянный контроль отнимает у меня много времени и тем самым замедляет прогресс на других направлениях. Мне еще предстоит выяснить, почему Эммелина так безропотно позволяет себя избивать (включая сцены выдирания волос и прижигания угольками, которые Аделина щипцами достает из камина и потом гоняется с ними за сестрой). Учитывая, что Эммелина куда крупнее Аделины, ей вполне по силам себя защитить. Надо полагать, эта ласковая и любящая девочка просто не в состоянии причинить боль своей сестре.

В первые дни моего пребывания в Анджелфилде я пришла к выводу, что Аделина – в отличие от Эделины – никогда не сможет вести нормальную самостоятельную жизнь, но ее характер можно сделать более

уравновешенным и предсказуемым, обуздывая ее яростные порывы посредством жесткой дисциплины и подчинения строгому распорядку. При этом я, конечно же, не могла рассчитывать на какое-либо понимание и сотрудничество с ее стороны. Данная задача виделась мне более трудной, чем случай с Эммелиной, и гораздо менее благодарной, поскольку здесь не стоило ожидать разительных перемен, которые произвели бы впечатление на окружающих.

Но спустя некоторое время я, к собственному удивлению, должна была пересмотреть первоначальную оценку, обнаружив в Аделине признаки – правда, очень смутные – интеллектуальной деятельности. Сегодня утром она явилась в классную комнату, лениво волоча ноги, хотя и без буйных выражений протеста, и уселась на свое место за партой, как обычно подперев рукой голову. Я начала урок. Собственно, это был не настоящий урок: я просто пересказывала им содержание первых глав «Джен Эйр» – эту книгу любят многие девочки. Я сосредоточила внимание на Эммелине и старалась заинтересовать ее историей, представляя действие в лицах. Я говорила одним голосом за главную героиню, другим – за ее тетю, третьим – за ее кузена, и все это сопровождалось мимикой и жестами, иллюстрирующими эмоции персонажей. Эммелина смотрела на меня во все глаза, и я была довольна произведенным эффектом.

Краем глаза я уловила какое-то движение. Аделина повернулась в мою сторону. Она все так же подпирала рукой голову, ее глаза были все так же закрыты, но у меня создалось отчетливое впечатление, что она слушает мой рассказ. Даже если считать это изменение позы случайностью (что маловероятно, ибо прежде она упорно от меня отворачивалась), я отметила и другие признаки ее изменившегося отношения к уроку. Обычно она расползается всем телом по парте и впадает в бессознательное состояние, как животное в период зимней спячки; но на сей раз ее тело было напряжено, спина выпрямлена, а плечи развернуты – она была всерьез увлечена историей и только притворялась безучастной и погруженной в сон.

Я не подала виду, что заметила эти перемены, и продолжала обращаться к Эммелине, как будто говорила исключительно для нее, по-прежнему изображая героев в лицах. В то же время я украдкой следила за Аделиной. Оказывается, она не только слушала. По ее чуть дрогнувшим векам я догадалась, что ее глаза закрыты не полностью: она следила за мной из-под ресниц!

Это очень интересное открытие, которое может дать новый поворот моему исследованию.

И тут произошло нечто неожиданное. Лицо доктора изменилось. Изменилось прямо у меня на глазах. Так бывает при внезапной смене ракурса, когда черты лица, по-прежнему узнаваемые, странным образом смещаются и предстают в совершенно ином свете. Хотелось бы знать, какие процессы в человеческом сознании приводят к столь внезапным и радикальным внешним переменам? Я сразу исключила оптические эффекты, игру света и тому подобные вещи, придя к выводу, что это явление должно быть непосредственно связано с психикой самого наблюдателя. Меня так потрясло неожиданно изменившееся лицо доктора, что я, буквально застыв на месте, некоторое время пристально вглядывалась в эти новые для меня черты. Его, в свою очередь, не могло не удивить такое мое поведение. Наконец лицо его приняло обычный вид, но в глазах осталось какое-то странное выражение, которое я так и не смогла понять. А мне не нравятся вещи, которые я не могу понять.

На протяжении нескольких секунд мы с ним в упор смотрели друг на друга, оба чувствуя себя очень неловко, а затем он торопливо попрощался и покинул усадьбу.

Меня раздражает эта привычка миссис Данн перекладывать с места на место мои книги. Сколько раз можно говорить ей, что я сама знаю, когда и куда убрать книгу, которая мне больше не нужна? А если она испытывает непреодолимую тягу к перемещению книг, то почему тогда не относить их в библиотеку, откуда они были взяты? Какой смысл оставлять их на ступеньках лестницы?

Сегодня у меня состоялся странный разговор с садовником Джоном. Это добросовестный работник, а в последнее время, занявшись восстановлением фигурного садика, он заметно приободрился. К тому же его, несомненно, утешает сознание, что в доме теперь поддерживается должный порядок. Вечерами он и миссис Данн подолгу сидят на кухне и

пьют чай. Иногда я застаю их за беседой полусшепотом, и это вызывает у меня законные сомнения: а так ли на самом деле глуха экономка, как она это демонстрирует? Если бы не преклонный возраст миссис Данн, я могла бы заподозрить этих двоих в любовной связи, но, поскольку это совершенно исключено, я теряюсь в догадках: о чем они могут секретничать? Я упрекнула миссис Данн в неуместной скрытности, напомнив, что у нас с ней существует взаимопонимание по большинству вопросов, и она, судя по всему, одобряет мое присутствие в доме (хотя ее неодобрение все равно ничего бы не изменило). Миссис Данн заверила меня, что они с Джоном говорят о самых обычных вещах: работе по дому, заготовке продуктов и тому подобном. «Но почему это нужно обсуждать шепотом?» – спросила я. По ее словам, они вовсе не шепчутся, а просто беседуют на пониженных тонах, чтобы никому не мешать. «Но когда я понижаю голос, вы меня не слышите», – возразила я. На это она заявила, что хуже понимает новые голоса, чем те, к которым уже давно привыкла, как она за многие годы привыкла к голосу Джона, так что ему нет нужды говорить с ней громко, – в отличие от меня, чей голос она впервые услышала всего пару месяцев назад.

Я уже успела забыть об этой мелкой размолвке из-за кухонных шепотов, когда Джон преподнес мне новый сюрприз. Как-то утром, прогуливаясь в саду перед ленчем, я вновь увидела того самого мальчишку, который ранее пропалывал клумбу под окном классной комнаты. Я взглянула на часы: в это время всем детям полагалось находиться в школе. Мальчик меня не заметил, поскольку я стояла за деревьями. На сей раз он не работал, а лежал посреди лужайки и внимательно смотрел на что-то, находившееся в траве у него под самым носом. На нем была та же шляпа с широкими обвисшими полями. Я вышла из тени деревьев с намерением прочесть ему краткую лекцию о важности образования, но при виде меня он вскочил на ноги и, придерживая рукой шляпу, помчался прочь со скоростью, прежде невиданной мною у человеческих существ. Это бегство явилось бесспорным доказательством его вины. Мальчишка прекрасно знал, что ему следует быть на уроках. До того, как он скрылся из глаз, я успела разглядеть в другой его руке книгу.

Я отправилась к Джону и сказала ему все, что думаю по этому поводу. Я не допущу, сказала я, чтобы дети работали на него в ущерб своим школьным занятиям; это дурно – лишать детей образования из-за нескольких заработанных ими пенсов, а если их родители этого не понимают, я готова сама с ними поговорить. Я сказала, что, если он не справляется со своими обязанностями в одиночку, я обращусь к мистеру

Анджелфилду с предложением нанять дополнительного работника. Уже не в первый раз я заводила разговор о том, чтобы увеличить штат прислуги в саду и в доме, но Джон и миссис Данн так решительно возражали, что я предпочла с этим подождать до тех пор, пока не разберусь досконально во всех нюансах здешней ситуации.

Сначала Джон отрицал возможность появления в саду каких-либо мальчишек. Когда же я заявила, что отчетливо видела его собственными глазами, он признал, что в сад мог пробраться кто-то из деревенских детей, добавив, что лично он не несет ответственности за всяких прогульщиков. Но у меня был серьезный аргумент: ранее я заставляла того же мальчика за выполнением садовых работ. Услышав об этом, Джон замкнулся и только повторял, что ничего не знает ни о каких посторонних детях и что выпалывать сорняки в саду никому не возбраняется, а в финале договорился до того, что этот мальчик якобы вообще не существует в природе. Начиная испытывать вполне понятное раздражение, я сообщила Джону, что собираюсь поговорить на данную тему со школьной учительницей, а также с родителями мальчика. В ответ он лишь махнул рукой, давая понять, что его это не касается, а я вольна поступать, как мне угодно. Я уверена, что он знает этого мальчишку, и глубоко потрясена его отказом помочь мне в элементарном наведении порядка. До сих пор он не препятствовал моей деятельности, и его неожиданное упрямство в таком второстепенном вопросе я могу объяснить лишь тем обстоятельством, что некогда он сам начинал учиться садоводству в юном возрасте и считает это вполне нормальным явлением, своего рода традицией. Пережитки прошлого еще очень сильны в этой сельской глуши.

Я была поглощена чтением дневника. Продвигалось оно медленно, поскольку мне приходилось задействовать все свои знания, опыт и воображение, разгадывая темные места и облекая плотью слова-призраки. С другой стороны, все эти препятствия – размытые буквы, грязные пятна, затертые края страниц, – казались, несли дополнительную смысловую нагрузку, оживляя рукописный текст и обогащая его содержание.

Пока я таким образом одолевала рукопись, в дальнем уголке моего сознания постепенно вызревало решение. И к тому времени, когда я достигла пересадочной станции, это решение сформировалось окончательно. Поездка домой отменялась. Мой путь лежал в Анджелфилд.

Местный поезд на банберийской ветке был забит рождественскими пассажирами еще плотнее, чем предыдущий. Мне не досталось сидячего места, а читать стоя не в моих правилах. В тряском вагоне с каждым невольным тычком соседского локтя я ощущала во внутреннем кармане пальто жесткий прямоугольник дневника. Я прочла примерно половину. Остальное подождет.

«Что с тобой произошло, Эстер? – думала я. – Куда же ты в конце концов исчезла?»

РАЗРУШАЯ ПРОШЛОЕ

Кухонные окна были темны, а когда я обошла вокруг дома и постучалась в дверь, отклика не последовало.

Куда он мог деться? Каждый год в эти дни многие люди покидают свои дома, отправляясь к родным, чтобы вместе с ними встретить Рождество. Но Аврелиус не имел семьи, и отправляться ему было некуда. Лишь с опозданием я вспомнила об одной вполне вероятной причине его отсутствия: он мог развозить выпечку для рождественских застолий. Чем не занятие для пекаря в самый канун Рождества? Я решила заглянуть к нему попозже и, бросив в щель почтового ящика поздравительную открытку, пошла напрямик через лес к Анджелфилду.

Подмораживало. Земля окаменела от холода; по небу угрюмо расползалась грязновато-белая облачная пелена; похоже, назревал снегопад. Я замотала лицо шарфом до самых глаз и ускорила шаг, понемногу согреваясь от быстрого движения.

Дойдя по поляны на холме, я задержалась, чтобы оглядеть сверху усадьбу. На рабочей площадке было как-то не по-деловому многолюдно. Что это могло означать? Фотоаппарат висел у меня на шее, укрытый под пальто. Расстегивая пуговицы, я поежилась от проникшего под одежду холода. Первое, что я увидела, наведя на резкость длиннофокусный объектив, была стоявшая на подъездной аллее полицейская машина. Строительная техника бездействовала, рабочие неплотной толпой мялись поодаль. Они прервали работу уже довольно давно, судя по тому, что многие хлопали руками и притопывали, чтобы согреться. Свои каски они побросали на землю или держали их на ремешке через локоть. Один рабочий вынул из кармана пачку сигарет, к которой тут же потянулись руки нескольких его товарищей. Время от времени кто-нибудь отпускал реплику, но общий разговор явно не клеился. Я попыталась разгадать выражение, преобладавшее на их лицах. Скука? Тревога? Любопытство? Во всяком случае, улыбок не было. Они стояли, отвернувшись от стройплощадки, лицом к лесу и к моему объективу, но при этом изредка то один, то другой бросал взгляд через плечо.

Там, позади группы рабочих, часть площадки накрывал большой белый тент. Здание было уже полностью снесено, но, сориентировавшись по расположению аллеи, каретного сарая и часовни, я установила, что тент натянут над местом бывшей библиотеки. Перед тентом рабочий в спецовке

и некто солидного вида – вероятно, бригадир строителей – общались с двумя мужчинами, один из которых был в полицейской форме, а другой в обычном пальто. Говорил бригадир, сопровождая свои слова жестикуляцией, но по окончании его речи мужчина в пальто обратился с вопросом не к нему, а к рабочему в спецовке, и трое остальных напряженно следили за тем, как он отвечает.

Рабочий был явно взволнован. Говорил он отрывистыми фразами, делая между ними большие паузы, во время которых его собеседники молчали, терпеливо дожидаясь продолжения. По ходу рассказа он ткнул пальцем в замерший поблизости экскаватор и выразительно лязгнул зубами, «изображая, видимо, захват ковшом грунта, а в конце нервно дернул плечом и махнул рукой перед глазами, словно отгоняя прочь только что нарисованный им образ.

Откинулся полог тента, из-под которого вылез и присоединился к разговору пятый человек. После недолгого совещания с его участием бригадир направился к своим подчиненным и что-то им сказал. Те закивали с понимающим видом и принялись собирать каски и термосы, а затем цепочкой потянулись к машинам, припаркованным за оградой усадьбы. Полисмен занял позицию перед тентом, спиной ко входу, а человек в пальто повел бригадира и дававшего показания рабочего к полицейской машине.

Я опустила фотоаппарат и посмотрела на усадьбу уже без помощи оптики. Совсем недавно я побывала в том месте, где сейчас находился тент. Мне вспомнилось мрачное зрелище: уничтоженная и оскверненная библиотека, остатки книжных стеллажей, обрушенные потолочные балки. Мне вспомнилась дрожь страха, с которой я ступала по груде камней и обгорелого дерева.

В той комнате находилось мертвое тело, погребенное под пеплом сожженных книг, в книжном шкафу вместо гроба, – могила, которую на протяжении полувека скрывали обломки рухнувших этажей.

Эта мысль преследовала меня неотвязно. Я прибыла сюда, ведя поиски определенного человека, и вот, судя по всему, некий человек был только что найден. Как тут было не провести параллель? Но ведь Эстер покинула усадьбу за год до пожара – с какой стати ей было возвращаться? И в следующий миг меня осенила догадка, настолько простая, что трудно было не увериться в ее правильности.

А что если Эстер не уезжала отсюда вообще?

Добравшись до аллеи, я увидела двух белокурых детей, которые брели к выходу из усадьбы. Они то и дело спотыкались: дорога была разбита

колесами и гусеницами тяжелой техники, а они совсем не смотрели под ноги. Вместо этого они все время оглядывались назад.

Первой меня заметила девочка. В очередной раз споткнувшись и едва не упав, она подняла взгляд и, обнаружив меня в нескольких шагах перед собой, резко остановилась. Ее брат также меня увидел и, сознавая себя носителем важной информации, рискнул заговорить с незнакомым человеком:

– Туда нельзя. Так сказал полисмен. Туда никого не пускают.

– Понятно, – сказала я.

– Они построили большую палатку, – робко добавила девочка.

– Я ее видела, – сказала я.

В воротах усадьбы показалась их мать. Она шла быстро и слегка запыхалась.

– Дети, с вами все в порядке? Я видела проехавшую полицейскую машину... – Она повернулась ко мне. – Что здесь случилось?

Вместо меня ответила девочка.

– Полицейские построили палатку. К ней никого не пускают. Они сказали нам идти домой.

Женщина взглянула на тент и нахмурилась.

– Обычно они делают так, когда... – Она не стала заканчивать фразу в присутствии детей, но я прекрасно ее поняла.

– Думаю, именно это и случилось, – сказала я.

Она инстинктивно сделала движение, собираясь притянуть детей к себе, но в последний момент ограничилась тем, что поправила сыну шарф и откинула волосы с глаз дочери.

– Идем домой, – сказала она им. – Сейчас слишком холодно для прогулок. Я приготовлю вам горячее какао.

Дети проскочили под аркой ворот и помчались в сторону деревни. Прочно соединенные незримой нитью, они на бегу менялись местами или синхронно бросались из стороны в сторону, уверенные, что всегда будут рядом, в пределах длины связующей нити.

Следя за ними, я еще мучительнее сознавала собственную незавершенность.

– Может, и вы не откажетесь от чашки какао? – предложила мне их мать. – Я смотрю, вы совсем замерзли: в лице ни кровинки.

Мы пошли вслед за детьми.

– Меня зовут Маргарет, – представилась я. – Я друг Аврелиуса Лава.

Она улыбнулась.

– Я Карен. Присматриваю за оленями в парке.

– Я знаю. Аврелиус о вас говорил.

Девочка впереди попыталась протаранить своего брата; тот увернулся, выскочив на середину дороги.

– Томас Амброс Проктор! – с шутливой строгостью крикнула их мать. – Держитесь обочины!

Я вздрогнула, услышав это имя.

– Простите, как вы сейчас назвали вашего сына? Она глядела на меня непонимающе.

– Просто... в усадьбе раньше работал один человек по фамилии Проктор, – поспешно добавила я, объясняя свое любопытство.

– Это был мой отец, Амброс Проктор.

Я приостановилась, соображая.

– Амброс Проктор – юноша, которого нанял Джон-копун, – это ваш отец!

– Джон-копун? А, вы о Джоне Коупенсе. Да, это он пристроил моего отца на работу в усадьбе. Только это случилось задолго до моего рождения. Я появилась на свет, когда отец уже разменял шестой десяток.

– Я бы не прочь выпить чашку какао, если ваше предложение остается в силе, – сказала я, снова прибавляя шаг. – Кстати, у меня для вас есть небольшой подарок.

Я вынула свою закладку из дневника Эстер. Это была фотография, при виде которой Карен расплылась в улыбке. Ее сынишка стоял с чрезвычайно серьезным и гордым видом: руки по швам, грудь колесом, на голове большая желтая каска.

– Я помню тот день, когда он заявился домой в этой каске. Он будет очень рад снимку.

– А ваша нанимательница – мисс Марч – когда-нибудь видела Тома?

– Тома? Нет, навряд ли. Вообще-то есть две мисс Марч, они сестры, но одна вроде как не в своем уме, и всеми делами в усадьбе ведает другая. Насколько я знаю, она живет уединенно и после того пожара ни разу не бывала в Анджелфилде. Я и сама никогда не видела хозяйку, а связь с ней поддерживаю через поверенного.

Карен стояла у плиты, подстерегая готовое вскипеть молоко. Из окна кухни был виден садик за домом, а дальше поля, по которым Аделина и Эммелина когда-то катили похищенную у Меррили коляску с младенцем. Нынче редко встретишь пейзаж, практически не изменившийся за последние несколько десятилетий.

Мне следовало соблюдать осторожность, чтобы не сболтнуть лишнего.

Похоже, Карен не знала, что мисс Марч, хозяйка Анджелфилда, является той самой знаменитой Видой Винтер, чьи книги я успела заметить на полке в ее гостиной.

– Я тоже работаю на семью Анджелфилдов, – сказала я. – Пишу книгу про детство сестер. И когда я показала этот снимок мисс Марч, у меня возникло впечатление, что она узнала мальчика.

– Это исключено. Хотя погодите...

Она еще раз посмотрела на снимок, а затем крикнула сыну, находившемуся в соседней комнате:

– Том, принеси-ка фотографию с камина! Ту, что в серебряной рамке.

Появился Том с фотографией; его сестренка шла следом.

– Взгляни, – сказала ему Карен, протягивая снимок, – эта леди тебя сфотографировала.

Увидев свое фото, мальчишка засиял от восторга.

– Я могу это взять? – спросил он.

– Конечно, – сказала я.

– А ты покажи Маргарет своего дедушку, – сказала Карен.

Обойдя стол, он смущенно протянул мне старую фотографию в рамке.

На ней был изображен очень молодой человек. Лет восемнадцати, а то и меньше. Он стоял рядом со скамейкой на фоне подстриженных тисовых деревьев. Место я узнала сразу же: это был фигурный садик в усадьбе. Юноша снял кепку и держал ее в руке; мой внутренний взор тотчас воссоздал порядок его движений – я увидела, как он левой рукой стягивает с головы кепи, а предплечьем правой проводит по лбу, вытирая пот и одновременно поправляя челку. Он чуть задрал подбородок и, стоя против солнца, старался не щуриться, что ему почти удалось. Рукава его рубашки были закатаны выше локтей, а воротник небрежно расстегнут, открывая шею; в то же время я заметила аккуратно отутюженные складки его брюк и отсутствие садовой земли на тяжелых ботинках, которые он, видимо, почистил перед фотосъемкой.

– Он еще работал в усадьбе, когда случился пожар? Карен разлила какао по кружкам, и дети присоединились к нам за кухонным столом.

– Насколько мне известно, к тому времени его уже взяли в армию. Он потом очень долго – почти пятнадцать лет – не появлялся в здешних местах.

Сквозь зернистую поверхность старого фото я вгляделась в эти черты и без труда уловила сходство Амброса Проктора с его собственным внуком. О таких обычно говорят: он славный парнишка.

– Знаете, отец очень мало рассказывал мне о своей молодости. Он

вообще был человеком сдержанным и молчаливым. А я бы хотела знать о нем больше. К примеру, почему он так поздно женился. Они с моей мамой обвенчались, когда ему было далеко за сорок. Может, у него в прошлом была какая-то несчастная любовь? Но в детстве ты не задаешься такими вопросами, а когда я повзрослела... – Она грустно вздохнула. – Он был очень хорошим отцом. Терпеливым. Добрым. Всегда готовым помочь. Но сейчас мне кажется, что я никогда не знала его по-настоящему.

Мое внимание привлекла одна деталь на снимке.

– Что это? – спросила я.

– Ягдташ, – сказала она, взглянув. – Охотничья сумка для дичи. Например, для фазанов. Ее можно развернуть на земле, чтобы было удобнее складывать птицу. Борта сумки скрепляются замком. Однако я не понимаю, почему ягдташ оказался на этом фото. Отец работал садовником, а не егерем.

– Иногда он приносил сестрам фазанов или кроликов, – сказала я.

По лицу Карен было видно, как ей приятно узнать новую – пусть даже такую мелкую – подробность из раннего периода отцовской жизни.

А я подумала об Аврелиусе и его «наследстве». Выходит, он попал к миссис Лав в охотничьей сумке. Теперь понятно, откуда там взялось перо: прежде в ней носили фазанов. И еще я вспомнила клочок бумаги с кляксой и слова Аврелиуса. «В начале что-то похожее на букву „А“, – говорил он, держа бумагу перед окном. – А вот тут, в самом конце, вроде как „С». Конечно, за эти годы она поблекла, но если хорошенько взглядеться... Ты видишь буквы?» Я никаких букв тогда не увидела, но, возможно, Аврелиус был прав. Только это было не его собственное имя, а имя его отца: Амброс.

Я вызвала по телефону такси и от дома Карен поехала в контору мистера Ломакса в Банбери. Адрес у меня сохранился после переписки с ним по поводу Эстер, и все та же Эстер привела меня к нему сейчас.

Секретарша не хотела беспокоить своего босса, узнав, что мой визит не был заранее согласован.

– Вы же понимаете, сегодня сочельник, – говорила она. – Это не самое подходящее время для деловых бесед.

Но я проявила настойчивость:

– Передайте мистеру Ломаксу, что Маргарет Ли хочет срочно поговорить об Анджелфилде и о мисс Марч.

Всем своим видом говоря: «Тоже мне, велика важность», она исчезла за дверью кабинета и тотчас возникла вновь, с кислой улыбкой пригласив меня войти.

Мистер Ломакс-младший был уже далеко не молод. Сейчас он, вероятно, достиг того же возраста, в каком находился мистер Ломакс-старший на момент прибытия в его офис близняшек, нуждавшихся в деньгах для похорон Джона-копуна. Хитроватый блеск в глазах и полуулыбка, мелькнувшая на губах адвоката, когда он пожимал мою руку при знакомстве, свидетельствовали о том, что он воспринимает эту встречу как нечто вроде совещания заговорщиков. На протяжении многих лет он один знал всю правду о мисс Марч и Виде Винтер, унаследовав этот секрет от своего отца вместе с массивным столом вишневого дерева, шеренгой картотечных шкафов и старинными картинами на стенах кабинета. И вот, спустя годы, к нему является человек, приобщенный к той же тайне.

– Рад вас видеть, мисс Ли. Чем могу помочь?

– Я только что приехала из Анджелфилда. Там сейчас полиция. Они нашли труп под развалинами дома.

– боже мои!

– Полицейские, наверно, захотят встретиться с мисс Винтер?

При упоминании мною этого имени взгляд адвоката тревожно скользнул по двери, проверяя, плотно ли она закрыта.

– Да, согласно закону им потребуются показания владельца дома.

– Так я и подумала. Однако она тяжело больна – полагаю, вам это известно.

Он кивнул.

– Кроме того, ее сестра находится при смерти.

Он снова кивнул, не перебивая меня.

– При таких обстоятельствах ее надо очень осторожно подготовить к получению еще одного плохого известия. Она не должна узнать об этом от совершенно незнакомого человека. И впоследствии ее нежелательно оставлять одну.

– Что вы предлагаете?

– Я могу сегодня же вернуться в Йоркшир. Если успею на поезд, отходящий через час, то к вечеру буду на месте. Ее адрес полицейские будут узнавать через вас?

– По всей вероятности. Но я найду возможность задержать их как минимум на несколько часов. Этого вам хватит, чтобы их опередить. Я сам отвезу вас на станцию, если не возражаете.

В этот момент раздался телефонный звонок. Обменявшись со мной тревожными взглядами, он взял трубку.

– Останки?.. Скелет?.. Понимаю... Да, она является владелицей усадьбы... Пожилая женщина со слабым здоровьем... Ее сестра серьезно

больна... Летальный исход более чем вероятен в самое ближайшее время... Пожалуй, так будет лучше... Кстати, мне известно, что один человек как раз сегодня собирается ехать к ней... Да, готов поручиться... Безусловно... Договорились.

Он сделал запись на листке настольного блокнота, оторвал его и протянул мне. Там были имя и номер телефона.

– Он попросил, чтобы вы, прибыв на место, позвонили ему по этому номеру и сообщили, как обстоят дела с пожилой леди. Если она в ближайшие дни не сможет встретиться со следователем, он согласен подождать. Дело не особо срочное – найденные останки пролежали под руинами много лет. Когда, вы сказали, отходит поезд? Нам пора на вокзал.

Почти всю дорогу немолодой младший Ломак вел машину молча, видя, что я погружена в раздумья. Тем не менее чувствовалось, что ему очень хочется о чем-то меня спросить. И наконец он не выдержал.

– Тринадцатая сказка... – произнес он. – Не связана ли ваша?..

– Я сама хотела бы это знать, – сказала я. – Но увы.

Его лицо разочарованно вытянулось.

Чуть погодя я в свою очередь задала вопрос:

– Вы случайно не знаете человека по имени Аврелиус Лав?

– Пекаря? Да, я его знаю. О, этот человек – кулинарный гений!

– Давно вы с ним знакомы?

Он ответил сразу же, без раздумий:

– Собственно, мы с ним учились в одной школе... – На середине этой фразы голос его дрогнул, как будто он только сейчас понял, к чему я клоню.

Мой следующий вопрос уже не стал для него сюрпризом.

– Когда вы узнали, что мисс Марч – это Вида Винтер? Принимая отцовские дела в порядке наследования?

Он слегка замялся.

– Нет. Это случилось раньше. Я тогда еще был школьником. Однажды она пришла к нам домой, чтобы поговорить с отцом конфиденциально. Некоторые вещи удобнее обсуждать в домашней обстановке, нежели в офисе. И вот где-то в середине их беседы я вдруг понял, что мисс Марч и есть та самая писательница Вида Винтер... Поверьте, я не подслушивал. Точнее сказать, я подслушивал, но это вышло непреднамеренно. Я просто сидел под столом в гостиной, как в палатке – там скатерть свисает почти до самого пола, – и вдруг вошли они. Я не хотел ставить отца в неудобное положение, вдруг появившись из-под стола, и предпочел просидеть там до конца беседы.

Я вспомнила слова мисс Винтер: «Тайны невозможно хранить в доме,

где есть дети».

Машина остановилась перед местным вокзалом; мистер Ломакс-младший посмотрел на меня со смущенным видом.

– Я выдал тайну Аврелиусу, – признался он. – Как-то раз он обмолвился, что его младенцем нашли близ Анджелфилда в ночь, когда сгорел дом. Тут я не удержался и сказал ему, что мисс Аделина Анджелфилд и мисс Вида Винтер – одно и то же лицо. Я сожалею, что так вышло.

– Не расстраивайтесь. Сейчас это уже не имеет значения. Я спросила вас только из любопытства.

Мне вспомнились письмо мисс Винтер, втянувшее меня в эту историю, и псевдорепортер Аврелиус, безуспешно пытавшийся докопаться до правды.

– Если она и догадалась о вашей оплошности, то уже очень давно – десятки лет назад. Можете считать, что она вас простила.

Его лицо прояснилось.

– Спасибо, что подвезли, – сказала я, покидая машину.

ДНЕВНИК ЭСТЕР (часть вторая)

Перед отправкой поезда я успела позвонить со станции в отцовский магазин. Услышав, что я не явлюсь домой на праздник, отец не мог скрыть своей досады.

– Твоя мама будет огорчена, – сказал он.

– Неужели?

– Разумеется, ее это огорчит.

– Я должна вернуться в Йоркшир. Кажется, я нашла Эстер.

– Где?

– В Анджелфилде. Там раскопали скелет.

– Скелет?!

– Один из рабочих наткнулся на него в бывшей библиотеке.

– О господи!

– Полицейские хотят посетить мисс Винтер, чтобы снять показания. А она сидит у постели своей умирающей сестры. Я не могу оставить ее в такой момент. Ей потребуется моя поддержка.

– Понимаю, – сказал он серьезно.

– Только не говори об этом маме, – заранее предупредила я, – но мисс Винтер и ее сестра – близнецы.

В трубке долго стояла тишина. Наконец он сказал:

– Будь осторожна, Маргарет.

Спустя четверть часа я заняла место у окна в вагоне и извлекла из кармана пальто дневник Эстер.

Я начинаю всерьез интересоваться природой оптических эффектов. Сегодня, сидя в гостиной с миссис Данн и обсуждая меню на будущую неделю, я уловила в зеркале какое-то движение. «Эммелина!» – воскликнула я, возмущенная тем, что она бродит по дому в час, отведенный для прогулок на свежем воздухе. Но я тут же обнаружила свою ошибку, для чего достаточно было посмотреть в окно: Эммелина и ее сестра находились на лужайке перед домом, занятые какой-то – на сей раз вполне безобидной – игрой. Должно быть, замеченное мною движение на самом деле было отразившимся в зеркале солнечным бликом от оконного стекла.

Мы воспринимаем видимый мир через призму нашего психического состояния, и не следует недооценивать ту роль, которую психика играет для видимости («для видимости» – вышла нечаянная игра слов; для меня это нехарактерно). Соответственно, причину данной оптической иллюзии надо искать прежде всего в моем психическом состоянии. Беспреданно натываясь на близнецов там, где ты никак не ожидаешь их увидеть, и в то время, когда они должны находиться совсем в другом месте, ты поневоле начинаешь истолковывать каждую тень, зафиксированную периферическим зрением, как свидетельство их присутствия. Вот и в этот раз мое сознание автоматически трансформировало обыкновенный солнечный блик в образ девочки в белом платье, проскользнувшей мимо раскрытой двери гостиной. Во избежание подобных ошибок человек должен научиться воспринимать видимость без предубеждений, отбросив привычные мыслительные шаблоны. Такой подход к оценке зрительных образов представляется чрезвычайно продуктивным и многообещающим. Он гарантирует свежесть восприятия! Он обеспечивает непосредственный контакт с окружающим миром! Недаром в основе многих научных открытий лежит все та же способность по-новому взглянуть на вещи, которые до того на протяжении веков считались самыми обыденными и потому не стоящими внимания. Однако мы не можем руководствоваться этим принципом в повседневной жизни. Только представьте, какие невероятные мыслительные усилия потребуются для того, чтобы осознавать каждую прожитую минуту как нечто новое и неповторимое! Нет, во имя достижения какой-либо значимой цели нам нужно абстрагироваться от посторонних мелочей; вот почему мы передаем большую часть оценочных функций тому разделу нашего мозга, который ведает предположениями, допущениями и догадками. Иного пути нет, даже если это порой создает дополнительные помехи, к примеру вынуждая нас принять солнечный блик за девочку в белом платье, при том что эти вещи как нельзя более разнятся по своей сути. Временами у миссис Данн случаются помрачения рассудка. Вот и сегодня она, похоже, мало что усвоила из нашего разговора о меню, и завтра придется обсуждать этот вопрос повторно.

Я составила план, предполагающий непосредственное привлечение к моей деятельности доктора Модели.

Сегодня я подробно изложила ему результаты своих наблюдений за

Аделиной, заметив, что данный тип психического расстройства не встречался мне ни на практике, ни в специальной литературе. Дабы не быть голословной, я сослалась на ряд научных трудов по психологии и физиологии близнецов, а также на исследования более общего характера, и, судя по выражению лица доктора, он был весьма впечатлен. Смею надеяться, что теперь у него сложилось более благоприятное представление о моих способностях и эрудиции. Когда выяснилось, что одна из упомянутых мною работ ему неизвестна, я в порядке ознакомления резюмировала ее основные идеи, попутно отметив в ней ряд противоречий и указав пути их преодоления, а напоследок представила собственные выводы и рекомендации.

Выслушав мою речь, доктор с улыбкой предложил: «А почему бы вам самой не взяться за написание книги?» Таким образом он, сам того не подозревая, перевел беседу в нужное мне русло.

Прежде всего я обратила его внимание на то, какой превосходный материал для научного исследования наличествует здесь, в Анджелфилде, и выразила готовность ежедневно уделять несколько часов составлению отчетов о моих наблюдениях за близнецами. Я бегло перечислила эксперименты и тесты, которые можно было бы осуществить для проверки моей гипотезы. И конечно же, я не забыла сказать о том, какой резонанс в научных кругах может получить такое исследование после опубликования его результатов. После этого я посетовала на отсутствие у меня ученой степени, без которой – при всем моем практическом опыте – я вряд ли смогу заинтересовать своим предложением издателей. В заключение я призналась, что, будучи всего лишь слабой женщиной, никогда не рискну в одиночку взяться за столь амбициозный проект. Это под силу только мужчине – настоящему интеллектуалу, обладающему необходимыми знаниями, научным чутьем и аналитическим складом ума. Только такой мужчина смог бы, при моей всемерной поддержке, довести это дело до успешного завершения. Таким образом я навела доктора на мысль о большом и серьезном исследовании, в результате получив то, к чему стремилась: мы с ним будем работать вместе.

Состояние психики миссис Данн начинает вызывать у меня серьезные опасения. Я запираю двери; она их отпирает. Я отдергиваю портьеры на окнах; она их снова задергивает. И мои книги продолжают перемещаться с

места на место! Она пытается уклониться от ответственности, ссылаясь на то, что в доме якобы водятся призраки.

По случайному совпадению как раз в тот самый день, когда она упомянула некие потусторонние силы, бесследно исчезла книга, которую я дочитала только до середины, а на ее место была подброшена повесть Генри Джеймса. Я не могу заподозрить в этой подмене полуграмотную миссис Данн, которая вряд ли способна на шутки, – во всяком случае не на шутки с таким подтекстом. Ибо сюжет книги представляет собой на редкость глупую историю с участием гувернантки и двух детей, преследуемых призраками^[23]. Надо заметить, что в этом произведении мистер Джеймс сумел в полной мере продемонстрировать масштабы своего невежества. Он мало что знает о детях и ровным счетом ничего не знает о гувернантках.

Итак, дело сделано. Наш эксперимент начался. Разделение близнецов отразилось на них очень болезненно, и, если бы я не знала, что это делается для их же блага, я могла бы счесть свой поступок жестоким. Эммелина рыдает в затяжной истерике. Интересно, как обстоят дела с Аделиной? Ее психика должна подвергнуться особенно глубокой перестройке по мере того, как она будет привыкать к жизни отдельно от сестры. Об ее состоянии я узнаю завтра при встрече с доктором.

Работа над проектом занимает все больше времени, но при этом я не забываю и о других делах. Сегодня на улице перед почтовой конторой я встретила школьную учительницу и воспользовалась случаем, чтобы рассказать ей о прогульщике, из-за которого у меня ранее случился неприятный разговор с садовником Джоном. Не вдаваясь в детали этой истории, я посоветовала учительнице обратиться ко мне, если мальчик вновь пропустит уроки без уважительной причины. Со слов учительницы я поняла, что подобные вещи не являются здесь чем-то исключительным – ей нередко приходится вести занятия в полупустом классе, особенно в уборочный сезон, когда дети выходят на полевые работы вместе с родителями. В свою очередь я заметила, что сейчас не уборочный сезон и

что мальчик работал не у себя в огороде, а пропалывал клумбу в усадьбе, что в корне меняет дело. Когда же она поинтересовалась именем прогульщика, я оказалась в нелепом положении, не имея возможности конкретизировать свою информацию. Упоминание в качестве приметы широкополой шляпы ничего не дало, поскольку дети не ходят на занятия в шляпах. Я, конечно, могу повторно расспросить Джона, однако сомневаюсь, что узнаю от него что-нибудь новое.

В последнее время я веду дневник нерегулярно. Далеко за полночь завершая составление ежедневных отчетов о состоянии Эммелины, я, как правило, чувствую себя настолько утомленной, что не нахожу сил для записей личного характера. Между тем для меня очень важно зафиксировать события этих дней и недель, когда мы с доктором проводим исключительно важное исследование, чтобы и многие годы спустя дневниковые записи помогали мне воскрешать в памяти этот удивительный период моей жизни. Не исключено, что наши с доктором совместные усилия станут трамплином для новых свершений, ибо такая высокоинтеллектуальная работа доставляет мне ни с чем не сравнимое наслаждение. Не далее как сегодня утром у нас с доктором Модели состоялась чрезвычайно волнительная дискуссия на тему употребления Эммелиной личных местоимений. После долгого перерыва она вновь начала разговаривать, и ее способность к вербальному общению улучшается буквально с каждым днем. В то же время один из дефектов ее речи пока не поддается исправлению: она продолжает говорить о себе в первом лице множественного числа. «Мы пошли в лес», – к примеру, говорит она. Я ее поправляю: «Я пошла в лес». Она, как попугайчик, послушно повторяет эту фразу с местоимением «я», но уже в следующем предложении звучит: «Мы видели котенка в саду» или что-нибудь в том же роде.

Нас с доктором очень заинтересовала эта особенность. Не исключено, что это всего лишь укоренившийся речевой навык, автоматически перенесенный ею в английскую речь из псевдоязыка близнецов, – простая ошибка, которая постепенно исправится сама собой. Или же восприятие себя как частицы целого, каковым ей представляются близнецы, так прочно закрепилось в ее сознании, что она даже в мыслях или речи не может полностью отделить себя от сестры? Я рассказала доктору о вымышленных

друзьях, которыми обзаводятся некоторые дефективные дети, и мы вместе рассмотрели такую вероятность применительно к данному случаю. Что если у ребенка, очень привязанного к своему близнецу, их разделение вызывает психическую травму, после которой травмированное сознание пытается найти компенсацию в сотворении воображаемого близнеца взамен реального? Мы так и не пришли к удовлетворительному выводу на сей счет, однако расстались с чувством глубокого удовлетворения, поскольку в нашем проекте намечилось еще одно перспективное направление: лингвистическое.

Занимаясь с Эммелиной, продвигая наше исследование и одновременно выполняя свои обязанности по хозяйству, я обнаружила, что у меня остается слишком мало времени на сон. Даже при моих запасах жизненной энергии, постоянно пополняемых за счет здоровой диеты и соблюдения правильного режима, дефицит сна все чаще дает себя знать. Порой я забываю, куда положила ту или иную вещь, и это меня очень раздражает. А когда я открываю книгу, чтобы по привычке немного почитать перед сном, позиция закладки указывает на то, что предыдущей ночью я просмотрела несколько последних страниц бессознательно, поскольку не могу вспомнить их содержание. Все эти мелкие неприятности наряду с хронической усталостью являются той ценой, которую я плачу за огромное удовольствие, получаемое от совместной с доктором работы над проектом.

Впрочем, я собиралась писать не об этом. Я хочу написать о самой работе, но не о конкретных достижениях, и без того детально отраженных в отчетах, а об удивительной гармонии наших с ним мыслительных процессов и о редкостном взаимопонимании, которое иной раз позволяет нам обходиться минимальным количеством слов. Например, когда мы составляли схему изменения периодов сна и бодрствования у наших подопечных и доктор захотел привлечь мое внимание к какой-то детали, ему даже не пришлось подавать голос – я просто почувствовала на себе его взгляд, почувствовала его разум, вызывающий к моему разуму, и я повернулась к нему, готовая услышать его замечание.

Скептики могут назвать это простым совпадением или заподозрить меня в попытке раздуть частный случай до масштабов закономерности, однако опыт нашей деятельности привел меня к твердому убеждению, что, когда два человека – два истинных интеллектуала – тесно сотрудничают при осуществлении совместного проекта, между ними устанавливается особого рода мысленный контакт, заметно повышающий эффективность их

работы. В процессе выполнения общей задачи каждый из нас постоянно настроен на волну другого и чрезвычайно восприимчив к его малейшим движениям, мгновенно и безошибочно истолковывая их смысл. Нам даже необязательно видеть сами эти движения. В этой связи могу привести один эпизод, незначительный сам по себе, но стоящий в ряду множества ему подобных. Сегодня утром я просматривала записи доктора, пытаюсь на их основании выстроить поведенческую модель Аделины, и, потянувшись за карандашом, чтобы сделать пометку на полях, вдруг почувствовала, как рука доктора скользнула по моей руке и передала мне искомую письменную принадлежность. Я повернула голову, чтобы его поблагодарить, но он был целиком погружен в изучение бумаг, явно не осознавая, что сейчас произошло. Вот так мы работаем вместе с доктором: в единении разумов и единении рук, предугадывая мысли и желания друг друга. И даже разделенные расстоянием (как это бывает в течение большей части дня), мы все время думаем о нашем совместном исследовании или об иных, более широких аспектах науки и жизни, каковое обстоятельство еще раз подчеркивает, насколько удачно мы подходим друг другу в качестве партнеров.

Однако время уже очень позднее, и, хотя я могла бы еще многое поведать о радостях этого соавторства, мне давно уже пора в постель.

Вот уже почти неделя, как я не сделала ни одной записи в дневнике, но теперь я не могу сослаться на занятость или усталость. Дело в том, что мой дневник пропал.

Я неоднократно беседовала с Эммелиной по этому поводу – то доброжелательно, то строго, то обещая сладости, то грозя наказанием (увы, здесь я отступила от своих воспитательных принципов, но похищение дневника – это слишком серьезный проступок, затрагивающий меня лично). Несмотря ни на что, Эммелина продолжает отрицать свою вину. Она так упорствует в этом отрицании, что иной человек, незнакомый со всеми обстоятельствами дела, мог бы поверить в ее невиновность. Я и сама крайне удивлена этим поступком, зная характер Эммелины и учитывая те положительные сдвиги в ее поведении, которые наметились в ходе нашего эксперимента. Это тем более странно, что она не умеет читать и не проявляет интереса к мыслям и переживаниям других людей, если только они не имеют прямого отношения к ней. Зачем ей понадобился дневник?

По всей вероятности, Эммелину прельстил блестящий замочек – я давно уже отметила ее тягу ко всем ярким вещам и в этом ей не препятствую, полагая данное увлечение безвредным. Но сейчас она меня очень расстроила и разочаровала.

В иной ситуации категорического отрицания Эммелиной своей вины было бы достаточно для того, чтобы уверить меня в ее непричастности к исчезновению дневника. Но факты говорят о том, что это не мог сделать никто другой.

Джон? Миссис Данн? Даже если бы слуги и захотели украсть мой дневник (чему я отказываюсь верить), они просто не смогли бы этого сделать – я хорошо помню, что никто из них в то время не приближался к моей комнате. На всякий случай я решила это уточнить и в ходе бесед с ними осторожно навела справки: Джон подтвердил, что миссис Данн все утро провела на кухне («гремела сковородками, как черти в аду», по его выражению), а экономка припомнила, что Джон тогда же работал в каретном сарае, и тоже далеко не бесшумно («знай чего-то лупил молотком по железу»).

Таким образом, исключив этих двоих из круга подозреваемых, я вынуждена признать, что кражу совершила Эммелина.

Я прекрасно это понимаю, но все равно не могу избавиться от сомнений. Стоит мне только вспомнить ее лицо – такое невинное и такое расстроенное из-за того, что ее обвиняют, – и я снова и снова задаюсь вопросом: не могла ли я упустить из виду какой-то дополнительный фактор, имеющий влияние на все эти события? Рассматривая происходящее в таком аспекте, я ощущаю непонятную тревогу: мне начинает казаться, что некая невидимая сила целенаправленно препятствует осуществлению всех моих планов. Эта сила противостоит мне с той самой минуты, как я впервые появилась в усадьбе! Она делает все, чтобы расстроить любое мое начинание! Я несколько раз перепроверила ход своих логических рассуждений и не нашла в них ни единого изъяна, однако сомнения продолжают меня преследовать... Что же это такое? Что я никак не могу увидеть?

Перечитывая сейчас предыдущий абзац, я удивляюсь собственной растерянности и неуверенному тону, что мне ни в коей мере не свойственно. Полагаю, причиной тому была хроническая усталость. Воспаленный разум зачастую блуждает в непродуктивных сферах, но выход из этого состояния прост: надо всего лишь как следует выспаться.

Впрочем, теперь все уже позади. Я пишу эти строки в своем нашедшемся дневнике. Строгие меры дали результат. Для начала я заперла

Эммелину в спальне на четыре часа, а днем позже увеличила срок изоляции до шести часов и предупредила, что в следующий раз он составит уже все восемь. Вечером второго дня, отперев ее спальню, я спустилась вниз и обнаружила дневник на столе в классной комнате. Ей каким-то образом удалось проскользнуть мимо меня незамеченной; правда, я ненадолго заглянула в библиотеку (это рядом с классной комнатой), но дверь в коридор оставалась открытой. Как бы то ни было, дневник возвращен, а что до сомнений – в чем тут, собственно говоря, сомневаться?

Я ужасно устала, но никак не могу уснуть. За моей дверью слышны чьи-то легкие шаги, я встаю с постели и выглядываю в коридор – там никого нет.

Признаться, меня очень беспокоил – и продолжает беспокоить сейчас – тот факт, что мой дневник на протяжении нескольких дней находился в чужих руках. Мне мучительна сама мысль, что кто-то посторонний мог прочесть мои записи. Я беспрестанно думаю о том, как этот чужак мог бы истолковать те или иные места в дневнике, ибо, когда я пишу только для самой себя, едва поспевая за ходом своих мыслей, я порой проявляю небрежность в подборе выражений, которые посторонний читатель может понять превратно. Оценивая некоторые из описанных мною эпизодов (к примеру, доктор и карандаш – пустяк, вряд ли стоивший упоминания в дневнике), я сознаю, что при взгляде со стороны они могут предстать в искаженном свете, и подумываю о том, чтобы вырвать и уничтожить эти страницы. Однако я не хочу этого делать, поскольку они мне дороги – именно их я с наибольшим удовольствием буду перечитывать много лет спустя, вспоминая о счастливых временах работы над нашим совместным проектом.

Кто сказал, что сугубо научная близость не может быть источником наслаждения? Разве наука и наслаждение так уж несовместны?

Пожалуй, будет лучше, если я перестану вести дневник, потому что, когда я пишу (в том числе и сейчас, когда я пишу эту самую фразу и это самое слово), меня не покидает ощущение присутствия невидимого

читателя, который заглядывает через мое плечо, следит за движением моего пера, коверкает написанные мною слова и извращает их смысл, беззастенчиво копаясь в сокровенных тайниках моей души.

Это воистину невыносимо: представлять себя самого в ином, непривычном тебе свете, даже если ты прекрасно понимаешь, что это – ложный свет.

Здесь я прекращаю свои записи.

Финал

ПРИЗРАК В ИСТОРИИ

Я в задумчивости подняла глаза, дочитав последнюю страницу дневника Эстер. Еще в процессе чтения я отметила про себя некоторые существенные моменты и теперь, закрыв дневник, смогла осмыслить их уже более обстоятельно.

«Ого» – подумала я вскоре.

Спустя еще пару минут:

«Ого!»

И наконец:

«ОГО!»

Как мне описать свое открытие? Все началось со случайного «А что если...», с нелепого предположения, с сумасбродной идеи: «Это невероятно!.. Хотя нельзя исключать полностью... Однако же это абсурд! Взять для начала хотя бы такой эпизод...»

И тут, уже начав выстраивать длинный ряд контраргументов, я споткнулась на ровном месте. Ибо догадка, только что представлявшаяся мне абсурдной, вдруг обернулась откровением, и мой разум с поразительной быстротой и готовностью переориентировался на новую версию событий. За один момент – момент головокружительной, калейдоскопической встряски – история, которую мне поведала мисс Винтер, распалась на части и затем вновь сложилась, но уже по-другому. Каждое отдельное событие, каждая деталь – все это осталось неизменным, но история в целом обрела совершенно иной вид. Как это бывает на картинке-шутке, взглянув на которую под одним углом, ты видишь юную девушку, а взглянув под другим – старую каргу. Или на листах с вроде бы хаотичной россыпью точек, в которой при некотором усилии воображения можно увидеть лицо клоуна или фасад Руанского собора. Истина все время была где-то рядом, но я до сих пор ее не замечала.

За моментом открытия последовал час напряженных раздумий. Эпизод за эпизодом, в разных ракурсах, я пересмотрела всю известную мне часть истории – все, что мне было рассказано, и все, что я смогла узнать самостоятельно. «Да», – сказала я себе, разобрав один эпизод, и взялась за следующий. И снова «да». И этот, и этот, и этот... Мое открытие вдохнуло жизнь в эту историю. Она вдруг облеклась в плоть и кровь. И сразу же все в ней начало приобретать завершенность: сглаживались шероховатости, заполнялись пробелы, возникали логические связи. Загадки разъяснились,

и тайны перестали быть тайнами.

Наконец-то за всеми наплетенными кружевами слов, за дымовыми завесами, зеркалами-ловушками и причудливыми миражами я разглядела правду.

Теперь я знала, кто резвился посреди поля в тот день, когда Эстер подумала, что видит привидение.

Я знала, кем был тот мальчишка в саду.

Я знала, кто ударил скрипкой по голове миссис Модели.

Я знала, кто убил Джона-копуна.

Я знала, кого пыталась выкопать из-под земли Эммелина.

Теперь все объяснилось. Эммелина, разговаривавшая сама с собой за закрытой дверью, когда ее сестра была перевезена в дом доктора. «Джен Эйр» – книга, периодически возникавшая и исчезающая по ходу истории, подобно серебряной нити, вплетенной в полотно гобелена. Блуждающая закладка в книгах Эстер, подброшенная повесть Генри Джеймса, пропажа и возвращение дневника. Странное решение Джона-копуна, взявшегося обучать фигурной стрижке кустов ту самую девочку, которая в прошлом жестоко изуродовала его любимый сад.

Я разгадала тайну «девочки из мглы», а также то, как и почему она из этой мглы вышла. Я поняла, каким образом дикарка Аделина уступила место Виде Винтер.

«Я расскажу вам историю о близнецах», – сказала мисс Винтер во время нашей первой встречи, когда я уже была готова ее покинуть. Неожиданная переключка этих слов с моей собственной историей сразу и накрепко привязала меня к истории мисс Винтер.

«Давным-давно жили-были две девочки...»

Но теперь я знала, что это лишь часть правды.

В тот же самый вечер мисс Винтер дала мне подсказку, но тогда я пропустила ее мимо ушей.

«Вы верите в привидения? – спросила она. – Я хочу рассказать вам историю о привидении».

А я ей ответила: «В другой раз».

И все же она рассказала мне именно историю о привидении.

Давным-давно жили-были две девочки...

Или такой вариант: «Давным-давно жили-были три девочки».

Давным-давно стоял себе дом, и в доме том жило-было привидение.

Как это водится у привидений, оно было невидимым, но так или иначе выказывало свое присутствие. Ибо кто-то периодически затворял двери, оставленные открытыми, или, напротив, распахивал закрытые двери. Кто-то мог промелькнуть за вашей спиной, на миг отразившись в зеркале. Какой-то очень подозрительный сквозняк колыхал портьеры в комнатах с плотно закрытыми окнами. Маленький призрак был повинен в таинственных перемещениях книг и в странном поведении закладки, нередко оказывавшейся не на той странице, где ее оставил читатель. Это рука привидения взяла дневник Эстер в одном месте и спрятала его в другом, а позднее та же рука возвратила дневник его хозяйке. Если вам по выходе из комнаты в коридор вдруг мерещилась босая пятка, исчезающая за поворотом, это значило, что привидение находится неподалеку. А когда у вас в пустой комнате возникало чувство, будто за вами кто-то следит, можно было не сомневаться, что в этой пустоте затаился маленький призрак.

Имеющий глаза мог по целому ряду примет догадаться о наличии в доме привидения, но само оно – или, правильнее сказать, она, поскольку это был призрак девочки, – неизменно оставалось вне поля зрения.

Девочка-привидение вела себя тихо и скромно. Она ходила босиком, на цыпочках, и шаг ее был неслышен; в то же время она легко различала по звуку шагов каждого обитателя дома, как различала по скрипу каждую дверь и каждую половицу на любом из этажей. Ей были ведомы темные закоулки и укромные местечки во всех частях здания. Она обследовала все щели за шкафами и между стеллажами книг, изучила тыльные стороны всех диванных спинок и пыльные пространства под всеми кроватями. В ее сознании дом представлял собой хитроумную комбинацию из доброй сотни тайных убежищ и путей сообщения между ними.

Изабелла и Чарли никогда не замечали привидения. Жившие в собственном мире, где напрочь отсутствовали здравый смысл и логика, они были не из тех, кого может заинтересовать или смутить что-нибудь необъяснимое. Утери, поломки и произвольные перемещения различных вещей были естественными элементами их повседневной жизни. Чья-то тень, упавшая на ковер, представлялась им просто еще одной тенью и не стоила того, чтобы уделять ей внимание; в сущности, для них любые тени были только продолжением сумрака, наполнявшего их разум и души. Маленький домашний призрак был не более чем соринкой в уголке глаза, затерявшимся в подсознании пустяковым вопросом, лишней тенью,

прилепившейся к ним без их ведома. Девочка-привидение подчищала остатки их трапез, согревалась у тлеющих углей камина после их отхода ко сну и мгновенно исчезала в захламленных недрах их просторного обиталища, едва заслышав чье-либо приближение.

Она была тайной этого дома.

И, подобно всем тайнам, она имела своих хранителей.

Подслеповатая экономка, как это ни странно, видела призрачную девочку вполне отчетливо. И это было очень кстати. Без ее содействия трудно было бы рассчитывать на недоеденные куски хлеба или ломтики сыра, регулярно оставляемые на полке кладовой и шедшие в пищу призраку. Ибо речь идет не о бестелесной, эфемерной субстанции, а о существе со вполне реальным желудком, который нужно было время от времени чем-нибудь наполнять.

Но девочка-привидение не была нахлебницей. Она честно отрабатывала свое пропитание. В усадьбе жил еще один человек, наделенный способностью видеть невидимое, и этот человек – он был садовником – ничего не имел против лишней пары рабочих рук. По саду привидение блуждало в мятой шляпе с широкими полями и старых штанах садовника Джона, подрезанных внизу и снабженных подтяжками. Блуждания эти, надо признать, были весьма продуктивными. Благодаря неустанному попечению призрачной садовницы под землей бурно шли в рост клубни картофеля, а над землей вызревали крупные сочные ягоды, урожай которых в положенный срок собирали ее проворные руки. Ее чудесное влияние распространялось не только на съедобные плоды, но и на розы, которые цвели пышнее, чем когда-либо прежде. Позднее ей стало известно о сокровенном желании самшитовых и тисовых кустов стать геометрическими фигурами. И вот уже ее стараниями ветви и листья кустов оформились в ровные плоскости, четкие углы и математически выверенные закругления.

В саду или на кухне ей не было нужды прятаться. Экономка и садовник были ее союзниками, защитниками и хранителями. Они передали ей свои знания об усадьбе и научили ее быть осторожной. Они ее кормили. Они о ней заботились. Когда же в доме обосновалась посторонняя личность, обладавшая не в меру цепким зрением и затеявшая борьбу с полумраком и повсеместное запираение дверей, хранители забеспокоились о судьбе девочки-привидения.

Здесь вот что важно: они ее очень любили.

Но откуда она появилась в усадьбе? Какова была ее история? Как известно, призраки нигде не появляются просто так, без всякой причины.

Они водятся только в тех домах, которые считают своими собственными. Вот и призрачная девочка считала этот дом своим. И живших здесь людей она считала своей семьей. И хотя она была никем и даже не имела имени, садовник и экономка прекрасно знали, кто она такая. Ее история яснее ясного отражалась в ее густых волосах медно-красного цвета и в ярких изумрудных глазах.

На этом этапе анализа у меня возникла заминка. Если рассуждать логически, привидение должно было иметь поразительное внешнее сходство с девочками-близнецами. В ином случае как бы оно смогло просуществовать здесь так долго, оставаясь незамеченным? Три девочки с одинаковыми рыжими гривами и ярко-зелеными глазами. Наличие родственных связей между близнецами и призраком не подлежало сомнению.

«Я появилась на свет как побочная линия сюжета», – сказала мне мисс Винтер. Она поведала мне историю о том, как Изабелла отправилась на пикник, где встретила Роланда, чтобы позднее выйти за него замуж, оставив своего брата томиться и буйствовать в тисках темной, отнюдь не братской страсти. Покинутый сестрой, Чарли пустился во все тяжкие, вымещая свою ярость и ревность на ком попало. Его жертвами становились дочери аристократов и лавочников, банкиров и трубочистов – их социальный статус не имел для него никакого значения. С их согласия или без оно, Чарли набрасывался на девиц в попытках обрести хотя бы кратковременное забвение.

Изабелла родила близняшек в лондонской больнице. Девочки ничем не походили на мужа своей матери. Рыжие волосы – точь-в-точь как у их дяди. Зеленые глаза – точь-в-точь как у их дяди.

А вот и побочная линия: примерно в то же самое время где-то на сеновале или на койке в убогом деревенском домишке разрешилась от бремени другая женщина. Это не могла быть дочь аристократа или банкира – люди этого круга знают, как улаживать такие проблемы. Скорее всего, это была какая-то бедная женщина из самых низов. У нее тоже родилась девочка. Рыжие волосы, зеленые глаза.

Дитя ярости. Дитя насилия. Дитя Чарли.

Давным-давно стоял себе дом под названием Анджелфилд-Хаус.

В том доме жили-были двое близняшек.

И вот однажды в Анджелфилд явилась их кузина. Точнее говоря, единокровная сестра.

Я сидела в поезде с закрытым дневником Эстер на коленях. Прилив

симпатии, которую я начала испытывать к мисс Винтер, резко сошел на нет, когда я вспомнила другую историю с незаконнорожденным ребенком. Аврелиус. И вот уже на смену симпатии пришел гнев. Почему его отделили от матери? Почему бросили? Почему обрекли на полное одиночество в этом мире, лишив даже собственной истории?

Затем я подумала о белом тенте на развалинах усадьбы, останки под которым, как я теперь знала, принадлежали отнюдь не Эстер.

Все нити сходились к ночи пожара. Поджог, убийство, брошенный ребенок.

Поезд прибыл в Харрогейт, и, сойдя на платформу, я с изумлением обнаружила, что стою по щиколотку в снегу. На протяжении последнего часа, безотрывно глядя в окно вагона, я на самом деле не видела ничего, за этим окном происходившего.

Примерно час назад, сразу после посетившего меня откровения, я подумала, что теперь знаю все.

Догадавшись, что в Анджелфилде было не две девочки, а три, я решила, что теперь держу в руке ключ ко всей истории.

Но в итоге размышлений я поняла, что, не зная всех обстоятельств того ночного пожара в усадьбе, я, по сути, не знала ничего.

ОСТАНКИ

Был канун Рождества; вечерело; шел сильный снег. Первый таксист не рискнул везти меня так далеко в такую погоду; второй также отказался, но третий, хоть и безразличный с виду, был, вероятно, тронут отчаянностью моей просьбы и, пожав плечами, пригласил меня садиться.

– Попытка не пытка, – мрачно сказал он.

Мы выехали из города; снег продолжал валить хлопьями, устилая каждый дюйм земли, накрывая белыми шапками живые изгороди и облепляя ветви деревьев. Проехав последнюю деревушку, а затем и последнюю уединенную ферму, мы очутились посреди белой пустоты. Местами дорога впереди исчезала, сливаясь с поверхностью окружающей равнины, и я вжалась в сиденье, с тревогой ожидая, что вот-вот водитель признает попытку неудавшейся и повернет назад. Помогло мое знание местности и постоянные уверения, что мы едем правильно. Я сама выскочила из машины, чтобы открыть ворота посреди поля, и спустя еще несколько минут мы добрались-таки до въезда в усадьбу мисс Винтер.

– Надеюсь, вы не заблудитесь на обратном пути, – сказала я.

– Да уж как-нибудь выберусь, – буркнул водитель, сопроводив эти слова новым пожатием плеч.

Как я и предполагала, ворота оказались запертыми. Не желая вызывать у таксиста подозрения, я сделала вид, что ищу ключи в сумке, и рылась в ней все то время, пока он разворачивал машину. Лишь дождавшись, когда он отъедет подальше, я перелезла через ворота, пользуясь поперечными перекладинами как лесенкой.

Задняя дверь была не заперта. Я стянула ботинки, отряхнула снег с пальто и повесила его на крючок. Пройдя через пустую кухню, я направилась напрямик в комнату Эммелины, где рассчитывала застать мисс Винтер. Разжигая в себе злость, я готовилась бросить ей в лицо вопросы и обвинения касательно судьбы Аврелиуса и той женщины, чьи останки шестьдесят лет пролежали в руинах Анджелфилда. Хотя внутри меня бушевала буря, продвигалась я в полной тишине: ковры легко поглощали звук моей поступи.

Не постучавшись, я толкнула дверь и вошла в спальню.

Шторы на окне были задернуты. Мисс Винтер сидела у постели Эммелины. При моем появлении она вздрогнула и подняла на меня странно мерцающий взгляд.

– Останки! – громким шепотом выпалила я. – В Анджелфилде нашли скелет!

Я вся обратилась в зрение и слух, нетерпеливо дожидаясь ее реакции, вольного или невольного признания вины. Не важно в какой форме, будь то слово или жест. Я готовилась уловить малейший признак.

Между тем в атмосфере комнаты присутствовало нечто, настойчиво пытавшееся отвлечь мое внимание.

– Останки? – переспросила мисс Винтер.

Ее лицо было белее мела, а в глазах распахнулась безбрежная океанская ширь, способная поглотить без остатка всю мою ярость, даже того не почувствовав.

– Ох, – сказала она.

«Ох». Какое богатство значений в одном-единственном слоге! Страх. Отчаяние. Сожаление и покорность судьбе. Было там и облегчение, но какое-то безрадостное. И еще горе: очень давнее и глубокое.

А затем все то же назойливое отвлекающее нечто так разрослось в моем сознании, что в нем уже не осталось места для чего-либо иного. Что это было? Оно явно не имело отношения к драме с найденными останками. Оно было здесь еще до моего вторжения. Секунду-другую я пребывала в растерянности, после чего все мелкие детали, которые я машинально подметила, входя сюда, объединились в цельную картину. Атмосфера в комнате. Задернутые шторы. Водянистая прозрачность глаз мисс Винтер. И наконец бесследное исчезновение того стального стержня, который до сих пор казался мне основой ее сущности.

Теперь мое внимание сосредоточилось на одной вещи: я старалась расслышать дыхание Эмmeliны – знакомый звук легких волн, перекачивающих морскую гальку. Но я ничего не слышала.

– О нет! Она...

Я опустила на колени рядом с постелью.

– Да, – тихо произнесла мисс Винтер. – Она ушла. Несколько минут назад.

Я всмотрелась в пустое лицо Эмmeliны. Никаких изменений. Ее шрамы не утратили свой багровый цвет; линия ее губ была все так же перекошена; ее глаза оставались такими же зелеными. Я дотронулась до вывернутой, испещренной пятнами кисти: кожа ее была еще теплой. Действительно ли она умерла, покинула нас безвозвратно? Мне было трудно в это поверить. Быть может, она ушла не совсем, оставив что-то после себя в нашем мире? Неужели нет никакого заклинания, волшебного талисмана, магического средства, способного ее вернуть? Неужели мои

слова уже не смогут ее догнать?

Теплота ее руки – вот что дало мне надежду на то, что она еще может меня услышать. Это тепло пробудило во мне слова, которые нетерпеливо вырвались из моей груди и зазвучали у самого уха Эммелины:

– Найди мою сестру, Эммелина. Пожалуйста, найди ее. Передай, что я ее жду. Скажи ей... – Мое горло было слишком узко, чтобы свободно пропустить поток рвавшихся из меня слов; я уже ими захлебывалась. – Скажи, что я по ней тоскую! Скажи, что я ужасно одинока! – Слова стремительно уносились к границе между мирами, вдогонку за Эммелиной. – Скажи ей, что я не могу больше ждать! Скажи ей, пусть она придет!

Но я опоздала. Мы с ней уже находились по разные стороны границы, невидимой и неумолимой, о которую с налету, как птицы об оконное стекло, разбивались мои слова.

– Бедное дитя...

На плечо мне легко опустилась рука мисс Винтер и оставалась там все то время, что я кричала и плакала над бесполезно погибающими словами.

Понемногу слезы высохли. У меня осталось еще несколько слов, готовых последовать за своими братьями.

– Мы были близнецами, – сказала я. – Она была здесь – смотрите...

Я задрала край джемпера и повернулась к ней правым боком. Мой шрам. Мой полумесяц. Серебристо-розовый, перламутрово-полупрозрачный. Линия раздела.

– Она была здесь. В этом месте мы с ней соединялись. Но нас разделили. И она умерла. Она не смогла жить отдельно от меня.

Я почувствовала, как пальцы мисс Винтер скользнули по полумесяцу на моем боку; глаза ее были полны сострадания.

– Дело в том... (вот они, самые последние из всех слов, после которых мне уже не надо будет ничего говорить), – что я тоже не могу жить отдельно от нее.

– Дитя... – Взгляд мисс Винтер держал меня на своих океанских волнах.

Я перестала думать. Поверхность моего сознания обрела гладкую неподвижность. Но под этой поверхностью, в глубине, нарастало беспокойство. Это напоминало мощное подводное течение. Много лет разбитый бурей корабль пролежал на дне с грузом истлевших останков. И вдруг он сдвинулся с места. Я его потревожила, и он своим движением породил водоворот – тучи песка и мути поднялись со дна, яростно кружась в темных глубинах.

Все это время я оставалась под магией взгляда мисс Винтер.

И вот медленно, очень медленно, муть стала оседать, и глубинное волнение ослабевало – медленно, очень медленно. И наконец потревоженные останки вновь упокоились в своем подводном саркофаге.

– Однажды вы спросили меня про мою историю, – напомнила я.

– И вы сказали, что у вас ее нет.

– Теперь вы знаете, что она есть.

– Я никогда в этом не сомневалась. – На лице ее промелькнула слабая улыбка. – Приглашая вас сюда, я уже имела представление о вашей истории. Я прочла ваш очерк о братьях Ландье. Хорошая работа. Вы были очень убедительны в описании подсознательной связи между братьями. Я сразу подумала: тут есть что-то личное. И по мере чтения вашего очерка во мне росла уверенность, что у вас есть близнец. Вот почему я выбрала вас на роль своего биографа. Потому что если бы я после стольких лет вранья начала обманывать и вас – просто по инерции, – вы смогли бы меня уличить.

– И я действительно вас уличила.

Она кивнула – спокойно, без удивления.

– Давно пора. Что вы теперь знаете?

– То, что вы мне рассказали. Побочная линия сюжета, как вы это именуете. Вы рассказали мне историю Изабеллы и ее близнецов. А побочная линия – это Чарли и его извращения на стороне. Вы неоднократно упоминали «Джен Эйр» как намек. Книга о чужой девочке в семействе. О бедной родственнице, лишившейся матери. Но я до сих пор не знаю, кто ваша мать, и каким образом вы очутились в Анджелфилде.

Она печально покачала головой.

– Все, кто мог знать ответы на эти вопросы, уже давно мертвы, Маргарет.

– А сами вы не помните?

Я всего лишь человек. Как и все прочие люди, я не помню своего появления на свет. Мы начинаем себя осознавать много позже, уже выйдя из младенческого возраста, когда наше рождение представляется нам чем-то бесконечно далеким, случившимся в самом начале времен. Мы живем, как зрители, которые опоздали к началу спектакля и стараются по ходу действия догадаться о событиях пропущенного ими первого акта. Много раз я подходила к начальному рубежу моей памяти и вглядывалась во тьму по ту сторону. Но у того рубежа витают не только воспоминания – это царство фантазмагорий. Там гнездятся кошмары одинокого ребенка. Сказки и небылицы, охотно принимаемые на веру сознанием, которое жаждет

иметь свою историю. Фантазии, порожденные буйным воображением девочки-сироты в безнадежной попытке объяснить необъяснимое. Какую бы историю я ни отыскала на той границе забвения, я даже не пытаюсь уверить себя, что это правда.

– Все дети мифологизируют свое появление на свет.

– Именно так. И я могу быть уверена только в том, что мне сказал Джон-копун.

– А что он вам сказал?

– Что я появилась, как сорняк на грядке меж двух кустов клубники.

И она рассказала мне эту историю.

Кто-то повадился воровать клубнику. Не птицы-вредители, после которых на кустах находят исклеванные остатки ягод. И не близнецы, которые попутно истоптали бы все грядки. Нет, здесь орудовал какой-то легконогий вор, бравший по яголке в разных местах. Очень аккуратно, не повреждая при этом кусты. Иной садовник мог бы и не обнаружить хищение. Чуть погодя Джон заметил лужицу воды под садовым краном. Из крана тонкой струйкой текла вода. Джон повернул его на пол-оборота, озадаченно поскреб затылок и вернулся к своим делам. Но теперь он был начеку.

Днем позже он застал вора на месте преступления. На клубничной грядке сидело маленькое пугало, ростом ему по колено, в несоразмерно большой шляпе, закрывавшей половину его лица. При появлении Джона пугало пустилось наутек. Однако уже на следующий день оно выказало отчаянную отвагу, торопливо пожирая ягоды прямо на глазах у садовника, которому пришлось прогонять его криком и взмахами рук. Джон терялся в догадках. У кого в деревне мог быть такой ребенок – очень маленький и очень голодный? Кто из местных жителей мог посмотреть сквозь пальцы на то, как его дитя ворует фрукты в чужих садах? Перебрав в уме кандидатуры, он так не нашел никого подходящего.

Вскоре он обнаружил следы постороннего присутствия в сарае. Кипа старых газет лежала не там, где он их оставил, а большая плетеная корзина – он это отлично помнил – раньше занимала место у стены в ряду ей подобных.

В тот вечер он, прежде чем уйти в дом, повесил на дверь сарая замок.

Проходя мимо крана, он снова увидел бегущую струйку. В

раздражении Джон туго, изо всех сил, завернул кран – на четверть оборота больше обычного. «Пусть теперь попробует», – подумал он.

Среди ночи он проснулся и не сразу понял причину охватившего его беспокойства. «А где он теперь будет ночевать, если не сможет пролезть в сарай и устроить постель из старых газет в плетеной корзине? – спрашивал Джона внутренний голос. – А как он сможет попить воды, если кран слишком туго завернут?» Ворча на самого себя за эту полуночную блажь, он открыл окно, чтобы проверить, какая стоит погода. Период ночных заморозков уже миновал, но для этого времени года было весьма прохладно. А насколько сильнее мерзнет тот, кто вдобавок еще и голоден? А насколько страшнее кажется тьма, если тебе всего год и неделя от роду?

Джон покачал головой и закрыл окно. Да разве кто-нибудь из деревенских допустит, чтобы их ребенок остался на ночь здесь, в этом саду? Разумеется, нет. И тем не менее в пять утра он уже был на ногах. Он прошелся по саду, осмотрел грядки и фигурные кусты, составляя план работ на предстоящий день. В течение всего утра он то и дело поглядывал на клубнику, но маленькое пугало в шляпе не появлялось.

– Что с тобой нынче? – поинтересовалась Миссиз, когда он в молчаливой задумчивости сидел над чашкой кофе за кухонным столом.

– Ничего, – сказал Джон.

Он допил кофе и вернулся в сад. Здесь он первым делом осмотрел все ягодные кусты.

Ничего.

Когда настало время второго завтрака, он обнаружил у себя отсутствие аппетита и съел только половину сэндвича, оставив другую половину на перевернутой кадке рядом с водопроводным краном. Чуть погодя, обзывая себя «старым дурнем», он присовокупил к этому и печенье. Он отвернул тугой кран (что оказалось нелегко даже для взрослого мужчины), наполнил водой лейку, полил ближайшие грядки и вновь подставил лейку под кран. Струя звонко била в жестяное дно, и звук этот разносился по всему саду. Джон демонстративно не глядел по сторонам.

Затем он отошел на десяток шагов, присел на корточки спиной к крану и принялся чистить пустые горшки из-под рассады. Дело, безусловно, полезное: если горшки не очищать в период между посадками, растения могут подхватить какую-нибудь заразу.

Позади него тихонько скрипнул отворачиваемый кран.

Джон никак не среагировал. Методично орудуя щеткой, он дочистил горшок и отложил его в сторону.

Его дальнейшие действия были стремительны, как у охотящейся

лисицы. Секунда – и он на ногах, другая – и он уже возле водопроводного крана.

Впрочем, ему не было нужды так сильно спешить.

Застигнутое врасплох пугало кинулось прочь, но тут же споткнулось и упало. Оно успело подняться и пробежать еще несколько шагов, прежде чем упасть снова. Джон схватил его, поднял за шиворот – весу в нем было как в котенке – и повернул лицом к себе. При этом старая шляпа слетела с головы мальчика.

Тот был кожа да кости – миниатюрный живой скелет. Гноящиеся глаза, слипшиеся от грязи волосы, жуткая вонь. И два багровых пятна на впалых щеках. Джон потрогал его лоб: горячий, как сковородка. Занеся мальчика в сарай, Джон обратил внимание на его распухшие, все в ссадинах, босые ноги. На одной ступне из-под слоя грязи сочился гной – вероятно, воспаление от глубокой занозы. Ребенка била дрожь. Полный набор: лихорадка, боль, голод, страх. Если бы Джону попало дикое животное в таком состоянии, он просто взял бы ружье и пристрелил его из жалости.

Заперев свою добычу в сарае, он отправился за Миссиз. Та явилась и приступила к процессу опознания. Разглядывая ребенка, она слишком близко к нему наклонилась и получила в нос такой заряд зловония, что невольно сделала пару шагов назад.

– Нет, я не знаю, чей он. Может, если его немного отмыть...

– Предлагаешь окунуть его в бадью с дождевой водой?

– Скажешь тоже, в бадью! Я помою его в лохани на кухне.

В доме они первым делом сняли с него вонючее тряпье.

– Это надо сжечь, – сказала Миссиз, вышвыривая тряпки на улицу.

Тело его сплошь покрывала корка грязи. Вода в лохани моментально почернела. Чтобы сменить ее, дите извлекли и поставили на пол кухни; оно стояло нетвердо, в основном опираясь на более здоровую ногу. Голое, с бегущими по коже коричневыми струйками, выпирающими ребрами и тонкими, как хворостины, конечностями.

Экономка и садовник посмотрели на него, затем переглянулись.

– Джон, у меня слабые глаза. Скажи мне, ты видишь то же, что и я?

– Да уж... – промолвил Джон.

– А малец-то оказался девочкой!

Они кипятили воду кастрюля за кастрюлей, отскребали грязь мочалкой, мылили голову, выковыривали затвердевшую грязь из-под ногтей. Когда с мытьем было покончено, они пинцетом вытащили занозу из ступни – девочка вздрогнула, но не закричала. Они перевязали ранку на ноге, осторожно втерли подогретое касторное масло в гнойники вокруг

глаз, обработали лосьоном следы блошиных укусов, смазали вазелином потрескавшиеся губы. Они приложили прохладные фланельки к ее лбу и горящим щекам. Наконец они завернули ее в чистое полотенце и усадили к столу, где Миссиз принялась ложечкой вливать ей в рот ступ, тогда как Джон чистил для нее яблоко.

Девочка, давясь, торопливо проглатывала суп и кусочки яблока, а когда Миссиз намазала маслом ломтик хлеба, она набросилась на него с воистину волчьей жадностью.

Теперь они смогли ее как следует рассмотреть. Глаза девочки, промытые и очищенные от коросты, сверкнули осколками изумрудной зелени. Волосы, высыхая, приобретали яркий медно-красный оттенок. Высокие скулы резко выделялись на худом изможденном личике.

– Ты подумала о том же, что и я? – спросил Джон.

– Да уж... – промолвила Миссиз.

– Скажем ему об этом?

– Нет.

– Но она явно из их семьи. Ее место здесь.

– Это верно.

Оба ненадолго задумались.

– Как насчет доктора?

Лихорадочные пятна на щеках девочки были уже не столь яркими. Миссиз потрогала ее лоб. Жар начал спадать.

– Поглядим, как пойдут дела. Если что, завтра утром вызовем доктора.

– Оно бы лучше обойтись без него.

– Да уж. Оно бы лучше.

– Вот так все решилось, – сказала мисс Винтер. – Я была оставлена в доме.

– А как они вас называли?

– Миссиз пыталась приучить меня к имени Мэри, но это ей не удалось. Джон прозвал меня Тенью, потому что я следовала за ним как тень. Он научил меня читать, пользуясь вместо букваря каталогами семян, а позднее я уже сама добралась до библиотеки. Эммелина никак меня не называла, не видя в этом необходимости, поскольку я всегда была рядом. Имена нужны только для отсутствующих.

Какое-то время я молча обдумывала ее рассказ. Дитя-призрак. Без

матери. Без имени. Дитя, само существование которого скрывалось от окружающих. Тут нельзя было не посочувствовать. И все же...

– А как насчет Аврелиуса? Вы же сами знали, каково это – расти без матери! Почему вы его бросили? Те останки в Анджелфилде... Я полагаю, это Аделина убила Джона-копуна, но что с ней случилось после этого? И что произошло в ночь пожара?

Мы беседовали в темноте, и я не видела выражения лица мисс Винтер, но мне показалось, что она вздрогнула, посмотрев на застывшую в постели фигуру.

– Будьте добры, прикройте ее лицо простыней. Я расскажу вам историю о младенце. Я расскажу вам о пожаре. Но сначала позовите, пожалуйста, Джудит. Она еще не знает о случившемся. Пусть свяжется с доктором Клифтоном. Предстоят хлопоты.

Явившись в комнату умершей, Джудит первым делом позаботилась о живых. Взглянув на бескровное лицо мисс Винтер, она настояла, чтобы та легла в постель и приняла лекарство. Мы вместе докатили коляску до ее спальни; Джудит помогла ей переодеться в ночную сорочку, а я тем временем согрела воду и приготовила грелку.

– Я позвоню доктору Клифтону, – сказала Джудит. – Вы пока посидите с мисс Винтер?

Через несколько минут она показалась в дверном проеме и знаком пригласила меня выйти в смежную комнату.

– Я не смогла дозвониться, – сказала она шепотом. – В трубке тишина. Должно быть, снегопад оборвал провода.

Мы были отрезаны от мира.

Я вспомнила о листке с именем и телефонным номером, лежавшем в моей сумке, и почувствовала облегчение.

Мы договорились, что я останусь сиделкой при мисс Винтер на первую половину ночи, а Джудит отправится в спальню Эммелины, сделает все, что положено делать в таких случаях, и сменит меня, когда придет время давать мисс Винтер очередную дозу лекарства.

Нам предстояла очень долгая ночь.

МЛАДЕНЕЦ

Тело мисс Винтер на ее узкой кровати обозначалось едва заметным холмиком под одеялом. Дышала она медленно и осторожно, словно опасаясь выдать свое присутствие кому-то затаившемуся в засаде поблизости. Настольная лампа освещала сбоку ее острую скулу и белую дугу лба, оставляя глаз в темном провале тени.

На спинке стула я обнаружила золотистую шелковую шаль. Я накинула ее на абажур, чтобы смягчить и рассеять слишком резкий свет, падавший на ее лицо.

В комнате было тихо; я сидела и смотрела на нее, а когда она заговорила, я еле расслышала ее шепот.

– Сказать правду? Что ж, попробуем...

Слова отделились от ее губ и, слабо вибрируя, зависали в воздухе. Но вот они нашли верное направление, и рассказ начался.

Я не была добра с Амбросом. Хотя могла бы. И даже, пожалуй, должна была. В любой другой обстановке это выглядело бы вполне естественно: он был видным парнем, высоким и сильным, и его волосы красиво отливали золотом в лучах солнца. Я знала, что нравлюсь ему, и он не был мне безразличен. Но я не дала волю этому чувству. Я целиком посвятила себя Эммелине.

– Я недостаточно хорош для тебя, да? – однажды спросил он напрямик.

Я сделала вид, что его не слышу, но он был настойчив.

– Если я тебе не пара, скажи это мне в лицо!

– Ты даже не умеешь читать и писать, – сказала я. – Ты неграмотен.

Он улыбнулся, взял карандаш с подоконника и начал выводить буквы на каком-то подвернувшемся под руку бумажном клочке. Дело продвигалось медленно, буквы клонились из стороны в сторону, но разобрать их было можно: «Амброс». Закончив, он с гордостью показал мне свое написанное имя.

Я выхватила у него бумагу и, скатав в шарик, бросила ее на пол кухни.

Он перестал приходить на ежедневные чаепития. Я пила чай в

одиночестве, без привычной сигареты, сидя в старом кресле Миссиз и прислушиваясь к его шагам и звяканью лопаты снаружи. Ближе к вечеру он появлялся в дверях и вручал мне птицу или кролика – молча, с каменным лицом, отводя глаза. Он поставил крест на уходе. Как-то раз, прибираясь на кухне, я нашла в углу скомканную бумажку с его именем. Мне стало стыдно за себя, и я, вместо того чтобы выбросить этот клочок, зачем-то сунула его в висевшую за дверью охотничью сумку, в которой он обычно приносил дичь.

Когда я поняла, что Эмелина беременна? Это случилось через несколько месяцев после того, как юнец перестал пить со мной чай. Я догадалась об этом раньше, чем сама Эмелина; она была не из тех, кто следит за изменениями в собственном организме или думает о последствиях своих действий. Я расспросила ее об Амбросе. Пришлось потратить много времени и сил, пока она поняла, о чем именно ее спрашивают; при этом она совершенно не могла взять в толк, почему я сержусь.

– Он был такой грустный. Ты его обидела.

Вот и весь ответ, какой мне удалось из нее вытянуть. О юнце она говорила с сочувствием, а ко мне обращалась с мягким упреком.

– Ты хоть понимаешь, что у тебя будет ребенок? – спросила я.

Облачко изумления легко проскользнуло по ее лицу и тотчас растаяло. Казалось, ничто не могло поколебать ее безмятежное спокойствие.

Я уволила Амброса. Я выдала ему плату до конца недели и сказала, что больше не нуждаюсь в его услугах. Я избегала смотреть на него в ходе разговора. Я ничего ему не объяснила. Он ничего не спрашивал.

– Можешь идти, – объявила я. – Прямо сейчас.

Однако это было не в его правилах. На момент моего появления он был занят посадкой картошки и теперь довел до конца рядок, а затем тщательно очистил садовые инструменты, как его учил Джон, и отнес их в сарай. Покончив с этим, он постучал в дверь кухни.

– А где вы будете брать мясо? Ты хоть знаешь, как зарезать курицу?

Я покачала головой.

– Идем, – позвал он, и я последовала за ним к птичнику. – Это надо делать быстро, – пояснял он. – Быстро и чисто. Не задумываясь.

Он поймал одну из бродивших у нас под ногами птиц, зажал ее под мышкой и показал жестом, как надо сворачивать шею.

– Понятно? Я кивнула.

– Тогда попробуй сама.

Он отпустил курицу, которая, хлопая крыльями, приземлилась среди

своих товарок и вскоре затерялась в птичьей толчее.

– Что, прямо сейчас?

– А что вы будете есть сегодня на ужин?

Куры бродили по загону, поклевывая семечки; их рыжие перья блестели на солнце. Я попыталась схватить одну из них, но та ускользнула. Я бросилась на другую, и с тем же успехом. Третья попытка оказалась более удачной: я неловко, за ногу, поймала курицу, которая закудаhtала и панически забила крыльями. Удивляясь про себя, как это юнец так легко с ними справляется, я в результате упорной борьбы зажала жертву у себя под мышкой и нащупала пальцами ее шею.

– Быстро и чисто, – напомнил юнец, наблюдавший за моими действиями. По его голосу чувствовалось, что он сомневается в моих способностях.

Я собиралась убить птицу. Я настроилась убить птицу. И я стиснула ее шею. Но мои пальцы подчинились мне лишь отчасти. Сдавленный вопль вырвался из куриного нутра, и я, растерявшись, ослабила хватку. В следующую секунду птица вырвалась у меня из-под мышки, но моя рука инстинктивно продолжала сжимать ее горло. Курица отчаянно молотила воздух крыльями и ногами, пытаясь освободиться, и это ей почти удалось.

Стремительным движением юнец выхватил у меня курицу, и в тот же миг с ней было покончено.

Он протянул мне тушку, и я заставила себя ее взять – теплую, тяжелую, безжизненную.

Солнце золотило его волосы. Он посмотрел на меня, и взгляд этот был хуже любых бьющих крыльев и царапающих когтей. Хуже мертвой тушки у меня в руках.

Не говоря ни слова, он повернулся и пошел прочь.

Мне не было дела до этого юнца. Мое сердце принадлежало не мне, и так было всегда.

Я любила Эммелину.

Я знала, что она тоже меня любит. Однако Аделину она любила гораздо больше.

Это очень тяжело – любить одного из близнецов. Когда Аделина была с ней, Эммелина во мне не нуждалась, и я жила на обочине мира близняшек – пария, ничтожное существо, обреченное на роль стороннего наблюдателя.

Только когда Аделина надолго исчезла из дому, в сердце Эммелины нашлось местечко и для меня. Ее горе обернулось для меня радостью. Я, как могла, старалась ее развлечь, принося ей подарки – серебряные нити и

прочие яркие вещицы, – и понемногу мне удалось избавить ее от чувства одиночества. Она почти забыла о своей потере, найдя новую подругу в моем лице. Мы с ней играли в карты у камина, пели, болтали о том о сем. Мы были счастливы вместе.

А потом Аделина вернулась. Свирепым ураганом она ворвалась в дом, и с момента ее появления наш с Эммелиной маленький мирок разрушился, и я вновь очутилась на той же обочине.

Это было несправедливо. Эммелина любила Аделину, хотя та избивала ее и таскала за волосы. Эммелина любила Аделину, хотя та могла оставить ее и исчезнуть надолго неизвестно куда. Что бы ни вытворяла Аделина, это не сказывалось на отношении к ней сестры, ибо любовь Эммелины была абсолютной и неизменной. А я? Мои волосы были такими же рыжими, как у Аделины. У меня были такие же зеленые глаза. В отсутствие Аделины я могла обмануть любого, выдавая себя за нее. Любого, но только не Эммелину. Ее сердце знало правду.

Эммелина разрешилась от бремени в январе.

Никто ничего не узнал. По мере того как она полнела, она становилась все более ленивой, и потому ее ничуть не тяготило вынужденное затворничество. Поминутно зевая, она перемещалась из библиотеки в кухню, а оттуда в свою спальню, и этого жизненного пространства ей было вполне достаточно. Ее исчезновение из виду осталось никем не замеченным. Да и кто мог это заметить? Единственным посетителем усадьбы был мистер Ломаке, который приезжал в заранее известные дни и часы, и мне не составляло труда убрать Эммелину с глаз подальше к тому моменту, когда он должен был постучаться в дверь.

Мы почти не общались с другими людьми. Недостатка в овощах и мясе мы не испытывали: мне по-прежнему было не в радость убивать кур, но я все же научилась делать это быстро и чисто. Что до остальных продуктов, то за молоком и сыром я сама ходила на ближайшую ферму, а прочее еженедельно – утром в среду – доставлял из магазина мальчишка-велосипедист. Я встречала посыльного на аллее перед домом, забирала привезенную корзинку и, наградив за труды мелкой монетой, отпускала его восвояси. Я подумала, что для предосторожности не помешает, если чужие будут хотя бы изредка видеть вторую близняшку. И однажды, когда Аделина вела себя достаточно спокойно, я дала ей монету и отправила навстречу мальчишке. Я представила себе, как он, вернувшись в магазин, сообщает: «Нынче ко мне выходила другая сестра – ну та, чокнутая». Интересно, что подумал доктор, когда эта новость достигла его ушей? Но

вскоре я уже не могла использовать Аделину подобным образом. Беременность Эмmeliны очень странно повлияла на вторую близняшку: впервые в жизни у нее пробудился зверский аппетит. Как следствие, этот ходячий мешок с костями в короткий срок обзавелся округлыми формами и весьма пышным бюстом. Иной раз – особенно в полумраке, глядя под определенным углом, – даже я затруднялась определить, кто из них кто. И тогда мне Пришлось время от времени самой превращаться в «другую сестру». Растрепав свои волосы, загнув ногти и придав лицу диковатое выражение, я шла по аллее навстречу юному велосипедисту. Быстрота и развинченность моей походки убеждали его в том, что это «чокнутая». Я видела, как его пальцы нервно теребят руль. Искоса поглядывая на меня, он протягивал корзинку с продуктами и, поспешно сунув в карман монету, что было силы налегал на педали. А когда неделю спустя я встречала его уже в своем нормальном виде, мальчишка улыбался мне с видимым облегчением.

Скрыть беременность было не трудно. Гораздо больше меня тревожили предстоящие роды. Я имела лишь смутное представление о родовых муках. Мать Изабеллы не пережила свои вторые роды, и мысль об этом преследовала меня постоянно. Мне было страшно подумать о том, что Эмmeliна будет страдать и что ее жизнь подвергнется опасности. С доктором мы не ладили, и я не хотела допускать его в усадьбу. Стоило ему увидеть Изабеллу, как он тут же засадил ее в психушку. Это не должно было повториться с Эмmeliной. Позднее он разъединил Эмmeliну и Аделину. Это не должно было повториться с Эмmeliной и мной. Кроме того, визит доктора повлек бы за собой массу других проблем. Мне удалось его обмануть, внушив, что пресловутая «девочка из мглы» вышла на волю, чудесным образом прорвав оболочку той бессловесной куклы, которая некогда провела два с лишним месяца в его доме. Однако, обнаружив в усадьбе трех девочек, он бы тотчас раскрыл обман. Если бы все ограничилось только одним визитом во время родов, я могла бы запереть Аделину в бывшей детской и скрыть ее существование от доктора. Но потом, когда всей округе станет известно, что в Анджелфилде появился младенец, любопытствующим визитерам уже не будет конца. В таких условиях сохранить тайну не удастся.

Я видела всю сложность моего положения. Я сознавала себя членом этой семьи; я знала, что этот дом – мой дом. Я не имела другого дома, кроме Анджелфилда; не имела другой любви, кроме Эмmeliны; не имела другой жизни, кроме жизни здесь. Однако у меня не было иллюзий относительно того, насколько призрачными будут выглядеть мои права и претензии в глазах окружающих. На кого я могла рассчитывать? Доктор

вряд ли выступит в мою поддержку, а мистер Ломаке, который до сих пор был со мной добр, наверняка изменит свое отношение, узнав, что я выдавала себя за Аделину. Привязанность ко мне Эммелины и моя привязанность к ней в этой ситуации вряд ли будут приняты в расчет.

Между тем Эммелина провела эти месяцы затворничества в обычном для нее безмятежном и бездумном состоянии. Для меня же это было время мучительных сомнений и колебаний. Как поступить, чтобы не навредить Эммелине и при этом не пострадать самой? И каждый день я откладывала окончательное решение на завтра. В первые месяцы я была уверена, что выход найдется сам собой. Разве я не решила все другие проблемы, несмотря ни на что? Значит, и эта решится, дайте срок. Но время шло, проблема назревала, а решения не было. Порой я была уже готова схватить пальто и мчаться к доктору, чтобы выложить ему всю правду, но уже в следующую минуту меня останавливала другая мысль: сделать это означало разоблачить себя со всеми вытекающими последствиями, включая, вполне вероятно, изгнание из Анджелфилда. «Завтра, – говорила я себе, вешая пальто обратно на крючок. – Я подумаю об этом завтра».

И вот настал момент, когда откладывать на завтра было уже поздно.

Среди ночи меня разбудил пронзительный крик. Эммелина!

Но это кричала не Эммелина. Эммелина, лежа в своей постели, пыхла и тяжело дышала; она всхрипывала, как животное, и обливалась потом; она выпучила глаза и оскалила зубы; но при всем том – не кричала. Она проглатывала свою боль, и та внутри нее обращалась в силу. Разбудивший меня крик, как и последующую серию воплей, издавала Аделина; и так продолжалось вплоть до утра, когда Эммелина разрешилась от бремени мальчиком.

Это произошло седьмого января.

Эммелина заснула; она улыбалась во сне.

Я принялась обмывать младенца. Почувствовав теплую воду, он широко открыл глаза и уставился на меня с удивлением.

Занялся рассвет.

Время решений пришло и ушло; никакого решения так и не было принято, однако грозившая катастрофа миновала, и мы были спасены.

Жизнь могла продолжаться.

ПОЖАР

Мисс Винтер, похоже, предчувствовала появление Джудит: войдя в спальню, та застала нас в молчании. Она принесла мне на подносе чашку какао и предложила сменить меня у постели, если я слишком устала.

– Нет, спасибо, я в порядке, – сказала я.

Мисс Винтер отказалась от предложения экономки принять обезболивающее – белые таблетки, лежавшие на столике рядом с кроватью.

Когда Джудит вышла, мисс Винтер утомленно прикрыла глаза.

– Как ведет себя волк? – спросила я.

– Сидит тихо в уголке, – сказала она. – А почему бы и нет? Он уверен в победе и ждет своего часа. Он знает, что, когда это час настанет, я не буду сопротивляться. Мы с ним пришли к соглашению.

– Какому соглашению?

– Сперва он позволит мне закончить мою историю, а потом я позволю ему прикончить меня.

И она начала рассказывать историю о пожаре, а волк тихо сидел в уголке и вел счет произнесенным словам.

До рождения ребенка я мало думала о нем как таковом. Мои размышления на эту тему касались прежде всего способов, как скрыть младенца от посторонних и устроить его дальнейшую судьбу. Я решила, что некоторое время мы будем сохранять его существование в тайне, а затем, когда он немного подрастет, объявим его приемным сиротой, нашим дальним родственником. Разумеется, среди местных пойдут всякие сплетни насчет его происхождения; ну и пусть себе болтают – главное, чтобы они не знали наверняка. Планируя будущее младенца, я воспринимала его самого отвлеченно – просто как очередную проблему, которую предстояло разрешить. Я не задумывалась о том, что он моя родня, моя плоть и кровь. Я не готовилась его полюбить.

Он принадлежал Эммелине, и этого было достаточно. Он также принадлежал Амбросу, хотя об этом я старалась не вспоминать. Но при этом он теперь принадлежал и мне. Я восхищалась его кожей цвета жемчуга, розовым бутончиком его губ, неуверенными движениями

крохотных ручек. Меня переполняло страстное желание сберечь его ради Эммелины, сберечь Эммелину ради него, сберечь их обоих ради себя самой. Я не могла наглядеться на Эммелину с младенцем. Они были восхитительны. Я должна была защитить их любой ценой. И, как вскоре выяснилось, они действительно нуждались в защите.

Аделина страшно ревновала Эммелину к младенцу. Ревновала гораздо сильнее, чем к Эстер или ко мне. Этого и следовало ожидать: Эммелине нравилась Эстер, Эммелина любила меня, но ни одна из этих привязанностей не посягала на верховенство ее любви к Аделине. А вот младенец – это совсем другое дело. Для Эммелины он был превыше всего.

Меня не должна была удивить эта ненависть. Я знала, какие уродливые формы может принимать гнев Аделины; я видела, сколь дикой может быть ее жестокость. И все же в тот день, когда я впервые поняла, как далеко она способна зайти, мне было нелегко в это поверить. Однажды, проходя мимо спальни Эммелины, я тихонько приоткрыла дверь, дабы убедиться, что она еще спит. В комнате находилась Аделина; она стояла, склонившись над колыбелью рядом с кроватью сестры, и что-то в ее позе вызвало у меня тревогу.

Услышав мои шаги, она вздрогнула, повернулась и быстро покинула спальню. В руках она держала маленькую подушку.

Я бросилась к колыбели. Ребенок спокойно спал, откинув в сторону одну ручку, дыша легко и чисто, как дышат младенцы.

Спасен!

До следующего раза.

Я начала следить за Аделиной. Пригодился мой давний опыт призрачного обитания в стенах этого дома: я знала все ходы и укрытия, я наблюдала за ней через дырочки в портьерах и сквозь ветви тисовых кустов. Ее поведение ставило меня в тупик. Внутри и вне дома, независимо от времени суток и погоды, она выполняла одни и те же бессмысленные действия, словно подчинялась невесть откуда исходившим приказам. Одно из таких действий привлекло мое внимание особо. Один, два, а то и три раза на дню она заходила в каретный сарай и появлялась оттуда с канистрой бензина, которую относила в гостиную, в библиотеку или в сад и там припрятывала. Она действовала с виду осознанно и целеустремленно, но при том вряд ли ясно понимала, что делает. Дождавшись ее ухода, я убирала канистры обратно в сарай. Интересно, как она потом воспринимала их исчезновение? Быть может, она считала канистры способными перемещаться самостоятельно, по их собственной воле? Или, может, она успевала забыть о недавнем переносе канистр и считала

смутные воспоминания об этом лишь своим замыслом, который еще только предстояло осуществить? Во всяком случае, она не казалась озадаченной их отсутствием в тех местах, где они были оставлены ею накануне, а просто заново направлялась в сарай и деловито перетаскивала оттуда «своенравные» емкости, пряча их в разных укромных уголках.

Выслеживание Аделины и возвращение бензина на место отнимало у меня добрую половину дня. Однажды, не рискнув надолго оставить без присмотра спящих Эммелину и младенца, я перепрятала одну из канистр тут же в библиотеке, за рядом книг на верхней полке. Мне подумалось, что так оно будет надежнее, поскольку, относя канистры обратно в сарай, я создавала предпосылки для того, чтобы эта дурацкая карусель крутилась до бесконечности. Только удалив один за другим сами объекты ее нездорового интереса, я могла положить этому конец.

Слежка за ней меня измотала, тогда как Аделина не ведала усталости. Спала она очень мало и могла подняться в любой час ночи. Я же буквально валилась с ног. Однажды вечером Эммелина рано легла в постель; ребенок, как обычно, находился рядом с ней в колыбели. Накануне весь день у него побаливал живот; он был беспокоен и криклив, но сейчас почувствовал себя лучше и крепко заснул.

Я задернула шторы.

Пора было пойти проверить Аделину. Я очень устала от постоянного напряжения. Следя за Эммелиной и ее дитем, когда они спали, и следя за Аделиной, когда они бодрствовали, я сама хронически не высыпалась. В спальне было так тихо и покойно. Ровное дыхание Эммелины действовало на меня расслабляюще. А рядом с ней едва слышно дышал младенец. Я вслушивалась в умиротворяющую гармонию их дыхания и представила себе (к тому времени я завела привычку мысленно облекать в слова любые свои ощущения), как их дыхание проникает в меня и сливается с моим дыханием, словно мы трое – я, Эммелина и младенец – являемся одним целым. Убаюканная этой мыслью, я незаметно погрузилась в сон вслед за ними.

Что-то меня разбудило. Подобно кошке, я насторожилась еще до того, как открыла глаза. Я не пошевелилась, продолжая дышать ровно и наблюдая за Аделиной сквозь ресницы.

Она извлекла младенца из колыбели и направилась к выходу из спальни. Я могла бы остановить ее, подав голос. Но я этого не сделала. Будучи остановлена сейчас, она отложила бы исполнение своего плана, а я хотела выяснить, в чем этот план состоит, чтобы пресечь его раз и навсегда. Ребенок зашевелился у нее в руках, начиная просыпаться. Он привык

только к рукам Эммелины, и его не могло обмануть никакое близнецовое сходство.

Я последовала за ней вниз по лестнице до библиотеки. Дверь последней она оставила приоткрытой, что позволило мне следить за ее действиями. Она положила ребенка на стол рядом со стопкой моих любимых книг, которые я постоянно перечитывала и потому не убирала на полки. Я видела, как младенец сучит ножками под одеялом, и слышала его приглушенное кряхтение. Он уже пробудился.

Аделина стояла на коленях перед камином. Она хватала куски угля из ящика и сложенные у стены поленья и запихивала все это в очаг. Она не умела правильно разводить огонь. В свое время Миссиз научила меня, как надо укладывать бумагу, щепки, поленья и уголь, чтобы огонь быстро разгорелся. До сей поры все попытки Аделины самостоятельно затопить камин оканчивались ничем.

Мало-помалу до меня доходила суть ее замысла.

У нее не должно было получиться. Зола в очаге едва теплилась и не могла воспламенить уголь и дрова, а спички и щепу для растопки я прятала в надежном месте. Однако я не была полностью уверена. Ее яростное стремление возжечь пламя вполне могло заменить отсутствующую растопку. Она казалась способной взглядом высекать искры. Наполнявшая ее существо разрушительная энергия была столь велика, что при очень сильном желании Аделина могла бы, наверное, поджечь и воду.

С ужасом я увидела, как она кладет на кучку углей в камине младенца, по-прежнему с головой завернутого в одеяло.

Затем она огляделась по сторонам, как будто что-то искала, и быстро пошла к двери. Когда та распахнулась, я отскочила в тень. Аделина меня не заметила. Ее интересовало что-то другое. Она проследовала по коридору и свернула в проход под лестницей.

Я бросилась к очагу, вынула младенца из одеяла и, завернув вместо него изъеденный молью валик от мягкого кресла, положила этот сверток обратно на угли. Но у меня уже не было времени уйти. В коридоре послышались шаги и дребезжание влачимой по полу канистры с бензином, дверь распахнулась, и я едва успела скрыться в нише между стеллажами.

«Тихо, только не плачь», – мысленно просила я ребенка, прижимая его к себе, чтобы он не замерз без одеяла.

Аделина остановилась перед камином и уставилась на него, склонив голову набок. Неужели она заметила подмену? Как оказалось, нет. Она оглядела комнату, снова что-то разыскивая. Что на этот раз?

Малыш задержался у меня в руках и напряг спину – признак того, что

он был готов расплакаться. Я перехватила его поудобнее, пристроив голову у себя на плече и чувствуя его дыхание на своей шее. «Не кричи. Прошу тебя, не кричи».

Он успокоился; я снова посмотрела на Аделину.

Мои книги. Она брала их со стола. Те самые книги, мимо которых я не могла пройти без того, чтобы не открыть одну из них ради удовольствия прочесть хоть несколько слов в качестве своеобразного обмена приветствиями. Как странно было видеть их в руках Аделины! Она и книги – вещи несовместимые. Зачем они ей понадобились? Когда она открыла первую книгу, меня на мгновение посетила шальная мысль, что она сейчас и вправду начнет ее читать...

Она захватила в горсть страницы и выдрала их из книги, рассыпая по поверхности стола; часть страниц упала на пол. Затем она принялась хватать их обеими руками и сминать в неплотные бумажные комки. Очень быстро. Она была как смерч! И вот уже мои аккуратные томики превратились в гору скомканной бумаги. Кто бы мог подумать, что ее так много всего лишь в нескольких книгах! Я хотела закричать, но не смогла. Все слова, все эти прекрасные слова, были разорваны и смяты, и я, стоя в тени книжных шкафов, лишилась дара речи.

Она принялась охапками перетаскивать бумажную грудку к камину, наваливая ее поверх одеяльца, пока очаг не был доверху забит останками книг. «Джен Эйр», «Грозовой перевал», «Женщина в белом»... Иные бумажные комки скатывались сверху и падали на ковер, присоединяясь к тем, что она рассыпала в процессе переноски.

Один такой комок подкатился к моим ногам, и я, на секунду присев, молча его подобрала.

При виде этих исковерканных, бессмысленно разбегающихся в стороны или наползающих друг на друга слов мне стало плохо.

Гнев подхватил меня, ослепшую и задышающуюся, как подхватывает волна жертву кораблекрушения; рев штормового моря раздавался в моей голове. Я была готова закричать, выскочить из своего укрытия и наброситься на бесноватую тварь, но в руках у меня было сокровище Эмелины, и потому я стояла и смотрела, дрожа и беззвучно плача, на то, как ее сестра уничтожала сокровище, принадлежавшее мне.

Наконец она удовлетворилась своим погребальным костром – гора бумаги в очаге сама по себе выглядела монументом безумию. «Все вверх тормашками», – как сказала бы Миссиз. Чтобы огонь в очаге нормально разгорелся, бумага должна быть внизу. Но даже если бы Аделина сложила все, как полагается, это не имело значения: у нее не было спичек, чтобы

поджечь бумагу. И даже имея спички, она не достигла бы своей цели, поскольку мальчик, ее предполагаемая жертва, находился у меня в руках. Величайшим безумием с ее стороны было думать, что я позволю ей это сделать, что я не смогу спасти ребенка, которого она собралась сжечь заживо. Неужели эта бестия и вправду верила, что сможет вернуть любовь своей сестры, убив ее дитя?

Младенец снова завертелся и открыл рот, готовый заплакать. Что делать?

Нужно было срочно переместить его в безопасное место, чтобы уже потом разделаться с Аделиной. Мой мозг лихорадочно работал, выдвигая один план за другим. Любовь Эммелины к сестре исчезнет, как только она узнает, что та пыталась сделать с ее сыном. Мы сообщим полиции, что Аделина убила Джона-копуна, и ее арестуют. Нет, лучше мы скажем Аделине, что, если она не покинет Анджелфилд, мы сдадим ее полиции... Нет, не годится. И тут меня осенило! Мы сами покинем Анджелфилд. Именно так! Эммелина и я вместе с младенцем уедем отсюда и начнем новую жизнь втроем – без Аделины, без Анджелфилда, сами по себе.

Все было так просто, что я удивилась, почему мне раньше не приходила в голову эта мысль. Я столь живо и ярко представила себе наше будущее, что оно на миг показалось мне реальнее настоящего.

А между тем я уже на кухне. Ребенок помещен в охотничью сумку вместе со скомканной страницей из «Джен Эйр» и взятой мною со стола серебряной ложкой – на удачу^[24].

Куда теперь? Младенца надо спрятать неподалеку от дома, в месте, где ему не будет угрожать опасность и где достаточно тепло, чтобы он мог спокойно провести несколько минут, пока я буду объясняться с Эммелиной и убеждать ее последовать за мной...

Сарай не подходит: Аделина периодически там появляется. Часовня – то, что нужно! В часовню Аделина не заходит никогда.

Я бегу по аллее к часовне. Там на сиденьях в переднем ряду лежат подушечки для коленопреклонений во время молитвы. Я сооружаю из них подобие постели и кладу на нее сумку с младенцем.

Теперь надо спешить обратно в дом.

Я уже приближаюсь ко входу, когда мой план разбивается вдребезги – вслед за осколками стекла, вылетающими из окон библиотеки, внутри которой зловеще сияет живой огонь. В пустом оконном проеме я вижу всплески жидкого пламени от взрывающихся канистр с бензином. И еще я вижу две фигуры.

Эммелина!

Я вбегаю в дом; запах дыма чувствуется уже в холле, хотя его каменные стены и пол пока еще прохладны, да и пищи для огня здесь найдется немного. В дверях библиотеки я останавливаюсь, чтобы оглядеться: языки пламени бегут вверх по шторам; стеллажи пылают; жерло камина превратилось в настоящий ад. В центре комнаты я замечаю близняшек и на мгновение застываю, пораженная увиденным. Ибо Эммелина – пассивная и покорная Эммелина – теперь отвечает ударом на удар, пинком на пинок, укусом на укус. Прежде она никогда не сопротивлялась своей сестре, но сейчас она сражается с ней что есть сил. Сражается за своего ребенка.

А вокруг них и над их головами проносятся струи огня от все новых взрывающихся канистр.

Я открываю рот и хочу крикнуть Эммелине, что ее ребенок цел, но захлебываюсь раскаленным воздухом.

Я прыгаю через огонь, обхожу огонь, увертываюсь от падающего сверху огня, попутно руками сбивая огонь со своей одежды. Добравшись до центра комнаты, я не могу разглядеть сестер и слепо шарю в дыму. При моем прикосновении они вздрагивают и расцепляются. В какой-то миг я четко вижу Эммелину и она видит меня. Я хватаю ее за руку и тащу прочь из библиотеки, через пламя к двери. Но когда Эммелина понимает, что я делаю – увожу ее из огня в безопасное место, – она резко останавливается. Я тяну сильнее, она упирается.

– Он спасен, – говорю я хрипло, но достаточно внятно.

Почему она меня не понимает?

Я повторяю:

– Младенец. Я его спасла.

Слышит ли она меня? Она упорно противится, и вдруг ее рука выскальзывает из моей. Где же она? Все затянуто дымом.

Я снова иду в пламя, натыкаюсь на нее, хватаю и тащу назад.

Однако она не желает идти со мной и рвется в библиотеку.

Почему?

Она накрепко связана со своей сестрой.

Она связана.

Вслепую, задыхаясь, я следую за ней.

Я должна разорвать эту связь.

Закрыв глаза и выставив вперед руки, я бросаюсь в библиотеку. Мои руки находят ее, цепляются и не дают ей идти дальше. Я не позволю ей умереть. Я спасу ее. Преодолевая ее сопротивление, я рывком вытаскиваю ее в коридор.

Дверь библиотеки сделана из дуба. Это очень толстая и прочная дверь – такая не сразу поддастся огню. Я захлопываю дверь позади нас. Но она делает шаг и протягивает руку с намерением ее открыть. То, что тянет ее назад, сильнее любого огня.

В замке торчит ключ, которым не пользовались со времен Эстер. Он раскалился докрасна и прожигает мою руку, когда я его поворачиваю. Я совершенно не чувствую боли, но зато успеваю ощутить запах горелого мяса, когда ключ впивается в мою ладонь. Эммелина также дотягивается до ключа, чтобы отпереть дверь. Обжегшись о раскаленный металл, она испытывает шок, и в этот момент мне удается отвести ее руку.

Дикий вопль звучит у меня в ушах. Неужели так может кричать человек? Или это шум разрастающегося пожара? Я даже не в состоянии понять, откуда исходит этот звук: из запертой комнаты или из моей собственной груди. Начавшись с резкой гортанной ноты, он нарастает и на пике интенсивности поднимается до пронзительного визга, но и после этого – когда, казалось бы, уже не хватит никакого дыхания – тянется и тянется утробно низким воем, безграничным, заполняющим собой и поглощающим этот мир.

Наконец этот звук гаснет; теперь слышен только рев бушующего пламени.

Вот мы на улице. Идет дождь. Мы падаем на мокрую траву и катаемся по ней, чтобы погасить тлеющие волосы и одежду. Прохладная влага приносит облегчение обожженной коже. Потом мы замираем, лежа на земле лицами вверх. Я ловлю ртом капли дождя. Они текут по лицу, промывают глаза, и я снова обретаю способность видеть. Никогда прежде я не видела такого неба: густо-синего, с проносящимися в вышине аспидно-черными тучами и падающими наземь серебристыми лезвиями дождевых струй, а на этом фоне – ярко-оранжевое зарево пылающего дома, фонтан огня. Небо рассекает зигзаг молнии, за ним еще и еще.

Младенец. Я должна сказать Эммелине о младенце. Она будет счастлива узнать, что я его спасла. Это все поправит.

Я поворачиваю голову к ней и собираюсь заговорить. Ее лицо...

Ее бедное прекрасное лицо превратилось в красно-черную маску, месиво из копоти, ожогов и потеков крови.

Ее зеленые глаза пусты, ничего не видят и не узнают.

Я смотрю на это лицо и не нахожу в нем знакомых черт.

– Эммелина? – шепчу я. – Эммелина?

Она не откликается.

Мое сердце готово разорваться. Что я наделала? Неужели?.. Возможно

ли?..

Я страшусь узнать правду.

Я страшусь незнания.

– Аделина? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Но она – этот человек, этот некто, та или не та, одна либо другая, моя любимая или чудовище, эта не-знаю-кто, – она молчит.

Приближаются люди. На аллее слышны голоса, тревожно перекликающиеся в ночи.

Я поспешно отползаю в сторону, укрываясь за кустами. Увидев, что люди нашли лежащую в траве девушку, я оставляю ее на их попечение и бегу к часовне. Здесь я перекидываю через плечо ремень сумки с младенцем и, прижимая ее к себе, покидаю усадьбу.

В лесу темно и тихо. Кроны деревьев замедляют падение дождевых капель, с легким шелестом стекающих с ветвей на листву подлеска. Ребенок хнычет, но потом успокаивается и засыпает. Я направляюсь к домику на другом краю леса. Мне хорошо знаком этот дом. Я часто бродила в его окрестностях, еще будучи привидением. Здесь живет одинокая женщина. Много раз я подглядывала в окошко, когда она что-то делала по хозяйству, вязала или пекла, и она всегда казалась мне очень милой и славной. Читая в книгах про добрых старушек или фей-крестных, я неизменно представляла их с лицом этой женщины.

Я решила оставить ребенка у нее. Заглянув в окно, я вижу ее на обычном месте, в кресле перед камином. С задумчивым видом она распускает вязанье – просто тянет за нитку, а спицы лежат на столике рядом с ней. Под навесом крыльца есть сухое местечко. Я кладу туда сумку с младенцем и, спрятавшись за ближайшим деревом, жду.

Женщина открывает дверь. Она берет ребенка. Едва увидев выражение ее лица, я понимаю, что с ней он будет в безопасности. Она озирается. Смотрит в мою сторону, как будто что-то заметив. Может, я нечаянно качнула ветку, выдав свое местонахождение? Мне приходит в голову мысль выйти из-за дерева. Могу ли я довериться этой женщине? Пока я колеблюсь, ветер меняет направление и доносит до меня запах дыма. Она тоже улавливает этот запах, смотрит в небо, а затем поворачивает голову в сторону Анджелфилд-Хауса, над которым поднимается темный столб. Похоже, ее осеняет догадка. Она подносит сумку с младенцем к лицу и принюхивается. Сумка наверняка пахнет гарью после того, как соприкасалась с моей одеждой. Еще раз взглянув на столб дыма вдали, женщина перешагивает через порог и закрывает дверь.

Я остаюсь одна.

Без имени.

Без дома.

Без семьи.

Я никто и ничто.

Мне некуда идти.

У меня нет родни.

Я гляжу на свою обожженную руку, но не ощущаю боли.

Что же я такое? Да жива ли я вообще?

Я могу идти в любом направлении, но иду обратно к Анджелфилду. Это единственное место, которое я знаю.

Выйдя из-за деревьев на лужайку перед домом, я вижу пожарную машину. Деревенские жители с закопченными лицами, держа в руках ведра, стоят поодаль и наблюдают битву профессионалов с огнем. Некоторые женщины зачарованно следят за поднимающимися к небу клубами дыма. Тут же стоит карета «скорой помощи». Доктор Модели склонился над лежащей на траве фигурой.

Меня никто не замечает.

Невидимая, я стою на открытом месте чуть в стороне от всей этой бурной деятельности. Быть может, я и вправду ничто. Может, люди просто неспособны меня увидеть. Может, я погибла в огне и сама пока еще этого не осознаю. Может, я окончательно превратилась в то, чем была всегда: в привидение.

Но вот одна из женщин случайно бросает взгляд в мою сторону.

– Гляньте-ка! – кричит она, указывая на меня пальцем. – Вот и вторая!

Ее соседки поворачиваются ко мне, а одна из них бежит с этим сообщением к мужчинам. Они отрываются от созерцания пожара и также смотрят на меня.

– Слава богу! – восклицает кто-то.

Я открываю рот, чтобы сказать хоть что-нибудь. Но это у меня не получается. Я стою, совершая движения губами, но не произнося ни единого слова, ни единого звука.

– Не пытайтесь разговаривать, – говорит доктор Модели. Он уже рядом со мной.

Я смотрю на тело посреди лужайки.

– Она будет жить, – говорит доктор.

Я смотрю на дом.

Пламя. Мои книги. Это непереносимо. Я вспоминаю страницу из «Джен Эйр» – комок слов, спасенный мною из огня. Эти слова я оставила вместе с младенцем.

Я начинаю плакать.

– Она в шоке, – говорит доктор одной из женщин. – Укройте ее чем-нибудь теплым и побудьте с ней, пока мы занимаемся ее сестрой.

Женщина приближается ко мне и кудахчет слова утешения. Она снимает свой плащ и накидывает его мне на плечи осторожно и ласково, как будто укутывая ребенка. При этом она продолжает кудахтать:

– Ничего, вот увидишь, все обойдется, твою сестру вылечат... Ах ты, бедняжка.

Санитары перекладывают тело с травы на носилки и помещают его в карету «скорой помощи». Затем они помогают мне забраться туда же и усаживают рядом с носилками. Они везут нас в больницу.

Она смотрит в пространство широко открытыми, пустыми глазами. Я отворачиваюсь. Санитар склоняется над ней и, удостоверившись, что она дышит, обращается ко мне:

– Что с вашей рукой?

Я инстинктивно сжимаю левой рукой свою правую кисть, тогда как мое сознание по-прежнему не реагирует на боль.

Он берет меня за руку, и я позволяю ему разжать мои пальцы. Раскаленный ключ оставил глубокую отметину на моей ладони.

– Это заживет, – успокаивает санитар, – не беспокойтесь. Кстати, вы Аделина или Эмелина?

Не дождавшись ответа, он указывает на нее и спрашивает:

– Это Эмелина?

Я не могу отвечать, я не могу пошевелиться, я не чувствую саму себя.

– Ладно-ладно, – говорит он. – Главное, успокойтесь.

Он отказывается от попыток добиться от меня толку.

Я смутно слышу его бормотание:

– Однако мы ведь должны вас как-то зарегистрировать: Аделина, Эмелина, Эмелина, Аделина... Шансы поровну. Ну да ладно, выясним по ходу дела.

Больница. Распахиваются задние дверцы машины. Шум и суета. Торопливые неразборчивые голоса. Носилки перемещают на тележку, которая быстро катится прочь. Кресло-каталка. Меня берут под руки. «Садитесь сюда». Кресло движется. Голос за моей спиной:

– Не волнуйтесь, дорогая. Мы позаботимся о вас и о вашей сестре. Теперь вы в безопасности, Аделина.

Мисс Винтер уснула.

Я смотрела на ее полуоткрытый рот и короткий непослушный завиток волос на виске; спящая, она казалась очень-очень старой и совсем юной одновременно. С каждым вдохом одеяло слегка приподнималось над ее истощенным телом, а с каждым выдохом край простыни соприкасался с ее лицом. Вряд ли она это чувствовала, но тем не менее я наклонилась над ней, чтобы поправить простыню и пригладить упрямый седой завиток.

Она не пошевелилась. Я подумала: может, она не спит, а уже впала в беспамятство?

Не знаю, как долго после этого я просидела рядом с постелью. На столике были часы, но движения их стрелок давали мне не больше информации, чем однотонная синева морской поверхности на географической карте. Время волна за волной проходило через меня, пока я сидела с закрытыми глазами, но не засыпая, все время настороже, матери, стерегущей сон своего ребенка.

Я затрудняюсь с оценкой того, что случилось потом. Возможно, усталость вызвала у меня галлюцинацию. Возможно, я задремала, и это мне приснилось. Возможно также, что мисс Винтер действительно подала голос и произнесла свою последнюю фразу.

«Я передам ваше послание сестре».

Вздрагнув, я устремила взгляд на лицо мисс Винтер, но ее глаза были закрыты. Она по-прежнему казалась крепко спящей.

Я не увидела волка, когда он пришел. Я его не услышала. Все случилось очень просто: незадолго до рассвета я отметила какую-то особенно глубокую тишину в комнате и, прислушавшись, поняла, что единственная, кто здесь дышит, это я сама.

Завязка

СНЕГ

Мисс Винтер умерла. Снегопад продолжался. Когда в спальне появилась Джудит, мы с ней постояли у окна, озирая тускло-мрачное предраассветное небо. Постепенно в нем начала преобладать белизна, что означало наступление утра, и экономка отправила меня в постель.

Я пробудилась во второй половине дня.

Снег, перед тем лишивший нас телефонной связи, достиг уже уровня оконных карнизов и до половины завалил входные двери. Он отрезал нас от остального мира не менее основательно, чем запоры тюремной камеры. Мисс Винтер покинула нас вслед за женщиной, которую Джудит именovala Эммелиной, а я отныне предпочитала не именовать никак. Оставшиеся – Джудит, Морис и я – очутились в западне.

Кот проявлял беспокойство. В этом, судя по всему, был виноват снег: коту явно не нравилась столь разительная перемена в привычном ему окружении. Он перемещался от одного подоконника к другому в поисках своего утраченного мира и просительно мяукал, обращаясь ко мне, Джудит или Морису, как будто мы могли исправить случившуюся несправедливость. По сравнению с природным катаклизмом утрата хозяйки значила для кота гораздо меньше, если он вообще заметил это событие.

Снежная блокада отсрочила решение созданных двумя смертями проблем, и мы каждый на свой лад выдерживали эту мучительную паузу. Невозмутимая, как всегда, Джудит приготовила овощной суп, провела ревизию кухонных шкафов и кладовой и, покончив со всеми делами по хозяйству, занялась собой, сделав маникюр и косметическую маску. Морис, лишившийся своего фронта работ и очень этим недовольный, раскладывал бесконечные пасьянсы. Его раздражение достигло предела, когда ему пришлось пить чай без привычного молока, и, дабы вывести садовника из депрессии, Джудит сыграла с ним партию в кункен^[25].

Что до меня, то я два дня просидела над своими записями, а когда они были завершены, попыталась читать, но проверенное средство теперь не сработало. Даже Шерлок Холмс не смог добраться до меня в этой снежной пустыне. Я целый час провела в своей комнате за анализом причин охватившей меня меланхолии, в которой присутствовал какой-то новый элемент. Наконец я поняла, что мне просто не хватает мисс Винтер. Испытывая острый дефицит общения, я отправилась на кухню. Морис охотно согласился сыграть со мной в карты, несмотря на то что я знала

лишь самые простенькие, детские игры. Затем, пока Джудит сушила лак на своих ногтях, я приготовила для всех какао и чай без молока, а позднее Джудит занялась наведением лоска на мои ногти.

Таким манером трое людей и кот проводили день за днем, запертые в доме вместе с двумя мертвецами, и даже старый год, казалось, увяз в снегу, поневоле задержавшись сверх отведенного ему срока.

На пятый день у меня случился нервный срыв.

Перед тем я мыла на кухне посуду, которую вытирал Морис, тогда как Джудит раскладывала на столе пасьянс. Перемена занятий устраивала всех нас – хоть какое-то разнообразие. А когда мыть было уже нечего, я покинула компанию и перешла в гостиную. Ее окна выходили на подветренную сторону дома, и снег здесь лежал не таким толстым слоем. Я открыла окно, выбралась наружу и зашагала напрямик по сугробам. Все тягостные мысли, которые я годами сдерживала с помощью интенсивного чтения, теперь нахлынули на меня с удвоенной силой. Я села на скамью под тисовым деревом и предалась горю, глубокому и бескрайнему, как этот снег. Я плакала о мисс Винтер и о ее привидении, об Аделине и Эммелине. Я плакала о моей сестре, о моих маме и папе. Но самым горьким и неудержимым был мой плач о самой себе. Я горевала о младенце, в самом начале жизни оторванном от своей второй половинки; о девочке, склонившейся над старой жестянкой с обнаруженными в ней документами; о взрослой женщине, безутешно рыдающей на скамье в залитом зыбким светом снежном саду.

Когда я пришла в себя, рядом находился доктор Клифтон. Он положил руку на мое плечо.

– Я знаю, – сказал он. – Я знаю.

Конечно же, он не знал. Он не мог этого знать. Но на меня его слова подействовали утешительно. Я поняла, что он имел в виду. У всех нас есть свои печали и горести, и, хотя их тяжесть, очертания и масштабы различны в каждом отдельном случае, цвет печали одинаков для всех. «Я знаю», – сказал он и в общем смысле был прав, просто потому, что он, как и я, был человеком.

Он отвел меня в дом, в тепло.

– О боже! – сказала, увидев меня, Джудит. – Принести горячее какао?

– И добавьте в него чуть-чуть бренди, – сказал доктор. – Это не помешает.

Морис помог мне сесть и подбросил в огонь несколько поленьев.

Я маленькими глотками пила какао. На сей раз оно было с молоком, которое – как и доктора Клифтона – доставил сюда на тракторе один из

окрестных фермеров.

Джудит накинула мне на плечи шаль, после чего села к столу и занялась чисткой картошки. Она, Морис и доктор периодически отпускали замечания – о меню сегодняшнего ужина, о снегопаде, о шансах на скорое восстановление связи – и этими обыденными фразами положили начало трудному процессу нашего возвращения в ту колею, из которой нас жестко выбила смерть.

Понемногу их реплики становились все оживленнее, звучали все чаще и все более напоминали нормальную беседу.

Я слушала их голоса и через некоторое время сама включилась в разговор.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я вернулась домой.

То есть в наш магазин.

– Мисс Винтер умерла, – сказала я отцу.

– А ты? Как ты? – спросил он.

– Я жива.

Он улыбнулся.

– Расскажи мне о маме, – попросила я. – Почему она такая, какая есть?

И он рассказал:

– У нее были очень тяжелые роды. Она даже не смогла увидеть тебя сразу после твоего рождения. И никогда не видела твоей сестры. Она едва не умерла. А к тому времени, когда она пошла на поправку, тебя уже прооперировали, а твоя сестра...

– Моя сестра умерла.

– Да. И было неизвестно, выживешь ли ты. Я метался между ее постелью и твоей в страхе, что потеряю уже всех троих. Я молился всем богам, о каких когда-либо слышал, чтобы они спасли вас. И мои молитвы были услышаны. Отчасти. Ты выжила. Но твоя мама так и не вернулась к жизни полностью.

Была еще одна вещь, которую я давно хотела спросить.

– Почему ты никогда не рассказывал, что у меня была сестра-близнец?

Он страдальчески скривил лицо, проглотил комок в горле и сказал хрипло:

– История твоего рождения – это очень грустная история. Такой тяжкий груз не под силу нести ребенку. И я нес бы его за тебя, Маргарет, если бы только мог. Я сделал бы все, чтобы избавить тебя от этой ноши.

Мы сидели молча. Я подумала обо всех других, еще не заданных мною вопросах, но теперь задавать их уже не было необходимости.

Я потянулась к отцовской руке в тот же самый момент, когда он потянулся к моей.

За три дня я побывала на трех похоронах.

Мисс Винтер хоронили с размахом. Вся нация оплакивала свою

любимую рассказчицу, и тысячи читателей пришли проводить ее в последний путь. Я не стала ждать конца церемонии, поскольку мое прощание с умершей состоялось еще до этого.

Вторые похороны были несравненно скромнее. Только четверо – Джудит, Морис, доктор и я – присутствовали при погребении женщины, в ходе заупокойной службы именовавшейся Эммелиной. Сразу после отпевания мы расстались, коротко попрощавшись.

На третьих похоронах я была единственной провожающей. В крематории Банбери елейный пастор свершил обряд передачи «во длани Господа» кучки костей – останков неустановленной личности. Помимо Господних, праху предстояло побывать и в моих руках, поскольку я после кремации забрала урну «от имени и по поручению семейства Анджелфилдов».

В Анджелфилде появились первые подснежники. Их ростки, зеленые и свежие, пробивались сквозь мерзлую корку земли и выглядывали из-под снега.

Я стояла у входа на кладбище, когда сзади послышались шаги. Это был Аврелиус. На его плечах лежали снежинки; в руках у него был букет цветов.

– Аврелиус! Как же вы изменились! – сказала я.

– Меня доконала эта погоня за призраками.

Он осунулся и как-то весь поблек. Глаза его выцвели и своей бледной голубизной были под стать январскому небу. Заглянув в такие прозрачные глаза, вы сможете легко читать в сердце их обладателя.

– Всю свою жизнь я мечтал обрести семью. Я хотел узнать, кто я такой. Еще совсем недавно я надеялся, я думал, что у меня есть шанс. Но, похоже, я снова ошибся.

Мы прошли немного по тропинке и сели на скамью, смахнув с нее снег. Аврелиус пошарил в своем объемистом кармане и достал два завернутых в салфетку куска кекса. Рассеянным жестом он протянул один кусок мне, а во второй впился зубами сам.

– Это и есть то, что ты приготовила для меня? – спросил он, взглянув на урну. – Это конец моей истории?

Я вручила ему урну.

– Такая легкая, правда? Легкая, как воздух. И все же... – Его рука

направилась в область сердца; он явно искал жест, способный изобразить всю лежавшую на этом сердце тяжесть, но, не найдя его, снова занялся кексом.

Съев свою долю всю до последней крошки, он продолжил разговор:

– Если это была моя мать, то почему я оказался не рядом с ней? Почему меня не было с ней там, в этих руинах? Почему она отнесла меня к миссис Лав, а потом вернулась сюда, к горящему дому? Я не могу этого понять.

Следом за ним я прошла дальше по центральной тропе и свернула в лабиринт узких дорожек между могилами. Он остановился перед плитой, которую я уже видела во время прошлого посещения кладбища, и возложил цветы. Это было простое и скромное надгробие.

НЕЗАБВЕННОЙ ДЖОАН МЭРИ ЛАВ

Бедный Аврелиус. Он выглядел опустошенным. Я взяла его под руку, но он едва ли это заметил. Постояв так еще немного, он повернулся ко мне.

– Может, лучше вообще не иметь истории, чем иметь такую, которая меняется у тебя на глазах. Я всю жизнь гонялся за своей историей, а она от меня ускользала. Теперь я думаю: стоило ли так стараться, когда у меня была миссис Лав? Уж она-то меня любила, поверь.

– В этом я не сомневаюсь.

Я подумала, что она наверняка была ему лучшей матерью, чем мог бы стать кто-либо из близняшек.

– Возможно, иногда лучше не знать всю правду, – предположила я.

Он взглянул на могильную плиту.

– Ты и сама так считаешь?

– Нет.

– Тогда зачем ты это сказала?

Я отпустила его локоть и сунула замерзшие руки себе под мышки.

– Так сказала бы моя мама. Она предпочитает пустые невесомые истории чересчур тяжелой правде.

– Да, моя уж точно не из легких.

На это я ничего не сказала, а когда молчание слишком затянулось, решила поведать ему историю, но не его, а свою.

– У меня была сестра, – начала я. – Сестра-близнец.

Он нависал надо мной, закрывая плечами изрядную часть небосвода, и слушал с угрюмым вниманием.

– Мы были соединены при рождении. Вот здесь... – Я прикоснулась рукой к своему боку. – Она не смогла жить без меня. Мое сердце билось для нас двоих. Но я бы не выжила вместе с ней. Она забирала из меня всю силу. Нас разделили, и она умерла.

Я надавила левой рукой на правую, прижатую к месту шрама.

– Моя мама никогда мне об этом не рассказывала. Она считала, что мне лучше этого не знать.

– Невесомая история.

– Да.

– Однако ты узнала.

Я надавила себе на бок еще сильнее.

– Я узнала это случайно.

– Мне жаль, – сказал он.

Я почувствовала, как он берет обе мои руки, которые утонули в его огромной ладони. Другой рукой он притянул меня к себе. Через несколько слоев одежды я ощутила тепло его тела и услышала ритмичный глухой шум. Удары его сердца, догадалась я. Другого человеческого сердца у самого моего бока. Так вот как оно могло бы быть. Я вслушивалась и представляла.

Затем мы разъединились.

– Значит, лучше все-таки знать всю правду? – спросил он.

– Я в этом не уверена. Но, узнав ее однажды, ты уже не сможешь вернуться назад, к незнанию.

– И ты знаешь мою историю.

– Да.

– Всю правду.

– Да.

Он недолго колебался. Только сделал глубокий вдох и как будто стал еще выше.

– Тогда давай выкладывай, – сказал он.

И я выложила ему всю правду. Пока я рассказывала, мы медленно шли, не разбирая дороги, а когда я закончила, мы стояли перед белой пустотой, в которую, кружась, улетали снежинки.

Неся урну с прахом, Аврелиус приблизился к могиле.

– Мне кажется, это не совсем по правилам, – сказал он. Мне тоже так казалось.

– А как еще мы можем поступить?

– На такой случай правила не предусмотрены, верно?

– Любой другой вариант будет только хуже.

– Тогда начнем.

Его складным ножом мы выкопали ямку над гробом женщины, которую я знала под именем Эммелина. Аврелиус высыпал в ямку пепел из урны, и мы прикрыли его комьями мерзлой земли, которую Аврелиус утрамбовал, налегая всем своим весом. Сверху мы положили венок.

– Когда сойдет снег, никаких следов не останется, – сказал он, отряхивая брюки.

– Аврелиус, это еще не вся ваша история.

И я повела его в другую часть кладбища.

– Теперь вы знаете вашу мать. Но известен и ваш отец. – Я указала на могильную плиту с надписью. – Помните клочок бумаги, который вы мне показывали? Вы смогли разглядеть на нем буквы «А» и «С». Это его имя. И сумка принадлежала ему. В ней обычно носили дичь – отсюда и завалившееся перо.

Я сделала паузу, дожидаясь, когда Аврелиус переварит эту информацию. Его можно было понять: уж слишком много всего сразу на него свалилось. Когда он кивнул, я продолжила:

– Он был добрым человеком. В этом вы с ним очень похожи.

Аврелиус ошеломленно смотрел на могилу. Еще одна новость. И еще одна утрата.

– Он тоже мертв, как я вижу.

– Но и это еще не все, – сказала я тихо.

Он взглянул на меня с ужасом: неужели счет его потерям не закончен?

Я взяла его за руку. Я улыбнулась.

– Много лет спустя после вашего рождения Амброс женился. У него был еще один ребенок.

Я дала ему несколько секунд. Уяснив наконец, о чем идет речь, он воспрянул к жизни.

– Так, значит, у меня есть... А она... он... она...

– Да, у тебя есть сестра!

По его лицу начала расползаться улыбка. Я пошла дальше.

– И у нее есть дети. Мальчик и девочка.

– Племянница! Племянник!

Я взяла его за руки, чтобы остановить их дрожь.

– Семья, Аврелиус. Ваша семья. И вы их уже знаете. Они вас ждут прямо сейчас.

Я с трудом поспевала за ним, когда он покинул кладбище и двинулся к выходу из усадьбы. Он ни разу не оглянулся и замедлил шаг только в

воротах, когда я его окликнула:

– Аврелиус! Я чуть не забыла вручить вам это.

Все еще пребывая в эйфории, он взял у меня белый конверт, вскрыл его, извлек на свет поздравительную открытку и взглянул на меня вопрошающе:

– Что? В самом деле?

– В самом деле.

– Именно сегодня?

– Сегодня!

И тут на меня что-то нашло. Я сделала то, чего никогда не делала прежде и чего никто не мог от меня ожидать. Я разинула рот и завопила во весь голос:

– С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Я, должно быть, слегка свихнулась, а опомнившись, почувствовала себя очень неловко. Впрочем, Аврелиусу не было до этого дела. Он стоял неподвижно, закрыв глаза и подняв лицо к небу. И все счастье этого мира нисходило на него с вышины вместе с падающим снегом.

В садике перед домом Карен мы увидели множество следов на снегу, маленьких и еще меньше. Следы шли попарно большими кругами: похоже, здесь недавно играли в пятнашки. Самих детей видно не было, но, приближаясь к дому, мы услышали их голоса под ветвями тисового дерева.

– Давай сыграем в Белоснежку.

– Фу, это девчоночья история.

– А ты какую хочешь?

– Ту, что про ракеты.

– Я не хочу быть ракетой. Лучше в корабли.

– Корабли были вчера.

Услышав наши шаги, они выглянули из своего укрытия. В капюшонах, скрывающих волосы, было почти невозможно отличить брата от сестры.

– Сюда идет пирожник!

Карен вышла из дому и направилась через лужайку навстречу нам.

– Сказать вам, кто это? – обратилась она к детям, улыбкой поприветствовав Аврелиуса. – Это ваш родной дядя.

Аврелиус переводил взгляд с Карен на детей и обратно, не в силах охватить им всех одновременно и не зная, на ком этот взгляд задержать. Слов он не находил, но, когда Карен протянула ему руку, сумел ответить пожатием.

– Оно все как-то уж очень... – промямлил он.

– Это верно, – сказала Карен. – Но со временем мы привыкнем, не так

ли?

Он кивнул. Дети с любопытством наблюдали за этой сценой.

– Во что вы играете? – спросила их Карен, чтобы разрядить обстановку.

– Сами не знаем, – сказала девочка.

– Еще не решили, – сказал ее брат.

– А ты знаешь какие-нибудь истории? – спросила Эмма Аврелиуса.

– Только одну, – ответил он.

– Всего одну? – изумилась она. – А в ней есть принцессы?

– Нет.

– Динозавры?

– Нет.

– Тайные подземелья?

– Нет.

Дети переглянулись. Похоже, эта история была не так чтобы очень.

– А мы знаем кучу историй, – заявил Том.

– Огромную кучу, – подхватила его сестра. – О принцессах, заколдованных жабах, волшебных замках, феях-крестных...

– Гусеницах, кроликах, слонах...

– О разных зверях.

– Да, о самых разных.

Оба смолкли, продолжая вспоминать великое множество известных им сказочных миров. Аврелиус смотрел на них, как на какое-то чудо.

Наконец дети вернулись к реальности.

– Мы знаем миллионы историй, – подытожил мальчик.

– Хочешь, расскажу тебе одну из них? – спросила девочка своего новоявленного дядю.

Я подумала, что на сегодня с дяди, пожалуй, хватит историй, однако он согласно кивнул.

Девочка выловила из воздуха невидимый предмет и поместила его на раскрытую ладонку правой руки, а затем левой рукой показала, как открывает книгу. Обведя взглядом присутствующих и убедившись, что они готовы слушать, она заглянула в воображаемую книгу и начала:

– Давным-давно жили-были...

Карен, Том и Аврелиус: три пары глаз внимательно следили за рассказчицей. Им будет хорошо вместе.

Незаметно я отделилась от их компании и пошла прочь по единственной улице Анджелфилда.

ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА

Я не буду публиковать биографию Виды Винтер. Общественность может сколь ей угодно изнывать от жажды сенсаций, но это не моя история, и не мне ее рассказывать. Аделина и Эммелина, пожар и привидение – все это отныне принадлежит Аврелиусу. То же касается могил на кладбище в Анджелфилде и его дня рождения, который он волен отмечать на свой лад. Правда и без того слишком тяжелая вещь, чтобы дополнять ее грузом чужого праздного любопытства. Предоставленные самим себе, они с Карен сумеют перевернуть страницу и заново начать свою историю.

Но годы уходят. Когда-нибудь Аврелиус покинет этот мир; когда-нибудь это случится и с Карен. Двое детей, Том и Эмма, уже гораздо больше удалены во времени от описанных здесь событий и связаны с ними гораздо слабее, чем их дядя. С помощью своей мамы они начали создавать собственные истории: простые, добротные и правдивые. Наступит день, когда Изабелла и Чарли, Аделина и Эммелина, Миссиз и Джон-копун, а также девочка без имени – все они уйдут так далеко в прошлое, что уже не смогут вызывать страх или боль при воспоминании. Они станут всего-навсего давней историей, неспособной причинить вред кому бы то ни было. И когда этот день придет, я – сама к тому времени будучи уже старушкой – передам Тому и Эмме эту рукопись. Они прочтут ее и, если посчитают нужным, опубликуют.

Я очень надеюсь на то, что они доведут дело до публикации. А пока этого не произошло, меня будет неотступно преследовать образ девочки-привидения. Она будет все время блуждать в моих мыслях и снах, ибо сейчас у нее нет другого пристанища, кроме моей памяти. Пристанище более чем скромное, но это все же не забвение. Надеюсь, этого ей хватит, чтобы продержаться до того времени, когда Том и Эмма выпустят ее историю в свет, и тогда ее посмертное существование может оказаться даже более полноценным, чем оно было при ее жизни.

История призрачной девочки еще не скоро станет достоянием гласности (если станет вообще). Однако это не означает, что мне нечего сообщить миру прямо сейчас и хотя бы отчасти удовлетворить любопытство бесчисленных поклонников таланта Виды Винтер. На такой случай я имею кое-что в запасе. Во время нашей последней встречи с мистером Ломаксом, когда я уже собралась прощаться, он задержал меня словами: «Осталась еще одна вещь». Открыв ящик стола, он достал из него

толстый конверт.

Этот конверт был при мне в ту минуту, когда я, не привлекая к себе внимания, покинула садик перед домом Карен и направилась обратно к усадьбе. Площадка под строительство нового отеля уже была разровнена, и, когда я попыталась припомнить облик старого здания, в памяти всплыли только мои собственные нечеткие фотоснимки. Чуть погодя я вспомнила, что дом был странно сориентирован на местности, глядя фасадом куда-то в сторону от приближавшегося к нему путника. Новое здание в этом плане окажется более выигрышным. Оно будет смотреть прямо на вас.

Я сошла с аллеи и двинулась напрямик через заснеженную лужайку к оленьему парку и лежавшему за ним лесу. Голые ветви прогибались под тяжестью снега, который временами срывался с них и мягко шлепался наземь. Наконец я достигла поляны на скате холма, откуда открывался превосходный вид на окрестности. Я увидела часовню и кладбище с яркими пятнами свежих цветов на снегу, белокаменные ворота усадьбы и каретный сарай, уже вызволенный из плена колючих зарослей. Только сам дом исчез без следа. Люди в желтых касках стерли прошлое, оставив на его месте чистую страницу, пригодную для заполнения. Наступил переломный момент. Отныне это было уже не место сноса. Завтра – а то и сегодня – с возвращением рабочих это место станет уже настоящей строительной площадкой. После уничтожения прошлого пришла пора строить будущее.

Я вынула конверт из сумки. Я его еще не распечатывала, все выбирая подходящее время. И подходящее место.

Надпись на конверте казалась старательно выведенной неумелой рукой. Нажим был неравномерен: местами линия почти исчезала, а местами перо глубоко вдавилось в бумагу. Все буквы были написаны отдельно, без связующих линий, что указывало на затруднение, с которым автор одолевал их одну за другой, выстраивая слова. Это был почерк ребенка либо очень старого человека. Письмо было адресовано «мисс Маргарет Ли».

Я вскрыла конверт, извлекла его содержимое и присела на поваленное дерево, ибо не в моих правилах читать стоя.

Дорогая Маргарет.

Вот история, о которой я вам говорила.

Я много раз пыталась ее дописать, но так и не смогла. И я решила: пусть эта сказка, вокруг которой было поднято столько шума, остается в том виде, как она есть. Это зыбкая вещь: кое-что ни о чем. Поступайте с ней, как вам будет угодно.

Что касается заглавия, то в качестве такового мне виделось «Дитя Золушки», однако я достаточно хорошо знаю своих читателей и потому не затрудняю себя выбором: как бы я ее ни назвала, всему миру она уже известна под названием, которое принадлежит не мне.

Подписи не было. Ни имени, ни инициалов.

Зато к письму прилагалась история.

Это была сказка о Золушке, но совсем не такая, какую я знала с детства. Лаконичная, злая и жесткая. Фразы мисс Винтер напоминали острые осколки стекла, сверкающие и опасные.

Представьте себе, – начиналась сказка, – юношу и девушку; кто-то из них богат, а кто-то беден. Чаще всего в таких историях бедной бывает девушка, и наша история не исключение. Бала в прекрасном дворце не потребовалось. Для этих двоих оказалось достаточно встречи в лесу, где случайно пересеклись их пути. Давным-давно жила-была добрая фея, но наша история относится ко временам не столь давним. Так что доброй феи в ней нет. Правда, при желании в ней можно отыскать тыкву, но это будет просто тыква и ничего более. Посему за отсутствием чудной кареты героиня приползает домой своим ходом, далеко за полночь, в окровавленной после акта насилия юбке. Наутро под дверью ее лачуги не объявится ливрейный лакей с хрустальной обувью для примерки. Она отлично это знает. Она не дура. При всем том она беременна.

Далее по ходу сказки Золушка рождает девочку, пытается растить ее в нищете и убожестве, а через несколько лет, вконец отчаявшись, оставляет ее на задворках дома, принадлежащего насильнику. Повествование обрывается внезапно.

На тропе в незнакомом саду голодная и замерзшая девочка внезапно понимает, что осталась одна. Позади нее калитка в стене, выходящая к лесу. Калитка приоткрыта. Может, ее мать все еще там? Перед ней сарай для садового инвентаря, который в детском сознании предстает маленьким домиком. Место, где можно укрыться. Вдруг там даже найдется еда?

Садовая калитка? Или маленький домик?

Калитка? Домик?
Она перед выбором...

Продолжение не следует.

Что это – одно из ранних воспоминаний мисс Винтер? Или просто игра воображения? Фантазия девочки-сироты, пытающейся заполнить пробел в той области своей памяти, где должна быть запечатлена ее мать?

Тринадцатая сказка. Финальная, знаменитая, незавершенная история.
Я читала ее и плакала.

Постепенно я обратилась мыслями от мисс Винтер к самой себе. У меня-то, по крайней мере, есть мать, пусть и не идеальная. Может, еще не поздно что-то изменить в нас самих? Впрочем, это уже другая история.

Я убрала конверт в сумку, поднялась и старательно отряхнула с брюк снег и труху, прежде чем направиться к дороге.

Я была приглашена для написания истории жизни мисс Винтер, и я это сделала. Ничего иного, по условиям договора, от меня не требовалось. Один экземпляр этой рукописи был вручен мистеру Ломаксу, чтобы тот поместил его в банковский сейф и выплатил мне очень солидную сумму, предусмотренную контрактом. При передаче конверта он даже не попросил его вскрыть, дабы удостовериться, что внутри действительно текст, а не чистые листы бумаги.

– Она вам доверяла, – сказал он.

Она действительно мне доверяла. Ее воля, отраженная в договоре, который я никогда не читала и не подписывала, была предельно ясна. Она хотела рассказать мне историю до того, как умрет; она хотела, чтобы я эту историю записала. Как я поступлю с этими записями потом, было моим личным делом. Я поведала адвокату о своих намерениях относительно Тома и Эммы, и мы с ним договорились, что я вставлю соответствующий пункт в свое завещание – на всякий случай. На этом вопрос можно было считать исчерпанным.

Однако у меня не возникло ощущения завершенности. Я не знаю, какое число людей в конечном итоге прочтет этот текст, но, сколько бы их ни было и как бы далеко ни отстояло время чтения от настоящего момента, я сознаю свою ответственность перед этими людьми. И хотя я рассказала им все, что мне было известно об Аделине, Эммелине и девочке-привидении, я догадываюсь, что кое-кому из них этого покажется недостаточно. Я по себе знаю, как оно бывает по прочтении книги, когда спустя день или неделю ты вдруг начинаешь задаваться вопросами – а что

случилось позже с тем злодеем? кому в конце концов достались бриллианты? помирилась ли вдова со своей племянницей?.. Я могу себе представить читателя, который задумывается о дальнейшей судьбе Джудит и Мориса, а также о том, что стало с домом мисс Винтер и ее великолепным садом.

Если вам это интересно, могу сообщить. Джудит и Морис остались жить в усадьбе, которая не пошла с молотка, а согласно последней воле мисс Винтер подлежит превращению в нечто вроде литературного музея. Разумеется, сад представляет немалую ценность сам по себе (один из журналов назвал его «новооткрытым шедевром садоводческого искусства»), однако мисс Винтер прекрасно сознавала, что посетителей в первую очередь привлечет ее репутация гениальной рассказчицы, а не ее таланты в области садово-паркового дизайна. Музейный проект предусматривает доступ экскурсантов в большинство помещений усадьбы; здесь же будут устроены небольшое кафе и книжная лавка. Туристские автобусы, по проторенному маршруту следующие в музей сестер Бронте^[26], смогут на обратном пути завернуть в «Тайный сад Виды Винтер». За Джудит оставлена должность экономки, а Морис является старшим садовником. Их первой заботой, еще до начала реконструкции дома, стало устранение всех следов пребывания в нем Эммеины. Ее бывшие комнаты не предназначены для осмотра туристами, да и смотреть там особо не на что.

Теперь об Эстер. Вас могут удивить эти новости; я, во всяком случае, была немало удивлена, получив письмо от Эммануэля Дрейка. Честно говоря, я совершенно о нем забыла, а между тем сей методичный муж продолжал свои изыскания и, несмотря на все трудности и препятствия, наконец – лучше поздно, чем никогда, – напал на след пропавшей гувернантки. «Я потратил впустую много времени, раскапывая ее итальянские связи, – писал он, – но оказалось, что интересующая вас особа подалась совсем в другие края, а именно – в Америку». Покинув Анджелфилд, Эстер нанялась ассистенткой к американскому профессору-неврологу, а через год с небольшим к ней приехал – кто бы вы думали? – доктор Модели собственной персоной! Его супруга скончалась (осложнение при гриппе и не более того), и всего через несколько дней после похорон доктор взшел на палубу трансокеанского лайнера. Им двигала любовь. Сейчас он и Эстер уже мертвы, но они прожили вместе долгую и счастливую жизнь. У них было четверо детей. Один из их сыновей прислал мне письмо, и я приложила к своему ответному посланию оригинал дневника его матери. Сомневаюсь, чтобы он разобрал в нем более

чем одно слово из десятка. Если же он обратится ко мне за пояснениями, я ограничусь краткой справкой: его родители познакомились здесь, в Англии, когда его отец еще состоял в первом браке. О деталях я, разумеется, умолчу. В его письме был приведен длинный список совместных публикаций его родителей. Оказывается, они вели интенсивные исследования и написали десятки работ, высоко оцененных научным сообществом (ни одна из этих работ не касалась проблематики близнецов; похоже, они сумели вовремя остановиться). Статьи были подписаны: «Доктор Э. и миссис Э. Дж. Модели».

Откуда «Дж.»? Второе имя Эстер – Джозефина.

О чем еще вы хотели бы узнать? О судьбе кота? Призрак переселился в наш магазин. Он любит сидеть на книжных полках в местах, где есть достаточно пространства между томами, а когда на него натывается там какой-нибудь посетитель, кот реагирует на его удивленные возгласы с воистину философским спокойствием. Иногда он сидит на подоконниках, но подолгу там не задерживается. Его раздражает вид улицы с проезжающими машинами, суетливыми пешеходами и домами напротив. Я показала ему кратчайший путь задними дворами к речному берегу, однако он с презрением отверг и этот относительно спокойный маршрут для прогулок.

– А чего ты ожидала? – спросил меня отец. – Для йоркширского кота в реке нет абсолютно ничего привлекательного. Ему подавай болото.

Думаю, он прав. Время от времени Призрак, вдруг исполнившись надеждой, запрыгивает на подоконник, но вновь застает за окном все тот же гнусный урбанистический пейзаж и смотрит на меня с печальной укоризной.

Мне не хочется думать, что он тоскует по старому дому.

Не так давно нас посетил доктор Клифтон. Он заехал в наш город по своим делам и, вспомнив, что мой отец держит здесь букинистический магазин, решил заглянуть, чтобы навести справки об одном интересовавшем его медицинском трактате восемнадцатого века. К его великому изумлению, эта книга нашлась в нашей коллекции, и они с отцом увлеченно обсуждали ее вплоть до закрытия магазина. В порядке компенсации за отнятое у нас время доктор угостил отца и меня отличным ужином в ресторане. Поскольку же он собирался провести в городе еще пару дней, отец со своей стороны пригласил его отужинать у нас дома. На кухне мама сказала мне шепотом: «Очень милый человек, Маргарет. Право, он очень мил». Следующим днем, накануне его отъезда, мы с доктором прогулялись по набережной – на сей раз вдвоем, так как отец был занят в

магазине. Я рассказала ему историю о призраке в Анджелфилд-Хаусе. Он слушал очень внимательно, а когда я закончила, довольно долго шел молча.

– Я видел у них в доме ту коробку с сокровищами Эмmeliны, – сказал он наконец. – Интересно, как она смогла уцелеть при пожаре?

Я остановилась, удивленная.

– Мне не пришло в голову спросить об этом мисс Винтер.

– Теперь уже нет способа это узнать, верно?

Он взял меня под руку, и мы продолжили прогулку.

Возвращаясь к Призраку и его тоске по родине: когда доктор Клифтон был у нас в магазине, он предложил взять кота к себе в Йоркшир. Я не сомневаюсь, что среди милых его сердцу болот Призрак будет чувствовать себя гораздо лучше. Однако это любезное предложение повергло меня в замешательство. Меня пугает сама мысль о возможном расставании с котом. В то же время я уверена, что кот расстался бы со мной так же хладнокровно, как он перенес уход в мир иной своей прежней хозяйки. Такой уж у него характер; однако я очень к нему привязалась и сделаю все, чтобы оставить его при себе.

Я между прочим высказала эту мысль в своем письме доктору Клифтону; в ответ он пригласил нас обоих, меня и кота, к себе в гости на месяц, этой весной. Он пишет, что за месяц может многое произойти, и, возможно, к концу этого срока мы вместе найдем приемлемый для всех способ решить эту дилемму. У меня такое предчувствие, что Призрак в конце концов устроится наилучшим образом.

Ну вот и все.

ПОСТСКРИПТУМ

Или почти все. Вечно так бывает: стоит тебе посчитать дело сделанным, как тут же выясняется, что это еще не самый конец.

Мне был нанесен необычный визит.

Первым это заметил Призрак. Я как раз готовилась к нашей с ним поездке в Йоркшир и, что-то тихо напевая, укладывала вещи в чемодан, который лежал раскрытым на моей постели. Призрак находился тут же, периодически предпринимая попытки забраться в чемодан и устроить себе уютное гнездышко на моих свитерах и носках. Внезапно он прекратил это занятие и, весь напрягшись, уставился на дверь комнаты.

Она явилась не в образе золотистого ангела и не как мрачный фантом смерти в долгополом плаще с капюшоном. Она была точь-в-точь как я: довольно высокая и тонкая шатенка с неприметными чертами лица – встретив такую на улице, вы не обратите внимания.

У меня к ней имелись тысячи вопросов, однако я была так потрясена, что с трудом смогла вымолвить лишь ее имя. Она шагнула вперед, обняла меня и крепко прижала к себе.

– Мойра, – пролепетала я. – А я сперва подумала, что ты ненастоящая.

Но она была настоящей. Ее щека касалась моей щеки, ее руки лежали на моих плечах, а я держала ее за талию. Мы вопросы исчезли, когда я ощутила ее кровь, бегущую по моим артериям, и сердце, бьющееся для нас обеих. Это был волшебный миг, миг спокойствия и умиротворения; и я узнала, я вспомнила это чувство. Долгие годы оно таилось в глубине моего существа, но пришла она и выпустила его на волю. Блаженное слияние двух половинок. Наше единство, некогда бывшее для нас обычным состоянием, вновь стало таковым, и я чудесным образом восстановилась во всей своей полноте.

Она пришла, и мы были вместе.

Я поняла, что она пришла сказать «до свидания». В следующий раз наша встреча состоится, когда уже я приду в ее мир. Но это произойдет не скоро. У нас нет причин для спешки. Она готова ждать сколь угодно долго, и я теперь готова к тому же.

Я почувствовала прикосновение ее пальцев к моей щеке и в свою очередь утерла ее слезу, а затем наши пальцы встретились и переплелись. Ее дыхание щекотало мою щеку, ее лицо прижалось к моим волосам, а я уткнулась носом ей в шею и вдыхала сладкий, родной запах.

Какая радость!

Это ничего, что она не может со мной остаться. Главное, она меня посетила. Она ко мне пришла.

Я плохо помню, когда и как она удалилась. Просто я в какой-то момент осознала, что ее здесь уже нет, и присела на край постели, успокоенная и счастливая. Теперь я с необычайной ясностью ощущала, как течение моей крови возвращается на круги своя и как мое сердце восстанавливает свой прежний, рассчитанный на одну меня ритм. Прикоснувшись к моему шраму, она пробудила в нем горячую пульсацию; теперь же он остывал, пока не сравнялся температурой с остальным телом.

Она пришла, и она ушла. Я больше не увижу ее по эту сторону могилы. Моя жизнь отныне принадлежит мне одной.

Призрак успел по-хозяйски устроиться в чемодане, свернуться калачиком и уснуть. Я протянула руку и погладила кота. Он на секунду приоткрыл холодно-зеленый глаз, взглянул на меня серьезно и вновь погрузился в сон.

notes

Примечания

«Дети вод» – сказочная повесть (1863) английского писателя Чарльза Кингсли, главный герой которой, маленький трубочист Том, свалившись в реку, знакомится с «детьми вод» и совершает путешествия по морям и океанам. Первый русский перевод вышел в 1874 году под названием «Приключения Фомушки-трубочиста на земле и под водой» и без указания автора. – Здесь и далее прим. перев.

Классика английской литературы Викторианской эпохи: романы Уилки Коллинза «Женщина в белом» (1860), Эмили Бронте «Грозовой перевал» (1847) и Шарлотты Бронте «Джен Эйр» (1847).

Хаггис – шотландское национальное блюдо: вареный овечий желудок с начинкой из потрохов, жира, овсяной муки, репчатого лука и специй.

Пакора – популярная индийская закуска, основными ингредиентами которой являются курятина, лук, картофель, баклажаны и помидоры с приправами, залитые жидким тестом и обжаренные в кипящем масле.

Зима (англ.).

Набор для любителей «старомодных ужасов»: готический роман Горация Уолпола «Замок Отранто» (1762), мрачный викторианский детектив Мэри Брэддон «Тайна леди Одли» (1862) и страшная сказка Уильяма Гаррисона Эйнсуорта «Невеста призрака» (1822).

Имеется в виду повесть Р.Л.Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886).

Намек на библейское сказание об исходе евреев из Египта, когда Красное море расступилось перед ведомыми Моисеем беглецами (Исход, 14).

Сюжет многих картин, начиная с античной эпохи; среди самых известных – полотна С. Боттичелли (ок. 1484) и Тициана (ок. 1525).

10

С этой буквы начинается английское слово «question» – «вопрос».

Merrily (англ.) – букв.: весело, оживленно.

Имеется в виду картина английского художника Роберта У. Басса «Сон Диккенса», написанная вскоре после смерти писателя в 1870 году.

«Принципы естественного права» (лат.).

Заглавная героиня романа Шарлотты Бронте и ее нелюдимый возлюбленный.

Фрагмент цитируется в переводе В. Станевич.

«Вильетт» (1853), «Шерли» (1849) – романы Шарлотты Бронте.
«Миддлмарч» (1872) – роман английской писательницы Джордж Элиот
(настоящее имя: Мэри Энн Эванс).

Angelfield – букв.: «Ангельское поле» (англ.).

Разновидность письма, которым пользовались жители острова Крит и материковой Греции (в том числе Микен) во 2-м тысячелетии до н. э. Расшифровано в середине XX века. Более древнее линейное письмо А не расшифровано до сих пор.

Роман (1811) Джейн Остин.

Роман (1816) Джейн Остин.

Роман (1873) Энтони Троллопа.

Роман (1854) Чарльза Диккенса.

Имеется в виду повесть Генри Джеймса «Поворот винта» (1898), героиня которой – благонамеренная, но психически неуравновешенная и экзальтированная гувернантка – безуспешно пытается спасти своих подопечных от привидений, не то в самом деле им угрожающих, не то существующих лишь в больном воображении их защитницы (автор допускает двойное истолкование событий).

В Англии серебряная ложка (часто с изображением ангела или апостола) является традиционным подарком новорожденному, приносящим удачу и счастье.

Кункен – популярная карточная игра для двух игроков.

Этот музей расположен в местечке Хаворт, в Йоркшире, где жили и сочиняли свои произведения сестры-писательницы Шарлотта, Эмили и Анна Бронте.